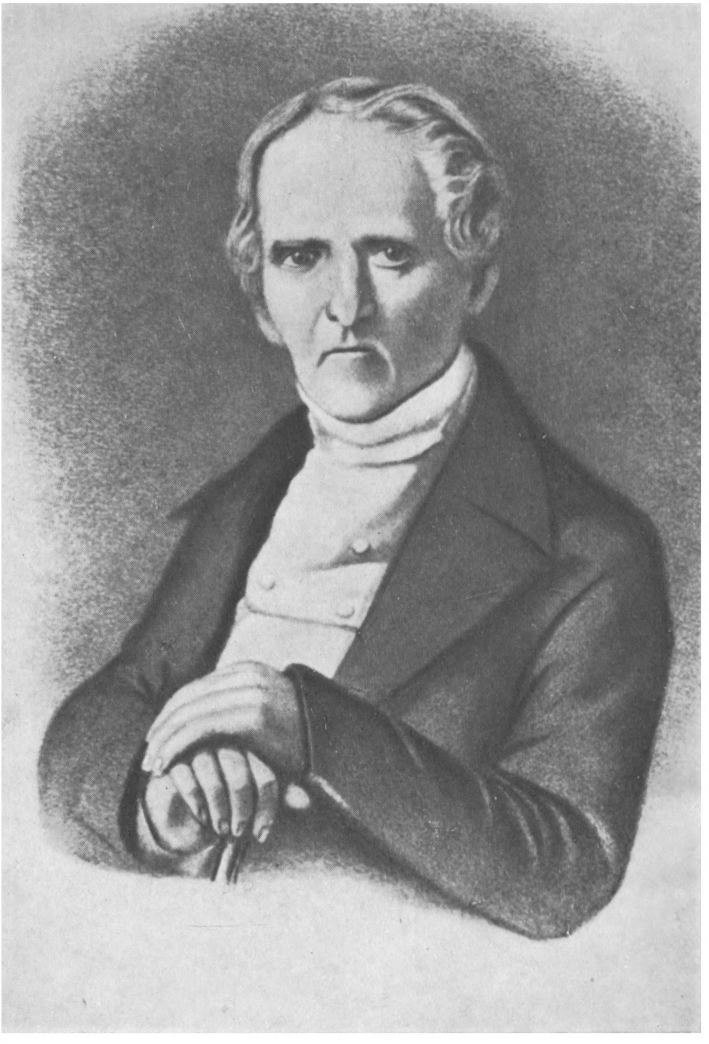
Ш. ФУРЬЕ

ТЕОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ДВИЖЕНИЙ И ВСЕОБЩИХ СУДЕБ

СИЦ • СОЦЭКГИЗ • 1938



Ш. ФУРЬЕ

335.9
Ф. 95

«Теория четырех движений и всеобщих судеб» — одно из главных произведений Ш. Фурье. В этом замечательном произведении получили широкое освещение все основные идеи великого социалиста-утописта. Фурье острой сатирой бичует отвратительные черты буржуазного общества и набрасывает план создания нового общественного строя на основе своих утопических идей.

Ш. ФУРЬЕ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
А. ДВОРЦОВА

*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Ш. ФУРЬЕ

ТЕОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ДВИЖЕНИЙ И ВСЕОБЩИХ СУДЕБ

ПРОСПЕКТ И АНОНС ОТКРЫТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1938

ВЕЛИКИЙ СОЦИАЛИСТ-УТОПИСТ.

Социализм уже не является благородной фантазией, мечтой лучших умов человечества. Учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина раскрыло эксплоатируемым и угнетенным массам великую классовую правду о неизбежной гибели капитализма и конечные цели освободительной борьбы пролетариата. Вопреки всем заклинаниям и пророчествам врагов рабочего класса это учение одержало полную победу на одной шестой части земного шара. Рабочий класс и трудящиеся массы Страны Советов, руководимые партией Ленина — Сталина, свергли власть помещиков и капиталистов и построили в основном социалистическое общество. Социализм окончательно и бесповоротно победил в Советском Союзе.

В годы великой стройки социализма, в годы выкорчевывания всех пережитков капитализма в экономике и сознании людей мы не забываем великих предшественников научного социализма — Сен-Симона, Шарля Фурье и Роберта Оуэна. Их взгляды на общественное устройство были не научно-обоснованной теорией, а утопией, мечтой о лучшем, счастливом строе, освобожденном от всех язв и пороков капитализма. Среди вороха различных наивных мечтаний и неправильных теорий у великих утопистов мы находим ряд гениальных предвидений, наблюдений, которые и в наше время представляют общественный интерес.

Учение Шарля Фурье занимает крупное место в истории социалистических идей. Общественные взгляды, идеалы, мировоззрение великого французского социалиста-утописта, разумеется, не упали с неба. Они имеют свои истоки, свою историю.

Жизнь и деятельность Фурье совпали с периодом победы и утверждения капитализма в европейских странах. Огромное влияние на содержание и характер его учения оказали идеи просветительной философии XVIII века, промышленный переворот в Англии и первая буржуазная революция во Франции.

Эти крупнейшие исторические события положили начало широкому развитию капиталистического способа производства и утверждению политического господства буржуазии. Они внесли глубочайшие перемены в экономическую, политическую и общественную жизнь европейских народов. Нача-

лось небывалое развитие производительных сил, широкое применение машин, пара, расцвет точных наук. Но в то же время вместе с промышленным и экономическим развитием быстро росли пауперизм и нищета рабочих, пролетаризировалось и разорялось крестьянство, накапливалось и прорывалось недовольство в широких народных массах и появлялись первые ощутительные симптомы пробуждения классового сознания пролетариата. В руки господствующих классов стекались огромные капиталы, скапливались сокровища, росла ненасытная жажда к накоплению все новых и новых богатств, росла капиталистическая эксплоатация.

Все это не могло пройти мимо глубокого, обобщающего ума Шарля Фурье. Ему бросился в глаза резкий контраст богатства и бедности, сказочный рост богатств во время наполеоновских войн и всеобщее обнищание народных масс. На его глазах на трон политического господства взошла новая общественная сила — буржуазия, которая благодаря героическим усилиям трудящихся свергла феодальные устои во Франции. На его глазах она создала новые политические и общественные учреждения, оказавшиеся впоследствии, как говорил Энгельс, «самой злой, самой отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов XVIII века». Все эти социальные и экономические перемены приводят Фурье к заключению, что возникший буржуазный строй, прославленный философами и экономистами, находится в вопиющем противоречии с целями человеческого существования. И Фурье смело выступает перед буржуазным обществом, бросая ему в лицо свой обвинительный приговор.

Фурье считал, что общество зашло в тупик, что нужно найти средства, найти пути для безболезненного выхода. Фурье утверждал, что его размышления о судьбах мира, о судьбах человечества уже навели его на этот счастливый путь и что теперь обществу остается сделать только одно: последовать за ним и водворить на основе открытых им принципов новые справедливые общественные отношения. Таков строй мыслей у Фурье.

* *
*

Шарль Фурье родился 7 апреля 1772 г. в провинциальном торговом городе Безансоне, расположенном в восточной части Франции, в 70 километрах от швейцарской границы. В 1781 г., когда Шарлю едва исполнилось 9 лет, отец умер, оставив сыну и дочерям наследство в 200 тысяч ливров.

Еще на школьной скамье Фурье особо выделялся блестящими способностями и обширной памятью. С большим интересом он изучал математику, географию, физику и писал стихи. На занятиях был очень усидчив и прилежен. Самым любимым его предметом всегда была география. При переходе

из класса в класс он неоднократно получал первые награды. О периоде его ранних поэтических увлечений известно следующее: когда Фурье учился в школе, он написал на смерть одного безансонского кондитера полуюмористическую оду, которая вскоре стала ходить по рукам, и, когда содержание ее стало известно учителям Фурье, они долгое время не хотели верить, что автором оды был восьмилетний Шарль. Фурье имел приятный голос и тонкий слух, хорошо пел, умел играть на нескольких музыкальных инструментах, отличался большой любовью к цветам: его комната скорее походила на оранжерею, чем на комнату ученика.

По окончании безансонской школы Фурье, вопреки намерениям матери, сделал попытку поступить в инженерное училище, находившееся в г. Мизиере — главном центре департамента Арденн. Но туда его не приняли, так как в это училище принимали только дворян. Правда, Фурье смог бы поступить в это училище, если бы имел согласие матери, ибо дворянский титул в то время можно было приобрести за деньги. Но мать Фурье, выросшая в купеческой среде, экономная и расчетливая женщина, отклонила просьбы сына о покупке дворянского титула и предпочла для него путь изучения коммерческой практики. По совету своих родственников, она отправила Шарля в Лион к одному крупному банкиру для обучения торговому делу, но Фурье, не желая подвизаться на ненавистном ему поприще, вскоре сбежал от лионского банкира. Тогда мать Фурье снова с той же целью посылает Шарля в Руан, но и здесь он продолжал сопротивляться и под всякими благовидными предлогами оставляет Руан. Наконец, после двукратного побега, под влиянием увещеваний и угроз, он вынужден был сдаться, подчинившись настоянию матери.

В 1790 г. Фурье поступает к богатому лионскому купцу и здесь самым добросовестным образом изучает торговое дело. Получив необходимые познания для ведения торговых дел, Фурье переехал в Руан. Работая в качестве разъездного агента по торговым делам, он получает широкую возможность удовлетворить свою огромную тягу к путешествиям, к изучению городов и стран. Выполняя поручения торговых домов, Фурье останавливается в целом ряде городов Франции: в Париже, Бордо, Марселе, Лионе. Кроме того, он совершал заграничные поездки: в Германию, Голландию, Бельгию, Швейцарию.

В одну из своих поездок Фурье впервые заглянул в Париж. Здесь он был поражен необычайным изобилием всевозможных товаров, великолепием и красотой парижских зданий. Переживая сильнейшее чувство восхищения от всего виденного и слышанного в Париже, Фурье писал матери:

«Вы спрашиваете, пришелся ли мне по вкусу Париж. Без всякого сомнения. Он великолепен; так что даже и я, который нелегко поддаюсь удивлению, я был просто очарован, увидев

Пале-Рояль. Первый раз кажется, что входишь в жилище фей Здесь все есть, чего только можно пожелать: прекрасные постройки, зрелища, места для прогулок, выставки мод, все, чего душа просит... Можно сказать, что это самое приятное место, какое только существует на свете».

Так писал очарованный Парижем восемнадцатилетний Фурье. Попав из провинции впервые в столицу, Фурье не мог разглядеть ее теневых сторон. За великолепными королевскими дворцами, садами, правительственными зданиями и сооружениями, ресторанами, за первоклассными магазинами, наполненными всевозможными предметами роскоши, он еще не видел мрачных парижских трущоб, не слышал протестов и жалоб их обитателей, не мог еще нащупать и правильно уловить биение пульса политической жизни Парижа. А между тем в Париже из 600 тысяч жителей более 100 тысяч жили в нищете. В 1789—1790 гг. из 42 тысяч парижских подмастерьев подавляющее большинство оказалось в железных тисках безработицы. Буржуазная государственная власть, чтобы предотвратить рост революционных настроений и недовольства среди безработных, пыталась организовать общественные мастерские и земляные работы на Монмартре. Однако эти мероприятия не могли решить проблему безработицы. Основным вопросом дня оставался вопрос о «хлебе и работе». В парижских клубах кордильеров и якобинцев виднейшие революционные демократы — Марат, Дантон, Робеспьер — призывали массы к решительной борьбе с богачами, контрреволюционными эмигрантами, со всеми врагами народа, требуя дальнейшего углубления буржуазной революции 1789 года.

Будущий яростный критик буржуазного строя в то время еще не мог взглянуть глазами социального реформатора на все происходящее в Париже. Восемнадцатилетнему Фурье Париж представлялся не центром, организующим буржуазную революцию, а огромным скопищем богатств, архитектурных памятников и всевозможных достопримечательностей.

Фурье рассматривал с большим увлечением старинный королевский дворец Пале-Рояль; его внимание привлек сад Пале-Рояля и различные крупнейшие сооружения Парижа. У Фурье была большая любовь к архитектуре. Во время своих частых путешествий по главнейшим городам Франции, по странам Европы он всегда обращал внимание на сколько-нибудь выдающееся здание. Но, вникая во все детали сооружений, он рассматривал всякую стройку преимущественно с точки зрения того, насколько она удовлетворяет человеческим потребностям. Фурье полагал, что независимо от архитектурного стиля постройка должна быть удобной, прочной и изящной.

Фурье обладал оригинальным творческим умом. В 19 лет он придумал для передвижения тяжестей по земле систему деревянных, а впоследствии железных рельсов. Это изобретение более чем на четверть века опередило аналогичное изо-

бретение гениального Стефенсона — основателя железнодорожного дела. Хорошо играя на нескольких музыкальных инструментах, Фурье заметил крупные недостатки в современном ему нотописании и, задумав устранить их, внес серьезное усовершенствование в писание нот.

Фурье ни на минуту не забывал о пробелах в своем образовании. Все свободное от торговых дел время он занимался самообразованием, уделяя большое внимание анатомии, физике, химии, астрономии и естественным наукам. Что касается изучения языков, то к ним он не питал большой охоты и позже при всяком удобном случае высказывался против существования многих языков. У Фурье не было благоприятных условий для систематической работы над собой. Свое образование он мог дополнять лишь урывками, без плана, между делом. Обладая огромной жаждой знания, он просиживал целые ночи напролет за Платоном, Сократом, Лейбницем и Руссо. Фурье особенно любил читать произведения тех авторов, которые смело и открыто бичевали человеческие пороки; Гораций, Мольер, Лафонтен и Вольтер среди них занимали первое место.

В 1792 году Фурье, согласно духовному завещанию, получил наследство, оставшееся после смерти отца. Вскоре он открыл в Лионе торговлю колониальными товарами. В то время Лион был самым большим после Парижа торговым и промышленным городом Франции. Крупнейшее место занимало производство шелковых тканей, золотых вещей, золотого и серебряного шитья и вообще предметов роскоши. В городе насчитывалось до 1 500 мануфактурных предпринимателей, которые подчиняли себе до 7 тысяч мелких хозяйчиков, а последние, в свою очередь, эксплоатировали до 15 тысяч рабочих. Лион вел обширную торговлю на европейских и азиатских рынках. Начавшаяся революция 1789 г. во Франции оказала значительное влияние на сокращение объема его торговли и производства. Это ударило по экономическим интересам торгово-промышленных кругов Лиона.

Лионская буржуазия, удовлетворенная первыми шагами революции, встречала с раздражением и недовольством все дальнейшие социальные перемены, все революционные мероприятия Конвента. Роялистские и жирондистские элементы, засевшие прочно в городских секциях, развернули бешеную травлю против якобинской коммуны, представлявшей интересы мелобуржуазных элементов Лиона. 29 мая 1793 г. они осадили и взяли приступом ратушу, изгнали из нее всех якобинцев и спустя некоторое время казнили председателя коммуны — революционного демократа Шалье.

Лионское восстание происходило на глазах у Фурье, ставшего самостоятельным купцом. Он находился в рядах восставших. Во время осады, длившейся более четырех месяцев, Фурье лишился всего имущества. По приказу роялиста Преси

и графа Вирье, ставших во главе восстания, организовались многочисленные вылазки, которые сопровождались большими потерями. Во время одной из них Фурье едва не поплатился жизнью: ему удалось вернуться с поля битвы в числе очень немногих. Для подавления монархического восстания в Лионе Конвент отправил своих виднейших членов: Кутона, Колло д'Эрбуа, Дюбуа Крансе, Фуше и других, дав им чрезвычайные полномочия. 8 октября 1793 г. Лион капитулировал. Как только войска Конвента вступили в город, Фурье был арестован, но ему удалось избежать наказания.

Вскоре после этого Фурье был призван на военную службу и зачислен в конницу рейнской и мозельской армий. В действующей армии он с оружием в руках бесстрашно борется «за единство республики», за «спасение революции». В течение полутора лет военной службы Фурье приобрел репутацию преданного, честного и смелого защитника революционной Франции. Он разработал талантливый проект перехода войск через Рейн и Альпы, за что получил благодарность от генерала Карно.

В 1795 г. в связи с плохим состоянием здоровья Фурье был освобожден от военной службы. В последующие годы он снова взялся за торговые дела, за ненавистное ему «ремесло лжи и лицемерия». Работая в качестве маклера, он в то же время помещает в лионских журналах свои стихи, пишет статьи на злободневные темы, занимается социально-реформаторскими проектами.

Депутат Законодательного собрания, имевший случай в 1797 г. познакомиться с проектами Фурье, нашел их «слишком отличными от общепринятых взглядов и от основ существующего порядка». Всюду, где только Фурье имел возможность развить свой взгляд на тот или иной предмет, он поражал современников смелостью мысли и проницательностью ума. Прекрасной иллюстрацией в этом отношении является его статья «Континентальный триумвират и непрерывный мир в продолжение 30 лет», напечатанная в «Лионском бюллетене» («Bulletin de Lyon») от 17 декабря 1803 года. Этой статьей Фурье поднялся намного выше буржуазных европейских политиков, высказав прямо-таки пророческие суждения по вопросу о предстоящем разделе Европы.

Пелларен, известный биограф Фурье, писал по поводу этой статьи: «Эта статья, замечательная по своему предчувствию готовящегося уничтожения Пруссии и Австрии, а также заключительного соперничества России с Францией, написана без всяких околичностей, уверенным тоном человека, который знает, о чем говорит» *.

Исключительно смелая статья Фурье, предсказывающая течение и исход событий в Европе, привлекла к себе внима-

* Ch. Pellarin, «Charles Fourier, sa vie et sa théorie», 1843.

ние Наполеона. Он затребовал подробнейшие сведения об авторе статьи, и когда лионская полиция сообщила, что автор статьи — торговый служащий, человек, не вызывающий никаких подозрений, расследование было прекращено.

В 1808 г. Фурье выпустил свое первое произведение «Теория четырех движений и всеобщих судеб» («Théorie des quatre mouvements et des destinées générales»).

В этом замечательном произведении получили широкое освещение все основные идеи Фурье, которые он вынашивал в течение многих лет. Он взял эпиграфом к этой работе фразу Вольтера: «Но какая густая тьма еще окутывает природу» («Mais quelle épaisse nuit voile encore la Nature»). И это не случайно. В течение всей своей жизни Фурье стремился рассеять «густую тьму» пороков, торгашества, лицемерия и лжи, окутывающих со всех сторон буржуазное общество. «Теория четырех движений» явилась первым снарядом, выпущенным с этой целью. Выход в свет «Теории четырех движений» не принес Фурье широкой известности. Книга получила крайне ограниченное распространение, а критика осыпала его злыми насмешками.

Работа торгового служащего, по преимуществу мелкая, суетливая, отнимавшая много времени, не избавляла его от нищенского существования. Мать Фурье, видя, что нужда и нищета преследуют по пятам ее сына, незадолго до своей смерти (1812 г.) обязала дочерей выплачивать ему ежегодно 900 франков. Эта помощь была для Фурье лишь временным шатким подспорьем, и поэтому он продолжал попрежнему заниматься торговыми делами.

В 1816 г. Фурье временно поселился в деревне. И здесь, в деревенской тиши, он засел вплотную за социальные исследования. В результате продолжительной работы в 1822 г. Фурье выпустил в свет солидное двухтомное исследование — «Трактат о домашней земледельческой ассоциации» («Traité d'Association domestique — agricole»).

Это исследование доставило автору известность. Вокруг него образовался кружок последователей и учеников (Ж. Мюирон, К. Вигуре, Греа, Виктор Консидеран — самый выдающийся из них), члены которого сыграли крупную роль в пропаганде фурьеризма. Ученики Фурье с большим увлечением черпали из «Трактата» все идеи, все доводы в защиту пропагандируемого ими учения. Биографы связывают издание «Трактата о домашней земледельческой ассоциации» с именем Жюста Мюирона. Действительно, Мюирон ранее всех других учеников примкнул к учению Фурье, поддерживал дружеские взаимоотношения и вел длительную переписку со своим учителем. Только благодаря его материальной помощи Фурье смог издать это крупное исследование. «Трактат о домашней земледельческой ассоциации» впоследствии был переиздан под названием «Теория всеобщего единства».

«Трактат о домашней земледельческой ассоциации» не является новой оригинальной темой исследования. Здесь только более подробно развиты идеи, ранее изложенные в «Теории четырех движений», и внесены некоторые поправки. Через год после выхода в свет «Трактата о домашней земледельческой ассоциации» был опубликован на эту же тему «Сокращенный трактат», который, по утверждению некоторых исследователей, распространен всего в количестве 3 экземпляров.

В 1829 г. Фурье опубликовал однотомное, сжатое исследование: «Новый промышленный и общественный мир» («Le Nouveau monde industriel et sociétaire»). В 1836 г. вышла в свет в двух томах наименее систематическая работа Фурье, составленная частично из журнальных статей, носящая длинное название: «Фальшивая, раздробленная, отвратительная, ложная промышленность и ее противоядие, естественная, скомбинированная, привлекательная, истинная промышленность, дающая учетверенный продукт. Мозаика ложного прогресса, смешных сторон и ложных кругов цивилизации. Параллель двух промышленных миров, раздробленного порядка и порядка скомбинированного» («La fausse industrie» etc.).

Произведения Фурье вследствие тяжелой формы изложения скорее отпугивали, чем привлекали к себе читателя. Шарль Жид, положивший немало труда для популяризации учения великого французского утописта, пишет: «Вид этих огромных томов, без оглавления, без пометок страниц, это намеренное отсутствие всякого плана, которое он гордо именует «рассеянным порядком» и которое было бы правильно назвать «порядком несвязности», эти названия глав или отделов, стоящие под рубрикой «прямого стержня», «обратного стержня», «интермедии», это «введение», помещаемое в самом конце книги, эти страницы с доказательствами, которые обрываются или изменяются ни с того ни с сего и которые имеют такой вид, будто наборщик в беспорядке вывалил на них весь имевшийся у него под руками шрифт, эти «иксы» и «игреки», которые пляшут какой-то дикий танец и которые стоят то прямо, то косо, то кверху ногами, — все это производит впечатление какой-то тарабарщины, черной и белой магии из весьма отдаленных сказочных времен» *.

Разумеется, не представляет исключения в этом отношении и «Новый промышленный и общественный мир», хотя при его издании Фурье учел советы своих учеников. Он сделал книгу более доступной, как со стороны формы изложения, так и содержания. Буржуазная критика встретила это исследование нападками и насмешками **.

---

* *Ш. Жид*, Избранные сочинения, Предисловие Ш. Жид, 1918 г., стр. 3.

** Прудон, работавший в то время в типографии, где печатался «Новый мир», высмеивал вслух перед всеми рабочими развиваемые в этом

Великий утопист предусмотрительно взял эпиграфом к «Новому миру» слова: «Это слепые, ведущие слепых («Ce sont des aveugles, qui conduisent aveugles»).

Буржуазные критики действительно стремились ослепить читателей произведений Фурье: они выставляли фантазию Фурье на потеху господствующим классам, проходя мимо его блестящих разоблачений и бичующей критики капиталистических отношений.

В прямую противоположность этому «слепому» критиканству Фридрих Энгельс, высоко ценивший оригинальное смелое мышление Фурье, дал глубоко правдивый отзыв о социальных исследованиях великого утописта. Он писал:

«Хотя в произведениях Фурье и не сверкают ослепительные лучи ума Сен-Симона... хотя он пишет тяжелым и мало понятным языком... мы, тем не менее, читаем его произведения с большим удовольствием... Правда, и в них нет недостатка в мистицизме, и даже подчас крайне сумасбродном. Однако, если его оставить в стороне, остается нечто, чего у сен-симонистов нельзя найти, а именно — научное изыскание, трезвое, смелое, систематическое мышление, короче — *социальная философия*» *.

Иными глазами взглянул Прудон на социальные исследования Фурье. «Все слышали толки о так называемых теориях Фурье, — писал Прудон, — о науке, открытой Фурье, о системе Фурье. Это самая крупная мистификация нашего столетия. Невзирая на огромное количество работ, вышедших из-под пера этого умопомрачителя, я утверждаю, что нет ни теорий, ни науки, ни системы Фурье. Я приглашаю Консидерана и всю его школу процитировать мне хоть три положения этой столь восхваляемой науки, которые находились бы в логической связи между собой» **.

Так высокомерно третировал мелкобуржуазный идеолог учение Фурье. Прудон был не одинок: несправедливые нападки, злая ирония, издевки, насмешки сыпались со всех сторон. Целый легион плоских критиканов прошел мимо основного и решающего в фурьеризме — мимо его смелой и сильной критики буржуазного общества, мимо его замечательных мыслей о воспитании детей, мимо его решительных требований раскрепощения женщин, мимо его защиты одного из величайших человеческих прав — права на труд, мимо его плодотворных рассуждений об истории человеческих обществ. Эти люди, вместо того чтобы попытаться вскрыть действительное отношение между трудом и капиталом, занимались, по выражению Маркса и Энгельса, «умничанием»,

---

исследовании взгляды Фурье (см. *Д. Щеглов,* История социальных систем, стр. 90).

* *Маркс и Энгельс,* Соч., т. II, стр. 395.

** Цит. по книге Сореля «Социальные очерки современной экономики». М. 1908, стр. 113.

«разоблачениями» и голыми порицаниями фантастики Фурье. Больше того: некоторые из них, подобно Бастиа и Гарнье, как раз в то время, когда Фурье бичевал пороки так называемой цивилизации, распространяли веру в незыблемость «вечных» принципов буржуазного общества.

Как реагировал Фурье на нападки противников? Он остроумно и метко отражал их удары, требовал от них добросовестных возражений, честного разбора «спорных» вопросов. Он требовал не только от противников, но и от своих учеников, не разделявших отдельных сторон его учения, различать в его исследованиях основные, существенные элементы от второстепенных, менее существенных.

«Какое отношение между этими подробностями и главным делом, — писал Фурье, — состоящим в искусстве организовать промышленную ассоциацию, которая должна учетверить количество произведений, вызвать нравственность, согласие трех классов общества: богатого, среднего и бедного, забвение вражды партий, прекращение язв революций, государственной нищеты и породить всеобщее единство. Люди, клевещущие на меня, обвиняют самих себя нападениями на новые открытые мною науки, космогонию, психологию, аналогию, которые нисколько не касаются моей теории промышленной или земледельческой ассоциации. Если бы и справедливо было, что эти новые науки ошибочны, мечтательны, тем не менее справедливо то, что я один и первый предложил средство составлять ассоциации (соединять неравенства) и учетверить количество произведений, употребляя для этого страсти, характеры и инстинкты в том виде, как их создала природа» *.

Отсюда видно, что Фурье не придавал решающего значения фантастическим и другим несущественным элементам системы, что он, скорее, готов был уступить, чем сражаться за свои «вновь открытые науки»: космогонию, психологию и аналогию. Другое дело — «теория промышленной или земледельческой ассоциации». Здесь ни о какой ревизии, ни о каких уступках и даже мелких поправках не могло быть и речи, ибо Фурье считал, что само провидение открыло ему, единственному из смертных, принцип ассоциации, эту тайну бытия **. Поэтому Фурье был просто беспощаден, непримири-

---

* Цит. по книге L. Reybaud, «Etudes sur les réformateurs», Paris, I, p. 192.

** «Открытие» плана социальных преобразований Фурье связывает со следующими фактами своей жизни. В 1799 г. в г. Марселе ему было поручено торговым домом выбросить в море большой груз риса, чтобы избежать резкого понижения цен на рис. Спустя некоторое время имел место и другой случай: Фурье зашел пообедать в парижский ресторан. Здесь ему подали яблоко, за которое следовало уплатить 10 су, в то время как такое яблоко в Нормандии стоило почти во сто раз дешевле.

рим в отношении всяких других социальных учений. Естественно, это должно было найти свое выражение в его оценке сен-симонизма и оуэнизма. В 1831 г. Фурье написал брошюру «Уловки и шарлатанство последователей Сен-Симона и Оуэна, обещающих ассоциацию и прогресс» («Pièges et charlatanisme des sectes Saint-Simon et Owen qui promettent l'association et le progrès»), в которой особо подчеркнул существенные недостатки этих учений. Характерно, что еще до выхода в свет этой работы Фурье писал Жюсту Мюирону о сен-симонизме следующее:

«Если бы порядок, рекомендованный сен-симонистами, в действительности осуществился, то нельзя было бы быть уверенным, что результатом этого явилось бы улучшение судеб рабочего класса. Единственно верным последствием было бы то, что в какое-нибудь полстолетие всякая собственность: земля, капиталы, фабрики — сосредоточилась бы в руках священников нового типа. А захвати только сен-симонисты все это в свои руки, — и они начнут обращаться с народом, как обращались с ними все теократы, начиная с жрецов Египта и Индии вплоть до римской курии, которая завладевает всем в Риме, все делает своей монополией. А ведь апостолы и их преемники так же точно все обещали народу...»

Фурье, убежденный в правильности рекомендуемых им социальных преобразований, в экономической выгоде, проистекающей из их осуществления, ожидал, что за ним последует какой-нибудь великий деятель или какие-либо влиятельные богачи и проведут на практике его указания и проекты. Более двадцати лет он не прекращал своих эпизодических обращений к государственным деятелям, ученым, богачам и правительствам буржуазной Франции. Когда Наполеон достиг зенита славы, Фурье возлагал свои утопические надежды на него. «Народы! ваши предчувствия исполняются, — писал он в «Теории четырех движений», — самая блестящая миссия предназначена величайшему из героев (Наполеону, этому, как называл его Фурье, «новому Геркулесу». — *А. Д.*); он должен водворить всеобщую гармонию на развалинах варварства и цивилизации». Но когда Наполеон был низвергнут и во Франции вновь водворены Бурбоны, он обращается к реакционнейшему министру, к приверженцу самого крайнего абсолютизма — Полиньяку. Фурье не прекращает той же миссии и при Орлеанах, обращаясь к владельцу каменноугольных ко-

---

Случаи с рисом и яблоком навели Фурье на размышления о несовершенстве «индустриального механизма» и о вопиющих противоречиях буржуазного строя. Впоследствии Фурье рассказывал, что ему точно так же, как и Ньютону, удалось благодаря яблоку открыть идею об ассоциации. И Фурье утверждал, что «в мире было четыре знаменитых яблока: два гибельных — яблоко Евы и Париса, из-за которого возникла троянская война; два благотворных—Ньютона и его». (*Ш. Жид*, Кооперация, Спб. 1909).

пей Казимиру Перье, к банкиру Лаффиту, к Ротшильду, к жене поэта Байрона, к писательнице Жорж Занд и др. Больше того: он печатает объявления, что всякий капиталист, пожелавший ассигновать средства на устройство опытного фаланстера, может всегда застать его дома в 12 час. дня, и к этому времени он всегда спешил домой, ожидая прихода кандидата *. В то же время ученики Фурье (и в особенности Виктор Консидеран, написавший книгу «Судьба общества») прилагают все усилия к широкой популяризации идей фурьеризма. В 1832 г. Фурье вместе с ними издает журнал «Реформа промышленности или фаланстер», но журнал просуществовал только один год; за отсутствием средств выпуск его был прекращен. В 1836 г., не задолго до смерти Фурье, ученики его организуют журнал «Фаланга», который просуществовал вплоть до 1843 г., когда он был преобразован в ежедневную газету «Мирная демократия».

Однако ни широкая печатная пропаганда фурьеризма, ни пламенные увещевания и многократные обращения к капиталистам и власть имущим не принесли ожидаемых результатов. Напрасно торопился Фурье к определенному часу в свою квартиру: капиталисты и аристократическая знать и не собирались перешагнуть порог дома Фурье и ассигновать средства для социальных преобразований. В 1832 г. была сделана попытка основать первый опытный фаланстер. Но за это взялись не влиятельные капиталисты и не аристократическая знать Парижа, а ученики и последователи Фурье. Они создали акционерное общество с капиталом в 1 миллион 200 тысяч франков и с помощью депутата Бодэ-Дюллари, уступившего в обмен на акции участок земли в 500 га, принялись за строительство фаланстера. Заведывание отдельными функциями работ взяли на себя члены школы, «директором общественного механизма» назначен был Фурье. Но организаторы опытного фаланстера вскоре исчерпали все средства и вынуждены были прекратить работы.

Однако, несмотря на всю эту неудачу, вызвавшую новые нападки и насмешки, Фурье не прекращал пропаганды своих идей.

***

Из контекста учения Фурье следует, что человеческое общество развивается в материальном, культурном, правовом отношении, что оно идет как по восходящим, так и по нисходящим ступеням, причем переход от одного социального периода к другому (а всего Фурье насчитывает 36 социальных периодов) оно совершает под влиянием двух главных

* Фурье называл «кандидатами» людей, обладающих средствами на устройство опытного фаланстера; он насчитывал в Европе 4 000 таких «кандидатов».

причин: развития промышленности и перемены в правовом положении женщин.

Разделяя всю историю человеческих обществ на социальные периоды, или ступени, Фурье отыскивает характерные черты каждого периода, отличающие одно общество от другого. Он дает яркое описание предшествовавших буржуазному обществу периодов и особенно глубоко проникает в развивавшиеся капиталистические отношения.

«Выше всего поднимается Фурье, — говорит Энгельс, — в своем взгляде на историю человеческих обществ. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикое состояние, варварство, патриархат и цивилизация. Под последней он разумеет существующий буржуазный строй, начавшийся с XVI в., и показывает, как «эта цивилизация делает сложным, двусмысленным, двуличным и лицемерным каждый порок, остававшийся в простом виде при варварстве». Он указывает на «заколдованный круг» непобедимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым искренно или притворно она стремится. Например, по его словам, «в цивилизации *бедность порождается самим избытком*». Очевидно Фурье так же мастерски владел диалектикой, как и его современник Гегель. С той же самой диалектической точки зрения он утверждает, вопреки господствовавшей тогда теории о бесконечной способности человека к совершенствованию, что не только каждый исторический фазис имеет свой период роста и упадка, но что и все человечество в конце концов обречено на исчезновение. Эта идея Фурье заняла в исторической науке такое же место, какое заняла в естествознании идея Канта о конечном разрушении всего земного шара» *.

Исходя из этой замечательной оценки Энгельса и взяв ее в качестве руководящей нити, мы легко видим главное, рациональное зерно общественно-исторических взглядов великого утописта. Суть его состоит в том, что Фурье, несмотря на свой утопизм и наивные космогонические мечтания, при исследовании истории человеческих обществ не оставался в плену у сухих, отвлеченных абстракций. Он исходил из реального процесса жизни, быта и деятельности человеческих обществ. «Фурье строит себе будущее, — как указывает Энгельс, — после того как верно познал прошлое и современность» **. Он стремился следовать установленным им принципам исследования. Так, оставаясь на почве конкретных исторических фактов, Фурье поднимается на уровень их диалектического обобщения.

По Фурье, человеческое общество, прежде чем вступить в новый социальный период, должно пройти четыре фазы:

---

* *Энгельс*, Анти-Дюринг, 1934, стр. 186—187.

** *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, стр. 86.

детство, совершеннолетие, возмужалость и дряхлость. Эту мысль он иллюстрирует конкретными историческими примерами. Он указывает на Египет, который, по его мнению, прежде чем достичь четвертой фазы варварства, прошел предыдущие три фазы и только вследствие этого им были усвоены «военная техника, искусство плавания и точные науки».

Цивилизация, т. е. буржуазное общество, точно так же не стоит на одном месте. По мнению Фурье, она уже достигла стадии упадка, заката, и, следовательно, ей остается сделать только один шаг, чтобы вступить в четвертую фазу — в фазу дряхлости. Фурье иллюстрирует свои мысли о развитии цивилизации любопытной во всех отношениях таблицей. Но приводя таблицу, Фурье ищет подкрепления своим доводам, своей классификации периодов и фаз в анналах истории.

В качестве примера он берет Афины. Здесь он находит заметные следы варварства и зародыш цивилизации. Афиняне, по его мнению, не сумели окончательно выйти из периода варварства, ибо они, вступив в первую фазу цивилизации, не проявили ни малейшей охоты освободить труд, уничтожить рабство. Напротив, буржуазное общество достигло первой и второй фазы цивилизации именно потому, что оно даровало гражданские, юридические права женщине и смягчило рабство, т. е. осуществило переход от прямого рабства, от прикрепления раба к «личности господина» к прикреплению его к земле. Но ослабление личного, прямого рабства — не есть устранение рабства вообще. Рабство, по мнению Фурье, существует в третьей и четвертой фазах цивилизации, оно лишь принимает здесь иную форму: из прямого рабства оно превращается в косвенное или коллективное.

Но поскольку буржуазное общество смягчило форму рабства, раскрыло пути для роста торговли, овладело искусством мореплавания, создало колониальную островную монополию, оно тем самым перешло в третью фазу — в фазу возмужалости и заката. Фурье иллюстрирует свою мысль конкретными примерами. Он указывает на Англию и Францию, где, по его мнению, цивилизация уже дошла до нисходящей ветви третьей фазы и обнаруживает сильное тяготение к четвертой фазе, характерной особенностью которой является рост промышленных обществ, морских привилегий и установление коммерческого феодализма.

Обрисовывая основные тенденции четвертой фазы цивилизации, Фурье пишет, что буржуазное общество уже находится у порога дряхлости, что рубикон апогея, или расцвета, цивилизации уже перейден и что уже третья фаза развязывает и порождает именно те силы, которые явятся впоследствии стержнем четвертой фазы цивилизации. Это прежде всего рост всевозможных промышленных компаний, в основе развития которых лежат: устранение более достойных претен-

дентов и закрытие доступа труду. «В подобных компаниях, — говорит Фурье, — скрыт зародыш обширной феодальной коалиции, которая завладеет вскоре всей индустриальной и финансовой системой и породит коммерческий феодализм».

Какое замечательное предвидение! История подтвердила прогноз великого утописта. На смену эпохи промышленного капитала с его свободной конкуренцией, политикой «открытых дверей» пришел новый режим «промышленной инквизиции», господства монополистического капитала — наступила эпоха империализма.

Для иллюстрации упадка, заката буржуазного общества Фурье обращается не только к экономическим фактам. Он указывает на усиление признаков вырождения в животном и растительном мирах. Из всего этого Фурье делает вывод, что буржуазное общество исчерпало все свои внутренние силы и что на данной стадии оно приносит человечеству только вред. «Цивилизация, — говорит Фурье, — становится тем отвратительнее, чем ближе она к своему концу».

И Фурье без всяких обиняков вскрывает отвратительные черты буржуазного общества. Острой сатирой бичует он буржуазную торговлю, брак, семью, систему воспитания, паразитизм, все проделки и надувательства купцов. Он предлагает установить за ними суровый контроль со стороны общества. Фурье не скупится на крепкие слова. Он называет спекулянтов и купцов дезорганизаторами, хищниками, мародерами и союзными пиратами.

«Купечество, — говорит он в «Теории четырех движений», — играет в общественном строе роль банды союзных пиратов, стаи хищников, уничтожающих земледелие и мануфактуры и всесторонне порабощающих общественный организм».

Фурье выдвигает целый ряд возражений против раздробленной, ложной индустрии. Главное из них следующее: Фурье указывает на то, что рабочие отдают массу труда и времени промышленности, а между тем не могут получить от нее ни малейших выгод. Капиталистическая промышленность, не принося благополучия и счастья рабочим, напротив, ввергает их во все бо́льшую и бо́льшую нищету, обогащая только небольшую группу промышленников.

В условиях цивилизации, утверждает Фурье, как фабричный, так и сельскохозяйственный труд крайне непроизводителен, убыточен; он не может служить основой благосостояния общественного организма. И Фурье предлагает в корне изменить характер промышленной деятельности, ввести строй, основанный на притяжении страстей, на коллективном труде. Но промышленный труд не занимает существенного места в утопических построениях Фурье. Его фаланга основана преимущественно на сельскохозяйственном труде; промышленным занятиям в ней отведено второстепенное место.

«Нужно помнить, — говорит Фурье, — что промышленность — только добавление, земледелие — основа». Фурье мотивирует это так: во-первых, сельскохозяйственная деятельность связана с самой приятной и разнообразной работой, во-вторых, само провидение* отвело для фабрично-заводского труда только одну четверть влечения, и, следовательно, сельскохозяйственный труд должен служить основой человеческого существования.

Таким образом, в силу слабого развития крупной промышленности во Франции Фурье не смог выйти за пределы физиократических воззрений. Он хотел избавить человеческое общество от язв и пороков индустриализма, улучшить положение всех классов общества на путях агрикультурного развития, на путях создания нового, справедливого общественного строя.

Фурье утверждал, что этот новый строй, основанный на свободном влечении страстей, на началах сочетания неравенств — труда, таланта и капитала, на устранении всякого насилия и произвола, на превращении труда в источник чувственного наслаждения, на использовании всех человеческих пороков, — явится могучим источником социальной гармонии и всеобщего счастья. Только в условиях этого строя «самый бедный человек, — писал он в «Новом мире», — будет иметь гораздо больше радостей, чем ныне самый могущественный монарх».

Людям, живущим в условиях ассоциации, неведомы будут ни печали, ни страдания, их удовольствия никогда не будут сменяться тоской и скукой, богатые и бедные мирно будут трудиться в фалангах на общее благо, их отношения будут полны доброжелательства и взаимного понимания, мироощущение всех гармонийцев, обитающих в фаланстере, будет действительно радостным, веселым. Таковы утопические иллюзии Фурье.

Эти иллюзии — плод неразвитых капиталистических отношений, существовавших в тогдашней Франции. Эти иллюзии — результат огромнейшей веры Фурье в творческие силы человека, в его прирожденную доброту. Он полагал, что люди чисто случайно попали в тенета цивилизации, в тенета капиталистического строя, что этот строй не соответствует истинной природе человека, что он противоречит предначертанным планам бога.

---

* В учении Фурье ярко выступают религиозные черты. Фурье говорит о боге, как о всемогущем руководителе вселенной, как о носителе мирового движения. Однако его религиозное сознание весьма своеобразно. В нем очень мало традиционных черт, присущих правоверным христианам-католикам. Бог Фурье не требует от людей смирения, воздержания и аскетизма. Это понятие о боге, проповедующем «чувственные утехи», наслаждение, установление гармонии между людьми и прочее, представителями католической церкви было оценено как «еретическое». И к глубокому удивлению Фурье его книги оказались в списке запрещенных.

Ради кого создан мир, все видимое, все прекрасное мироздание? — ставил перед собой вопрос Фурье и отвечал: все существующее создано ради человека, ради свободного проявления всех его чувственных потребностей и страстей. Но если это так, тогда только тот общественный порядок следует признать «должным», «справедливым», который отвечает природе человека, содействует удовлетворению страстей материальных, душевных и интеллектуальных. И исходя из этого, Фурье делает попытку изобразить со всеми деталями механизм такого общественного порядка, который, в противоположность буржуазному строю, дает полную гарантию для свободного проявления всех человеческих страстей. Это — строй всеобщего счастья, строй социальной гармонии.

Таким образом, Фурье кладет в основу своих социологических и философских построений природу человека и его чувственные проявления — страсти. Это главная и характерная черта его учения. Пелларен прямо утверждает: «Признание совершенства человеческой природы в том виде, как бог ее создал, принятие ее со всеми наклонностями, которые она в себе заключает, — вот точка отправления Фурье, его главное и основное данное».

Была ли это собственная, оригинальная идея Фурье? Эта центральная идея, заключенная в антиисторическую, теологическую оправу, была взята Фурье у французских материалистов и превращена в основную часть его мировоззрения. И нужно сказать, что не только для Фурье, но и для Сен-Симона, Оуэна * эта идея послужила отправной точкой для революционных выводов, для утопических мечтаний о построении соответствующего природе человека — социалистического общества.

Пламенно агитируя за мирный переход к новому общественному строю, Фурье набрасывает картину будущих фантастических преобразований вселенной и человечества. Фурье, например, утверждал, что развитие и совершенствование природы приведут к тому, что вода в морях и океанах приобретет вкус, подобный лимонаду; вместо китов, акул появятся антикиты, антиакулы, которые будут с громадной быстротой перевозить пассажиров и грузы с одного материка на другой; в пустынях вместо львов, тигров и других хищных зверей будут размножаться прирученные антильвы, антитигры, выполняющие волю человека. На Северном полюсе появится новое светило («северный венец»), которое расплавит вечные льды у северного полярного круга, что в свою очередь сде-

* Так, например, Оуэн заявлял в «Докладе комитету Ассоциации воспомоществования бедным»: «Чтобы в их (бедной части рабочих) характере могла произойти коренная перемена, их нужно удалить от влияния упомянутых условий и поставить в такие, которые отвечают истинной природе человека и требованиям общественного блага» (см. Life of R. Owen, т. I, A).

лает Ледовитый океан доступным для плавания; резко изменятся климатические условия дальнего Севера, и люди, создав новые общественные отношения, будут производить колоссальные работы. Они организуют крупнейшие промышленные армии, с помощью которых предпринято будет «... завоевание огромной пустыни Сахары, с разных сторон, если это окажется необходимым, на нее будет поведено наступление армиями в составе от 10 до 20 млн. рабочих рук; путем насыпки земли, насаждения сплошными рядами растений удастся увлажнить почву, укрепить пески и превратить пустыню в цветущий сад. Судоходные каналы будут проведены там, где сейчас мы не умеем устроить даже оросительных канав, и крупные суда будут плавать не только по перешейковым каналам, каковы Суэцкий и Панамский, но и в глубине материков, подобно морям Каспийскому, Азовскому, Персидскому и Аральскому...*

Все эти идеи преобразования природы и человеческого общества вызывали со стороны современников злые насмешки и нападки на Фурье. Ф. Энгельс, отражая удары этой критики, разъяснял, как следует подходить к «смешным фантазиям» великих утопистов. Он писал:

«Мы... постараемся найти под фантастическим покровом зародыши гениальных идей, всюду разбросанных в теориях великих утопистов, но не заметные для слепых филистеров».

**
*

При всей фантастичности и утопичности его идей Фурье ясно видел обостряющуюся борьбу классов, тщетность попыток политиков и моралистов вывести буржуазное общество на путь умиротворения и благоденствия. Он хорошо видел классовый характер буржуазного государства. Он понимал, что оно предоставляет политические права только богатым и вельможам, что бедные в силу отсутствия обеспеченности не могут воспользоваться этими правами. Он с глубокой иронией говорит о буржуазных конституциях, подчеркивая, что они сулят бедняку только призрачные, эфемерные права, отказывая ему в самом существенном: в куске хлеба и обеде. Он предлагает расспросить «несчастного цивилизованного рабочего, не имеющего ни работы, ни хлеба, преследуемого кредиторами и сборщиками податей», не предпочтет ли он переменить обстановку на условия жизни дикаря; не предпочтет ли он обладать его естественными правами, чем жить в беспросветной нужде и голоде под охраной конституции и наслаждаться ее хвастливыми фразами.

Говоря о бесправии, о нужде, о голоде «несчастного цивилизованного рабочего», Фурье не выделяет рабочих в само-

---

* См. настоящее издание, стр. 183.

стоятельный класс, не находит классовых граней между рабочими и промышленниками, он не видит всемирно-исторической роли пролетариата в борьбе за социализм.

Фурье различает классы по степени обладания богатством, а не по их отношению к средствам производства. Классы, по его мнению, должны различаться на том основании, что люди от природы неравны, что существуют контрасты между характерами, способностями и страстями. В буржуазном обществе он отличает три основных класса: земледельцы, мануфактуристы, собственники. Нередко он упрощает это деление, говоря, что общество состоит из богатых, средних и бедных людей. К числу трудовых классов Фурье относит: земледельцев вообще, не выделяя из них деревенской верхушки — кулаков, мелких помещиков и других; мануфактуристов-промышленников, не выделяя рабочих, занятых на мануфактурах. К нетрудовым классам он относит купцов, биржевых игроков, спекулянтов, банкиров, а также и промышленников, использующих накопленные капиталы во вред обществу. Фурье не придерживается твердо установленного деления общества на классы. В некоторых случаях он говорит о наличии в буржуазном обществе пяти и больше классов.

Принимая отдельные социальные группы за самостоятельные классы, Фурье в то же время категорически возражает против «изоляции одного класса от другого», он стоит за установление согласия, мира, слияния интересов между классами.

Фурье не требует уничтожения классов и экономического неравенства, существующего между ними. Он хочет мирными средствами избавить общество от нищеты, от торгашеских плутней, от подневольного труда, привить богачам вкус к физическому труду, освободить их от скуки и праздности и установить общность интересов всех классов.

Оставаясь в стороне от политического движения и проклиная борьбу классов, Фурье считал, что секрет единства классов, уничтожения классовой борьбы находится в его собственных руках. Он заверял общественное мнение, что для того чтобы осуществить его социальный план, не понадобятся ни революция, ни заговор, ни экспроприация крупных собственников. Достаточно сделать одно: последовать его совету, вступить на путь ассоциации. Он призывал богатых и бедных немедля вступить на этот путь — на путь счастья, гармонии всех страстей, согласия всех классов, где ни классовые различия, ни привилегии богатых и знатных не будут нарушены, но где главным образом произойдут моральные и экономические изменения ко благу всех классов нового общественного строя.

В противоположность утопистам-социалистам Маркс ни на минуту не допускал той мысли, что богатые люди, магнаты капитала, могут мирно, без сопротивления отдать трудящимся все рычаги народнохозяйственной и по-

литической жизни и во имя торжества идеалов справедливости, мира, любви стать на путь социализма. Напротив, он считал, что «народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов», что рабочий класс, опираясь на широкие массы трудящихся, должен сломить сопротивление эксплоататоров и возглавить единственно справедливую, неизбежную борьбу за освобождение всего человечества от капиталистического гнета, от всех язв и пороков буржуазного строя. Ибо невозможно устранить классовую борьбу, не уничтожив классов, не уничтожив экономических условий, порождающих и классы и классовую борьбу. Ибо невозможно установить новый общественный строй, не свергнув насильственным путем эксплоататорские классы. «Развитие вперед, т.-е. к коммунизму, — учит Ленин, — идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров капиталистов больше некому и иным путем нельзя»*.

Но Фурье не призывал к насильственному уничтожению не только эксплоататорских классов, но и буржуазного государства — этого орудия для поддержания господства одного класса над другим. Напротив, он предлагал к числу существовавших в то время государств прибавить еще столько же новых государств. Агитируя за привлечение в фаланги вельмож, герцогов, принцев, королей, Фурье охотно предоставлял в их распоряжение кантоны, округа, невозделанные пространства Африки и Азии, разъясняя, что в условиях ассоциации возрастает потребность в увеличении числа государств и облегчается их роль управителей и руководителей фаланг. И действительно, социальные преобразования, намеченные Фурье, превращают государства и их правительства в учреждения совещательного типа, в безвластные по сути дела придатки к самостоятельно управляющимся производительным и потребительным фалангам нового общественного строя. Но, с другой стороны, тот же Фурье, анализируя причины войн между государствами, распрей между народами, ища средств к обеспечению человечеству прочного мира, рекомендует установить административное единство всего земного шара, «объединить все народы под властью одного центрального правительства». Таково одно из тех противоречий системы, которое Фурье не пытался обнаружить.

Но при всей своей непоследовательности Фурье высказывает целый ряд глубоких мыслей. Скорбя о том, что трудящиеся массы лишены одного из самых существенных прав — права на труд, — Фурье бросает резкий упрек буржуазным писателям и философам: «Говоря о *правах человека*, они забывают выдвинуть в качестве принципа *право на труд*, которое воистину неосуществимо при цивилизации, но без которого ничего не стоят все остальные права».

---

* *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 430.

И Фурье глубоко прав. Действительно, право на труд, представляющее собой одно из величайших человеческих прав, не осуществимо в буржуазном обществе. Буржуазия уже давно лицемерно заявляла о своем признании права на труд. Но в условиях капитализма это право, как равно и другие права, остается только красивой фразой.

Фурье видит также, что различные правовые ограничения еще в большей степени угнетают и порабощают женщину. Он выступает с едкими обличениями буржуазного строя, обрекшего женщину на полное бесправие. С трогательной заботливостью и нежной симпатией пишет Фурье о покинутых девушках. «Вступиться за покинутых девушек тем более разумно, что обычно это — девушки самые красивые и наиболее способные родить прекрасных детей». Он критикует бессердечие, злые насмешки, презрение, которыми осыпают в буржуазном обществе девушку, не вышедшую замуж. Он убеждает общественное мнение в том, что счастье мужчины и, даже больше того, прогресс социального строя находятся в прямой зависимости от судьбы женщины: «Расширение прав женщины, — писал он, — главный источник социального прогресса».

Фурье подвергает основательной критике буржуазный брак, семью, воспитание детей. Он бичует буржуазную мораль, узаконяющую разврат, проституцию, грязные интриги и все унизительные условия брачной жизни. Маркс придавал крупное значение этой критике. В «Святом семействе» он подчеркнул, что Фурье дал мастерскую критику буржуазного брака. Зарисовки Фурье развала и гниения буржуазной семьи и брака не утратили своего глубокого смысла и в наши дни.

**
*

Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» сделали все критические выводы из идейного содержания учений великих утопистов. Они указали как положительную, так и отрицательную сторону их учений. В качестве оригинальной черты, заслуживающей всяческого внимания, они отметили их идеи об устройстве будущего общества, об уничтожении наемного труда, об уничтожении противоположности между городом и деревней. Говоря об отрицательной стороне их учений, они отнюдь не возлагали на них вину за все недостатки и промахи, а, наоборот, вскрыли содержание исторических условий: состояние промышленности, неразвитую форму классовой борьбы и др., наложивших утопический отпечаток на все планы и проекты устройства будущего общества.

Маркс и Энгельс открыто бичевали различные направления и течения утопического социализма за их проповедь сотрудничества классов, за их стремления удерживать массы от выступлений, «конституировать» рабочих как мелких собствен-

ников, за их интеллигентское стремление возвыситься над борьбой классов и, наконец, за их неуменье или, вернее, нежелание увидеть в растущем пролетариате новую историческую силу, призванную стать творцом нового, социалистического общества и могильщиком старого, буржуазного строя.

«Значение критически-утопического социализма и коммунизма, — писали Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии», — стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает все более определенную форму борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически-отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, — их ученики образуют всегда реакционные секты. Они крепко держатся за старые мировоззрения своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата. Они поэтому последовательно стараются опять притупить классовую борьбу и примирить противоречия. Они все еще мечтают о попытке осуществления своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров, об основании внутри своей страны коммунистических колоний, об устройстве маленькой Икарии, карманного издания нового Иерусалима; и для сооружения всех этих воздушных замков они вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и денежных мешков. Они постепенно опускаются в категорию описанных выше реакционных или консервативных социалистов и отличаются от них лишь более систематическим педантизмом, фанатической верой в чудесное действие своей социальной науки» *.

Дальнейший ход классовой борьбы подтвердил эту оценку целиком и полностью.

Маркс и Энгельс гениальным открытием материалистического понимания истории, теории прибавочной стоимости, своим учением о пролетарской революции и диктатуре пролетариата превратили социализм из утопии в науку.

Однако ни Маркс, ни Энгельс не возлагали на Фурье, Сен-Симона и Оуэна вину за незрелые их теории. Наоборот, они давали совершенно исчерпывающие объяснения причин, обусловивших нереальность, утопичность их систем и планов общественных преобразований; причем особо подчеркивали, что эти системы соответствовали идеологии еще незрелого, нарождавшегося пролетариата, что они по сути дела выражали собою его фантастические стремления изобрести или найти новый справедливый строй как противоядие, как универсаль-

* *Маркс и Энгельс*, Манифест коммунистической партии, Партиздат, 1936, стр. 53.

ное средство, избавляющее от всех бед и зол буржуазного общества.

Выделяя особо основателей утопических систем из ряда их последователей и учеников, опустившихся «в категорию... реакционных или консервативных социалистов», Маркс писал:

«Первые социалисты (Фурье, Оуэн, Сен-Симон и др.) должны были роковым образом... ограничиваться мечтами об *образцовом обществе* будущего и осуждать все такие попытки рабочего класса, направленные хотя бы на некоторое улучшение его участи, как стачки, союзы и политическое движение. Но если мы не должны отрекаться от этих патриархов социализма, как современные химики не могут отречься от своих родоначальников, от алхимиков, то мы должны во всяком случае стараться не впасть в их ошибки, ибо с нашей стороны они были бы непростительны» *.

В том же духе говорил и Энгельс, особо подчеркивая экономические условия эпохи великих утопистов:

«Утописты... были утопистами потому, что они не могли быть ничем иным в эпоху, когда капиталистическое производство было еще так слабо развито. Они принуждены были конструировать элементы нового общества из своей головы, ибо эти элементы еще не вырисовывались ясно для всех в недрах самого старого общества; набрасывая план нового здания, они были принуждены ограничиваться обращением к разуму, так как они еще не могли апеллировать к современной им истории» **.

Эти исчерпывающие указания не оставляют места ни для необоснованных претензий к великим утопистам, ни для оппортунистических ссылок на их «старые традиции». Маркс и Энгельс дали исчерпывающую оценку исторической роли утопического социализма.

Однако и до последнего времени не было недостатка в распространении клеветы и насмешек над великим утопистом. Нападки на Фурье не прекращались и после Прудона, Моста, Дюринга. Распространению буржуазной лжи содействовали у нас Д. Щеглов, Лященко, Семенов, Вороницын и др.

Руководством к оценке идейного наследства великих утопистов нам служат указания Маркса, Энгельса, Ленина.

«Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, — писал Энгельс в 1874 г., — трех людей, которые при всей фантастичности и всем утопизме своих учений принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество положений, правильность которых мы доказываем теперь научно...» ***.

---

* *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 92.
** *Энгельс*, Анти-Дюринг, Партиздат, 1934, стр. 190.
*** *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 142.

В 1882 г. Энгельс, говоря о происхождении научного социализма, снова напоминает о значении великих утопистов. «Мы, немецкие социалисты, — писал он, — гордимся тем, что мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» *.

Но находились люди, которые эти идеи Энгельса использовали как основание для низведения марксизма на степень утопического социализма. Находились люди, в глазах которых «Манифест коммунистической партии» — этот величайший документ международной классовой борьбы — был не чем иным, как «воспроизведением обычных учений фурьеристов». Небезызвестный представитель легального марксизма Туган-Барановский, критикуя с буржуазно-либеральных позиций учение Маркса, утверждал, что научный социализм не есть плод гениального творения Маркса. Прибегая к всевозможным вывертам, передержкам, он стремился доказать, что научный социализм был якобы создан задолго до Маркса социалистами-утопистами, что их социалистический идеал более значителен, более совершенен, чем марксизм.

Так враг марксизма под видом защиты утопического социализма пытался «опровергнуть» революционное учение марксизма-ленинизма.

Взгляды Туган-Барановского повторил Борис Фромметт в брошюре «Революционное учение Фурье и кооперативная пропаганда» и в предисловии к книге Фурье «Преступления капитализма».

«...Если кому-либо и следует давать титул отца научного социализма, — писал он, — то именно Фурье. Впрочем, известный ученик Фурье — Консидеран — так и назвал его» **. В одной из своих работ Фромметт прямо призывает советского читателя «быть хоть сколько-нибудь фурьеристом».

А. Бебель в своей содержательной работе «Шарль Фурье» переоценил роль и значение учения Фурье, что было использовано оппортунистами в своих целях. О сочинениях Фурье А. Бебель писал: «Его сочинения отличаются поразительным изобилием оригинальных идей и взглядов, которые в значительной части весьма плодотворны и для настоящего времени, и для будущего развития человечества... Метод, который он думал применить к новой общественной организации... отличается такой глубиной, таким пониманием действительности, что в будущем остается лишь итти дальше по указанному им пути и последовательно развивать его основные положения» ***.

---

* *Энгельс,* Развитие социализма от утопии к науке, Соцэкгиз, 1931, стр. 9.

** *Ш. Фурье,* Преступления капитализма, Предисловие Фроммета, Петроград, 1918, стр. 9.

*** *А. Бебель,* Шарль Фурье, его жизнь и учение, Спб. 1906, стр. 203.

Прославляя «метод» и «путь» Фурье, А. Бебель обошел коренные недостатки утопического социализма, считавшего, что преобразование буржуазного строя якобы осуществимо мирными средствами, без революций и классовой борьбы. Энгельс неоднократно указывал на это как на основное внутреннее противоречие фурьеризма. В статье «Прогресс движения за социальную реформу на континенте» он со всей ясностью подчеркивал:

«*Одним* внутренним противоречием грешит, однако, фурьеризм, а именно тем, что он не помышляет об отмене частной собственности» *.

Призыв А. Бебеля последовать «методу» и «пути» Фурье находится в явном противоречии с основными положениями марксизма-ленинизма.

На преувеличенные оценки исторической роли утопического социализма можно ответить следующими указаниями Энгельса:

«Если бы мы не захотели примкнуть к движению на его имеющемся налицо, наиболее прогрессивном, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, — писал Энгельс в статье «Маркс и «Новая рейнская газета», характеризуя тактику Маркса в германской революции 1848 г., — нам оставалось бы только проповедывать коммунизм в каком-нибудь захолустном листке и основать, вместо большой партии действия, маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: для этого мы слишком хорошо изучили утопистов» **.

Это, по сути дела, попутное, брошенное вскользь указание Энгельса характеризует значение утопического социализма, который даже в годы революционного подъема мог выступать или, вернее, оставаться только мирным, проповедническим направлением.

Второе указание, данное Энгельсом в статье, написанной для широкого ознакомления немецких рабочих с экономическим учением Маркса, подчеркивает исключительное значение исследований Маркса.

«Какими бы ценными ни были и ни оставались сочинения Оуэна, Сен-Симона, Фурье, — писал он, — только немец (т. е. Маркс. — *А.Д.*) смог достичь тех высот, с которых ясно развертывается перед глазами вся область современных социальных отношений, подобно тому как расположенная ниже горная местность открывается перед зрителем, стоящим на самой высокой вершине» ***.

Только Маркс, взошедший на «самую вершину» современного научного познания мира и общественных отношений, смог открыть законы развития капитализма и вооружить ра-

* *Маркс и Энгельс*, Соч., т. II, стр. 396.
** Энгельс о Марксе и марксизме, Партиздат, 1933, стр. 25—26.
*** Там же, стр. 57.

бочий класс и созданную им пролетарскую партию глубоким знанием этих законов.

Только Маркс вместе со своим вернейшим соратником и другом Энгельсом создали замечательнейшее учение о революционном преобразовании мира — учение о насильственном уничтожении капитализма, о диктатуре пролетариата и построении коммунистического общества.

Ленин и Сталин в новых исторических условиях не только защитили марксизм от извращений, но и развили его дальше и воплотили в жизнь. Будучи вернейшими учениками и продолжателями дела Маркса и Энгельса, идя во главе многомиллионных трудящихся масс, Ленин и Сталин обеспечили всемирно-исторические завоевания социализма в нашей стране. Величайшим кодексом этих завоеваний является Сталинская Конституция, утвержденная Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом советов.

Шарль Фурье — один из виднейших представителей утопического социализма. Несмотря на все недостатки, непоследовательность, утопичность идей Фурье, трудящиеся массы нашей страны высоко ценят его смелые, оригинальные мысли, его критику капитализма, его величайшую ненависть к капиталистическому рабству. В столетнюю годовщину со дня смерти Фурье (8 октября 1937 г.), когда вместо гениальных фантазий и трогательных грез о гармоническом, счастливом будущем человечества воздвигнуто гранитное здание социализма в нашей стране, когда смелые мечты лучших умов человечества превращены усилиями и борьбой трудящихся во главе со своим любимым вождем товарищем Сталиным в прекрасную, счастливую действительность, мы отдаем дань уважения поборнику новых общественных отношений — Шарлю Фурье.

А. Дворцов

***

Социально-экономическое издательство выпускает три тома избранных сочинений Ш. Фурье. Сюда войдут следующие произведения: «Теория четырех движений и всеобщих судеб», «Новый промышленный и общественный мир» и «Трактат о домашней сельскохозяйственной ассоциации». Первые два тома выйдут в 1938 г. Эти произведения впервые публикуются на русском языке.

Перевод «Теории четырех движений» сделан Е. Я. Успенской со второго французского издания 1841 г.

После выхода в свет первого издания Фурье внес в него ряд добавлений и исправлений. В настоящем издании все текстуальные добавления Фурье взяты в квадратные скобки.

ТЕОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ДВИЖЕНИЙ И ВСЕОБЩИХ СУДЕБ

Но какая густая тьма еще окутывает природу.

Вольтер

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале, как и в конце данного труда я хочу привлечь внимание читателя к истине совершенно новой для цивилизованных. Дело в том, что теория четырех движений — социального, животного, органического и материального — единственное исследование, достойное разума. Это — исследование всеобщей системы природы, проблема, выдвинутая богом перед всеми планетами; их обитатели могут достигнуть счастья лишь по ее разрешении.

До сих пор вы не решили этой проблемы и даже не исследовали ее: вы коснулись лишь четвертой и последней ветви этой теории — *материального движения,* законы которого раскрыты Ньютоном и Лейбницем. Я неоднократно буду ставить вам в упрек это запаздывание человеческого разума.

Прежде чем опубликовать мою теорию, я дам в этом томе беглый ее набросок, присоединив к нему мои рассуждения о политическом невежестве цивилизованных. Наиболее яркими показателями этого невежества служат:

порочность системы супружества, охарактеризованная мною во второй части;

порочность системы торговли, охарактеризованная в третьей части, и

легкомыслие философов, не сумевших найти лучший способ сочетания полов и обмена промышленных продуктов.

Несомненно, это вещи второстепенные по сравнению с событием столь значительным, как открытие законов движения; но необходимо коснуться некоторых комических сторон политики цивилизованных, дабы они почувствовали, что существует наука более точная, которая приведет в замешательство науки философские.

Читатель должен помнить, что одно возвещаемое мною открытие важнее всей остальной научной работы, проделанной за время существования рода человеческого.

В настоящее время все помыслы цивилизованных должны быть направлены к выяснению вопроса, действительно ли я открыл теорию четырех движений; потому что в положительном случае следует предать сожжению все теории — полити-

ческие, моральные и экономические — и готовиться к событию самому изумительному, самому счастливому для данного земного шара и для всех планет — *к внезапному переходу от социального хаоса к универсальной гармонии.*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

О легкомыслии цивилизованных наций, позабывших или пренебрегших двумя отраслями исследования, которые ведут к теории судеб: исследованием земледельческой ассоциации и притяжения страстей;

и о пагубных результатах этого легкомыслия, бесполезно на протяжении двадцати трех веков удлиняющего продолжительность социального хаоса, т. е. существования обществ (sociétés) цивилизованного, варварского и дикого, отнюдь не соответствующих предназначению рода человеческого.

Обилие великих умов, порожденных цивилизацией, особенно в XVIII веке, наводит на мысль, что все поприща мысли уже исчерпаны и что в дальнейшем не приходится ожидать не только великих открытий, но и открытий средней руки.

Это предубеждение будет мною рассеяно; люди поймут, что они постигли едва одну четверть того, что постигнуть необходимо, и что все сразу постигается благодаря теории общих судеб. Это ключ ко всем мыслимым достижениям человеческого ума. Эта теория сразу дает возможность познать то, для постижения чего, при медлительности ныне применяемых методов, могло понадобиться еще десять тысячелетий.

Возвещение этой теории, и уже само по себе обещание поднять человека на уровень понимания судеб, может на первых порах породить недоверие. Итак, я считаю уместным ознакомить читателя с теми приметами (indices), которые привели меня на этот путь. Мое пояснение докажет, что открытие не требовало ни малейших научных усилий и что самый рядовой ученый мог бы сделать его раньше меня, если бы он имел требуемое для этого качество — *отсутствие предрассудков.*

Для точного определения судеб у меня было соответствующее качество, которого нет у философов: они служат оплотом предрассудков; они внедряют предрассудки, делая вид, что противоборствуют им.

Под философами я разумею здесь лишь творцов неточных наук — политиков, моралистов, экономистов и прочих, чьи теории не уживаются с опытом, являясь плодом лишь досужей фантазии их авторов. Пусть читатель помнит, что, говоря о философах, я всегда имею в виду лишь философов ненадежной категории (classe incertaine), а не творцов точных наук.

I

Приметы и методы, приведшие к объявленному открытию

Я меньше всего помышлял об исследовании судеб; я разделял общее мнение относительно их непроницаемости, и все точные исчисления в этой области я считал бреднями астрологов и чародеев. Исследования, приведшие меня в дальнейшем на этот путь, первоначально касались лишь проблем производственных или политических, о которых я постараюсь дать некоторое понятие.

Ввиду бессилия, проявленного философами при их первом опыте (coup d'essai), с французской революцией, все признали их науку заблуждением человеческого ума; мнимые потоки политического и морального просвещения оказались сплошной иллюзией. Можно ли усматривать что-либо иное в писаниях этих ученых, которые, употребив двадцать пять столетий на совершенствование своих теорий, сосредоточив у себя все научные достижения человечества античной и новой эпохи, для начала порождают столько бедствий, сколько сулили благодеяний, и сталкивают (font décliner) цивилизованное общество на ступень варварства.

Таков итог первого пятилетия, на протяжении которого во Франции применялись философские теории.

После катастрофы 1793 г. иллюзии рассеялись; политические и моральные науки поблекли и были безвозвратно дискредитированы. Отныне стало ясно, что от приобретенных знаний не приходится ждать счастья, что социального благоденствия надо искать в какой-то новой науке и проложить новые пути политическому гению; было очевидно, что ни философы, ни их соперники не умеют исцелить от социальных бедствий и что под прикрытием догм, проповедуемых и теми и другими, вечно будут существовать самые позорные бедствия, в том числе бедность.

Вот те соображения, которые впервые натолкнули меня на мысль о существовании еще неведомой социальной науки и побудили меня стремиться к ее открытию. Незначительность моих познаний меня не пугает: я считал для себя честью постигнуть то, чего люди не сумели открыть за двадцать пять веков учености. К моим занятиям меня поощряли многочисленные показатели заблуждения человеческого разума и в особенности зрелище бедствий, претерпеваемых общественным производством: бедность, безработица, мошенничества, морское пиратство, торговая монополия, принудительное обращение в рабство (l'enlèvement des esclaves) и много других бедствий, перечислять которые я не стану и которые невольно наводят на мысль: не есть ли цивилизованная промышленность бедствие, изобретенное богом в наказание роду человеческому?

Отсюда я пришел к заключению, что в этом производстве естественный порядок как-то извращен; что оно функционирует, пожалуй, вразрез с предначертаниями бога; что упорно продолжающиеся бедствия следует приписать отсутствию каких-то установлений, угодных богу и неведомых нашим ученым. И, наконец, я пришел к мысли о том, что если, как говорит Монтескье, *человеческое общество чахнет, страдает внутренним изъяном, отравлено тайным и скрытым ядом,* то для исцеления его надо сойти с путей, проторенных неточными науками, не находившими способа исцеления на протяжении стольких веков. Итак, в своих изысканиях я взял за правило *абсолютное сомнение и абсолютное отрешение от усвоенных приемов* (le doute absolu et l'écart absolu). Я должен охарактеризовать оба эти метода, до меня никем еще не примененные.

1. Абсолютное сомнение. Декарт имел о нем представление, но, восхваляя и рекомендуя сомнение, он применял его лишь частично и не к месту. Его сомнения были смешны, он сомневался в собственном существовании и занимался преимущественно опровержением древних софизмов, а не исканием полезных истин.

Последователи Декарта использовали метод сомнения еще в меньшей мере. Они сомневались лишь в том, что им не нравилось. Например, будучи противниками духовенства, они взяли под сомнение самую необходимость религий; но они остерегались ставить под вопрос необходимость наук политических и моральных, которые давали им средства к жизни, ныне же признаны совершенно бесполезными при правительствах сильных и весьма опасными при правительствах слабых.

Не будучи связан ни с каким научным течением, я решил усомниться в правильности взглядов тех и других без различия, вплоть до общепризнанных положений. Я имею в виду самое цивилизацию, идола всех философских школ, видящих в ней верх совершенства (le terme de la perfection). А между тем, что может быть несовершеннее этой цивилизации с сопутствующими ей бедствиями? Что может быть сомнительнее ее необходимости и грядущей прочности (permanence future)? Не напрашивается ли мысль, что это лишь одна из ступеней на пути общественного развития? Если ей предшествовали три других общества: дикость, патриархат и варварство, следует ли отсюда, что цивилизация есть последняя ступень, потому что она есть четвертая? Разве не могут народиться другие общества, разве мы не увидим пятый, шестой, седьмой общественный строй, быть может, менее гибельные, чем цивилизация, и неведомые нам до сих пор лишь потому, что мы не старались их открыть? Итак, надо взять цивилизацию под сомнение, усомниться в ее необходимости, в ее превосходстве и в ее незыблемой прочности. Философы не дерзают ставить

перед собой этот вопрос, потому что взять под подозрение цивилизацию, значило бы навлечь подозрение в никчемности на их собственные теории, тесно увязанные с цивилизацией и отмирающие с ней при нарождении лучшего общественного строя, идущего ей на смену.

Итак, философы ограничиваются *частичным скептицизмом*. Объясняется это тем, что им выгодно поддерживать корпоративные писания и предрассудки; и из боязни подорвать успех своих книг и своих школ, они всегда лицемерно обходили самые существенные вопросы. Не поддерживая ни одного из течений, я мог усвоить *абсолютное сомнение и применить его первым долгом к цивилизации и к ее самым закоренелым предрассудкам*.

2. Абсолютное отрешение. Я пришел к заключению, что наивернейший способ притти к полезным открытиям — это отрешиться совершенно от приемов, усвоенных неточными науками, никогда не давшими обществу ни малейшего полезного изобретения; несмотря на огромный прогресс промышленности, им не удалось даже предотвратить бедность. Итак, я поставил себе задачей находиться постоянно в оппозиции к этим наукам; ввиду наличия у них множества писателей я решил, что все трактуемые ими вопросы должны быть полностью исчерпаны и что поэтому браться надо лишь за проблемы, никем из них не затронутые.

Следовательно, я избегал каких бы то ни было изысканий по вопросам, касающимся трона и алтаря, безустанно занимавших философов с первых шагов их науки; философы всегда искали общественного блага в административных и религиозных новшествах; я, наоборот, старался искать блага в мероприятиях, не имеющих никакого отношения ни к управлению, ни к священству, в мероприятиях по существу производственного и бытового характера, совместимых с любым правительством и не нуждающихся в его вмешательстве.

Руководствуясь этими двумя принципами — *абсолютного сомнения* в отношении всех предрассудков и *абсолютного отрешения* от всех известных теорий, — я непременно должен был выйти на какой-нибудь новый путь, если таковой имеется; но я и не мечтал постигнуть судьбы мира. Не питая столь больших претензий, я на первых порах вращался лишь в кругу самых заурядных проблем; главные из них на мой взгляд: *земледельческая ассоциация и способ косвенного пресечения торговой монополии островитян*. Я называю обе эти проблемы, потому что они связаны друг с другом и разрешение одной решает другую. Нельзя косвенно уничтожить монополию островных держав, не создав (sans opérer) земледельческой ассоциации, и обратно (vice versa): стоит изыскать способ осуществления земледельческой ассоциации — и это без боя

уничтожит островную монополию, пиратство, ажиотаж, банкротство и другие бичи, гнетущие промышленность.

Я тороплюсь осветить выводы, чтобы заинтересовать проблемой *земледельческой ассоциации;* к этому вопросу относились, видимо, столь безучастно, что ученые ни разу не потрудились им заняться.

Прошу читателя помнить, что я считаю необходимым ознакомить его с соображениями, которые привели меня к моему открытию. Таким образом, я собираюсь обсудить вопрос, как будто не имеющий отношения к судьбам мира: я имею в виду *земледельческую ассоциацию.* Начав задумываться над этим вопросом, я и сам не предполагал, что столь скромные рассуждения могут привести меня к теории судеб. Но поскольку эти размышления послужили ключом, я должен остановиться на них несколько пространно.

II

О земледельческой ассоциации

Разрешение этой проблемы, обычно столь пренебрегаемой, привело меня к разрешению всех политических проблем. Как известно, от малого до великого один шаг: с помощью металлической иглы мы подчиняем себе молнию и ведем корабль во мраке и в бурю. Мой способ прост, и все же с помощью его можно положить конец всем социальным бедствиям. В наши дни, когда цивилизация купается в крови, чтобы утолить зависть торговых соперников (pour assouvir les jalousies mercantiles), людям несомненно будет интересно узнать, что имеется мероприятие производственного характера, которое навсегда положит этому конец, без всякой борьбы, и что морская держава, до сих пор внушавшая столько страха, будет сведена к абсолютному ничтожеству благодаря *земледельческой ассоциации.*

Такое мероприятие было неосуществимо в античные времена, потому что земледелец был тогда рабом; греки и римляне продавали хлебопашца как вьючное животное, и философы это санкционировали: они никогда не протестовали против этого гнусного обычая. Ученые имеют обыкновение считать невозможным все, чего не пришлось им видеть; они воображали, что без ниспровержения общественного строя освободить земледельца невозможно. Однако освободить земледельцев удалось, а общественный строй благодаря этому лишь лучше организован. Теперь философы предубеждены против земледельческой ассоциации, как раньше в вопросе рабовладения. Они считают ассоциацию невозможной только потому, что она никогда не существовала. Видя, как семейства селян работают разобщенно, они воображают, что никаким способом ассоциировать их нельзя, или, по крайней мере, они делают вид, что так думают; в этой области, как и во всякой

другой, они в собственных интересах ссылаются на неразрешимость любой проблемы, которую они не умеют решить.

И однако людям не раз уже приходила в голову мысль об огромной экономии и огромных улучшениях, которые получились бы в результате объединения в производственную ассоциацию (société industrielle) жителей каждого посада, с тем чтобы возделывающие тот или иной кантон две-три сотни семейств неравного достатка были ассоциированы прямо пропорционально наличному у них капиталу и производству.

На первых порах эта идея представляется гигантской и неосуществимой благодаря усматриваемой в страстях помехе такого рода объединению; это препятствие пугает тем более, что преодолевать страсти постепенно нельзя. Объединить в земледельческое общество двадцать, тридцать, сорок, даже сто индивидуумов невозможно; чтобы образовать *естественную или притягательную ассоциацию,* надо по меньшей мере восемьсот человек. Говоря так, я имею в виду такое общество, члены которого будут вовлекаться в трудовые функции соревнованием, самолюбием и другими стимулами (véhicules), уживающимися с личной заинтересованностью. Строй, о котором идет речь, заставит нас горячо полюбить земледелие, ныне внушающее людям такое отвращение, что занимаются им только в силу необходимости и из боязни умереть от голода.

Я опускаю подробности изысканий, проделанных мной, когда я работал над вопросом естественной ассоциации; этот строй столь противоположен нашим жизненным навыкам, что я не тороплюсь ознакомить с ним читателя. Описание его показалось бы смешным, если бы я не подготовил к нему читателя беглым обзором огромных выгод, из него вытекающих.

Земледельческая ассоциация, если допустить, что она охватит около одной тысячи человек, представляет столь огромные преимущества для производства, что совершенно непонятна беспечность наших современников в этом вопросе; ведь существует целая категория ученых и экономистов, занимающихся специально обсуждением способов совершенствования производства. Их пренебрежительное отношение к изысканию метода ассоциации тем более непонятно, что сами они уже указали на некоторые преимущества, из нее вытекающие; так, например, они поняли и каждый должен это понять, что у трехсот семейств ассоциированных селян был бы лишь один единственный, тщательно содержимый амбар, вместо трехсот амбаров, плохо содержимых, один единственный чан, вместо трехсот чанов, обычно чрезвычайно запущенных; что в целом ряде случаев, особенно в летнее время, у них топилось бы три-четыре больших печи вместо трехсот; что они посылали бы в город только одну молочницу с бочкой молока на рессорной тележке (char suspendu) и сэкономили бы на этом

полсотни дней, затрачиваемых сотней молочниц на доставку в город сотни жбанов молока. Мысль о такой экономии приходила в голову целому ряду наблюдателей, а ведь они не отметили и одной двадцатой доли материальных выгод, порождаемых земледельческой ассоциацией.

Ее сочли неосуществимой только потому, что не знали способа ее образования; но разве это — основание для заключения о невозможности открыть этот способ и о ненужности соответствующих изысканий? Принимая во внимание, что земледельческая ассоциация утроила бы [а зачастую и десятикратно увеличила бы] доход от обработки земли, нельзя сомневаться в том, что бог не подумал о способах ее основания, потому что он должен был первым долгом поразмыслить (s'occuper) над организацией производственного механизма — этого стержня человеческих обществ.

Торопясь противопоставить мне свои доводы, несогласные со мной, выдвинут ряд возражений. Как ассоциировать семейства, если у одного из них 100 тыс. фунтов, а у другого ни гроша? Как распутать столько различных интересов, примирить столько противоречивых волевых устремлений? Как уничтожить все проявления зависти, сочетав все интересы в едином плане? В ответ на это я укажу на приманку, заключающуюся в богатстве и удовольствиях: сильнейшая страсть как крестьян, так и горожан — любовь к наживе. Когда они увидят, что кантон, ассоциированный при равных шансах, приносит дохода в *три* [в пять, в семь] раза больше, чем кантон, где семьи хозяйничают разобщенно (familles incohérentes), да еще обеспечивает всем членам ассоциации самые разнообразные наслаждения, они позабудут зависть и соперничество и поторопятся образовать ассоциацию; без всякого принуждения со стороны закона она распространится на все районы, потому что все люди страстно любят богатство и утехи.

Резюмирую: эта теория земледельческой ассоциации, которой суждено изменить участь рода человеческого, льстит страстям, которые присущи всем людям, она соблазняет их приманкой наживы и наслаждений; в этом гарантия ее успеха у дикарей и варваров, точно так же как и у цивилизованных, потому что страсти всюду одни и те же.

Я не тороплюсь ознакомить с этим новым строем, который я назову *прогрессивными сериями (séries), или сериями групповыми, или сериями страстей.*

Так именую я совокупность нескольких ассоциированных групп, посвятивших себя различным отраслям одного и того же производства или различным видам одной и той же страсти. С этим можно ознакомиться в примечании *А* [в конце тома], где я несколько подробнее останавливаюсь на организации прогрессивных серий; этих сведений еще недостаточно, но они оградят от ошибочного представления об этом меха-

низме, которое могло бы сложиться на основании ряда сообщенных мною подробностей, обычно извращаемых при передаче из уст в уста.

Теория *страстных серий, или прогрессивных серий,* не выдумана произвольно, наподобие наших социальных теорий. Закон этих серий во всем совершенно аналогичен закону геометрических рядов; все свойства последних присущи первым; пример — баланс соперничества между крайними и средними группами серии. Более подробно это объяснено в примечании *А.*

Страсти, которые считались врагами согласия и против которых написано много тысяч обреченных на забвение томов, страсти, говорю я, стремятся к согласованию, к социальному единству, которого они, казалось, столь чужды; но гармония может установиться меж ними лишь по мере правильного развития *в прогрессивных, или групповых сериях.* Вне этого механизма страсти — спущенные с цепи тигры, непонятные сфинксы; именно это побуждает философов требовать их подавления. Требование вдвойне нелепо, так как, с одной стороны, подавить страсти нельзя *, с другой стороны, если бы каждый подавлял страсти, цивилизация быстро пришла бы к закату, и человечество вернулось бы к состоянию кочевья, причем страсти были бы столь же пагубны, как и теперь среди нас: в добродетели пастухов я верю не больше, чем в добродетели их апологетов.

Сисиетарный (sociétaire) строй, который придет на смену хаосу цивилизации, не приемлет ни умеренности, ни равенства, ни единой из философских концепций: ему нужны страсти пылкие и утонченные. По образовании ассоциации страсти гармонизуются тем легче, чем они пламеннее и многообразнее.

Дело совсем не в том, что этот новый строй внесет какие-либо изменения в страсти; это не под силу ни богу, ни человеку; но течение страстей можно изменить, не меняя их характера. Взять хотя бы такой пример: человек неимущий чувствует отвращение к браку, но предложите ему невесту с приданым в виде годового дохода в сто тысяч фунтов, и он охотно заключит узы брака, которые претили ему еще накануне. Значит ли это, что страсть его изменилась? Нет, но преобладающая в нем страсть — любовь к богатству — изменила свое направление; для достижения своей цели она пойдет путем, который не нравился ему вчера; характер ее останется неизменным, изменится лишь направление.

Итак, если я заранее утверждаю, что в строе сосиетарном вкусы у людей будут отличаться от их современных вкусов и что пребывание в деревне они будут предпочитать жизни в городе, это отнюдь не значит, что с изменением вкусов изменятся страсти; люди попрежнему будут движимы любовью к богатству и к утехам.

---

* [Кроме как насилием или взаимным поглощением]

На этом своем положении я настаиваю, чтобы устранить смехотворное возражение со стороны тупиц; услышав об изменении вкусов и привычек в результате установления сосиетарного строя, они тотчас же воскликнут: *значит, вы измените страсти!* Вовсе нет, но перед ними откроются новые возможности, у них будет в три-четыре раза больше простора для развития по сравнению с нынешним строем дисгармонии. В силу этого цивилизованные почувствуют отвращение к навыкам, милым их сердцу сейчас, например к семейной жизни: они увидят, что в семье дети только и делают, что воюют, ломают, ссорятся и отказываются работать, тогда как те же дети, войдя в *прогрессивные,* или *групповые, серии,* станут заниматься лишь производительным трудом по собственному побуждению: соревноваться, добровольно обучаться возделыванию земли, фабричному труду, наукам и искусствам; они станут производить и создавать доход, воспринимая в то же время свой труд как развлечение. Созерцая этот новый строй, отцы признают, что их дети прелестны в сериях и ненавистны в разобщенных семьях. Затем они увидят, что в резиденции фаланги (так именую я ассоциацию, распространяемую на целый кантон) чудесно питаются; что, расходуя на стол втрое меньше, чем в семье, стол сервируют там в три раза деликатнее и обильнее, так что питаться там можно втрое лучше, а расходовать при этом втрое меньше, чем в семье, притом минуя все трудности продовольственного снабжения и приготовления пищи. И, наконец, увидя, что во взаимоотношениях серий отсутствует обман (fourberie), что народ, лживый и коварный при цивилизации, лучезарно правдив и учтив в сериях, люди почувствуют отвращение к семейному очагу, к городам, к цивилизации, ко всем этим предметам их теперешней любви; они захотят ассоциироваться в серийную фалангу и жить в ее здании, они откажутся от навыков и вкусов, свойственных им сейчас. Но значит ли это, что изменятся их страсти? Нет, но движение страстей будет иным, хотя целевая установка и характер их останутся неизменными. Итак, ошибаются те, кто думает, что строй прогрессивных серий, отличный от строя цивилизации, внесет хотя бы малейшее изменение в страсти; они были и будут неизменны — независимо от того, порождают ли они разлад и бедность вне прогрессивных серий, или согласие и богатство в сосиетарном строе, который предуготован нам судьбой и образование которого в каком-либо одном кантоне вызовет стихийное подражание по всей стране в силу приманки, заключающейся в огромной доходности и в бесчисленных наслаждениях, обеспечиваемых этим строем всем индивидуумам, при всем их имущественном неравенстве.

Перехожу к результатам этого изобретения под углом зрения науки.

III

О притяжении страстей под углом зрения точных наук

То ли в силу нерадения, то ли из боязни провала (insuccès), ученые пренебрегали исследованием проблемы ассоциации. Что бы ими ни руководило, но они ею пренебрегали. Я занялся этой проблемой первый и единственный. Отсюда явствует, что если теория ассоциации, неведомая доселе, может привести к другим открытиям, если она послужит ключом к некоторым новым наукам, они должны быть поставлены в заслугу мне одному, потому что я один искал и обрел эту теорию.

Что касается новых наук, доступ к которым она открывает, то я ограничусь указанием лишь двух главных, и так как эти подробности широкому кругу читателей не интересны, то я буду по возможности краток.

Первой открытой мною наукой является теория притяжения страстей.

Когда я понял, что прогрессивные серии обеспечивают полноценное развитие страстям людей обоих полов, различных возрастов и классов; что в этом новом строе человек будет обладать тем большей силой и тем большим богатством, чем больше у него будет страстей, я догадался, что, отводя такое влияние притяжению страстей и так мало влияния враждебному им разуму, бог это делал для того, чтобы мы усвоили строй прогрессивных серий, вполне соответствующий закону притяжения. С этого момента я полагал, что притяжение, столь хулимое философами, является истолкователем предначертаний бога относительно социального строя, и я пришел к аналитическому и синтетическому исследованию *притяжения и отталкивания страстей;* в каком бы направлении они ни действовали, они ведут к земледельческой ассоциации. Итак, законы ассоциации были бы открыты сами собой, если бы кто-либо потрудился произвести анализ и синтез притяжения. Об этом никто не подумал даже в XVIII веке, когда впутывали всюду аналитический метод, но только не для исследования притяжения.

Теория страстного влечения и отталкивания есть нечто незыблемое, где целиком применимы геометрические теоремы: в ней заложена возможность широкого развития, она будет давать пищу мыслителям, которые, как мне кажется, сильно затрудняются применить свою метафизику к какому-либо ясному и полезному предмету исследования.

Итак, о связи между новыми науками. Скоро я понял, что законы страстного влечения по всей линии соответствуют законам материального притяжения, открытым Ньютоном и Лейбницем, и что *существует единство движения мира материального и мира духовного.*

Я подозревал, что эта аналогия может простираться от общих законов к законам частным (particulières), что влечения и свойства животных, растений и минералов, быть может, были координированы по тому же плану, что свойства человека и небесных тел; в этом я и убедился после необходимых изысканий. Так была открыта новая точная наука: *аналогия четырех движений — материального, органического, животного и социального, или аналогия модификации материи с математической теорией страстей, свойственных человеку и животным.*

Открытие этих двух точных наук открыло мне глаза и на другие науки. Приводить здесь их перечень не имеет смысла, они охватывают все — вплоть до литературы и искусств, и во всех отраслях человеческого знания установят те же точные методы.

Овладев двумя теориями — притяжения и единства четырех движений, — я проник в волшебные тайны природы; они раскрылись предо мной одна за другой, и я сорвал завесу, слывшую непроницаемой. Я шел вперед в этом новом научном мире; так постепенно дошел я до исследования мировых судеб, до детерминирования той основной системы, с которой сообразованы законы всех движений в прошлом, настоящем и будущем.

При наличии такого успеха не знаешь, чему больше удивляться: то ли игре судьбы, открывшей мне столько новых наук при помощи небольшого исследования ассоциации, которая служит ключом к ним; то ли легкомыслию ученых, целые двадцать пять веков не размышлявших над этим вопросом, несмотря на исчерпание ими стольких других отраслей исследования. Полагаю, вопрос будет разрешен в мою пользу, и размеры моих открытий будут изумлять меньше, чем беспечность веков, пренебрегавших такими открытиями.

Я уже утешил ученых в их невзгоде, поведав им, что всех их ждет обильная жатва славы и богатства; новых наук много больше, чем золотых россыпей при открытии Америки. Но не обладая знаниями, необходимыми для развития этих наук, я возьму себе только одну единственную науку о *социальном движении.* Все остальные я оставляю людям различных категорий, обладающим эрудицией. Это — великолепное поле для их размышлений.

Как нуждались они в этой новой пище! Ученые всех категорий изнемогали и жалко прозябали. Они двадцать раз пережевали и перетряхнули все, вплоть до последнего зернышка в известных науках; им только и оставалось, что выдумывать софизмы для последующего их опровержения и писать целые тома за и против, то выдвигая, то опровергая каждое ошибочное положение.

Отныне картина (scène) меняется: от абсолютного убожества ученые перейдут к необъятному богатству; жатва будет

столь обильна, что все они смогут принять в ней участие и стяжать колоссальную славу, потому что они первые начнут разработку этого научного пласта, жилы которого сулят им богатство. Начиная со второго мемуара, где я буду трактовать движение *животное и органическое,* каждый сообразно своей компетенции сможет наметить себе объект для разработки и сочинять трактаты по линии точных наук. Я настаиваю на термине *«точная наука»:* этот термин совершенно неуместно применяется к наукам расплывчатым и капризным, какова ботаника, различные системы ее имеют в основе совершенно произвольную классификацию. Они не имеют ничего общего с естественным методом, который заключается в сведении всех форм и свойств созданных предметов к единому общему типу, к математической системе человеческих страстей.

Я дал понять, что науки станут, наконец, развиваться определенным образом на основе единого неизменного метода. Уже во втором мемуаре я дам некоторое представление об этом методе, который сводит все к нашим страстям. Во всем существующем этот метод обнаруживает картину игры страстей, и эта аналогия внесет в самые неприятные исследования, например, анатомические, больше прелести, чем представляет для нас сейчас изучение цветов.

К числу счастливых результатов этого метода относится прежде всего открытие специфических лекарств от каждой болезни. Нет недуга, от которого не существовало бы одного или нескольких противоядий в том или другом из трех царств; однако, не обладая правильной теорией для отыскания неведомых лекарств, медицина вынуждена была итти ощупью на протяжении веков и даже тысячелетий, пока случайно не попадалось лекарство; так и не найдено до сих пор естественного противоядия от чумы, бешенства и подагры: они будут найдены благодаря теории четырех движений. Медицина, как и все другие науки, выйдет, наконец, из длительного младенческого состояния и на основе точного исследования *контрдвижений* поднимется на ступень познания всего того, что до сих пор было для нее непостижимо.

IV

Заблуждения разума благодаря неточным наукам

Слава и знание несомненно желательны, но при отсутствии благосостояния их недостаточно. Просвещение, трофеи и другие иллюзии не ведут к счастью, которое заключается прежде всего в обладании богатством. Ученые при цивилизации обычно несчастны, потому что бедны: дарами счастья они будут наслаждаться лишь при новом общественном (sociétaire) строе, идущем на смену цивилизации. При этом социальном строе любой ученый или артист при наличии действительной заслуги станет обладателем колоссального богат-

ства; ниже я укажу, как будет устанавливаться заслуга путем ежегодной постановки на голосование во всех кантонах земного шара вопроса о творениях, достойных увенчания.

Но рисуя точным наукам и искусствам открывающуюся перед ними блестящую карьеру, в каком тоне вещать мне о буре, которая разразится над старыми идолами цивилизации — неточными науками? Облечься ли мне в длинные траурные одежды, чтобы объявить политикам и моралистам, что пробил для них роковой час и что их огромные галлереи с фолиантами погрузятся в Лету забвения; что Платоны, Сенеки, Руссо, Вольтеры и все корифеи неточных наук в античном и новом мире будут преданы забвению (я имею в виду не их литературные произведения, а лишь то, что имеет отношение к политике и морали).

Этот крах библиотек и репутаций не содержит в себе ничего оскорбительного для философского корпуса, так как его самые знаменитые представители уже сошли в могилу и не будут лицезреть своего бесчестья. Что касается их живых последователей, пусть посвятят свои размышления счастью, их ожидающему, и познают радость проникновения в святилище природы, куда не имели доступа их предшественники.

Разве не предвидели они постоянно грозу, собиравшуюся над их головой? Они предвещали ее в своих знаменитых писаниях от Сократа, надеявшегося, что в один прекрасный день свет снизойдет на человечество, до Вольтера, который, горя нетерпением это видеть, восклицает: «Какой густой мрак окутывает еще природу!» Все сознают бессилие науки и заблуждения разума, который они задумали совершенствовать: все вместе с Варфоломеем в один голос заявляют: «Эти библиотеки, мнимые сокровищницы божественных знаний, — лишь жалкое скопище (dépôt) противоречий и ошибок».

К сожалению, это правда! За двадцать пять столетий существования наук политических и моральных ими не сделано ничего для счастья человечества: они способствовали лишь росту человеческого лукавства прямо пропорционально совершенствованию преобразовательных наук. В конечном счете они увековечили лишь бедность и вероломство, помогая воспроизводить в различных формах те же бедствия. После стольких бесплодных попыток совершенствования социального строя удел философов — лишь смятение и отчаяние. Проблема народного счастья для них — непреодолимый подводный риф: разве зрелище нищеты в наших городах не ярко свидетельствует о том, что потоки философского просвещения — лишь потоки мрака?

Однако овладевшее всеми беспокойство говорит о том, что род человеческий не достиг еще цели, предназначенной ему природой; и эта всеобщая тревога предвещает нам какое-то крупное событие, которое изменит нашу судьбу. Изне-

могая от бедствий, нации жадно цепляются за всякую политическую или религиозную мечту, которая сулит им проблески счастья (lueur de bien être): так отчаявшийся больной рассчитывает на чудесное исцеление. Чудится, что природа шепчет на ухо роду человеческому, что ему уготовано счастье, пути коего неведомы, и что чудесное открытие внезапно рассеет мрак цивилизации.

Разум, как бы ни щеголял он своими успехами, не сделал для счастья ничего, поскольку он не дал человеку того общественного богатства, которое служит предметом всех сокровенных желаний (voeux). Под *общественным богатством* я разумею богатство, имеющее разные ступени, но ограждающее от нужды людей даже наименее богатых и обеспечивающее им по меньшей мере то минимальное благосостояние, которое именуется у нас средним буржуазным достатком. Если бесспорно, что для человека, живущего в обществе, первым источником счастья — после здоровья — является богатство, значит все напыщенные теории разума, не сумевшего обеспечить нам относительного богатства или различных степеней достатка, суть бесполезные, не достигающие цели разглагольствования; и открытие, мною здесь возвещаемое, было бы — подобно теориям политическим и моральным — лишь новым посрамлением разума, если бы оно принесло нам познание и еще раз познание, не дав богатств, необходимых нам в большей мере, чем наука.

Теория судеб осуществит сокровенные желания наций, обеспечив каждому богатство той или иной ступени, которое является предметом всеобщих желаний и обрести которое можно лишь при строе прогрессивных серий. Что касается цивилизации, из недр которой нам предстоит выйти, то я докажу, что она далеко не является производственной судьбой (destinée industrielle) человечества; это лишь временный бич, которым болеет большинство планет в первые эпохи своего существования; для рода человеческого — это лишь преходящая болезнь; как прорезывание зубов в детстве, она затянулась на *лишних две тысячи триста лет* благодаря нерадению философов, пренебрегавших исследованием ассоциации и притяжения. Я докажу, что общества — дикое, патриархальное, варварское, цивилизованное — лишь тернистые пути, ступени для достижения лучшего социального строя, строя прогрессивных серий, который и есть производственная судьба человека и вне которого никакими усилиями наилучших правителей не исцелить бедствий народных.

Итак, тщетно, философы, будете вы нагромождать библиотеки в поисках счастья, поскольку не искоренен самый корень всех социальных зол — разобщенность производства, этот антипод предначертаний бога. Вы сетуете на природу, якобы отказывающую вам в познании ее законов; но поскольку до сей поры вы не сумели их раскрыть, к чему мед-

лить с признанием ублюдочности ваших методов и с изысканием новых? Либо природа не хочет счастья людей, либо ваши методы осуждены природой, так как они не помогли вырвать у нее тайну, которой вы добиваетесь. Видели ли вы, чтобы она противодействовала усилиям физиков, как противодействует вашим усилиям? Нет, потому что физики изучают ее законы, вместо того чтобы диктовать ей свои собственные; а вы изучаете лишь искусство глушить голос природы, глушить влечение (attraction), которое есть толкователь природы, так как в каком бы направлении оно ни действовало, оно способствует формированию прогрессивных серий. Какой контраст между вашими промахами и чудесами, которые вершат точные науки! Вы изо дня в день добавляете новые заблуждения к заблуждениям античного мира, а физические науки каждый день преуспевают на путях истины и бросают на современную эпоху лучезарный свет, по силе равный позору, неизгладимую печать которого ваши фантасмагории наложили на XVIII столетие.

Мы будем свидетелями зрелища, которое лишь однажды можно видеть на каждой планете; я имею в виду внезапный переход от дисгармонии (incohérence) к социальной комбинации. Это самый блестящий результат движения, которое может происходить в мире; чаяние этого результата должно вознаградить современное поколение за все его бедствия. В процессе этой метаморфозы каждый год будет значить больше, чем целые века существования, и будет изобиловать событиями столь изумительными, что без предварительной подготовки не подобает приоткрывать над ними завесу; это побуждает меня отнести к третьему трактату теорию комбинированного строя, или прогрессивных серий, а в данный момент возвестить лишь общие результаты. Эти результаты таковы: внезапный переход дикарей к производству, освобождение варварами женщин и рабов, чья свобода необходима для образования прогрессивных серий; установление единства на земном шаре — единого языка, единых мер, единых типографских знаков и других способов общения.

Что касается отдельных особенностей сосиетарного строя, наслаждений, которые он нам принесет, то, повторяю, придется умерить свой пыл, возвещая их цивилизованным. Удрученные вечными бедствиями и философскими предрассудками, они вообразили, что сам бог уготовил для них страданье или незавидное счастье (bonheur médiocre); им не освоиться сразу с идеей благосостояния, которое их ожидает, и ум их восстанет, если им без предосторожности нарисовать перспективу тех наслаждений, которые уже не за горами. Ведь для организации каждого сосиетарного кантона потребуется не больше двух лет, а для установления строя прогрессивных серий на всем земном шаре — не свыше шести лет, даже при максимальных сроках.

В комбинированном строе с самого начала будет тем больше великолепия, чем дольше его ждали. В век Солона Греция могла уже его установить: ее роскошь достигла уже ступени достаточной, чтобы приступить к такой организации. Но в наши дни роскошь и утонченность вдвое превысили достижения афинян (они не знали ни рессорных колясок, ни хлопчатобумажных и шелковых тканей; ни сахара, ни иных американских и восточных продуктов; ни компаса, ни очков, ни других научных изобретений современного человека; не преувеличивая, можно сказать, что наши средства наслаждения и роскоши по меньшей мере вдвое превысили их возможности). Тем великолепнее развернется у нас комбинированный строй; теперь мы пожнем плоды успехов XVIII века в области физических наук — успехов, бесплодных доселе. В недрах цивилизации чудеса науки скорее гибельны, чем полезны для счастья, потому что, умножая средства наслаждения, они тем самым отягчают нужду огромного большинства, лишенного самого необходимого; они прибавляют мало к утехам сильных мира, пресыщенных отсутствием разнообразия в развлечениях, и только усиливают коррупцию, увеличивая приманки для жадности.

До сей поры наука, совершенствуя роскошь, работала лишь на плута: ему в обществе варварском и цивилизованном достичь богатства легче, чем праведнику. Эта несуразица заставляет заключить одно из двух: либо зловреден бог, либо зловредна цивилизация. Рассуждая разумно, приходится остановиться на втором умозаключении: нельзя допустить, чтобы бог был злодеем, а он действительно был бы таков, если бы осудил нас на вечное прозябание в лоне гибельной цивилизации.

Вместо того чтобы рассматривать проблему под этим углом зрения, философы старались уклониться от рассмотрения вопроса о человеческом коварстве, чтобы не взять под подозрение либо цивилизацию, либо бога. Они усвоили межеумочный взгляд, точку зрения атеизма: гипотеза безбожия избавляет ученых от исследования предначертаний божьих и побуждает их выдавать собственные сумасбродные и сумбурные теории за правило добра и зла. Атеизм чрезвычайно удобен для политических и моральных невежд, и те, кто снискал славу сильных умов за свою исповедь атеизма, на самом деле проявили этим свою слабую изобретательность. Боясь потерпеть крушение при исследовании предначертаний божьих относительно социального строя, они предпочли отрицать самое существование бога и восхвалять как совершенство данный строй цивилизации, который они втайне ненавидят и лицезрение которого сбивает их с толку до такой степени, что они начинают сомневаться в самом провидении.

Эту оплошность совершают не только философы: если нелепо не верить в бога, то не менее нелепо верить в него

наполовину, думать, что его промысел не всеобъемлющ, что он пренебрег заботой о наших самых неотложных потребностях, какова потребность в социальном строе, который обеспечил бы нам счастье. Глядя на чудеса нашей промышленности, огромные суда и иные чудеса, преждевременные для нас, принимая во внимание наше политическое младенчество, нельзя себе представить, чтобы бог, расточавший нам столько божественных знаний, намерен был отказать нам в искусстве общественного строительства (l'Art social), без которого все остальное — ничто. Не заслуживала ли бы порицания непоследовательность бога, если бы такое количество благородных наук, к которым он нас приобщил, служили лишь цели создания общества со столь отвратительными изъянами, как цивилизация?

V

Общее предубеждение цивилизованных

Ознакомившись с моим изобретением, которому суждено освободить род человеческий от хаоса цивилизации, варварства и дикости, обеспечить ему больше счастья, чем он осмеливается желать, и раскрыть перед ним тайны природы, к которым он не надеялся когда бы то ни было приобщиться, толпа людей не преминет обвинить меня в шарлатанстве, а мудрецы сдержанно будут называть меня мечтателем.

Не останавливаясь на мелких выпадах, к которым должен быть готов любой изобретатель, я постараюсь склонить читателя к беспристрастному суждению.

Почему самые знаменитые изобретатели, Галилей, Колумб и др., становились объектом преследований или в лучшем случае насмешек, прежде чем их выслушивали? Главных причин тому две: *общее злополучие и гордость ученых.*

1. *Общее злополучие.* Когда какое-либо изобретение сулит счастье, люди боятся надеяться на благо, которое представляется им сомнительным; они отвергают перспективу, способную разбудить едва приглушенные желания, обострить в них несбыточными чаяниями чувство неудовлетворенности. Так, бедняк, неожиданно выиграв состояние или получив наследство, на первых порах отказывается этому верить: он оттолкнет принесшего эту радостную весть и обвинит его в глумлении над его нищетой.

Таково первое препятствие, на которое я натолкнусь, возвещая роду человеческому предстоящий ему переход к огромному счастью, надежда на которое в нем угасла за пять тысячелетий социальных бедствий, якобы неизлечимых. Обещай я благосостояние средней руки, меня бы приняли лучше; это побуждает меня значительно умерить картину грядущего счастья. Узнав всю его безмерность, люди удивятся тому, что я медлил с опубликованием моего открытия, обнаружил

столько сдержанности и усвоил столь ледяной тон, возвещая событие, которое должно пробудить столько энтузиазма.

2. *Гордость ученых* — второе препятствие, которое мне придется преодолевать. Любое блестящее изобретение возбуждает зависть в тех, кто мог бы его сделать; люди негодуют на неизвестного, который единым махом поднимается на вершину славы; они не прощают современнику проникновение в тайны, куда каждый мог бы проникнуть до него; ему не прощают, что он затмил былые достижения науки и намного опередил самых знаменитых ученых. Такой успех воспринимается существующим поколением как оскорбление; оно забывает о благодеяниях, которые несет с собой открытие, и помышляет лишь о позоре, который ляжет на век, прозевавший это открытие; и каждый, прежде чем рассуждать, мстит за свое оскорбленное самолюбие. Вот почему автора блестящего изобретения преследуют раньше, чем изобретение исследуют и составят себе о нем суждение.

Никто не станет завидовать Ньютону; его исчисления столь мало доступны, что рядовой ученый на них не претендует. Но любого Христофора Колумба делают мишенью нападок, его готовы разорвать в клочья, потому что его идея — отправиться на поиски нового материка — столь проста, что она каждому могла прийти в голову. И люди молчаливо договариваются перечить изобретателю, мешать осуществлению его идей.

Я взял этот пример, чтобы ярче выявить всеобщее коварство цивилизованных в отношении изобретателей.

Невежественный папа метал в Колумба громы и молнии церковного осуждения; между тем, разве он не больше других был заинтересован в успехе плана Колумба? Несомненно так. Ведь едва была открыта Америка, как его преосвященство стал раздавать приходы в новом мире, считая для себя удобным использовать открытие, самая мысль о котором раньше возбуждала в нем гнев. Эта непоследовательность главы церкви типична для людей вообще: его предрассудки и его самолюбие мешали ему видеть свои собственные интересы. Рассуждая, он понял бы, что святой престол, имея в ту пору возможность устанавливать временный суверенитет над вновь открытыми землями и подчинять их своей религиозной власти, был всецело заинтересован в поощрении мероприятий, направленных к открытию нового материка. Но папа и папский совет, в силу болезненного самолюбия, не рассуждали вовсе. Это убожество свойственно всем векам и всем людям. Такие помехи стоят на пути всякого изобретателя, он должен быть готов к преследованиям в меру величия своего открытия, особенно если это человек никому неизвестный и если никакие предварительные изыскания не протянули нити к тем открытиям, ключ от которых случайно оказался у него.

Если бы я имел дело с веком справедливым, который искренно старается проникнуть в тайны природы, было бы приятно ему доказать, что последователи Ньютона лишь наполовину истолковали закономерность того движения, которое они исследовали, — *движения небесных тел.*

Действительно, они ничего не могут вам сказать относительно системы распределения небесных светил. Самый ученый их последователь — Лаплас — не сумеет пролить хотя бы каплю света на разрешение следующих проблем:

Каковы правила размещения небесных светил, ранг и место, предназначенное звездам?

Почему Меркурий является первым?

Почему Уран* так удален от солнца, почему он меньше Сатурна? А Юпитер, разве он не должен был бы находиться ближе к очагу света?

Какова причина большей или меньшей эксцентричности орбит?

Каковы принципы сочетания или соединения (accolade ou conjugaison)?

Почему некоторые небесные тела носят характер лун и прикованы к одному стержневому, как спутники Юпитера, Сатурна и Урана?

Почему другие, например, Венера, Марс и пр., движутся по свободной орбите?

Почему Уран, будучи в шестнадцать раз меньше Юпитера, имеет восемь лун, а Юпитер только четыре? Разве не подобает колоссальному Юпитеру иметь бо́льшее количество лун? Ведь он в силу своих размеров мог бы управлять количеством лун в шестнадцать раз бо́льшим, чем Уран! Это распределение странным образом противоречит теореме, согласно которой сила притяжения прямо пропорциональна массе.

Почему на основании той же теоремы огромный Юпитер не притягивает к себе и не вовлекает в свою орбиту (n'attire et ne se conjugue-t-il pas) четыре маленьких небесных тела — Юнону, Цереру, Палладу и Весту, — расположенных столь близко к нему? Но и вовлекши их в свою орбиту, он все же имел бы лишь восемь лун, подобно Урану, в шестнадцать раз меньшему, чем он; этот груз был бы для него все-таки минимальным.

Почему у Сатурна есть светозарные кольца, а у Юпитера их нет, несмотря на то что Сатурн получает от своих семи лун больше света, чем Юпитер от своих четырех?

Почему у Земли есть луна, а у Венеры ее нет?

Почему наша луна, Феб, в отличие от Венеры и от Земли, не имеет атмосферы?

Каково различие функций между светилами сопряжен-

---

* Фурье называет Уран Гершелем, по имени астронома, открывшего его в 1871 г. — *Ред.*

ными, или спутниками, подобно Фебу, планетами, имеющими луны, как Земля, Юпитер, и одинокими, как Венера, Марс, Меркурий, Веста?

Какие изменения претерпела и будет претерпевать система распределения планет?

Каковы планеты, нам неведомые? Где они расположены? Где их искать? Каковы их размеры, их функции?

Такими вопросами можно заполнить двадцать страниц, и наши ученые не сумеют на них ответить; значит, у них нет представления о системе *распределения,* им неведомы в большей части законы движения небесных светил, и они ошибаются, воображая, что уяснили себе это движение.

А я с момента моих открытий в 1814 году даю надлежащие ответы на все эти вопросы. Спрашивается, не я ли решил задачу, которую последователи Ньютона только поставили, но не разрешили?

Однако полное познание закономерности движения небесных тел охватит лишь одну отрасль мирового движения; остается уяснить себе и другие отрасли, в том числе движение страстей или движение социальное; от уяснения себе этого зависит единая организация рода человеческого, осуществление социальных судеб. Открыть же это можно лишь на основе изучения всех совокупных законов движения, а последователи Ньютона уловили лишь обрывок, не дающий ключа к счастью (un lambeau, très inutile au bonheur).

Выдвигая общую теорию движения, следовало бы возглавить ее чьим-либо крупным именем, чтобы обеспечить ее рассмотрение и проверку. Если бы Ньютон или кто-либо из его соперников или последователей, каковы Лейбниц, Лаплас, провозгласили *теорию притяжения страстей,* счастье бы им улыбнулось; благодаря такой вывеске люди сочли бы вполне естественным распространение на эту область уже открытых законов тяготения материи и усмотрели бы прямое следствие мирового единства в том, что принцип материальной гармонии оказывается применимым к теории страстей или к социальной теории; благодаря престижу, которым пользуется Ньютон или другая знаменитость, вся свора критиков заранее рукоплескала бы изобретателю; ему воспевали бы хвалу научного парии, одного из тех парвеню, которые не являются уделом человека неизвестного, какого-либо провинциала или даже академиками, вся эта шайка предает несчастного анафеме. Пример тому — Христофор Колумб. За высказанную им мысль о существовании нового материка его целых семь лет высмеивали, травили, отлучали: не навстречу ли подобной невзгоде иду и я, возвещая новый социальный мир?

Итти вразрез с общепринятыми мнениями нельзя безнаказанно; и философия, царящая в XIX веке, поднимет на борьбу со мной больше предрассудков, чем подняло суеверие в борь-

бе с Колумбом в XV* веке. Однако нашел же он в лице Фердинанда и Изабеллы менее предвзятых и более справедливых монархов, чем лучшие умы того века. Почему бы и мне, подобно Колумбу, не надеяться на поддержку какого-либо монарха, более ясновидящего, чем современники? Я знаю, софисты XIX века, подобно софистам XV века, будут твердить, *что никакие новые открытия невозможны;* но разве не найдется самодержца, который пошел бы на эксперимент, как пошли кастильские монархи? Они рисковали немногим, снаряжая наудачу корабль для открытия нового мира и грядущего завладения им; точно так же и монарх XIX века может себе сказать: «Рискнем на площади в одну квадратную милю произвести опыт с земледельческой ассоциацией. Риск невелик, между тем как есть шансы извлечь род человеческий из общественного хаоса, взойти на престол мирового единства и передать нашему потомству на веки-вечные мировой скипетр».

Я указал на предрассудки, которыми будут орудовать против меня людское злосчастье и гордость ученых. Таким образом я хотел подготовить читателя к сарказмам толпы, которая всегда рубит с плеча там, где она ничего не знает, и противопоставляет разумным рассуждениям игру слов; этой манией заражен даже мелкий люд: всюду укоренилось зубоскальство. Когда же правильность моего открытия будет доказана и приблизится момент пожать его плоды, когда универсальное единство готово будет водвориться на развалинах варварства и цивилизации, тогда критики столь же внезапно перейдут от презрения к упоению; они возведут изобретателя в сан полубога и вновь унизятся до заискивания, предварительно унизившись до опрометчивого глумления.

Что касается людей беспристрастных, которых на свете очень мало, то мне нравится их недоверчивость, и я предлагаю им отложить свое суждение до того, как я их ознакомлю с механизмом прогрессивных серий. Два первых мемуара не затронут еще этого вопроса; их целью будет расчистить пути и освоить человеческий разум с избытком счастья, которое людям уготовано.

VI

План

В этих двух мемуарах я буду освещать следующие вопросы:

Что такое судьбы? из каких отраслей складывается их общая система? какими приметами и какими средствами располагал человеческий разум для изобретения общей системы судеб?

---

* Во 2-м французском издании вместо в XV веке, напечатано — в XIV веке. *Прим. ред.*

Эти вопросы я не буду разобщать: мне было бы трудно освещать их раздельно. В этом труде будет много повторений, быть может, требуется еще больше, чтобы приковать внимание читателя к предмету столь новому и столь противоположному философским предрассудкам, которыми все заражены.

Этот проспект я подразделю на три части: *экспозицию, описание и конфирмацию.*

1. *В экспозиции* будут трактоваться некоторые категории общих судеб; тема столь возвышенная и обширная заинтересует немногих читателей, но здесь будет разбросано много довольно занимательных подробностей, которые вознаградят читателя за некоторую сухость. Итак, эта первая часть предназначается для *любознательных,* для людей усидчивых, которые не остановятся перед преодолением трудностей ради проникновения в глубокие тайны; они будут приятно удивлены, ознакомившись в этой первой части с целым рядом положений относительно происхождения обществ, их последующего чередования (succession future) и материальных и социальных революций, предстоящих нашей Земле и другим мирам.

2. *Описания* ознакомят читателя с некоторыми особенностями частных или домашних судеб при комбинированном строе; они дадут некоторое понятие о сулимых им наслаждениях и в этой плоскости предназначаются специально для сибаритов, или *любителей наслаждений.* Предвкушение прелестей комбинированного строя поможет им понять, до какой степени род человеческий находится в плену у обманывающих его философов; они долго таили от нас пути к счастью, упорно критикуя тяготение страстей, стараясь эти страсти подавлять, глушить, вместо надлежащего их изучения.

3. *Конфирмация* будет основана на доказательствах ошибочности современных научных знаний (lumières actuelles); я докажу систематическую оплошность цивилизованных и в числе прочего новейшую оплошность, под знаком которой строится их политика: я имею в виду *коммерческий дух.* Я отмечаю растущий практицизм (empirisme croissant) неточных наук и революции, навстречу которым мы идем, отдаваясь под их покровительство. Эта третья часть предназначена для *критиков;* они должны признать, что общественный организм ныне больше, чем когда бы то ни было, находится под влиянием мистифицирующих его философов, несмотря на их кажущуюся удрученность; что меркантильные системы — последний ресурс этих софистов — своей абсурдностью превосходят все виданное человечеством и достойно венчают все нелепости цивилизации.

Путем такого распределения материала в проспекте я надеюсь польстить вкусам читателей различных категорий, так как каждый из них может быть отнесен либо к любознательным, либо к любителям наслаждений, либо к критикам.

И тех и других прошу помнить, что в рамках проспекта я не могу подробно останавливаться на доказательствах и что, возвещая столько чудесных событий, делая столько непонятных умозаключений, я не претендую на то, чтобы мне верили на слово: я пытаюсь лишь возбудить любопытство, чтобы привлечь внимание к последующим мемуарам, где будет дана теория, содержащая множество сведений, подкрепляемых доказательствами. Эти научные данные тем чуднее, что каждый сможет легко их постигнуть, потому что они вытекают из весьма простых рассуждений относительно *земледельческой ассоциации, образуемой прогрессивными сериями.* Таков скромный зачаток самого блестящего из открытий. Так величайшая река зачастую в своих истоках оказывается смиренным ручейком, и лавина, сметающая деревни и села, в месте своего рождения — лишь воздушные хлопья снега.

[Если самые точные науки, науки математические, в сфере которых тысячи трактатов соперничали друг с другом в теоретическом совершенстве, если даже эти науки представляют для каждого изучающего их трудности и содержат непонятные места, в которые приходится вчитываться не раз, прибегая к помощи учителя, то вполне понятно, что еще больше трудностей представит изучение притяжения страстей: эта наука едва вылупилась на свет, она переживает свою зарю, и последующее изложение ее неизбежно будет страдать тремя недостатками:

1. Оно будет носить характер проспекта, расплывчатых набросков, которых даже в случае полнейшей ясности контуров недостаточно для приобщения к знанию читателя, потому что по каждому вопросу я даю лишь введение.

2. Излагать науку будет человек, чуждый литературного мастерства; предварительная критика не указала ему на степень детализации, требуемую для каждой отдельной части трактуемого предмета.

3. Элементарные, ограниченные и неполноценные знания, приобретенные автором в период 1799—1807 гг., но значительно расширенные с той поры.

При наличии этих трех помех, как мог я в 1807 г. ввести в курс дела и удовлетворить читателей, которые будут нуждаться в наставлениях и после того, как я опубликую трактат в 1821 г., а умники (beaux esprits), плагиаторы и прочие присоединят к нему свои прозаические замечания.

Что касается данного проспекта, то спустя десять лет по его первоначальном опубликовании я полагаю, что ввиду успехов, сделанных за это время наукой, к нему нужно присоединить комментарий более обширный, чем само сочинение. Итак, терпение до 1821 г.]

Часть первая

ЭКСПОЗИЦИЯ НЕКОТОРЫХ ВЕТВЕЙ ВСЕОБЩИХ СУДЕБ

АРГУМЕНТ

Предвидя, что этой первой части поставят в упрек сухость, я предупреждал, что эта часть предназначается для людей, склонных к исследованию, а отнюдь не для людей поверхностных. Услыхав одним ухом о наслаждениях, сулимых комбинированным строем, люди ожидали найти здесь картину этих наслаждений, увидеть прогрессивные серии в действии и познакомиться при чтении с соблазнительными подробностями домашней жизни, тонкими меню пиршеств, разнообразием любовных утех, празднеств, спектаклей, приключений, путешествий и т. д., и с той упоительной утонченностью, которая характеризует этот новый строй во всех его проявлениях, вплоть до самых ничтожных работ.

Сгорая от нетерпения при описании этих утех, совершенно неведомых цивилизации, кое-кто из читателей будет усиленно жаждать полной картины строя; но правильная постановка дела требует, чтобы прежде чем вдаваться в мельчайшие детали, я ознакомил читателя с общими судьбами планеты.

Итак, я собираюсь пролить свет на период жизни нашей планеты, обнимающий восемьдесят тысячелетий растительной жизни на ней. Я остановлюсь на различных актах творения, идущих вслед за теми, результаты коих мы видим, причем ближайший последующий акт творения наступит четыреста лет спустя. Я ознакомлю с физическими изменениями, которым должен подвергнуться наш земной шар на протяжении этих восьмидесяти тысячелетий своего существования; в течение семидесяти тысячелетий северный полюс будет полностью культивирован благодаря светозарному кольцу или северному венцу (couronne boréale), который народится после двух веков существования комбинированного строя.

Как я уже сказал, вначале чтение моего труда будет сопряжено для читателя с трудностями; но излагать без какого бы то ни было метода, в угоду любопытным, значило бы дать слишком много козырей в руки критике; и хотя это лишь

проспект, а не самая теория, однако необходимо, чтобы в нем были освещены все общие судьбы нашей планеты прежде, чем судьбы отдельного человека.

В ходе изложения и в сопутствующих ему примечаниях читатель будет встречать разного рода таблицы, где номенклатура может показаться ему неправильной, неудачной, так как я плохо владею французским языком. Итак, предлагаю обращать внимание преимущественно на мысли, а не на терминологию, в области которой, признаюсь, я слаб. Если мне подскажут более правильную терминологию, я охотно ее усвою.

ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ

Мне приходится начать с исключений, чтобы избавить читателя от бесконечного множества возражений, которые в противном случае он не преминул бы выдвинуть.

При всех рассуждениях о притяжении и социальном движении надо учитывать наличие исключений, охватывающих одну восьмую или одну девятую соответствующих явлений; впредь я всегда буду это подразумевать, без специальных упоминаний на этот счет. Например, выдвигая общее положение: *цивилизованные весьма несчастны,* я этим самым хочу сказать, что семь восьмых или восемь девятых общего количества людей переживают бедствия и лишения и только одна восьмая свободна от этой общей участи и наслаждается завидной долей*.

Если я добавляю, что счастье, которым наслаждается небольшое количество цивилизованных, тем утомительнее для толпы, что баловни судьбы зачастую наименее достойны ее благодеяний, это положение опять-таки имеет исключения, простирающиеся на одну восьмую или одну девятую явлений, и лишь в одном случае из восьми судьба благоприятствует достойным. Но этот проблеск справедливости лишь ярче оттеняет систематическую несправедливость судьбы при цивилизации.

Резюмирую: наличие исключений, захватывающих одну восьмую или одну девятую явлений, лишний раз подтверждает правильность всех моих положений. Итак, я считаю излишним упоминать об исключениях в каждом отдельном случае, и читатель не должен аргументировать исключениями,

---

* Разве не важно, чтобы бог возвел некоторых на ступень благосостояния, недоступную огромному большинству, и показал людям зарницы счастья, которого мы, как общее правило, лишены. Не будь этого, цивилизованные не почувствовали бы своего несчастья. Зрелище чужого богатства — единственный стимул, который может возбудить в ученых, обычно бедных, досаду и побудить их к поискам нового социального строя, способного дать цивилизованным благосостояние, которого они лишены.

так как они только подтверждают мои положения. Я неоднократно буду это повторять, чтобы читатель не забыл.

Исключение захватывает не обязательно одну восьмую или одну девятую явлений; цифра может меняться, но чаще всего это именно так, и этого я буду придерживаться в моих расчетах.

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ О СУДЬБАХ

(Пять первых глав следует перечитывать по меньшей мере дважды, а лучше трижды для правильного понимания последующих глав, которые не представят никаких трудностей для тех, кто хорошо разберется в пяти первых.)

I

Определение и разграничение

Судьбы это — результат действия — в настоящем, прошедшем и будущем — математических законов бога для мирового движения.

Мировое движение подразделяется на четыре главные ветви: *социальное, животное, органическое и материальное.*

1. *Движение социальное.* Теория этого движения должна объяснить законы, согласно которым бог установил распорядок и последовательность различных социальных механизмов на всех обитаемых планетах.

2. *Движение животное.* Эта теория должна объяснять законы, согласно которым бог распределяет страсти и инстинкты меж существами минувшего и грядущего творения на различных планетах.

3. *Движение органическое.* Эта теория должна объяснять законы, согласно которым бог наделяет свойством, формой, цветом, вкусом и т. д. все субстанции, созданные или имеющие быть созданными на различных планетах.

4. *Движение материальное.* Теория этого движения, уже объясненная современными геометрами, знакомит нас с законами, согласно которым бог установил тяготение материи для различных планет *.

---

* Фурье внес впоследствии следующие исправления в это подразделение:

Стержневое движение. — *Социальное,* или движение страстей.

Главные движения (Cardinaux)	Аромальное [1]
	Инстинктивное
	Органическое
	Материальное

[1] Движение аромов, или система распределения ведомых и неведомых человеку аромов, дающих направление действиям человека и животных, образующих зачатки ветров и эпидемий. — *Ред.*

Нет такого движения, которое не было бы включено в одно из этих четырех подразделений; их совокупность образует все мировое движение. Нам известна *лишь четвертая его ветвь, движение материальное;* но и оно объяснено лишь частично, потому что ученые геометры, провозглашая законы, устанавливающие распорядок среди тел небесных, не ведают того, каким изменениям могли подвергаться звездные круговороты сотни тысяч лет назад и каким изменениям они могут подвергнуться сотни тысяч лет спустя. И, наконец, они не умеют распознать минувшие и грядущие революции мира. Эти мои исследования, доступные для всех, являются частью теории материального движения, из чего явствует, что эта теория не носила раньше законченного характера (n'était pas complètement inventée).

II

Иерархия четырех движений

Этому вопросу следовало бы посвятить целую главу, но она была бы мало доступна для огромного количества читателей, и я ограничусь по этому вопросу примечанием *. Его

* Все четыре движения подвержены двоякого рода зависимости:

Первая. Законы всех четырех движений координированы с математическими законами: без этой зависимости в природе не было бы гармонии, и бог был бы несправедлив. На самом деле: природа состоит из трех принципов извечных и незыблемых:

1) бог, или дух, принцип активный и движущий;

2) материя, принцип пассивный и движимый;

3) справедливость, или математический закон, принцип регулирующий движение.

Для установления гармонии между этими тремя принципами необходимо, чтобы бог, приводя в движение и модифицируя материю, действовал в согласии с математическими законами; без этого и в наших глазах и в своих собственных его действия были бы произвольны ввиду их несогласованности со справедливостью независимой от него. Но если бог подчиняется математическим правилам, изменить которые он не может, в этом согласии с ними он обретает свою славу и свою выгоду:

Славу, поскольку он может доказать людям, что управляет миром по справедливости, а не по произволу; что приводит в движение материю согласно законам, не подверженным изменению, *свою выгоду,* поскольку согласование с математическими законами дает ему возможность получить во всем движении максимум результатов при затрате минимума энергии.

Мы уже знаем, что оба вида движения, и материальное и органическое, согласованы с геометрией, что все тела как одушевленные, так и неодушевленные, построены, движимы и модифицируются согласно ее законам. Итак, две ветви движения из четырех соответствуют справедливости естественной и независимой от бога.

Остается убедиться в том, что два других вида движения, животное и социальное, представляющие игру страстей, следуют тому же правилу и что страсти, каковы бы они ни были, даже самые отвратительные, и у человека и у животного приводят к следствиям на основании геометрических принципов, соблюдаемых богом.

Так например: свойства *дружбы* — слепок со свойств *окружности;*
свойства *любви* — слепок со свойств *эллипса;*

можно опустить как отнюдь не необходимое для понимания последующего и представляющее интерес лишь для немногих.

III

Движение социальное

Мы уже видели, что теория социального движения должна определять порядок и последовательность различных социальных механизмов, которые могут сложиться на всех планетах и охватывать прошлое, настоящее и будущее.

свойства *отцовства* — слепок со свойств *параболы;*
свойства *честолюбия* — слепок со свойств *гиперболы;*
А коллективные свойства этих четырех страстей — слепок со свойств *циклоида.*

Таким образом каждая геометрическая теорема послужила типом для какой-нибудь страсти людей или животных, и эта страсть неизменно сохраняет связь с теоремой, сообразно которой она создана. В примечании *А* мы уже видели, что страстные групповые серии имеют прототипом законы и свойства геометрических рядов.

Вторая зависимость. Движение социальное типично для трех остальных; движения животное, органическое и материальное координированы по социальному, первому по рангу (le premier en ordre); иными словами, свойства животного, растения, минерала и даже круговорота небесных тел воспроизводят какие-либо проявления человеческих страстей в общественном строе, и все в совокупности — от атома до небесного светила — воспроизводят картину свойств страстей человеческих, например:

Звездные группы млечного пути воспроизводят свойства *честолюбия; группы планет вокруг солнца* воспроизводят свойства *любви.*

Группы *спутников планет* воспроизводят свойства *отцовства.*

Группы *солнц,* или звезд *неподвижных,* воспроизводят свойства *дружбы* [1].

Таким образом, наши страсти, столь уничиженные философами, играют после бога первую роль в мировом движении, после него это есть нечто самое благородное, так как ему было угодно, чтобы весь мир был построен по образцу следствий, порождаемых страстями в социальном движении.

Отсюда явствует, что если какая-либо планета познает законы социального движения, она открывает одновременно и законы других движений, потому что они во все моменты являются иероглифами первого.

И если бы мы еще не знали законов материального движения, познанных современными геометрами, в наши дни эти законы были бы открыты по аналогии с законами социального движения, в которые я проник и которые служат ключом к пониманию всей системы трех других движений. Досадно для рода человеческого, что ученые начали свое исследование с того, чем они должны были кончить, — с законов материального движения, которые труднее всего поддаются определению (les plus difficliles à déterminer) и отнюдь не помогают познанию законов трех других категорий.

Это примечание не удовлетворит читателя; оно служит лишь канвой. Распространяться подробнее здесь не место.

[1] В экземпляре, снабженном примечаниями в последующие годы, Фурье пишет на полях: [Картина неполная; имеются и иные звездные группы, но в 1807 г. мне еще неизвестно было потенциальное исчисление группы ни в плоскости соотношения небесных тем, ни в плоскости соотношения страстей] — *Прим. перев.*

Для любителей посмеяться — повод для иронии.

«Итак, — скажут они, — вы ознакомите нас с тем, что происходит в других мирах — на солнце, на луне, на Юпитере, на Сириусе, на звездах млечного пути и на всех небесных телах».

Разумеется, и вы узнаете помимо того, что происходило там раньше и что будет происходить в последующие века, потому что читать в книге судеб нельзя частично; нельзя определить судьбы одного мира, не овладев методом, приоткрывающим завесу над судьбами всех миров.

Это ознакомление с судьбами других миров для вас отнюдь не безразлично, как это вам может показаться; законы социального движения говорят, что ваши души обойдут эти миры на протяжении вечности и что вечное блаженство, надежду на которое питает в вас религия, будет зависеть от благосостояния других миров, где души ваши еще раз соединятся с материей, после восьмидесятитысячелетнего пребывания на земном шаре, обитаемом нами.

Итак, вы ознакомитесь с социальными механизмами, господствующими на различных небесных телах, со счастливыми или несчастными революциями, которым подвергаются их обитатели. Вы узнаете, что уже пять-шесть тысячелетий, как наша маленькая планета находится в состоянии самом злополучном из тех, в которых может очутиться какой-либо мир. Но исследование, которое откроет вам глаза на счастье, коим наслаждаются в других мирах, даст вам в то же время возможность водворить у нас на земле благосостояние, весьма сходное с благосостоянием более счастливых миров.

Перехожу к картине социальных революций, через которые суждено пройти нашей планете.

IV

Фазы и периоды социального строя на третьей планете, именуемой Землей

Я вам поведаю истину величайшего значения: дело в том, что века счастья будут продолжаться в семь раз дольше веков несчастья, в коих мы живем уже несколько тысячелетий.

Читателю может показаться, что это безразлично для нас, чья жизнь протекала во времена несчастные; но теория социального движения вам покажет, что души ваши в грядущие века тем или иным способом приобщатся к участи живущих; таким образом на протяжении семидесяти тысячелетий вы будете разделять счастье, уготованное нашему земному шару; и под этим углом зрения вы должны интересоваться картиной грядущих революций, через которые пройдет социальное движение на вашей планете.

Существование рода человеческого должно охватить восемьдесят тысячелетий. Дата приблизительная. Эта цифра, как и все цифры, относящиеся к социальному движению, исчисляется с приближением на одну восьмую.

Социальное развитие, охватывающее около восьмидесяти тысячелетий, подразделяется на четыре фазы и на тридцать два периода. Даю таблицу; ее необходимо изучить, чтобы уяснить себе развитие в целом и держать это в памяти.

ФАЗЫ

Имеется: { Две фазы колебания восходящего, или градации. Две фазы колебания нисходящего, или деградации.

КОЛЕБАНИЕ ВОСХОДЯЩЕЕ

Первая фаза

Детство, или состояние восходящей разобщенности, — $\frac{1}{16}$ = 5 000 лет.

Вторая фаза

Рост, или восходящее сочетание, — $\frac{7}{16}$ = 35 000 лет.

КОЛЕБАНИЕ НИСХОДЯЩЕЕ

Третья фаза

Нисхождение, или сочетание нисходящее, — $\frac{7}{16}$ = 35 000 лет.

Четвертая фаза

Дряхлость, или нисходящая разобщенность, — $\frac{1}{16}$ = 5 000 лет.

Итого 80 тысячелетий

Две фазы разобщенности или социального разлада охватывают времена несчастия.

Две фазы сочетания или социального единства охватывают века счастья, продолжительность которых в семь раз превысит продолжительность веков бедствия.

Из этой таблицы видно, что на поприще (la carrière) рода человеческого, точно так же как и индивидуума, века страданий находятся на двух противоположных концах.

Мы находимся в первой фазе — *восходящей разобщенности* (incohérence ascendante), которая предшествует наступлению провиденциальных судеб; мы чрезвычайно несчастны уже 5—6 тысяч лет, история которых уцелела в летописях. С момента сотворения человека прошло всего 7 тысяч лет, и с этого времени жизнь человечества — сплошная цепь мучений.

Понять безмерность наших страданий можно, только уяснив себе огромное счастье, которое нам уготовано и к которому мы безотлагательно перейдем благодаря открытию законов движения. Мы вступим во вторую фазу — *восходящего сочетания* (combinaison ascendante).

Две фазы разобщенности, хотя и весьма краткие, содержат по семи социальных периодов каждая, итого	четырнадцать периодов разобщенности
Две фазы сочетания, хотя и весьма длительные, содержат лишь по девяти социальных периодов каждая, итого...	восемнадцать периодов сочетания

Итого 32 периода, или возможных обществ, не считая промежуточных.

Ниже я даю таблицу этих 32 периодов; запечатлеть ее в памяти трудно; но разве приобретаются какие-либо знания без предварительного изучения? и почему исследование судеб, в отличие от любого другого исследования, не должно иметь своих терний?!

Необходимо проштудировать эту таблицу, чтобы не было надобности обращаться к ней каждый раз, когда речь будет итти о различных фазах и периодах.

Те, кто не захочет потратить четверть часа на изучение таблицы, на сопоставление 4 фаз и 32 социальных метаморфоз эпох 18 актов творения и северного венца, пусть закроют книгу и прекратят чтение, которое ежесекундно будет ставить их в тупик; но все будет ясно и понятно для тех, кто предварительно займется изучением этой таблицы социального движения.

При ознакомлении с таблицей на первых порах поражаешься узкому кругозору философов, уверяющих нас, что цивилизация есть конечная ступень (terme ultérieur) социальных судеб, тогда как на самом деле это лишь *пятое* из 32 возможных обществ и один из 10 самых несчастных периодов, к числу которых принадлежат:

2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й в фазе детства;

31-й, 30-й, 29-й, 28-й, 27-й в фазе дряхлости.

Я именую их периодами злосчастья, так как счастье присуще лишь тем периодам, механизм которых складывается из групповых серий, а не из разобщенных семейств.

Периоды 1-й и 32-й, 7-й и 26-й имеют строй серийный, но гибридного типа; 7-й и 26-й содержат зачатки групповых серий, которые сорганизовались бы в этом виде, если бы род человеческий совершил оплошность при исследовании ассоциации и не пошел бы дальше зачатков. Эти гибридные серии уже весьма счастливы; я дам некоторое представление об этом во второй части, где будет итти речь о прогрессивном хозяйстве.

Род человеческий поднимется на ступень 8-го социального периода (простые комбинированные серии); этот период установится на всем земном шаре и будет длиться по меньшей мере 400 лет, прежде чем явится возможность перехода к 9-му периоду. Этот последний сложится лишь с помощью новых актов творения и северного венца, речь о котором ниже.

На протяжении первой фазы социальное движение являет образ человека, который, увидя ров, отступает для разбега и прыжка; читатель найдет это в моей таблице, где фигурируют термины: «попятное движение», «разбег» и «прыжок». Катиться (tomber) от 1-го периода, счастливого, к 4-му, самому несчастному, значит пятиться назад. Но здесь человек приобретает новую силу — крупное аграрное и мануфактурное производство, которое ширится и растет в периоды разбега 5-й, 6-й, 7-й и, наконец, дает роду человеческому средства, чтобы шагнуть от хаоса к гармонии.

32 общества не должны быть приравнены к 16-ти, хотя и возрождаются в обратном порядке в двух последних фазах; но при своем возрождении они подвергаются значительным изменениям; так, например, цивилизация, возрожденная на закате мира, будет столь же безмятежна, сколь неистова она в наши дни, когда роду человеческому свойственен горячий пыл юности. Поздняя цивилизация будет смягчена воспоминанием об утраченном счастье и мучительным сознанием невозможности восстановления прогрессивных серий; их механизм будет нарушен, расстроен и раздроблен 18-м и последним актом творения, столь же злосчастным, как и наблюдаемый ныне.

Первая фаза, или детство, — единственная фаза, продолжительность которой не установлена точно, а развитие не строго регулярно; этой фазе следовало бы продолжаться всего пять тысячелетий; но бог, наделив нас свободой воли, не может помешать вступлению некоторых планет на ложный путь по вине неточных наук и предрассудков, ими распространяемых наперекор природе и законам тяготения. Эти миры, покрывшись корой философии, могут долго упорствовать в своем ослеплении и считать себя искусными в деле общественного строительства, тогда как на самом деле они умеют поро-

ТАБЛИЦА СОЦИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И СООТНОШЕНИЕ ЕГО 4 ФАЗ И 52 ПЕРИОДОВ

ПОРЯДОК ТВОРЕНИЙ

(Понять эту таблицу можно лишь по изучении последующих глав, содержащих ее объяснение)

ВОСХОДЯЩЕЕ КОЛЕБАНИЕ

ПЕРВАЯ ФАЗА — *ДЕТСТВО ИЛИ ВОСХОДЯЩАЯ РАЗОБЩЕННОСТЬ.* — Годы

Предшествует вредный акт творения (моря не инфецированы)

Первое инфецирование морей южным флюидом (смерть луны и всемирный потоп этому предшествует уменьшение наклонов земной оси)

7 периодов

Примерно

Попятное движение	Первый. Смутные серии. Тень счастья	Предварительные лимбы	Пять периодов несчастья. Организация типа разобщенных хозяйств	Века вероломства, несправедливости, насилия, бедности, революции и физической слабости
	Второй. Дикость			
	Третий. Патриархат			
	Четвертый. Варварство			1/16-5000
Разбег	Пятый. Цивилизация			
	Шестой. Гарантизм			
	Седьмой. Контурные серии. Тень счастья			

Скачок от хаоса к гармонии.

ВОСХОДЯЩИЙ ХАОС

Царство невежества и философии. Столкновение страстей благодаря отсутствию социального искусства.

ВТОРАЯ ФАЗА — *НАРАСТАНИЕ ИЛИ ВОСХОДЯЩАЯ КОМБИНАЦИЯ*

9 периодов

Восьмой. Простые комбинированные серии. Заря счастья — Это тот социальный строй, к которому земной шар перейдет благодаря основанию одного кантона с прогрессивными сериями

Конвертирование ртутного магнита у северн. полюса (намагниченная платина) — 7/16 35000

НАРОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО ВЕНЦА

Дезинфицирование и благоухание морей благодаря северному флюиду; появление ароматических рос на Земле благодаря венцу (этому предшествует увеличение наклона земной оси).

9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16-й. — Сложные восходящие серии — Эти 7 периодов характеризуются 7 актами гармонического *творения*, с промежутками между ними, примерно, в 4000 лет.

ПЕРВОЕ ТВОРЕНИЕ СЕМИ РОДОВ. КУЛЬМИНАЦИЯ ВОСХОДЯЩАЯ

ВОСХОДЯЩАЯ ГАРМОНИЯ

Общественная сознательность, сила земного шара и творения. Развитие и гармоническое сцепление всех страстей.

НИСХОДЯЩЕЕ КОЛЕБАНИЕ

АПОГЕИ СЧАСТЬЯ. СТЕРЖНЕВОЙ ПЕРИОД, ИЛИ АМФИГАРМОНИЧЕСКИЙ

Примерно в 8000 лет.

(временно устойчивое положение земной оси)

ТРЕТЬЯ ФАЗА — *ЗАКАТ, ИЛИ НИСХОДЯЩАЯ КОМБИНАЦИЯ*

(Последующее уменьшение наклона земной оси)

9 периодов — ВТОРОЕ ТВОРЕНИЕ 7 РОДОВ И КУЛЬМИНАЦИЯ НИСХОДЯЩАЯ

17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24-й — Сложные нисходящие серии — Эти 7 периодов характеризуются 7 актами гармонического *творения* с промежутками между ними примерно в 4000 лет.

Моря становятся пресными за отсутствием северного флюида; конец ароматических рос благодаря истощению венца.

7/16-35000

УГАСАНИЕ СЕВЕРНОГО ВЕНЦА

Конвертирование намагниченного железа у южного полюса

25-й — Простые комбинированные серии. Конец счастья — Это 25-е общество, как и 8-е, представляет собою промежуточный строй между гармонией и социальным хаосом.

Прыжок от гармонии к хаосу

НИСХОДЯЩАЯ ГАРМОНИЯ

Эти 16 обществ — от 9-го до 24-го — будут обусловлены столькими же актами творения, из которых каждый даст новые феномены во всех трех царствах и соответственно видоизменит общественные отношения, не внеся никаких изменений в механизм прогрессивных серий.

ЧЕТВЕРТАЯ ФАЗА — *ДРЯХЛОСТЬ, ИЛИ НИСХОДЯЩАЯ РАЗОБЩЕННОСТЬ. ПОСЛЕДНИЙ ВРЕДНЫЙ АКТ ТВОРЕНИЯ, ПАГУБНЫЙ, КАК И ПЕРВЫЙ*

7 периодов — *Второе инфецирование морей южным флюидом*

(Последующее увеличение наклона земной оси)

Отступление:
- 26-й Контурные серии. Следы счастья
- 27-й Гарангизм
- 28-й Цивилизация
- 29-й Варварство

Последние лимбы — 5 периодов несчастья, организованных по типу разобщенных хозяйств — Века вероломства, несправедливости, насилия, бедности, революций и физической слабости

Агония:
- 30-й Патриархат
- 31-й Дикость
- 32-й Смутные серии. Тень счастья

1/16-5000

КОНЕЦ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА ПОСЛЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРИМЕРНО 80000 ЛЕТ

(Духовная смерть земного шара; конец вращения оси, опрокидывание полюсов на экватор; фиксация на солнце; естественная смерть; падение и распад во млечном пути)

ВОСХОДЯЩИЙ ХАОС

Всеобщее потрясение в результате 18-го творения. Столкновение страстей благодаря отсутствию роскоши.

ждать лишь революции, нищету, мошенничество и хищничество. Пока они упорствуют в своей гордости, пока разум не восстает против лжеученых, неудивительно, что разлад укореняется. Что может быть ужаснее хаоса, который царит у нас на земном шаре! Половина его заполонена хищными зверями или дикарями, что одно и то же; что касается другой половины, возделываемой, то три четверти ее захвачены головорезами или варварами, которые порабощают земледельцев и женщин и действуют во всем наперекор разуму. Итак, лишь одна восьмая часть земного шара остается на долю плутов (fripons), или цивилизованных, которые восхваляют свое совершенство, колоссально умножая нищету и разврат. На какой другой планете можно найти беспорядок более отвратительный? Поскольку нации приемлют эту философию, породившую такой политический хаос, можно ли удивляться тому, что род человеческий в своем социальном развитии отстал на несколько тысячелетий; что он целые семь тысячелетий пребывает в детстве, которому следовало бы продолжаться лишь каких-нибудь пять тысячелетий, и что он добрался лишь до пятого из семи периодов социального детства, не достигнув даже шестого, где он обрел бы уже тень благосостояния.

Социальное движение будет регулярно развиваться на протяжении наступающих эпох — *гармонии восходящей и нисходящей,* которые *охватят около 70 тысячелетий.* На протяжении этого длительного периода счастья 16 социальных метаморфоз, или периодических изменений, будут обусловлены новыми, преемственно чередующимися актами творения, которые, внеся новое во все три царства, обусловят соответствующие изменения (modifications) социальных отношений. Но эти изменения будут лишь разнообразить наслаждения и ни в коем случае не вызовут пагубных революций, не считая перехода от периода 24-го к периоду 25-му, который обусловит быстрый закат и возвестит дряхлость земного шара.

Впрочем, 6—7-летнему ребенку не зачем тревожиться по поводу недугов, которые сторожат его на рубеже 80-го года его жизни; так и нам подобает думать лишь о счастье, которое близко и которого наш земной шар никогда не жаждал так горячо, как сейчас.

V

Несколько замечаний о предшествующем пагубном акте творения применительно к первой фазе и восьмому периоду, который открывает вторую фазу*

Акт творения, результаты коего мы видим, есть первый из 18-ти **, которым предстоит последовательно совершаться в процессе социального развития рода человеческого.

* [В 1807 г. я знал лишь в несовершенстве теорию сотворения мира. Два акта творения будут иметь место в начале гармонии и чрезвычайно обогатят все царство.]

** Двадцати шести.

Я имею здесь в виду лишь сотворение субстанций трех царств, а не сотворение самого земного шара.

Земной шар употребил около *450 лет* для развертывания феноменов трех царств на старом материке. Сотворение того, что существует в Америке, происходило позднее и по иному плану; эти акты творения вызывали огромные потрясения и на том и на другом материке (акты творения при гармонии не будут вызывать таких пертурбаций).

Творить — наслажденье для бога, и он заинтересован в том, чтобы этот процесс продлить. Если период зачатия, формирования и созревания человека занимает 9 месяцев, то сообразно этому и бог должен был употребить определенный промежуток времени для сотворения трех царств: теория определяет длительность этого периода творения в одну сто девяносто вторую часть $\left(\frac{1}{192}\right)$ всего периода социального развития, что составит около 450 лет.

Всякий акт творения происходит путем слияния северного флюида — мужского — с южным флюидом — женским *. Планета — существо, имеющее две души и два пола. В ее акте зачатия, как у животного и у растения, происходит соединение двух производительных субстанций. Метод этот одинаков во всей природе за небольшими изменениями, потому что планеты, как и растения, объединяют в одном индивидууме два различных пола.

Думать, что земля не даст уже новых творений и ограничится существующими, значит думать, что женщина, имеющая одного ребенка, не сможет родить второго, третьего, десятого. Земля и в дальнейшем будет творить; но 16 гармонических актов творения совершатся тем легче, чем утомительнее и тягостнее два гибельных акта — 1-й и 18-й.

На каждой планете первый и последний акт творения совершаются в плане, противоположном актам творения промежуточным, и обусловливают появление вредной продукции (productions nuisibles) при очень незначительном количестве полезной. Нечто прямо противоположное имеет место при всех актах творения промежуточных или гармонических; здесь совершается приток великолепной и полезной продукции при очень незначительном количестве — одной восьмой — бесполезной и полном отсутствии вредной.

Первый акт творения, продукты которого мы видим, породил огромное количество вредных животных на суше и еще большее количество в морях.

---

* [Светило может совокупляться: 1) с самим собой — полюс северный и полюс южный, подобно растениям; 2) с другим небесным телом путем истечений флюидов с противоположных полюсов; 3) с чем-то промежуточным: тубероза есть продукт слияния трех атомов: южного арома — Земли, северного — Урана и южного — Солнца.]

Видя тигра и льва, эти живые воплощения Молоха и Вельзевула, тот, кто верит в дьявола, невольно будет думать, что этот акт творения возглавлял сам ад. В самом деле! Разве ад в своем неистовстве мог изобрести нечто худшее, чем ядовитая змея, клоп, сонмы насекомых и пресмыкающихся, морские чудовища, рыбы, чума, бешенство, проказа, венерические болезни, подагра и столько других убийственных ядов, выдуманных специально, чтобы мучить человека и заранее превратить земной шар в ад.

В одном из примечаний (в главе об иерархии четырех движений) я обосновал эту злосчастную систему, регулировавшую первый акт творения, указав, что три движения — животное, органическое и материальное — должны отображать игру человеческих страстей в социальном строе. Первое творение должно было отображать семь периодов детства человечества, применительно к которому оно совершалось, и бог в этом акте творения должен был отобразить в образе чудовищ страшные следствия наших страстей на протяжении этих семи периодов; на протяжении же первого и седьмого периода должны были процветать некоторые добродетели, и, следовательно, бог должен был отобразить их в виде продукции полезной и грациозной, очень редкой во всех трех царствах, вышедших из этого творения, подлинно демонического. Ниже мы увидим, какого рода продукцию дадут грядущие акты творения суше и морям; что касается наших дней, то мы не умеем использовать даже ту небольшую долю блага, которую дало нам первое творение; для примера укажу на четырех четвероногих — вигонь, северного оленя (le renne), зебру и бобра. Мы лишены двух первых благодаря нашей неловкости, лукавству и плутовству; это они мешают нам разводить стада оленей и вигоней на высоких горах, где эти животные могли бы акклиматизироваться. Другие социальные пороки лишают нас бобра, шерсть которого не уступает по ценности вигоневой шерсти, и зебры, не уступающей лошади по быстроте, силе и красоте. В наших конюшнях и в наших общественных навыках царят грубость и взаимное непонимание, при которых невозможны мероприятия, необходимые для приручения этих животных. В 8-м периоде, и даже еще 7-м, зебры и куага станут домашними животными, подобно лошади и ослу; бобры будут сооружать свои постройки и создавать свои республики в недрах самых населенных кантонов; стада вигоней будут попадаться в горах так же часто, как теперь стада баранов; а сколько других животных — страусов, барсуков, тушканчиков и иных — будут ласкаться к человеку, привлекаемые приманками, немыслимыми при цивилизации. Таким образом, это творение, само по себе бедное и злосчастное (pauvre et malfaisante), вдвойне бедно для нас, в силу социального разлада лишающих себя большей части даже тех благ, которые имеются в трех царствах.

Новые акты творения не могут начаться до того, как род человеческий организует 8-й социальный период; до того времени, в бытность семи первых обществ, второй акт творения не наступит.

Между тем земля буйно жаждет творения; свидетельством тому частое появление северного сияния, показателя течки планеты, бесполезного истечения ее плодоносного флюида; он не может совокупиться с флюидом других планет, пока род человеческий не проделает предварительной работы; эти работы может выполнить лишь восьмое общество, которому предстоит организоваться. Предварительно надо будет довести состав рода человеческого до 2 млрд., для чего потребуется по меньшей мере целый век, потому что женщины в комбинированном строе будут менее плодовиты, чем в цивилизации, где семейная жизнь побуждает их рожать легионы детей; одну треть их уносит нищета, другую треть — многочисленные детские болезни, порождаемые хаотическим строем. Лучше производить на свет меньше детей, но произведенных беречь. Для цивилизованных это невозможно, и вот они не могут возделать весь земной шар; и несмотря на чудовищное размножение, людей хватит лишь для возделывания той земельной площади, на которой они живут.

Когда два миллиарда людей станут возделывать земной шар вплоть до 65-го градуса, тогда народится северный венец, о котором речь ниже; он даст тепло и свет ледяным полярным областям. Производительная деятельность человека на этой новой территории даст возможность довести состав рода человеческого до 3 млрд. Тогда возделаны будут оба материка и не будет уже помех гармоническому творению, первое из коих начнется приблизительно четыре столетия спустя по установлении комбинированного строя *.

VI

Северный венец (Couronne boréale)

(Эта глава скорее любопытна, чем необходима; ее можно опустить и перейти к последующим, где я касаюсь периодов 2-го, 3-го, 4-го и 5-го, как к главам более доступным для читателя.)

Когда род человеческий возделает земной шар за 60-м градусом северной широты, температура планеты значительно смягчится и урегулируется. Флюид приобретет большую актив-

---

* Теперь я уже убедился, что северный венец народится через 4 года по основании гармонии; южная же корона народится позднее, примерно, 432 года спустя после основания гармонии. В 1808 г. я не упомянул ни единым словом о нарождении этой южной короны, в появлении которой я не был уверен. Космогоническая теория была еще очень мало развита, и я предпочел обойти этот вопрос молчанием, чтобы не говорить того, что еще гадательно.

ность; северное сияние, появляясь очень часто, фиксируется у полюса в форме широкого кольца, или венца. Флюид, ныне только светозарный, приобретет новое свойство — излучать вместе со светом тепло.

Размеры венца будут таковы, что в том или ином месте он всегда будет соприкасаться с солнцем, лучи которого необходимы, чтобы воспламенять окружность кольца. Одна дуга венца всегда должна быть обращена к солнцу, даже при максимальных наклонах земной оси.

Влияние северного венца будет сильно чувствоваться на целой трети полушария; он будет виден в Петербурге, Охотске и на всем протяжении 60-го градуса широты.

От 60-го градуса до полюса тепло будет возрастать, так что полярная точка будет иметь примерно температуру Андалузии и Сицилии.

В эту эпоху весь земной шар будет возделываться, благодаря чему температура его смягчится на 5—10 и даже 12 градусов в широтах еще не возделанных, каковы Сибирь и Северная Канада.

Климат районов, близких к 60-му градусу, смягчится в силу двоякого рода причин: в результате повсеместного возделывания земли и под влиянием венца, благодаря которому с полюса будут дуть лишь умеренные ветры, подобные тем, которые дуют из варварских стран в сторону Генуи и Марселя. Совокупное действие этих причин установит на 60-м градусе температуру, которой наслаждаются ныне вполне возделанные районы, расположенные у 45-го градуса, каковы Бордо, Лион, Турин, Венеция. Таким образом, Стокгольм, Петербург, Тобольск и Якутск, очутившиеся в самом холодном поясе, будут иметь температуру Гаскони или Ломбардии, не считая изменений, обусловленных соседством гор и морей. Морское побережье Сибири, необитаемое ныне, будет иметь мягкую температуру Прованса и Неаполя.

Более важное усовершенствование, которым мы будем обязаны северному венцу, будет заключаться в ограждении нас от всех атмосферических эксцессов: от избытка холода и тепла, избытка влажности и сухости, буйных ураганов и штиля Влияние венца вместе с влиянием повсеместной культуры водворит на земном шаре умеренную температуру, какой не найти в настоящее время нигде. Климатические районы, самые ледяные на земном шаре, по линии Петербург — Охотск, в эту эпоху будут наслаждаться температурой более приятной, чем нынешняя температура Флоренции, Ниццы, Монпелье, Лиссабона с их самым ясным и безмятежным небом. В этих странах, я полагаю, прекрасное умеренное время года длится не более четырех месяцев; а по нарождении северного венца 60-й градус, т. е. линия Петербург — Охотск, будет располагать прекрасным временем года по меньшей мере на протяжении восьми месяцев с обеспеченной двукратной жатвой. Чтобы

убедиться в этом, загляните в примечание *, где я указываю причину продолжительных зим и других климатических неурядиц, которым подвержен наш земной шар в первой фазе социального движения.

В ожидании доказательств в пользу этого грядущего события приглядимся к различного рода приметам, его возвещающим. Первым долгом я укажу на контраст между формой соседних с полюсом земель — на севере и на юге. Все три материка южного полушария заострены к полюсу, чтобы иметь возможно меньше общения с полярными широтами. В корне

---

* Помимо естественной причины, вызывающей зимы, т. е. наклона земной оси, имеется еще три причины случайного характера, совокупное действие которых делает зиму в четыре раза более суровой, чем она должна быть. Эти причины не будут существовать при комбинированном строе; они таковы:

невозделанное состояние земного шара, и особенно земель, соседних с полюсом;

ледяная кора возле полюса: она вдвое усиливает влияние морозов в период отсутствия солнца;

ледяные эманации, исходящие от полюсов и противодействующие влиянию солнца, когда оно возвращается после зимней ночи.

При нарождении венца эти три причины холодов будут нейтрализованы. Я уже указал, что на широтах Петербурга двукратная жатва более несомненна, чем ныне в Тоскане, и что 60-й градус будет наслаждаться прекрасным временем года более прочно, чем наслаждается им сейчас какое бы то ни было место на земном шаре; я это сейчас поясню.

С того момента, как области северного полюса будут освещены согреты венцом и возделаны, ничто уже не сможет противодействовать влиянию солнца с приближением весны, эпохи, когда в наши дни нарождается вторая зима под влиянием ледяных ветров, дующих с полюса по всему полушарию; вот почему зимы во Франции тянутся до мая месяца и захватывают прекраснейшую половину весны — дни средней величины.

После нарождения венца дующие с полюса северные ветры будут умеряться даже зимой и смягчат климат 60-го градуса, в направлении которого они будут дуть; тогда уже не будет иных холодных ветров, кроме тех, которые зарождаются у 60-го градуса, и этот градус будет получать даже зимой тепло двумя путями: с севера и с юга. Листва будет развертываться в Петербурге уже с марта месяца и того раньше на 70-м градусе, а в Париже и на острове Шпицбергене она будет в полной мере развертываться уже в феврале.

Так обстояло бы дело в природе, не будь помехи со стороны ветров и полярных эманаций, останавливающих произрастание при возврате солнца и порождающих вторую зиму — зиму искусственную после естественной. Это бедствие никогда не бывало столь разительным, как в 1807 г. В этот год зима, казалось, кончилась во Франции 15 февраля; солнце было уже жгучим, и люди думали, что наступает весна, когда внезапно ветры северный и северо-западный начали новую зиму, которая длилась $2^1/_2$ месяца и давала себя чувствовать вплоть до первых чисел мая. Эта нелепица, обычная для Франции, делает ее климат невыносимым. Во Франции нельзя насладиться прекрасным временем года, потому что температура всегда впадает в одну из крайностей, и переходы резки, за исключением перехода от осени к зиме; терпимыми во Франции можно считать лишь 3 месяца — май, сентябрь и октябрь.

Прекрасное время года требует разнообразия температуры; небольшой морозец в ясный день нам кажется столь же приятным в январе,

противоположна форма северных материков: они расширяются с приближением к полюсу и группируются вокруг него, чтобы воспринять лучи венца, которому суждено засиять там в один прекрасный день; они устремляют в этом направлении свои большие реки, точно хотят наладить сообщение по Ледовитому океану. Если бы бог не предполагал дать северному полюсу оплодотворяющее кольцо, расположение материков, окружающих этот полюс, было бы проявлением глупости, и бог был бы в своем творении тем смешнее, что он действовал чрезвычайно разумно на противоположном конце, где расположены южные материки; им сообщил он очертания, в полной

как и весенний день, лишь бы этот мороз не был длительным, лишь бы он крепчал постепенно и в надлежащее время и не сопровождался бы инеем, туманом и ледяными ветрами. Такими и будут зимы при новом строе. Тогда виноград будет созревать у 60-го градуса, апельсиновые деревья произрастать у 53-го и до 70-го градуса. Вокруг Варшавы будут апельсиновые рощи, подобные тем, которые имеются сейчас у Лиссабона, а виноградники в Петербурге будут более гарантированы от непогоды, чем теперь в Майнце, потому что метаморфоза полярных ветров, превращение их в зефиры, оградит от неожиданностей, которые в наши дни являются на всем земном шаре одной из главных причин обнищания.

Ледяное влияние полюса делает наши зимы гораздо более суровыми в январе месяце — их естественную эпоху; эти зимы возобновляются в исходе января, когда им должен наступать конец. Этих двух обстоятельств уже достаточно, чтобы сделать пребывание на нашем полушарии подлинно ужасным вплоть до 40-го градуса в Европе, до 30-го — в Азии и в Америке, где холода гораздо более суровы; потому что Филадельфия и Пекин, расположенные на линии Неаполя и Лиссабона, имеют зимы более неприятные и резкие, чем Франкфурт и Дрезден, города, расположенные 11—12° выше.

Читатель может сделать вывод, что, поскольку холода сильно уменьшатся в северном умеренном поясе, значит, жары станут невыносимыми с приближением к экватору; ничего подобного не произойдет. Другие причины будут способствовать смягчению жары на экваторе, так что лето в Сенегале будет менее утомительным, чем теперь во Франции. Приятная, умеренная температура займет место ураганов и бурь, несущихся с экватора к умеренным поясам, и климаты переродятся как в центре, так и в конечном пункте земного шара. Я не стану здесь вдаваться в причины, которые повлияют на исправление экваториальной температуры; эти причины не имеют отношения к нарождению северного венца. В результате, когда эти различные причины смягчат атмосферу земного шара, наихудший из климатов, климат Охотска и Якутска, будет таков, что население будет наслаждаться там 8—9 месяцами прекрасного времени года, с небом, свободным от туманов и ураганов, отныне неведомых внутри материков и весьма редких в соседстве с морями.

Разумеется, эти улучшения будут модифицированы наличием высоких гор и соседством морей, особенно в трех крайних пунктах материка, соседних с южным полюсом, который не будет иметь венца и останется навсегда погруженным в холод. Это не помешает, однако, землям, соседним с этим полюсом, приобщиться к влиянию венца, который, в числе прочих благодеяний, изменит вкус морей, разложит и осадит битуминозные частицы путем экспансии с севера *лимонной кислоты*. Этот флюид в сочетании с солью сообщит морской воде вкус лимонада, именуемого нами «aigre de cèdre». Тогда эту воду легко можно будет очистить от соленых и кислых частиц и сделать пресной.

мере соответствующие тому обстоятельству, что южный полюс никогда не будет иметь оплодотворяющего венца *.

Можно посетовать лишь на то, что бог слишком далеко расположил Магелланову точку, что для данного момента служит помехой. Но намерение его было таково, чтобы этот путь был заброшен и чтобы у Суэца и Панамы были устроены два канала, судоходных для крупных кораблей. Эти работы и множество других, мысль о которых ужасает цивилизованных, покажутся детской игрушкой для промышленных армий сферической иерархии.

Это избавит людей от необходимости снабжать плавающие суда бочками с водой. Такое разложение морской воды с помощью северного флюида является одной из необходимых предпосылок новых актов творения на море; они дадут множество обслуживающих человека амфибий для кораблей и рыбной ловли взамен страшных легионов морских чудовищ, которые будут уничтожены излиянием северного флюида и тем разложением, которое произойдет в морях. Внезапная их смерть очистит океан от этих гнусных тварей, от этого прообраза наших неистовых страстей, находящих свое отображение в ожесточенных войнах этих чудовищ. Их внезапно застигнет смерть, подобно тому как гнусные нравы цивилизованных, варваров и дикарей сразу исчезнут, уступив место добродетелям, которые восторжествуют, будут в почете при комбинированном строе и станут путем к богатству и наслаждениям.

N. B. Каспийское море и другие соленые внутренние моря, например, большое Аральское озеро, озера Заре, Эльтон, Мексиканское и даже Черное море, почти изолированное от других морей, очень слабо и очень медленно приобщатся к влиянию *северного флюида;* до них не доберутся глубинные волны, расходящиеся от полюса по океанам и по средиземным морям. Эти бассейны получат лишь более тонкие ароматы, которые, исходя от самого венца, распространятся в атмосфере. Благодаря этому рыбы, находящиеся в этих битуминозных резервуарах, не будут уничтожены северным флюидом, этой эманацией венца; его небольшое количество, его медленное и незаметное проникновение даст им возможность привыкнуть к нему на протяжении двух-трех поколений, и они станут более крепкими и сильными, чем теперь в битуминозных волнах, подобно тому как плод становится и красивее и сочнее, будучи привит на дичок.

Итак, с нарождением венца род человеческий должен будет произвести над хозяевами морей операцию, произведенную когда-то Ноем над обитателями земли, коих он взял в ковчег по паре, подобрав тех, кого он хотел сохранить. Таким образом, во внутренние соленые бассейны, Каспийский и другие, будет занесено достаточное количество рыб, раковин, растений и иной продукции морей, которую человек пожелает сохранить и вновь водворить в океан после его регенерации. Люди выждут, пока океан будет очищен, и благодаря волнам северного флюида, бурно устремляющимся с полюса, все битумины осадятся на дно столь решительно, что застигнутые врасплох рыбы задохнутся при столь внезапном переходе. Останутся лишь полезные виды рыб — мерлан, сельдь, макрель, камбала, тунец, затем черепаха и, наконец, все виды, не нападающие на пловца; их человек постарается сохранить и водворить в моря после их очищения, гарантировав их от внезапного затопления северным флюидом, к которому они медленно и постепенно привыкнут во внутренних бассейнах. Эти виды, отнюдь не вредоносные, смогут ужиться с рыбами нового акта творения, из коих семь восьмых будут слугами человека, точно так же как и животные суши, продукт грядущих актов творения, указанных в таблице.

* [Этот полюс тоже будет иметь корону, но позднее северного.]

Другой предвестник венца — неблагоприятное положение земной оси. Если представить себе, что венцу никогда не суждено народиться, в таком случае земная ось для блага обоих материков должна быть запрокинута на $^1/_{24}$, или на $7^1/_2$ градусов к меридиану Сандвич — Константинополь, дабы эта столица очутилась у 33-го градуса северной широты; в результате этого на долготе 225 градусов у Северного пролива две северные точки Азии и Америки соответственно углубятся во льды Северного полюса. Это было бы равносильно принесению в жертву самой бесполезной части земного шара для освоения всех других пунктов. Оценить это можно на основании некоторых данных относительно районов полярных и умеренных.

Что касается полярных районов, то заметим себе, что вследствие выступа мыса Сцалагинского северный пролив совершенно бесполезен и дальнейшее углубление его во льды лишено значения, так как он и без того негоден для навигации. Но приближение его к полюсу соответственно понизило бы наиболее интересный район полярной зоны; я имею в виду Архангельский залив, или Белое море, которое стало бы весьма судоходным, так как Северный мыс Лапландии очутился бы лишь у 64-го градуса, на уровне Якобштадта, последнего города Финляндии. Морские сношения простирались бы без труда до Устья Оби и Енисея, температура которых повысилась бы на 6 градусов благодаря такому выпрямлению оси плюс еще на 6 градусов под влиянием ставшего возможным возделывания Восточной Сибири. Тогда установился бы водный путь между крайними районами Великого материка; продукция Китая, транспортируемая от изгибов Хуанхе (Hoang) * к Байкальскому озеру, грузилась бы там с незначительными расходами для отправки в Европу по течению Ангары и Енисея.

В нашей умеренной зоне столь существенные выходы к морю, как Зунд и Ламанш, точно так же усовершенствовались бы, приблизившись к экватору на 5—6 градусов. Залив св. Лаврентия и Корейский залив не подверглись бы существенному перемещению. Балтийское море выиграло бы целые 7 градусов, а Петербург очутился бы на [нынешнем] уровне Берлина.

Я не упоминаю об экваториальном поясе, так как перемещение на $7^1/_2$ градусов для этих широт лишено значения.

У 45-го градуса южной широты южная точка Америки несколько приблизилась бы к экватору, что для нее выгодно. Крайняя точка Австралии выиграла бы еще больше в том же направлении. Что касается крайней точки Африки, то она понизилась бы от 35 к 42 градусу южной широты и тем не менее осталась бы судоходной для мореплавателей, которые

---

* или Желтая. — *Прим. перев.*

во всяком случае, рано или поздно, покинут ее для Суэцкого канала.

Попробуйте наметить на планисфере широты в соответствии с этой гипотезой о перемещении оси, и вы убедитесь, что это перемещение было бы выгодно для всего земного шара за исключением некоторых кантонов, уже и сейчас не стоящих внимания, какова Камчатка. Итак, бог дал бы оси земного шара указанное мною направление, если бы нам суждено было не иметь северного венца, с помощью которого наша ось, направление которой сейчас представляется смешным, очутится в положении наиболее соответствующем всеобщему благу: верный признак необходимости венца и его грядущего нарождения.

Эти соображения относительно несообразности оси не были высказаны, потому что философский дух отвлекает нас от какой бы то ни было разумной критики в отношении божьего творения и толкает нас на путь противоположных крайностей, заставляя либо усомниться в провидении, либо слепо и глупо преклоняться перед ним, как это делают некоторые ученые, приходящие в восторг даже от паука, жабы и сорных трав, которые на самом деле являются лишь позором для творца вселенной, пока мы не знаем мотивов этого злодеяния. То же можно сказать об оси земного шара, неправильное положение которой должно бы подорвать в наших глазах престиж бога, если не догадаться о предстоящем нарождении венца, который будет оправданием этой мнимой нелепости создателя. Но наши философские крайности, наша мания атеизма или чрезмерного преклонения отвлекают нас от беспристрастного суждения о творениях божьих, и мы не сумели ни уяснить себе требуемые исправления, ни предугадать материальные и политические революции, с помощью которых он свои исправления внесет.

Я вдался в эти подробности, чтобы доказать, что материальное расположение материков и суши отнюдь не носит случайного характера; я приведу еще и другое доказательство уже в этом мемуаре (говоря об архипелагах, обладающих торговой монополией). Случай скоро утратит ту огромную силу, которую приписывает ему философия в ущерб провидению; люди поймут, что границы случайности чрезвычайно узки. Что касается формы материков, о которой идет здесь речь, то это отнюдь не есть результат случайности; бог так хорошо учел требуемые соответствия, что заранее наметил определенное место для столицы мирового единства. Всякий из нас дивится единственному в мире чудесному расположению Константинополя — под углом зрения пользы и удовольствия. Каждый угадывает в этом намерение бога и говорит себе: «Именно здесь должна быть столица мира». Здесь она непременно и будет, а через ее антипод будет проходить первый меридиан мирового единства.

Добавлю по поводу северного венца, что предсказание касательно этого метеора не покажется экстравагантным, учитывая наличие колец вокруг Сатурна. Почему бы не даровал бог нам то, что он даровал другим планетам. Разве наличие полярного кольца более непонятно, чем наличие экваториальных поясов, окружающих Сатурн?

Лицезрение этих двух светозарных колец должно рассеять наши предубеждения относительно солнца, которое — как это ни смешно — считали огненным шаром. Гершель единственный дал правильное определение: «Огромный и великолепный мир, купающийся в океане света». Это стало совершенно несомненным, с тех пор как мы увидели два кольца вокруг Сатурна. Если бог может сообщить небесному телу круговые оболочки, он может сообщить и сферические, и полярные кольца, и даже полярные сегменты (calottes); остается лишь опознать теоретическую закономерность, регулирующую это расположение и позволяющую нашему земному шару воспользоваться преимуществом, которым до сих пор пользовался только Сатурн. Это может стать уделом и других планет; есть звездные (tourbillons) системы, где каждая планета имеет какое-либо светозарное украшение для согревания одного или обоих полюсов; если наша планета до сих пор этого лишена, это значит, что она принадлежит к числу планет самых бедных на небесном своде, и я докажу, что наши 32 планеты [не считая солнца и луны] — лишь жалкий остаток системы, маленькая плохо организованная когорта, подобная остаткам батальона, разгромленного в бою. У других систем бывает 400—500 планет, расположенных в групповые серии; иными словами, там у спутников есть свои спутники и у всех свои пояса, венцы, полярные сегменты и иные украшения. Если это преимущество уготовано нашему земному шару, то это атрибут, присущий его рангу — главного баса мажорной клавиатуры (basse cardinale du clavier majeur).

Различные происшествия могут нарушить предопределенную последовательность 32 социальных периодов; такое действие имело бы появление в нашей системе новой планеты, что весьма вероятно благодаря огромному расстоянию между солнцем и большими планетами. Эти малочисленные светила, описывая чрезвычайно разобщенные орбиты, образуют линию, мало сжатую; ее может прорвать какая-либо комета. Это может случиться различным способом. В примечании я указываю один из них *.

* Предположим, что какая-нибудь крупная комета, по размерам равная Юпитеру, находится в периоде оплодотворения, на ступени превращения в планету; она постарается занять место в ряду и закрепиться в какой-либо звездной системе. Если бы она приблизилась к Солнцу параллельно плану планетных орбит, она могла на обратном пути уместиться между Солнцем и Юпитером; вместо дальнейшего движения по параболе она описала бы спираль, зондируя почву и ища точки равновесия между Юпитером и Солнцем. Шествуя по спирали, она поочередно

Соприкасание орбит Цереры, Паллады и Юноны говорит о том, что эти орбиты могут значительно сблизиться, не вызвав агломерации; чтобы ее предотвратить, достаточно иметь между Юпитером и Сатурном, Сатурном и Ураном расстояние

приближалась бы ко всем маленьким изолированным планетам и увлекала их за собой в качестве лун. Земля и Венера, наиболее крупные, все же слишком слабы для оказания сопротивления большому миру, оказывающему притяжение и приближающемуся к ним; а комета стала бы оказывать *притяжение* с того момента, как она закрепилась бы в нашей солнечной системе.

Отныне наша маленькая Земля была бы увлечена планетой и стала луной этого самозванца, который вскоре стал бы богатейшей и самой плодородной планетой всей системы, в силу своей близости к Солнцу и множеству своих лун. Этот чужестранец привлек бы к себе Венеру, Марса, Землю и все маленькие планеты, расположенные между Солнцем и Юпитером; у него получилась бы блестящая свита в составе семи или восьми спутников, и, подобно Сатурну, появилось бы двойное экваториальное кольцо или двойной венец у обоих полюсов, так как этого рода двойное украшение присуще всем планетам, имеющим семь лун, с того момента, как их обитатели устанавливают комбинированный строй. (У Сатурна не всегда были его два кольца, и он утратит их в конце своего поприща, когда его социальный механизм вернется к строю разобщенности.)

Это весьма вероятное появление в нашей системе кометы[1] вызвало бы на нашем земном шаре чрезвычайно отрадную революцию; оно безотлагательно привело бы к новому, весьма плодотворному акту творения, который ускорил бы нарождение прогрессивных серий, крушение цивилизации и варварства.

Превращение нашего земного шара в лунный мир не причинило бы никакого вреда роду человеческому; изменение в порядке чередования дней и времен года могло бы уничтожить некоторые виды животных и растений, но не самые полезные, каковы лошадь, баран и пр.: эти остались бы, умножив богатства, внезапно даруемые новым актом творения.

Новая планета стала бы для нас заменителем солнца и расточала бы лучезарный свет; помимо того у нас был бы случайный свет ее спутников, которые, вращаясь по соседним орбитам, могли одновременно быть для нас шестью лунами в момент концентрирования в полукруге нашей орбиты. Отсюда можно умозаключить, что эти большие кометы, так пугающие род человеческий, окрыляют нас надеждой и отнюдь не должны внушать ужаса, так как их водворение в нашей солнечной системе стало бы залогом нашего счастья.

Эта революция — наименьшая из тех революций, которые можно предвидеть. Может случиться, что вместо одной кометы у нас появится 300—400, закрепившихся возле нашего Солнца ко благу его и нашему. Это тем более вероятно, что наша система, повторяю, есть лишь астрономический осколок, который надо восполнить. Звездные системы содержат в среднем 400 планет вокруг одного солнца; наша же система содержит лишь каких-нибудь три десятка планет. Она напоминает те легионы, от которых остается лишь тень, слабый взвод, могущий служить ядром и звеном связи для массы новых новобранцев, которых ему будут посылать.

В числе небесных революций, которые могут постигнуть нашу планетную систему, одной из любопытнейших была бы дислокация млеч-

[1] [В ту пору я не знал, что комета не может включиться в систему, пока солнце, несовершенное в части кардинальных аромов, не восстановит интегральность, необходимую для фиксации комет.]

в 30 млн. миль. Нынешнее огромное расстояние между ними в 130 и 260 млн. миль обусловлено редкостью планет, которые благодаря своей малочисленности вынуждены занимать про-

---

ного пути и направление одной из его колонн в сторону нашей системы. В этом случае у нас было бы на протяжении нескольких десятилетий очаровательное зрелище: перед нами дефилировали бы светозарные легионы в составе гиперлун или звезд средней лучеиспускаемости, наподобие луны. Их прохождение согревало бы оба полюса всех наших планет, делая эти полюсы годными для возделывания, что ускорило бы новый акт творения, весьма великолепный и неоценимого значения для нас[1].

[1] [Это — заблуждение; их прохождение не вызвало бы новых актов творения. Эти акты творения порождаются внутренними соотношениями в системе.]

На одном из экземпляров, аннотированных Фурье, имеются помимо того, следующие замечания и поправки:

[Эти догадки неточны; на этот счет сейчас уже не остается никаких сомнений. Но в 1807 г. я не овладел еще твердыми правилами для подобных исчислений и делал их произвольно. С 1814 г. я внес поправки в мои догадки.

В нашу систему новая планета с лунами может включиться лишь в том случае, если одна из четырех планет с лунами выпадет из системы в результате смерти или благодаря новой функции; но и в этом случае, вновь включаемая планета вовлечет в свое обращение лишь пять лун гипомажорной клавиатуры — Меркурия, Юнону, Цереру, Палладу и Весту, которые вместе с семью лунами Сатурна образуют комплект мажорной октавы.

Эти пять лун пойдут за нами и расположатся на определенном расстоянии друг от друга вокруг земного шара на четвертом году гармонии. Феб, небесное тело, мертвое и выполняющее роль временного аромального оплота, будет выбит из плана и растворится в млечном пути.

Венера и Марс — планеты нейтральные, и, точно так же как Земля, они не могут сопрягаться в качестве спутника вокруг одной кардинальной.

Последующие исследования, опирающиеся на ряд доказательств, показали, что одна колонна в составе 300 планет находится в пути, чтобы присоединиться к нашей системе и поднять ее из третьеразрядных в четвертый разряд, концентрировать эту систему, а следовательно, и наш земной мир, который благодаря своей юности должен был до сих пор отсрочивать эту операцию; но быстрый распад млечного пути, согласно недавним наблюдениям Гершеля, не оставляет никаких сомнений относительно близости этого происшествия. Помощь требуется уже на протяжении 1 800 лет. Это — эпоха, когда Солнце начало сильно хиреть.

Можно с уверенностью сказать, что вспомогательная колонна уже прошла свыше трех четвертей внутреннего пространства; в трактате читатель увидит, почему мы ее не видим. Ее сопровождают два прозолярия с матовым рефлектором; она ведет трех заместителей Урану, Юпитеру и Сатурну. Этот последний с прибытием колонны будет произведен в высший чин и возведен в прозолярият нашей солнечной системы, которая займет третье место среди четырех. Юпитеру предстоит такое же продвижение, но для перехода к управлению второй системой, не нашей. Прозолярии рядятся в кристаллий, играющий оттенками и видимый при дневном свете; в своем странствии они отбрасывают матовый свет. Уран будет возведен в высшую степень — туманное пятно, управляющее простой октавой и запасным телом; это будет доказано в трактате.]

странство не только равное, но и значительно превышающее пространство, занимаемое полноценной системой в составе 400—500 планет. [Концентрация нашей системы произойдет тогда, когда наша Земля гармонизуется и обзаведется лунной клавиатурой.]

VII

Первый период восходящего расстройства (смутные серии) Воспоминание о них в преданиях о земном рае

Бог создал 16 человеческих рас: 9 на старом материке и 7 в Америке. Подробное описание их признаков имеет мало значения. Смотри примечание *.

---

* Среди 16 первобытных рас следует различать первым долгом четыре расы разнородных:

1. *Северных карликов,* каковы лапландцы и самоеды.
2. *Южных гигантов,* каковы патагонцы и др.
3. *Белых от рождения,* каковы беда на Цейлоне и дарьянцы в Америке.
4. *Черных от рождения,* каковы обитатели Гвинеи с приплюснутым лицом. Белые и черные существовали с первого момента творения, хотя род человеческий и обладает способностью сам производить таковых. Среди этих четырех разнородных рас белолицые — единственная раса, общая обоим материкам.

Эти четыре расы весьма отличны от бо́льшого количества других; двенадцать остальных примерно приближаются к общему типу; их можно назвать расами однородными.

Правильное определение их прирожденных особенностей относится к исследованию органического движения, которого я не буду касаться здесь; я хочу лишь поставить в упрек робость, проявленную в этом вопросе. Мы и сей день видим, что ученые спорят по вопросу о том, как могла заселиться Америка; точно бог не имел права сотворить человека в Америке, как он сотворил его в Европе. На основании различий между *эскимосами* с большой бородой и другими туземцами безбородыми умозаключают, что эскимосы пришли сюда со старого материка, в соседстве с которым они живут. Это — заблуждение; эскимосы — туземного происхождения, как и многие другие, и различия между народами лишены случайности.

Двенадцать однородных рас распределены двумя партиями: семь из них уделены старому материку и пять Америке; если среди последних одни безбородые, а соседние с ними бородатые, в этом нет ничего удивительного; 16 рас должны были являть некоторые особенности; теория движения эти особенности укажет, их можно ясно наблюдать по всей земле.

Несмотря на нашествия, несмотря на похищение женщин и рабов и смешение, отсюда проистекающее, черты лица сохранились, и ничто не смогло стереть первоначальный тип. Самая мода не оказывает почти никакого влияния на эти изменения, и наши лица и сейчас еще сходны с лицами наций предков, портреты которых дошли до нас через три тысячелетия. Таким образом не следует приписывать случайности или революциям эти расовые особенности; в них, как и во всем разнообразии творения, надо усматривать следствие теории распределения, понять которую нам еще не удалось. Эту теорию мы найдем в законах *органического движения.*

Прошу прощения у сочинителей басен, выводящих род человеческий из единого ствола; надо итти вразрез с очевидностью, чтобы полагать, что выпуклое лицо у сенегальца и приплюснутое у китайца; что

Три расы — с прямыми чертами лица, выпуклыми и приплюснутыми — были размещены в умеренном северном поясе между 30-м и 35-м градусами (я имею в виду только старый материк). Именно на этих широтах могло сложиться первобытное общество — смутные серии. Этот общественный строй мог продержаться только около трех веков; я предупредил читателя, что сведения о нем я приурочу к описанию восьмого периода, когда складываются серии гораздо более интересного рода, чем те первобытные серии, о которых идет здесь речь.

Эти первые люди вышли счастливыми из рук божьих, так как они имели возможность создать серийное общество; а все общества этого рода более или менее счастливы, ибо они открывают простор для развития страстей.

Большинство диких зверей и пресмыкающихся были сотворены ближе к экватору; другие, например волки, — на широтах, расположенных выше; пока они не добрались до 30—35-го градуса, эти животные не надоедали поселенным там человеческим расам (это были расы с прямыми чертами лица, выпуклыми и приплюснутыми) *. Они встречали в изобилии прекрасные растения, а также животных, совершенно нам неведомых; таков, например, мамонт, скелет которого мы теперь находим: будучи лишен орудия самозащиты, он должен был погибнуть вместе с первобытным обществом, которому он оказывал величайшие услуги.

Эти три расы в момент своего появления не имели никакой социальной организации. Сложиться в серии побуждал их не только инстинкт; к этому побуждали их еще пять ** обстоятельств, уже утративших свою силу для нас:

1. *Отсутствие предрассудков* и, следовательно, свобода любовных отношений, недопустимая в обществах хаотического порядка, где люди организуются в семьи, или в разобщенные хозяйства.

2. *Малая плотность населения.* Отсюда изобилие стад, плодов, рыб, дичи и т. д. Бог поселил группы первых людей на большом расстоянии друг от друга; прошло много времени, прежде чем они размножились до такой степени, что стали различать свою землю от чужой (distinguer leurs terres).

3. *Отсутствие типичных признаков богатства.* Люди не

калмыки, европейцы, патагонцы и лапландцы — отпрыски единого древа. Бог устанавливает во всех видах продукции различные оттенки по сериям восходящей и нисходящей. Почему бы, создавая род человеческий, он отступил от порядка, которому следует во всех своих творениях, от небесных тел до насекомых?

* Слова, взятые в скобки, вычеркнуты Фурье в одном из аннотированных им экземпляров. — *Прим. перев.*

** В одном из экземпляров Фурье упоминает еще три обстоятельства: 6) отсутствие национального соперничества, 7) незнание семьи, 8) любовное единение (unité amourese) — *Прим. перев.*

обладали ремесленным искусством и не имели драгоценных вещей определенной ценности, каковы оружие и украшения дикарей; в противоположность этому припасы и подверженные порче богатства находились в большом изобилии, а трудность сохранения запасов побуждала к дележу, что благоприятствовало сношениям серий.

4. *Отсутствие диких зверей.* Отдаленность их способствовала величайшей мягкости нравов, ограждала от злодейских намерений и воинственного духа, заставляла беречь животных, ныне погибших, например, мамонта.

5. *Красота людей на заре жизни.* Крупная ошибка думать, будто животные и растения в момент их сотворения были таковы, какими мы их видим в диком состоянии. Зубр и дикий баран — не родоначальники, но продукт вырождения быка и барана. Стада, созданные богом, превосходили качеством самых великолепных швейцарских быков, наипрекраснейших баранов Испании; то же можно сказать о цветах и плодах. «Все было благом при выходе из рук творца вещей», — говорит Жан-Жак Руссо. Эту истину он не считал нужным доказывать; но он ее ослабил, добавив: «Все выродилось в руках человека». В действительности, не по вине человека выродились животные и растения до той степени, на которой мы их находим в диком и приуроченном состоянии: это разлад (l'incohérence), дезорганизовав серийный строй, деградировал продукцию и даже человека, рост которого в момент появления достигал $74^{2}/_{3}$ дюйма, или 6 футов $2^{2}/_{3}$ дюйма (парижских), для расы с прямыми чертами лица. В ту пору люди этой расы легко доживали до 128 лет (восемь раз по шестнадцати). Все творения обладали такой же мощью, и розы в момент сотворения были прекраснее тех роз, что растут у нас на клумбах. Это всеобщее совершенство держалось на протяжении всего первого социального периода, который сложился благодаря совокупному действию пяти обстоятельств, упомянутых мною выше.

Мир царил там не в силу общего благосостояния, но благодаря имманентному свойству серий. Оно состоит в методическом развитии и сочетании страстей, которые вне прогрессивных серий приходят в столкновение и порождают войну и всякого рода раздоры.

Ошибочно было бы думать, что в этом первобытном строе царило равенство, общность. Я уже указывал, что все эти философские химеры несовместимы с прогрессивными сериями, которые требуют, наоборот, градации неравенства. Эта градация могла установиться с первого момента, несмотря на то, что люди не пользовались письменами для установления и распутывания интересов каждого члена общества. Я поясню, каким образом людям удавалось группировать и удовлетворять различные запросы.

Страсти в ту пору были более бурны, чем ныне. Людям

отнюдь не была присуща пастушеская невинность, существовавшая лишь в воображении поэтов. Мужчины были горды и чувственны, рабы собственных фантазий; женщины и дети — то же. Эти мнимые пороки служили залогом единения и вновь станут залогом социального единения, как только сформируются серии.

VIII

[*Дезорганизация серий*]

Им суждено было притти в расстройство в силу обстоятельств, прямо противоположных пяти основным причинам, которые я охарактеризовал выше. Вскоре чрезмерное размножение населения породило бедность; одновременно с этим колоссальное размножение диких зверей, распространявшихся с экватора (или с севера), стало порождать злодейские замыслы; жажда грабежа распространялась тем легче, что младенческий возраст и трудности земледелия лишали возможности иметь съестные припасы в изобилии, необходимом для механизма серий. Отсюда — дробление на разобщенные хозяйства, брак, а затем переход к дикости, патриархату и варварству.

В период первобытных серий род человеческий наслаждался долей столь счастливой по сравнению с участью дикарей и людей, живущих в патриархальных условиях, что расстройство серий должно было привести народы в отчаяние. Последним оплотом (appuis) этого строя были дети. Дети прикрывали политическое отступление и в течение долгого времени пребывали еще в гармонии, когда отцы впали уже в раздоры и были готовы усвоить систему отдельных хозяйств и семейной исключительности, к чему побуждала растущая бедность. По мере ее роста племенные вожди были все более и более заинтересованы в установлении института брака, который в конечном счете и взял верх.

Раньше чем впасть в эту крайность, люди, вероятно, пробовали для сохранения первобытного строя прибегать к различным мерам, более или менее тщетным. Когда же окончательно была понята невозможность восстановить этот превосходный социальный строй, видя, что вечное сожаление об утраченном счастье ввергает народы в апатию, порождая в них отвращение к труду, вожди племен постарались ослабить воспоминание об утраченном благополучии, которое не могло уже возвратиться, так как повесть о нем вносила лишь смятение в социальный строй, пришедший на смену первобытному.

Таким образом все вожди сообща решили извратить традицию; вытравить ее было невозможно, пока живы очевидцы, но легко удалось обмануть последующие поколения, не видавшие строя производственных серий. Нарочито, чтобы возбу-

дить сомнение, стали распространять повествования противоположного характера; отсюда — более или менее нелепые, широко распространенные на Востоке басни о *земном рае,* откуда был изгнан человек.

Так появились вымышленные сказки, фальсифицировавшие подлинную традицию, извращение которой было в интересах племенных вождей. Все эти легенды, легшие в основу древних религий, служат остовом великой истины: задолго до теперешних обществ существовал строй более счастливый, память о котором смутно живет у восточных народов, когда-то им наслаждавшихся.

В числе шарлатанств, извративших подлинную традицию, надо различать обычай приобщения к тайнам у древних жрецов Востока. Вряд ли приходится сомневаться, что этой тайной были вначале предания о первобытном строе. Но так как рост бедствий требовал усиленного принятия мер предосторожности для сокрытия от народов этой прискорбной тайны, то в конечном счете открывать ее стали лишь узкому кругу посвященных и создали вымышленные тайны, чтобы отвлечь внимание любопытных подначальных, приобщаемых к священству (sacerdoce). В результате систематического сужения круга избранных подлинные предания стали достоянием столь незначительного количества адептов, что обладатели тайны могли быть уничтожены войной или иной невзгодой; жреческая же масса ничтоже сумняшеся продолжала свои таинственные — уже беспредметного характера — посвящения для соблюдения видимости корпорации.

Надо полагать, что жрецы Изиды и Брамы уже были в состоянии такого неведения и не имели никакого понятия о первобытном строе; во всяком случае сведения о нем были извращены очень скоро в те грубые времена, когда письменность еще не была изобретена и каждый рассказчик непременно добавлял от себя к переданному ему повествованию. Люди Востока — сочинители не хуже обитателей берегов Гаронны, и надо полагать, что 300 лет спустя предание, о котором идет речь, было до такой степени извращено добавочными вымыслами, что разобраться в нем уже не могли и сами посвященные. Уцелел лишь остов истины — *счастье минуло и безвозвратно утрачено.* Отсюда жрецы делали умозаключение о мнимом гневе божьем, об изгнании из рая; они распространяли эти и другие басни для устрашения толпы и подчинения ее намерениям жреческой касты.

Полагаю, я достаточно ясно охарактеризовал причины нашего полного неведения нравов и обычаев первобытного общества. Этому неведению наступает конец. Теория социального движения внесет полную ясность в этот вопрос: она подробнейшим образом укажет, каков был механизм этого первобытного общества, на смену которому пришли дикость, патриархат и варварство.

IX

Пять периодов строя разобщенных семейств: 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й

Я охвачу эти пять социальных периодов одной главой. Подробная трактовка каждого из них завела бы меня слишком далеко и заставила бы выйти из рамок данного проспекта.

Пропустим второй период — дикости — для нас мало интересный и перейдем к третьему, или *патриархату*. Это общество, нам почти незнакомо; этот строй — его принимали за первобытный — в первые века не существовал ни у одного народа. Люди всех рас были чужды предрассудков в эпоху своего сотворения и не считали преступлением свободу любовных отношений; их физическая сила и их долголетие внушало им прямо противоположные взгляды: они предавались оргиям, кровосмешению и самым похотливым наклонностям. Мужчины, как общее правило, доживали до 128 лет и, следовательно, имели в своем распоряжении целых 100 лет для полноценного удовлетворения потребности в любви; разве можно было убедить их, подобно податливым цивилизованным, в том, что они должны целые сто лет наслаждаться любовью с одной и той же женщиной и не любить других?

Прошло много времени, прежде чем народились условия, заставившие ограничить свободу любовных отношений (liberté amoureuse); надо было, чтобы раса утратила значительную долю своей первобытной силы для подчинения правилам, столь противным интересам крепких, здоровых людей. Но так как с распадом серий сила и крепость уменьшаются, то упадок серий расчистил путь принудительному регламентированию любви и переходу к дикости, патриархату и т. д.

Патриархальный строй нам известен столь же мало, как и первобытный. Авраам и Иаков в том виде, как нам их рисуют, — люди отнюдь не «добродетельные»; это «тираны», полные злобы и несправедливости, содержащие гаремы и рабов, согласно обычаю варваров. Эти паши и тираны своего маленького мирка предавались всякого рода распутству. Можно ли придумать что-либо более преступное и несправедливое, чем изгнание Авраамом Агари и ее сына Измаила, обрекаемых на голодную смерть в пустыне, только потому, что Авраам достаточно насладился этой женщиной и она ему больше не нужна. И на этом основании он посылает на верную смерть женщину и малое дитя. Таковы патриархальные добродетели во всем их блеске и величии; все поведение патриархов изобилует поступками столь же отвратительными.

И однако философия хочет вернуть нас к патриархальным нравам. Философ Рейнал в своей «Истории обеих Индий» начинает с напыщенного восхваления китайцев, изображая их самой совершенной из наций на том основании, что они сохранили патриархальные нравы. Проанализируем их совершенство: Китай, прекрасную культуру которого славят, столь бе-

ден, что народ его горстями ест червей, которыми кишит его одежда. Китай — единственная страна, где плутовство узаконено и в почете; любой купец вправе применять в торговле неправильные весы и практиковать иные виды плутовства, наказуемые даже у варваров. Китаец ставит себе в заслугу надувательство; обманув человека, он созывает соседей, чтобы выслушать от них похвалы и вместе с ними посмеяться над обманутым [закон при этом не допускает жалоб]. Эта нация невероятно любит судиться; нигде не судятся с таким рвением, как в Китае. Низость там столь велика, а понятие о чести столь чуждо, что палач является одним из приближенных, одним из видных офицеров монарха, который любит, чтобы неугодных ему придворных наказывали плетьми у него на глазах. Китайцы — единственный народ, открыто презирающий своих богов: они волочат своих идолов в грязи, когда не получают от них требуемого. Эта нация широко практикует детоубийство; как известно, бедные китайцы кладут своих детей на навозные кучи, где их живыми пожирают свиньи; а не то они привязывают их к пустой тыкве и пускают по течению реки. Китайцы — нация самая завистливая, наиболее угнетающая женщин, которым с детства уродуют ноги, чтобы они не могли ходить. Что касается детей, то отец имеет право проиграть их в кости и продать в рабство. И при наличии таких нравов — я даю лишь беглый набросок их — китаец насмехается над цивилизованными на том основании, что они менее плутоваты. По его словам, европейцы не знают толка в торговле, и только голландцы кое-что в ней смыслят, а настоящий толк знают лишь китайцы. (Выделение, нечего сказать, лестное для голландцев [и характеризует «торговый дух»].)

Таковы «патриархи», которых восхваляет философия и ставит нам в пример Рейнал. А между тем, несомненно, Рейнал лучше всякого другого знал, что Китай кишит всякого рода общественными пороками, но он прославлял их нравы, увязывая их с духом философов, с их софизмами относительно семейного быта и промышленной изоляции, которую они проповедуют. Такова подлинная причина восхваления ими патриархального быта вопреки отвратительным результатам, к которым он приводит; на самом же деле, среди наций земного шара самые коварные и порочные — китайцы и евреи, наиболее верные патриархальным нравам*.

Чтобы устранить эти нелицеприятные свидетельства, философы, рисуя яркими красками Китай, обходят молчанием

---

* Отрицательное отношение Фурье к китайцам и евреям вытекало из его острейшей ненависти к торговле, к патриархальной тирании, к язвам и порокам капитализма. Эта неприязнь не помешала ему включить Ротшильда в список «кандидатов» первого опытного фаланстера и предлагать ему «восстановление иудейского царства». — *Прим. ред.*

его развращенность (corruption) и чудовищную нищету народа. Что касается евреев, то их общественные пороки объясняют теми преследованиями, которые им приходилось претерпевать, тогда как на самом деле преследования облагораживают изгнанников.

В период преследований христиане заслуживали уважения, больше чем когда бы то ни было, не имея ни своего монарха, ни иного связующего начала. Почему же преследование религии оказало столь различное действие на тот и другой народ? Потому что в своей невзгоде христиане усвоили корпоративный дух, который у изгнанников становится зачатком благородных страстей. Евреи же блюли патриархальный дух, который таит в себе зародыши низких страстей и который развратил их еще в дни их могущества.

Это мое отступление диктует исследование патриархального духа, пороков и лицемерия, порождаемых им в сердце человека.

Но в данном небольшом мемуаре нельзя все это обнять. Итак, возвращаюсь к поднятому мной вопросу и ограничиваюсь указанием на неосведомленность цивилизованных в вопросе федерального патриархата, этого третьего периода социальной разобщенности.

Федеральный (или сложный) *патриархат* складывается из семей кочевых (vicinales), свободных и объединяющихся в племенном совете (par congrès) по методу татар. Патриархальные семьи на этой стадии заинтересованы в улучшении участи титулованных супруг, в постепенном расширении их привилегий и гражданских прав вплоть до предоставления им той половинчатой свободы, которой они пользуются у нас. Эта мера в патриархате служит исходным пунктом для выхода из третьего периода и вступления в пятый период — в цивилизацию. Цивилизация не может народиться ни в недрах дикости, ни в недрах варварства; ни дикари, ни варвары никогда не усваивают сразу наших общественных навыков *, и американцы, несмотря на все их соблазны, несмотря на все интриги, пущенные ими в ход, не втянули в полной мере ни единой орды в круг (civilisation complète) цивилизации; в соответствии с естественной линией движения цивилизация должна народиться в недрах федерального патриархата или извращенной формы варварства, существовавшей на древнем Востоке и смыкавшейся во многих отношениях с федеральным патриархатом.

Что касается простой формы патриархата, существовавшей при Аврааме и Иакове, то этот строй ведет лишь к варварству, в этом строе каждый патриарх становится сатрапом,

---

* В качестве примера указывали на царька (roitelet) Сандвичевых островов и на некоторые орды Охайо, у которых наметились такие изменения. Столь небольшое исключение лишь подтверждает правило.

возводит все свои фантазии на степень добродетели и практикует в отношении семьи самую возмутительную тиранию, по примеру Авраама и Иакова, своей порочностью и несправедливостью превзошедших тех, кто восседает на престолах Алжира и Туниса.

Дикость, варварство и цивилизация известны не лучше патриархата. Перейдя к фазам и характеристике каждого периода, я покажу, что наше философское понимание цивилизации столь же ошибочно, как и представление о способах выхода за ее пределы и перехода к шестому периоду.

Этот шестой период — *гарантизм* — таков, что мысль о нем могла бы притти в голову философам, потому что он мало отступает от обычаев, усвоенных цивилизацией, и сохраняет еще *семейный быт, брак* и главные атрибуты философской системы; но он значительно уменьшает революции и бедность. Впрочем, сколь бы легко ни было выдумать этот шестой период, разве сумели бы философы возвысить род человеческий над цивилизацией, раз они не умеют поднять его даже на ступень цивилизации, т. е. организовать переход дикарей и варваров к цивилизации. Они не сумели даже помочь цивилизации в ходе ее развития: подразделив механизм цивилизации на четыре фазы, я покажу, что переход к третьей фазе произошел случайно и что философы никогда не оказывали никакого влияния на прогресс дорогой им цивилизации. Они замедляли ее развитие вместо того, чтобы ускорять, они подобны неразумной матери, которая, увлекаясь, утомляет ребенка, изощряется в опасных выдумках, способствует зарождению в нем болезни и толкает его к гибели, воображая, что приносит ему пользу. Так действовали и философы, восторгаясь цивилизацией; они всегда ухудшали дело, воображая, что улучшают его; они поддерживали укоренившиеся иллюзии и проповедывали заблуждения, вместо искания путей к истине. Они и сейчас, очертя голову, погружаются в меркантильный дух, с которым следовало бы им бороться, хотя бы из чувства стыда, поскольку они высмеивали торговлю на протяжении двух тысячелетий. Скажу прямо, если бы это зависело только от философов, цивилизация застряла бы на первой фазе и сохранила бы варварские обычаи, каково рабство, восхваляемое учеными Греции и Рима *.

О полном неумении разобраться в механизме цивилизации свидетельствуют непредвиденные невзгоды, постигающие каждое наше поколение. Последняя такая невзгода — якобинские клубы, о которых понятия не имели в 1789 г., несмотря на ученые исследования цивилизации. Нам грозят и другие бед-

---

* Отмена рабства была результатом заката феодального строя. Установление этого строя было делом случая, а не результатом философских исследований: философы всегда проповедывали предрассудки или опрометчиво их опрокидывали, без подготовительных мер, что еще хуже, чем их поддерживать.

ствия, последовательного зарождения которых никогда не умеют предвидеть философы, таков *торговый феодализм,* не менее отвратительный, чем господство клубов. Это — продукт влияния коммерческого духа на социальную систему; его захватнические тенденции (son empiètement) сулят страшные новшества, которые и не снились цивилизованным. Мой прогноз не должен пугать: не ужас, а радость должен он возбуждать, потому что теория социального движения дает возможность предвидеть и предотвратить все политические бури.

X

Резкий контраст между обществом с прогрессивными сериями и обществом с разобщенными семьями

Общества первое и седьмое — серийного типа — представляют во всех отношениях полный контраст с обществами вторым, третьим, четвертым и пятым — семейного типа (шестое составляет исключение: здесь принцип нарушен).

В четырех последних благополучие массы противоречит страстям индивидуума, так что правительство, орудуя в интересах массы, вынуждено прибегать к принуждению. Это не имеет места в серийных обществах, где общее благо настолько гармонирует с индивидуальными страстями, что управляющие органы (l'administration) ограничиваются *уведомлением* граждан о намеченных мероприятиях, каковы налоги, повинности; все выплачивается и выполняется в назначенный день сериями, на основании простого уведомления. Но в «четырех» дисгармонических (incohérentes) обществах приходится прибегать к принуждению даже при мероприятиях явно полезных и проведение которых никого не утомляет, никому не вредит; таково единообразие весов и мер. Будь мы в седьмом периоде [или в шестом], правительство ограничилось бы *уведомлением народов* относительно предстоящих работ и грядущей присылки образцов; по прибытии этих образцов в каждой провинции, в каждом кантоне, их тотчас же пускали бы в дело, не ожидая приказаний.

Это сопротивление обществ второго, третьего, четвертого и пятого общеполезным мероприятиям имеет место как со стороны корпораций, так и со стороны индивидуумов; например, в Турции государственные чиновники (les corps de l'état), как и народ, сопротивляются водворению военной дисциплины, потребность в которой, однако, ими чувствуется *.

Общества второе, третье, четвертое и пятое со свойственными им нищетой и революциями, браком, плутовством и

---

* [Народ, представляющий смесь цивилизации и варварства, по существу — нелепость.]

пр. обладают способностью отталкивать; иными словами, наблюдая друг друга и общаясь между собой, они отнюдь не хотят подражать одно другому. Мы наблюдаем варварское общество, но не хотим следовать его обычаям: оно видит наши общества и не желает им подражать; так обстоит дело с этими четырьмя обществами типа разобщенных семейств; подобно вредным животным, они не умеют ужиться; живя в соседстве друг с другом [соприкасаясь границами], ни одно из них не захотело бы войти в состав трех других; шестое же общество уже обладало бы небольшой силой притяжения для пятого.

Общества первое и седьмое, как и все другие общества с прогрессивными сериями, обладают свойством притягивать; как исключение, общество № 1 оказывало бы лишь слабое притяжение в отношении богатых классов обществ четвертого, пятого и шестого.

Седьмое общество обладало бы большой силой притяжения для всех классов — богатых и средних, несмотря на то, что оно лишь прокладывает путь к истинному счастью, наслаждаться которым начинают в восьмом. Однако, по сравнению со строем цивилизации, седьмое общество настолько уже счастливо, что, будь оно внезапно организовано, многие слабые и чувствительные люди занемогли бы от потрясения и сожаления, внезапно узрев столько счастья, коим они не насладились, между тем как насладиться могли бы.

Что касается восьмого периода, которому скоро предстоит народиться, то, чтобы дать некоторое представление о присущей ему силе притяжения, я скажу словами одного автора: «Если бы люди могли созерцать бога во всей его славе, крайнее восхищение, быть может, вызвало бы их смерть». Что же такое эта слава бога? Это есть не что иное, как царство гармонического (combiné) строя, которому предстоит установиться и который представляет собою наипрекраснейшую из божественных концепций. Если бы мы, люди, могли внезапно увидеть этот комбинированный строй, дело рук божьих, в полном его действии (каковым я его обрисую в диалогах 2200 г.), вне всякого сомнения, многие цивилизованные были бы сражены насмерть силою своего экстаза. Одно уже только описание [восьмого общества] может породить в некоторых людях, особенно в женщинах, энтузиазм, граничащий с манией; в результате может явиться равнодушие к развлечению, неискусность в выполнении работ цивилизации.

Чтобы умерить их изумление, я завожу речь издалека и откладываю до третьего трактата картину комбинированного строя и сопоставление его с физическим и духовным бременем, гнетущим цивилизованных. Это сопоставление непременно привело бы в экстаз и в отчаяние самых несчастных из них, не будь оно преподнесено с надлежащей выдержкой, ослабляющей его силу действия; чтобы достигнуть этой цели, я наро-

чито буду говорить в первых трактатах холодным тоном и посвящу эти трактаты сухим заметкам об общих революциях движения и несуразицах у цивилизованных Продолжаю.

Общества с разобщенными семьями — второе, третье, четвертое, пятое и шестое — обладают свойством порождать *отвращение* к труду земледельческому и мануфактурному, к наукам и искусствам; в этих пяти обществах ребенок отказывается работать и учиться, начинает громить все вокруг, как только он приобретает способность организовать группы или свободные объединения ему подобных. Удивительно это свойство рода человеческого — эта общая страсть детей к уничтожению, когда им предоставляют свободу. Совершенно противоположные свойства приобретает ребенок в серийных обществах: он работает неустанно и оказывает неоценимые услуги, стихийно беря на себя все мелкие работы, для которых используют у нас рабочую силу тридцатилетних. И, наконец, в сериях, построенных на притяжении страстей, он получает *естественное воспитание;* он получает образование без понуждения и контроля с чьей бы то ни было стороны. Как только он научается ходить, его предоставляют самому себе, давая возможность сколько угодно развлекаться с группами ему подобных; соревнования, импульса, сообщаемого сериями, достаточно, чтобы этот ребенок к 16 годам приобрел уже сведения во всех отраслях наук и искусств и практические знания в сфере сельского хозяйства и фабричного труда, практикуемого в данном кантоне. Приобретение этих знаний не сопряжено ни с какими издержками; наоборот, он обзаводится маленьким сокровищем в результате многочисленных трудов, выполненных им в детстве на основе соревнования, в силу притяжения, когда ему казалось, что он развлекается с детскими сериями, проявляющими в работе пламенное усердие. (См. примечание относительно иерархии тяготения страстей.) *

Вне «страстных серий» естественное воспитание ребенка невозможно. Воспитание, получаемое каждым ребенком в дисгармоничном обществе, бывает различным в зависимости от каприза воспитателей или отцов и не имеет ничего общего с предначертаниями природы, которая стремится вовлечь ребенка в работу всех видов, видоизменяя характер труда при-

---

* Три силы — конкурирующие, соперничающие и независимые — влияют на его развитие: дети, женщины и мужчины.

Я помещаю мужчин в третий ранг, потому что тяготение устанавливается от слабого к сильному, иными словами — силою вещей, обусловливающей производственное притяжение, дети будут притягиваться сильнее, чем отец и мать, и женщины сильнее мужчин; таким образом, при комбинированном строе главный импульс труда будет исходить от детей, а затем наступит очередь женщин, которые будут вовлекать мужчин в производство.

Я не вдаюсь в подробное объяснение этих непонятных положений: они дают предчувствовать, что механизм притяжения будет итти вразрез с общепринятыми взглядами цивилизованных. Да и может ли быть иначе, когда нет ничего более противоестественного, чем цивилизация!

мерно каждый час. Так именно совершается труд в комбинированном строе, где ребенок приобретает чудесную силу и ловкость, потому что он непрерывно находится в движении, притом разнообразном и чуждом крайностей.

Вне этого дети становятся грустными, неловкими, слабыми и грубыми; вот почему человеческая раса выродилась в какие-нибудь полвека после распада первобытных серий. Но как только сосиетарный строй будет восстановлен, рост человека увеличится, разумеется, не у людей уже сформировавшихся, но у детей, воспитываемых в данном строе; в росте человека с каждым поколением будет прибавляться 2—3 дюйма, пока рост человека не достигнет в среднем 84 дюймов, или семи футов для мужчин *. Эти размеры будут достигнуты по истечении 9 поколений. Сила и долголетие будут возрастать в различных пропорциях вплоть до 16-го поколения. Тогда полная продолжительность жизни будет составлять 144 года и пропорционально этому возрастут силы человека.

Умственные способности будут развиваться гораздо скорее; я полагаю, что дюжины лет достаточно, чтобы превратить в людей *живых автоматов,* именуемых крестьянами; по своей крайней грубости они сейчас более сродни животному, чем роду человеческому.

В комбинированном строе люди самые бедные, простые землепашцы, рожденные земледельческой фалангой, приобщатся к знаниям всякого рода, и это всеобщее совершенство никого не будет удивлять, потому что комбинированный строй в силу тяготения страстей вовлечет людей в изучение наук и искусств, которые станут путями достижения огромного богатства, как это мы увидим во второй части данного трактата.

Обществам первому, второму и третьему не свойственно крупное земледельческое и мануфактурное производство; такое производство нарождается только в четвертом обществе — варварском. Если бы крупное производство могло на-

---

* Я беру парижский фут отнюдь не произвольно, но в качестве естественной меры: он равняется $^1/_{32}$ высоты столба воды в нагнетательных насосах. Парижский дюйм и парижская линия — тоже подразделения естественной меры; согласно правилам естественной экономии, оперировать при исчислениях (pour agents de numération) надо такими числовыми величинами, которые содержали бы наибольшее количество общих делителей в наименьшей сумме единиц. Таким образом, при выборе следовало бы остановиться на 12 и его степенях. Ученые сходятся на этом, хотя обычай и отдает предпочтение числу 10, очень неудобному для исчисления, так как 10 и 14 из всех четных чисел наименее поддаются подразделению. Это число 10 может нравиться цивилизованным, которые придерживаются в большей мере навыков, чем рассудка, и усматривают непреодолимые помехи для каждого разумного новшества. Но когда все способы сношения, как то: язык, мера, исчисление и т. д., будут введены на земном шаре в единую систему, тогда люди не замедлят изъять числа 10 и 9, которые в употреблении в Европе и в Татарии.

родиться в первом обществе, род человеческий был бы избавлен от несчастной необходимости — пройти через пять злополучных периодов: 3-й, 4-й, 5-й и 6-й, он сразу поднялся бы с первой ступени на седьмую, иными словами — совершил бы переход от серий смутных к сериям контурным (ébauchées). Этим преимуществом пользуются обитатели солнц и планет, снабженных кольцами, наподобие Сатурна; они минуют дикость, варварство, цивилизацию; они сохраняют серийный строй на всем протяжении своего социального развития; этим благополучием они обязаны обилию продуктов, созданных первым актом творения.

Этот первый акт творения, оказывающий огромное влияние на судьбу земного шара, на нашей земле был столь жалок, что не в состоянии был на долгое время обеспечить смутным сериям пищу, необходимую им для работы. Этим сериям нужны занятия многочисленные и весьма разнообразные; недаром серии не могли сложиться близ экватора, где созданные богом несколько рас с первых шагов натолкнулись на помеху в виде диких зверей, пресмыкающихся и насекомых, парализовавших производительную деятельность человека (l'exercice de l'industrie). Столь же невозможно было образовать смутные серии в Южной и Северной Америке, где отсутствовали главные средства труда: там не было ни лошади, ни вола, ни барана, ни свиньи, ни птицы; та же бедность в царстве растительном и минеральном; у американцев не было [в целом ряде мест] ни железа, ни меди.

В последующие времена серии не могли образоваться на острове Таити *, где, однако, были зачатки сосиетарного строя в виде некоторой свободы любовных отношений. Будь на этом острове животные, растения и основные минералы старого материка, мы нашли бы там при открытии острова вполне сформированные смутные серии, и эти народности обладали бы средним ростом в 74 дюйма, каков был первоначальный рост рода человеческого; к этому росту вернулся бы человек несколько поколений спустя в той стране, где был бы восстановлен первый или седьмой период. Я говорил, что мужчины достигнут роста в 84 дюйма в восьмом периоде, который еще более благоприятен для физического и духовного развития рода человеческого и домашних животных, обслуживающих человека.

Создавать крупное производство человек начинает в четвертом обществе — в варварском. В пятом, или в цивилизации, он создает науки и искусства, с этого момента он обладает всем необходимым для организации прогрессивных серий и поднятия их на степень большой роскоши. Шестой период лишь прокладывает путь промышленным сериям, частично складывающимся в седьмом.

---

* В группе Полинезийских островов. — *Прим. перев.*

Общества второе, дикое, и четвертое, варварское, застойны и отнюдь не тяготеют к какому-либо строю высшего порядка. Дикари не имеют никакого желания возвыситься до варварского строя, который выше их собственного в производственном отношении, а варвары упорно отказываются возвыситься на ступень цивилизации. Эти два общества, дикое и варварское, неизменно прикованы к своим обычаям, независимо от того, хороши они или плохи.

Общества третье, пятое и шестое стремятся более или менее к прогрессу, свидетельством чему цивилизация. Она во всех направлениях стремится к совершенствованию. Государи каждый день пытаются ввести административные новшества; философы изо дня в день предлагают новые политические и моральные системы. Таким образом цивилизация из кожи лезет вон и в теории и на практике, чтобы достигнуть шестого общества, и не в состоянии этого сделать, потому что соответствующее изменение, повторяю, зависит от мер бытового и производственного характера, а не от систем управления, тогда как философия занимается исключительно последними, никогда не желая задуматься над преобразованием бытового и общественного строя.

Укажу еще на одну противоположность по линии правдивости: правда царит в обществах, образуемых теми или иными сериями, а лживость — в обществах с разобщенными семьями.

В первых правдивость обеспечивает каждому больше выгод, чем лживость, и, следовательно, каждый индивидуум, будь он порочен или добродетелен, любит правду и на практике правдив, так как правда — путь к благосостоянию. Вот почему на протяжении этих 24 обществ [включая сюда и гарантизм] во всех производственных отношениях царит яркая правдивость.

Обратное явление имеет место в восьми обществах — с разобщенными семьями: здесь богатство достигается лишь путем хитрости и вероломства, и, следовательно, мошенничество одерживает верх на всем протяжении этих восьми периодов; недаром мы видим, что в цивилизации, общественном строе семейного типа, успех венчает лишь плутовство, а исключения из этого правила столь редки, что служат лишь его подтверждением.

Общества второе, *дикость,* и шестое, *гарантизм,* менее благоприятны для лжи, чем строй цивилизации; однако это все еще притоны мошенничества, по сравнению с той яркой правдивостью, которая царит в 24 обществах с прогрессивными сериями.

Отсюда умозаключение, которое может показаться фантастичным и все же будет строго доказано: в 18 обществах комбинированного строя свойство, самое существенное для торжества правды, — *любовь к богатству*. Человек, который в рамках цивилизации пускается на всевозможное плутовство, будет

человеком самым правдивым в строе комбинированном; дело в том, что этот человек плут не потому, что обман доставляет ему удовольствие: он плутует лишь для того, чтобы добиться богатства; покажите ему, что он может заработать тысячу экю путем лжи, а три тысячи экю правдивостью, и он предпочтет правду, каким бы плутом он ни был. На этом основании люди самые корыстолюбивые скоро станут самыми горячими приверженцами правды в том строе, где правдивость будет обеспечивать быстрый доход, а практика лжи — вызывать неизбежное разорение.

Таким образом, нет ничего легче, как обеспечить торжество правды на всей земле; для этого достаточно выйти из обществ второго, третьего, четвертого, пятого [и даже шестого] и организовать общества серийного характера. Эта перемена не внесет ни малейшего замешательства, потому что она коснется лишь бытового и производственного укладов, а это не имеет никакого отношения к управлению.

Весь распорядок комбинированного строя будет прямой противоположностью нашим навыкам и вынудит поощрять все то, что мы именуем пороком, например, страсть к лакомству и любовные утехи. Те кантоны, где эти мнимые пороки достигнут наибольшего развития, будут наилучшими в производственном отношении, а их находящиеся в обращении акции найдут максимум держателей среди капиталовкладчиков.

Сколь бы странными ни казались высказываемые мной положения, я позволю себе на них остановиться, чтобы приковать внимание читателя к одной великой истине: бог, несомненно, сформировал наши характеры в соответствии с запросами комбинированного строя, который будет продолжаться 70 тысяч лет, а отнюдь не в соответствии с запросами строя разобщенного, которому суждено продолжаться лишь 10 тысяч лет. Исследуя же потребности комбинированного строя, вы увидите, что в ваших страстях нет ничего порочного: возьмем для примера любой характер, хотя бы характер *хозяйки*.

В эпоху цивилизации желательно, чтобы все женщины любили заниматься хозяйством, потому что общее их предназначение — замужество и ведение разобщенных семейных хозяйств; однако, изучая вкусы молодых девиц, вы видите, что добрых хозяек среди них найдется не больше одной четверти, а три четверти не имеют ни малейшего тяготения к этого рода работе; многие из них любят наряды, ухаживания и развлечения. Отсюда вы делаете вывод, что три четверти молодых девиц — порочны; а между тем порочен лишь ваш социальный механизм. В самом деле, если бы все молодые девицы, согласно вашим желаниям, страстно любили хозяйственные заботы, три четверти женщин были бы совершенно непригодны для комбинированного уклада, который будет продолжаться 70 тысяч лет. Дело в том, что при этом укладе хозяйственные функции благодаря ассоциации настолько упростятся, что для них не по-

требуется даже одной четверти женщин, занятых ими сейчас; таким образом вполне достаточно, чтобы из числа женщин одна четверть или одна шестая были хозяйками. Эту пропорцию, должно быть, соблюдал бог, создавая хозяек в количестве, соответствующем 70 тысячелетиям счастья, а не 5 тысячелетиям несчастий, переживаемых нами ныне. На чем помирились бы женщины в комбинированном строе, если бы для работы, требующей сотни женщин, налицо оказалось 400? Отсюда получилось бы пренебрежение к другим занятиям, уготованным женщине, и каждый стал бы говорить, что бог поступил неразумно, наделив всех женщин свойствами хозяйки, нужными только для одной четверти.

Итак, мы приходим к заключению, что женщины, каковы они есть, вполне хороши, что три четверти из них имеют полное основание пренебрегать хозяйственной работой; что порочны только цивилизация и философия, несовместимые с природой страстей и с предначертаниями бога, как это я поясню дальше [в трактате] о притяжении.

Аналогичные доводы можно привести в пользу любой из страстей, которые вы именуете пороками. Благодаря теории комбинированного строя вы поймете, что все наши характеры хороши и разумно распределены, что природные наклонности надо развивать, а отнюдь не исправлять. Вам кажется, что ребенок исполнен пороков, только потому что он — лакомка, спорщик, фантаст, непослушен, дерзок, любопытен, неукротим; этот ребенок — самое совершенное существо; при комбинированном строе он будет самым ревностным тружеником; 10 лет от роду он уже заслужит степень в детских сериях, наивысших (les plus éminentes) в данном кантоне; а честь возглавлять эти серии на парадах и на работе сделает для него самую утомительную работу игрушкой.

В наши же дни, признаюсь, этот ребенок невыносим; то же можно сказать о всех детях; но порочного среди них нет. Мнимые пороки заложены в них природой. Эта страсть к лакомствам, к свободе, вами во всех детях подавляемая, дарована им богом, который сумел наметить разумный план распределения характеров; повторяю, порочна цивилизация, которая несовместима (ne se prête pas) ни с развитием, ни с использованием черт, вложенных богом. Еще порочна философия, которая не хочет признать, что цивилизация противоречит предначертаниям природы, так как вынуждает заглушать вкусы, присущие всем детям. Такова страсть к лакомствам и строптивость у мальчиков, страсть к нарядам и к рисовке у девочек; так обстоит дело и с другими возрастами, склонности или влечения которых именно таковы, какими они, по мнению бога, должны быть в соответствии с комбинированным строем, который есть не что иное, как синтез (un développement de l'Attraction), развернутая система притяжения. Займемся же его анализом; люди не подумали заняться им до сих пор.

XI

Об изучении природы на притяжении страстей

При сопоставлении безмерности наших желаний с ничтожными средствами их удовлетворения может показаться, что бог действовал опрометчиво, наделяя нас жаждой наслаждений и страстями, которые служат для нас пыткой, возбуждая тысячи желаний, тогда как мы не можем удовлетворить и десятой доли их при строе цивилизации.

На основании таких рассуждений моралисты пытаются исправить дело рук божьих, умерить, подавить страсти, которые они не умеют удовлетворить и которых они даже не знают; ведь из двенадцати страстей, которые являются основными движениями души, им известны лишь девять; но представление о четырех главных у нас весьма несовершенно.

Эти девять уже известных страстей суть *пять чувственных* вожделений (appétits), которые владеют в большей или меньшей мере каждым индивидуумом, и *четыре простые душевные эмоции*, а именно:

6 — *группа дружбы,*

7 — *группа любви,*

8 — *группа отцовства, или семейная,*

9 — *группа честолюбия, или корпорации.*

Моралисты хотят дать этим девяти страстям направление, противное заветам природы. Сколько разглагольствовали они на протяжении двух тысячелетий, чтобы умерить и видоизменить пять чувственных вожделений, чтобы уверить нас в том, что бриллиант — отвратительный камень, а золото — гнусный металл, что сладость и ароматы достойны презрения, а хижина и простая грубая природа предпочтительнее королевского дворца. Так старались моралисты глушить чувственные страсти; не щадили они и страстей душевных. Сколько злословили они против честолюбия. По их словам выходило так, будто желательны должности лишь средней руки и малодоходные; если какая-либо должность приносит доход в размере 100 тыс. фунтов, в угоду морали надо брать себе из них только 10 тыс. Еще смехотворнее их взгляды на любовь; они хотят, чтобы в любовных отношениях царили постоянство и верность, столь несовместимые с природными инстинктами и столь утомительные для обоих полов, что при наличии полной свободы никто этому не следует.

Все эти философские капризы, называемые *долгом,* не имеют ничего общего с природой; долг исходит от людей, а влечение от бога: если хотите познать предначертания божьи, изучайте притяжение, только природу, не приемля долга, понятие о котором меняется с каждым веком и с каждой страной, тогда как природа страстей была и будет неизменна у всех народов.

Как надо изучать, я покажу на исследовании чувства отцовского и сыновнего.

Моралисты стремятся установить равенство привязанности между отцами и детьми. Они ссылаются при этом на священный долг, а природа с ними совершенно несогласна. Чтобы уяснить себе ее намерения, забудем о должном и проанализируем сущее. Мы замечаем, что привязанность отцов к детям, примерно, в два или три раза превосходит привязанность детей к отцам. Диспропорция огромна, и она кажется несправедливой; но вопрос о несправедливости и порочности не должен занимать нас при исследовании того, что есть, а не того, что должно быть.

Если, вместо того чтобы исправлять страсти, вы станете исследовать побудительные мотивы природы, сообщившей страстям направление, столь отличное от долга, вы скоро заметите, что так называемый священный долг не имеет ничего общего со справедливостью. Свидетельством тому занимающая нас проблема: несоответствие любви отцовской и сыновней. Для такого неравенства имеются уважительные причины, причем не одна, но целых три.

1. До наступления зрелости ребенок не понимает сущности отцовства; он не может оценить и уяснить себе его значение; в младенческом возрасте, когда складывается его сыновняя привязанность, от него тщательно скрывают природу того акта, который лежит в основе отцовства; таким образом в эту эпоху любовь его может носить лишь характер *симпатии,* а не любви *сыновней.* Не должно требовать от него привязанности в благодарность за заботы родителей по его воспитанию; такая рассудочная благодарность не свойственна моральным способностям ребенка; требовать рассудочной любви от существа, неспособного жить рассудком, значит самому быть младенцем. Кроме того, благодарность родит дружбу, а не сыновнюю любовь, которую в младенческом возрасте ребенок не может ни познать, ни почувствовать.

2. Подростка в возрасте от 7 до 14 лет родители осаждают своими наставлениями; эти нравоучения бывают приправлены дурным обращением; а так как ребенок недостаточно разумен, чтобы осознать необходимость принуждения, то его привязанность непременно будет складываться в зависимости от ласки, ему оказываемой; зачастую ребенок любит деда, соседа, слугу больше тех, кто дал ему жизнь, и отцы не вправе на это жаловаться; при некоторой проницательности они должны понять, что ребенку (в силу указанных выше мотивов) свойственна любовь лишь как чувство симпатии, а это чувство развивается в соответствии с добротой и чуткостью, вносимой отцами в свои отцовские функции.

3. Когда подросток, достигнув половой зрелости, начинает понимать сущность отцовства и материнства, он убеждается, что родительская любовь не бескорыстна; в основе ее лежит

уцелевшее в родителях воспоминание о былых наслаждениях, связанных с его зачатием, честолюбивые мечты или сознание своей слабости, развлечения, доставляемые ребенком в детстве, когда он очаровательно скрашивал родителям досуг. Поняв все это в сознательном возрасте, ребенок не может считать себя в долгу перед родителями, которым он доставил столько радостей, им не разделенных [и которых его хотят лишить в лучшую пору жизни]. Это сознание скорее ослабит, чем усилит его привязанность; он понимает, что его зачали из любви к наслаждению, а не из любви к нему самому, а может быть, зачали вопреки желанию, то ли в силу неловкости увеличив потомство, и без того многочисленное, то ли желая ребенка другого пола. Коротко говоря, в эпоху юности, когда сыновняя любовь может зародиться, тысячи соображений подрывают престиж родителей, делая смешной в глазах юноши роль, отводимую отцовству. Таким образом, если родители не сумели снискать его уважение и дружбу, он не будет чувствовать к ним сыновней любви, даже в небольшой дозе, установленной природой в качестве долга детей в отношении родителей; эта доза покажется нормальной, если учесть, что при комбинированном строе, к которому перейдет земной шар и применительно к которому заложены в нас страсти, воспитание не будет стоить отцам ни малейшего труда.

В настоящее время людям кажется, что трудности воспитания дают отцам неограниченные права на любовь детей, но это объясняется лишь тем, что они не взвесили трех ослабляющих моментов, только что мною приведенных:

1) полное непонимание детьми в младенческом возрасте сущности отцовства;

2) испытываемое ими в отроческом возрасте отвращение к злоупотреблению и неразумному осуществлению отцовской власти;

3) наблюдаемое ими в юности резкое несоответствие между большими претензиями отцов и мнимыми заслугами, на которых эти претензии основаны.

Учтя при этом еще и другие моменты второстепенного характера, например предпочтение, оказываемое родителями одному из детей, обидное для других детей, мы поймем, почему сыновняя привязанность втрое меньше родительской; если ребенок привязан сильнее — это под влиянием симпатии, а не кровного родства. Случается нередко, что ребенок привязан к одному из родителей в два-три раза больше, чем к другому: хотя формальное право на любовь у обоих родителей и одинаково, но характер одного из них более сродни ребенку.

Все это — истины, которые цивилизованные не хотят ни осознать ни положить в основу своих социальных расчетов. Бедные наслаждениями, они хотят быть богаты иллюзиями; они присваивают себе право собственности на привязанность слабейшего. 60-летний муж претендует на безраздельную

любовь 20-летней супруги; мы прекрасно понимаем, в какой мере обоснованы эти претензии; отцы хотят быть божеством, идеалом в глазах детей; они вопиют о неблагодарности, получая от детей любовь лишь в меру ими заслуженного. За отсутствием подлинной привязанности они питаются химерами: они любят, чтобы в романах и комедиях им рисовали безграничную сыновнюю любовь и супружескую верность, которой нет и тени в семье. Питаясь этими нравственными химерами, цивилизованные утрачивают способность к исследованию общих законов природы; они возводят в степень закона свои собственные капризы и деспотические претензии и обвиняют природу в несправедливости, не желая заняться исследованием цели, к которой тяготеют ее предначертания.

Чтобы раскрыть эту цель, надо, минуя идею долга, приступить к анализу [и синтезу] *притяжения страстей,* которое кажется нам порочным только потому, что мы не ведаем его цели, и которое, будь оно порочно или нет, никогда не было предметом систематического анализа.

Чтобы читатель различал между притяжением и долгом и исследовал притяжение независимо от предрассудочного понятия о *долге,* я дам в третьей части этого трактата новую главу, посвященную этому вопросу, главу о *сложных контрдвижениях,* из которой будет видно, что притяжение *не может быть подавлено,* хотя бы и противоречило долгу. Таким образом надо капитулировать перед этой сиреной и приступить к изучению его законов, вместо того чтобы диктовать ему наши законы, которыми оно пренебрегало и вечно будет игнорировать во славу бога и к величайшему конфузу наших неустойчивых систем.

XII

Древо страстей и его разветвления, или ступени и градации 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я

Начнем с первой ступени, имеющей три разветвления; в дальнейшем мы будем говорить о стволе, или унитеизме, как источнике всех страстей, которых на первой ступени 3, на второй 12 и т. д.

На первой ступени, или при первом разветвлении ствола, имеются три страсти, три подочага или центра притяжения, к которым тяготеют люди всех рангов, всех возрастов; эти три страсти следующие:

1) люксизм, или жажда роскоши;
2) группизм, или стремление к образованию групп;
3) сериизм, или тяга к образованию серий.

Будем исследовать эти страсти в их подразделениях, соответствующих количеству страстей на следующей ступени, во втором разветвлении их дерева на 12 ветвей, образующих гамму страстей, аналогичную гамме музыкальной.

1-й подочаг. Роскошь. Она охватывает пять управляемых ею страстей вторичного характера, называемых чувственными, или влечением пяти органов чувств.

Люксизм бывает *внутренний* и *внешний*. В первом случае дело касается здоровья, которое обеспечивает нам полноценность и непосредственность всех чувственных восприятий. Но эти чувственные восприятия невозможны вне богатства; хороший желудок и великолепный аппетит вам не помогут, если у вас нет ни гроша, чтобы пообедать. У кого нет гроша, тот обречен на голод, на косвенное подавление своих чувств; таким образом, чувства не могут функционировать полноценно без посредства денег, которым в цивилизации все подвластно.

С другими четырьмя внешними органами чувств дело обстоит точно так же, как и со вкусом: амплитуда каждого из них вне богатства минимальна. Пусть у вас превосходный слух — без денег вам не попасть ни в оперу, ни на концерт, между тем как при наличии туго набитого кошелька доступ туда свободен любому человеку с плохим слухом. Таким образом, для счастья недостаточно роскоши внутреннего характера или здоровья; нужна еще роскошь внешнего характера, или богатство, которое обеспечивает полноту чувственных восприятий, предпосылкой чего является здоровье, или роскошь внутреннего характера.

Наличие исключений лишь подтверждает правило. Молодая девушка встречает старика, который обеспечивает ей счастливую жизнь, полноту чувственных радостей — хороший стол, наряды и пр., чего ей нехватало. В этом случае одно из пяти чувств — осязание — действует в виде полового влечения, чтобы обеспечить посредством богатства внешнее функционирование четырем остальным, которые сами по себе имели бы лишь внутреннее функционирование, или здоровье, и вне богатства находились бы лишь в потенции, будучи лишены позитивного двигателя; вне богатства, предоставленного стариком, уделом девушки были бы лишения всякого рода, страдало бы и чувство осязания, так как у бедняков слишком мало средств и возможностей для любовных связей с теми, кого они любят.

Отсюда мы заключаем, что роскошь есть фактор сложный, а не простой, что она бывает внутренняя и внешняя, — существенный принцип, устанавливаемый нами, чтобы констатировать путаницу физических наук во всяком вопросе, касающемся единства движения. Доказательством тому споры по вопросу о простоте и сложности света. Если свет — тело простое, в таком случае, в силу единства природы, роскошь тоже должна быть элементом простым. Роскошь — первичная цель притяжения страстей, подобно тому как основа (pivot) света, или солнце, есть первый центр материального притяжения. Но так как мы видим, что роскошь есть фактор сложный, следовательно, сложен и свет; в противном случае в системе природы

оказалось бы раздвоение между движением материи и движением страстей.

2-й подочаг группы. Это ответвление охватывает четыре страсти вторичного характера, так называемые аффективные (affectives).

Мажор
1. Группа честолюбия или корпоративного чувства.
2. Группа дружбы.

Минор
3. Группа любви.
4. Группа семейная, или родственная.

Наши законодатели стремятся подчинить социальную систему последней из четырех групп, группе семейной, богом почти лишенной влияния при социальной гармонии, потому что узы в этой группе носят материальный или принудительный характер, а не характер свободного объединения, основанного на страсти и расторжимого по желанию.

Принятие за стержень социального механизма именно той из четырех групп, которой суждено обладать наименьшим влиянием за отсутствием в ней свободы, достойно людей, которые во всех своих расчетах идут вразрез с природой; в гармонии же эта группа будет активно использована лишь в случае поглощения ее тремя другими группами и функционирования ее в их духе.

Так как всякое принуждение порождает лицемерие, то оно будет прямо пропорционально влиянию семейной группы как несвободной и нерасторжимой; недаром общественные ступени — цивилизация и патриархат, — где эта группа господствует, как нельзя более лживы. Общество варварское более кровавое, более деспотическое, чем наше, все же менее лживо, так как семейная группа — один из сильнейших зачатков лживости в недрах движения — пользуется там меньшим влиянием. В качестве нерасторжимого союза семья чужда предначертаниям бога, которому угодно, чтобы узы и импульсы направлялись лишь притяжением и свободой.

3-й подочаг — *серии,* или совокупности групп, связанных в серии и обладающих теми же свойствами, что и геометрические ряды. Это третье ответвление дает три из 12 (secondaires) вторичных страстей; они именуются распределяющими (distributives) и ведут к социальному и домашнему механизму, совершенно неизвестному цивилизации. Первобытному обществу он был знаком; эту тайну утраченного счастья надо вновь разгадать. Таким образом план гармонической увязки страстей сводится главным образом к искусству формирования групповых серий и приведению в действие их механизма.

Если бы ученые верили в единство вселенной, о котором они прожужжали нам уши, они бы понимали, что, поскольку весь мир и все творения распределены по сериям, необходимо

для нашей связи (ralliement) с мировым единством установить аналогичный порядок в игре социальных и домашних страстей.

Ученым неугодно было допустить эту аналогию и сделать из нее вывод относительно необходимости исследования способа формирования серий на основе страстей, тайну которых я раскрываю.

Так как в этом томе я не освещаю полностью данного вопроса, лишь поверхностно касаясь серий в примечании *А* и во второй части — втором примечании, то я считаю ненужным давать здесь определение трех страстей, которые ведут к образованию серий; какой смысл характеризовать три новых двигателя без описания их функций в социальном и домашнем механизме!

В дальнейшем мы часто будем возвращаться к этому подразделению 12 вторичных страстей на 5 телесных, или чувственных, и 7 душевных, или душевного происхождения (таковы 4 аффективных и 3 распределяющих). Они имеют свой коллективный очаг, или ствол, — унитеизм; эта страсть дала три первоначальные ветви и сама является результатом их комбинированного действия.

Унитеизм есть склонность индивидуума к увязке собственного счастья со счастьем всего, что его окружает, и всего рода человеческого, столь ненавистного людям в наши дни. Это — филантропия, не знающая границ, всеобщее взаимное доброжелательство; оно сможет развиваться лишь в ту пору, когда весь род человеческий будет богат, свободен и справедлив в соответствии с тремя страстями-подочагами: люксизмом, группизмом и сериизмом, которые требуют:

в первом подразделении богатства различных степеней для удовлетворения пяти внешних органов чувств;

во втором подразделении — абсолютной свободы для четырех групп;

в третьем подразделении — справедливого распределения по страстям этого наименования.

Если унитеизм охватывает три первичных страсти, то он включает в себя и 12 вторичных, содержащихся в трех первичных. Не правы ли мы, сравнивая унитеизм с белым лучом, который содержит в себе семь цветов радуги? Надо помнить, что этот луч содержит еще пять других, не видимых нашим глазом и не замечаемых нами: розовый, малиновый, каштановый, зеленый оттенка драгун, сиреневый (я твердо уверен лишь в розовом и малиновом). В действительности, белый луч содержит 12 лучей, из коих нам видимы лишь семь; так и музыкальная октава содержит двенадцать звуков, но в гамме звучат лишь семь. Таким образом, было бы неправильно, неточно изображать унитеизм, как объединение семи душевных страстей, так называемых аффективных и распределяющих, потому что это сочетание предполагает наличие пяти чувственных

страстей и, следовательно, функционирование двенадцати страстей вторичного характера.

В этом проспекте нехватает определения унитеизма, или коренного ствола страстей, но он при цивилизации не действует (aucun essor); таким образом, достаточно приковать внимание к противоположной ему страсти, или эгоизму, который господствует столь безраздельно, что система совершенствуемого совершенства — идеология — кладет эгоизм или собственное «я» в основу всех своих построений. Изучая цивилизованных, люди естественно видели в них лишь разрушительные страсти, которые имеют свои градации, подобно страстям в гармонии.

Наши ученые не знают унитеизма, или безграничной филантропии: вместо этой страсти они видели лишь ее пагубный антипод, свойственную человеку манию все подчинять своим собственным удобствам (convenances). Эта отвратительная наклонность имеет различные наименования в мире ученых: у моралистов она называется эгоизмом, у идеологов — собственным *«я»*, термин новый, который, однако, не вносит ничего нового и является лишь бесполезной перефразировкой эгоизма; в нем всегда обвиняли цивилизованных, и обвиняли вполне основательно, потому что их общественный быт, это царство лицемерия и гнета, ведет к подчинению всех двенадцати страстей эгоизму, который становится разрушительным очагом и заступает место унитеизма, или гармоничного очага страстей.

Так как счастье — общая цель наших устремлений — является двигателем унитеизма, приводящего в движение все страсти, то следует ради упрощения исследования остановиться на трех первичных страстях — люксизме, группизме, сериизме или в крайнем случае на 12 вторичных, которые являются подразделениями трех первичных. Бесполезно было бы преждевременно вдаваться в подробную характеристику 32 страстей третьей ступени и 134 — четвертой и т. д., поскольку полноценное развитие трех первичных обеспечивает развитие 32 третичных, 134 — четвертой ступени, 404 — пятой и т. д....

Итак, в данном проспекте больше чем достаточно осветить вопрос о расцвете трех первичных страстей и 12 вторичных, именуемых корнями октавы и гаммы страстей.

Мы прекрасно знаем пять страстей *чувственных,* ведущих к роскоши, четыре «аффективных», ведущих к образованию групп; нам остается ознакомиться с тремя *распределительными,* комбинированное действие которых порождает серии — социальный метод, тайна которого утеряна первыми людьми, сумевшими сохранить серии лишь около 300 лет. Наконец-то тайна этого механизма вновь обретена и намечены мероприятия, необходимые для применения его к крупному производству!

Итак, наша задача в простейшей формулировке сводится к определению игры *сериизма,* или третьей первичной страсти; это она поддерживает в состоянии равновесия две других — *люксизм* и *группизм,* которые без содействия сериизма оказались бы в состоянии постоянной распри.

Аккорд из трех страстей дает счастье, обеспечивая развитие унитеизма, ствола и корня страстей; это он порождает все разветвления различных ступеней.

Я дал классификацию, или систему градаций; повторяю, древо, вышедшее из недр унитеизма, — страсти, неведомой у нас и являющейся антиподом эгоизму, — дает на первой ступени три, на второй двенадцать, на третьей тридцать две, на четвертой сто тридцать четыре, на пятой четыреста четыре плюс стержень, который никогда не принимается в расчет в движении.

Характеры и темпераменты располагаются в том же порядке, с некоторыми видоизменениями; темпераментов — четыре на второй ступени плюс очаг; четвертая ступень может видоизменяться в пределах от 30 до 32; так и другие.

Можно было бы продолжить анализ страстей, характеров и темпераментов вплоть до 6-й, 7-й и 8-й ступеней. Но для нашей любознательности на первых порах достаточно будет пятой ступени, так как она дает совокупность гармонической фаланги, или домашней судьбы (destineé domestique). Итак, продолжаю.

В соответствии с единством мира материального и мира страстей система тяготения очень подробно описана и прослежена в механизме звездной системы. Мы видим там в клавиатуре 32 клавиши, или планеты, тяготеющие в сложной комбинации к унитеизму на основе равновесия и согласования всей системы со звездной сферой, в центре которой она находится. Переходя к подразделениям, и прежде всего к подразделению первой степени, система тяготеет к трем подочагам:

1) люксу, или солнечному центру;

2) к четырем группам, образуемым четырьмя планетами, имеющими луны;

3) к серии, образуемой сочетанием четырех групп и разных небесных тел вокруг солнечного стержня.

Перейдем к беглому рассмотрению двенадцати страстей коренной октавы второй степени.

XIII

О двенадцати страстях, коренных в октаве

Я уже дал их классификацию — пять чувственных, четыре аффективных, три распределительных Три последних едва известны цивилизованным; мы наблюдаем лишь их проблески, и эти проблески порождают великий гнев моралистов, ярост-

ных врагов наслаждения. Влияние этих трех страстей столь незначительно и проявляются они столь редко, что мы не имеем даже их отчетливой классификации; я должен был назвать их *страстью к соединению* (engrenante), *страстью к переменам* (variante) и *градационной* (graduante); но я предпочитаю именовать их по номерам — 10, 11, 12; я подожду с их определением, потому что трудно поверить, чтобы бог, при всем его могуществе, мог изобрести такой социальный строй, где можно было бы утолить эти три страсти, столь ненасытно жаждущие наслаждения.

Семь страстей — аффективные и распределительные — зависят больше от души, чем от материи; они играют роль первичных. Их комбинированное действие порождает страсть коллективную или образуемую сочетанием семи других, подобно тому как белый цвет создается сочетанием семи цветов радуги; эту тринадцатую я назову *гармонизмом* [или унитеизмом]; она еще более неизвестна, чем страсти номеров 10, 11 и 12, на которых я еще не останавливался; но и не зная их, можно рассуждать на тему о всеобщем их влиянии. Так я и сделаю.

Хотя эти четыре страсти — 10, 11, 12 и 13 — совершенно заглушены нашими обычаями цивилизованных, однако зародыши их живут у нас в душе; и это нас утомляет, тревожит в большей или меньшей мере в зависимости от активности этого зародыша в каждом отдельном человеке. Вот почему многие цивилизованные на протяжении всей своей жизни томятся даже в том случае, если они владеют всеми предметами своих желаний. Свидетельством тому Цезарь, который, взойдя на мировой престол, удивлялся тому, что, достигнув столь высокого ранга, он ощущает лишь пустоту и скуку. Эта тревога Цезаря имела единственной причиной влияние четырех заглушенных страстей, и в особенности 13-й, которая чрезвычайно активно действовала на его душу; своим счастьем он наслаждался тем меньше, что достижение наивысшего ранга не оставляло уже желать ничего большего, что могло бы его рассеять и служить противоядием для этой 13-й страсти, которая в нем преобладала.

Как общее правило, то же несчастье постигает примерно всех великих людей цивилизации; так как их душу сильно волнуют эти четыре страсти, не имеющие простора для своего развития, то неудивительно, что обычно рядовой человек более довольствуется своим маленьким счастьем, чем великие люди своими великолепными наслаждениями. Это столь восхваляемое величие — трон, господство и пр. — несомненно есть благо реальное, что бы ни говорили философы; но эти блага имеют свойство возбуждать, а не удовлетворять четыре заглушенные страсти; этим объясняется то, что средний класс более способен наслаждаться при наличии меньших ресурсов, потому что его мещанские (bourgeois) навыки возбуждают в нем лишь девять первичных страстей, которые имеют неко-

торый простор для своего развития при строе цивилизации, тогда как три распределительных и гармонизм этого простора вовсе лишены.

Как общее правило, влияние трех распределительных страстей порождает характеры, именуемые свободолюбивыми, беспутными и т. д. 13-я страсть, или гармонизм, порождает характеры, именуемые оригинальными: этим людям не по себе в нашем мире; они не могут свыкнуться с обычаями цивилизации.

Варварам почти чужды эти четыре страсти, которые на данной общественной ступени совершенно не пробуждаются; недаром они больше нас довольствуются своими грубыми нравами, складывающимися под влиянием девяти страстей материального и духовного характера, единственных, которые их волнуют.

В качестве резюме скажу: если полноценное счастье человеческий род обретает только в строе групповых серий, или в строе комбинации, то объясняется это тем, что данный строй полностью обеспечит развитие двенадцати коренных страстей, а следовательно, и тринадцатой страсти, которая есть комплекс семи главных. Отсюда следует, что в этом новом общественном строе наименее счастливый из индивидуумов, будь то мужчина или женщина, все же окажется во много раз счастливее, чем могущественнейший из королей в наши дни; и это потому, что подлинное счастье заключается лишь в удовлетворении всех страстей.

Двенадцать коренных (radicales) страстей подразделяются на множество оттенков, преобладающих в большей или меньшей мере в том или другом индивидууме. Отсюда бесконечное разнообразие характеров, которые, однако, могут быть сведены к восьмистам [десяти] главным. Природа наделяет ими наугад детей того и другого пола; таким образом среди восьмисот [десяти] детей, собранных без какого бы то ни было подбора, можно найти зародыши всевозможных совершенств, достижимых человеческим разумом; этим я хочу сказать, что каждый из детей от природы одарен способностью, достаточной, чтобы стать равным одному из изумительнейших людей, когда-либо виданных миром, каковы Гомер, Цезарь, Ньютон и пр. Таким образом, если взять общую цифру населения Франции — 36 млн. — и разделить это число на восемьсот [десять], то окажется, что в этом государстве имеется 45 тыс. индивидуумов, способных сравняться с Гомером, 45 тыс., способных сравняться с Демосфеном, и т. д., если бы только их готовили к этому с трехлетнего возраста и давали бы им естественное воспитание, которое развивает в человеке все зародыши, заложенные в него природой. Но такое воспитание осуществимо только при прогрессивных сериях, или комбинированном строе; можно себе представить, каков будет в этом новом строе приток знаменитых людей во все отрасли челове-

ческой деятельности, если население одной только Франции уже даст 45 тыс. в каждой из них. Итак, когда весь земной шар будет организован и численный состав его населения доведен до 3 млрд., тогда на земном шаре постоянно будет 37 млн. поэтов, равных Гомеру, 37 млн. ученых геометров, равных Ньютону, 37 млн. драматических писателей, равных Мольеру, и так со всеми мыслимыми талантами. (Разумеется, эти исчисления приблизительны, и напрасно парижские газеты принимают их буквально.)

Большое заблуждение думать, что природа скупа на таланты; она щедра сверх наших желаний и наших потребностей; но ваше дело — уметь распознать и развить эти зачатки; а вы в этой области столь же невежественны, сколь невежественен дикарь в вопросе обнаружения и эксплоатации горных залежей. Вы не обладаете никаким искусством, никаким пробным камнем для распознавания того, к чему предназначила природа индивидуумов, какие зачатки заложены в их душу; при цивилизации эти зародыши попираются, они глушатся воспитанием, и из миллиона людей этого едва ли избегнет один. Искусство распознавания этих зародышей — одно из тысячи чудес, которым научит вас теория прогрессивных серий, где каждый развивает и совершенствует до наивысшего предела различные зачатки талантов, заложенные в него природой.

Поскольку восемьсот [десять] характеров распределены наугад среди различных детей, не приходится удивляться обычному контрасту между отцами и детьми; недаром существует французская поговорка: «У скупого отца — щедрый сын». Отсюда постоянное взаимное попирание интересов в семье: отец с огромными затратами и трудами создал такое-то предприятие, а сын им пренебрегает, губит своим нерадением и продает, потому что его вкусы противоположны; у отцов — это повод для нескончаемых сетований на природу. Новый социальный строй покажет правомерность всех этих мнимых несправедливостей природы, даже самых возмутительных; таково оставление на произвол судьбы бедняка, которому оказывают тем меньше покровительства, чем больше нуждается он в помощи и работе, тогда как богач, который ни в чем не нуждается, бывает осыпан милостями судьбы и может выбирать любую должность. Это влияние злого гения чувствуется во всех сферах цивилизации; всюду мы видим, как яростно обрушивается природа на бедняка, на праведника и на слабого; всюду мы видим отсутствие божественного провидения и вечное царство демонического духа; лишь порою бывают проблески справедливости, чтобы мы поняли, что справедливости нет места в обществах цивилизованном и варварском.

Расин в Андромахе говорит:

«Мне всегда непонятно, чьей несправедливой властью
Уготован мир преступлению, а гонения — невинности.

...Вокруг меня, куда ни глянь,
Лишь бедствия, что выносят приговор богам».

Эти преходящие неурядицы вам покажутся актом величайшей мудрости, когда вы благодаря теории притяжения поймете, что строй цивилизации обладает свойством развивать 12 коренных страстей *в превратном направлении* и постоянно порождать столько несправедливости и ужасов, сколько справедливости и благодеяний принесли бы эти страсти при их правильном развитии и комбинированном действии. Вы будете удивляться правильному сцеплению этих злосчастий, которые обрушивает и будет обрушивать на вас бог, пока вы будете упорствовать в своей разобщенности производства (incohérence industrielle); вы поймете, что мнимые странности в игре страстей основаны на глубоком расчете, с помощью которого бог уготовил вам огромное счастье в комбинированном строе; и, наконец, вы поймете, что это страстное влечение, хулимое вашими философами, как порок и разврат, есть самое изумительное дело рук божьих; потому что это влечение без всякого принуждения и без всякой иной поддержки — силою приманки, заключающейся в наслаждениях, — установит универсальное единство на земном шаре и приведет к исчезновению войн и революций, нищеты и несправедливости, как это будет на протяжении 70 тысячелетий социальной гармонии, в которую нам предстоит вступить. Теперь вернемся к хаотическим обществам, в которых мы живем.

XIV

Отличительные особенности, последовательность и фазы социальных периодов

Каждому социальному периоду присуще определенное количество характерных черт, или конституирующих его особенностей; так, например, *религиозная терпимость* есть характерная черта 6-го периода, а не 5 го, *престолонаследование* есть черта 5-го, а не 4-го и т. д.

Сказать, что эти черты вытекают из игры семи первичных страстей, что они распределены в неравных количествах по периодам, значило бы вступить на путь определения семи первичных, или коренных страстей, которые я не собираюсь анализировать в этом первом трактате.

Что касается цивилизации, или пятого периода, я скажу, что ей присущи 16 характерных черт, из коих 14 складываются благодаря прямой и обратной игре семи первичных страстей, а две — благодаря превратному развитию страсти, именуемой гармонизмом.

В каждом обществе примешиваются в той или иной мере характерные черты периодов последующих или предыдущих: например, французы за последнее время водворили в своих сношениях *промышленное и административное единство;* этот

метод — одна из характерных черт 6-го периода — установился благодаря единообразной метрической системе и гражданскому Кодексу Наполеона — двум установлениям, противным строю цивилизации, одной из характерных черт которой является *хаотичность производственных и административных отношений*. Таким образом в этом пункте мы *отошли от цивилизации и смыкаемся* (engrener) *с 6-м периодом*. Смыкаемся мы с ним еще и по другим линиям, а именно по линии *религиозной терпимости*. Англичане, у которых царит нетерпимость, достойная XII века, в этом отношении более типичные цивилизованные, чем мы. Немцы тоже более, чем мы, походят на цивилизованных неувязанностью своих законов, нравов и производственных отношений; в Германии что ни шаг, то другие меры, другая монета, другие законы и обычаи, благодаря чему обокрасть и обмануть иностранца там гораздо легче, чем это было бы при наличии единых мер, единой монеты, единого кодекса и т. д. Эта хаотичность отношений наруку механизму цивилизации, целью которого является возведение мошенничества на высшую ступень; это достигается путем полного развития 16 специфических черт цивилизации.

Однако философы утверждают, что «цивилизацию усовершенствовали, установив религиозную терпимость, производственное и административное единство». Это сказано неудачно; следовало бы сказать, что *усовершенствовали социальный строй, но цивилизация, как таковая, при этом пришла в упадок*. И действительно, если последовательно усвоить все 16 черт, характерных для 6-го периода, это повлечет за собой полное уничтожение цивилизации; ее уничтожили бы, воображая, что ее совершенствуют. Социальный строй был бы лучше организован, но мы очутились бы в 6-м периоде, а не в 5-м. Это различие специфических черт приводит нас к смешному умозаключению: *небольшим количеством благ, встречаемым при строе цивилизации, мы обязаны влияниям, противоположным цивилизации*.

А чтобы цивилизация стала еще хуже, достаточно присвоить ей кое-какие черты патриархата, с нею вполне совместимые, например: свободу торговли, или свободу продавать, пользуясь неправильным весом, неправильной мерой, фальсифицируя пищевые продукты, подкладывая камни в тюки. Все это надувательство узаконено в Китае; там любой торговец может надувать на весе и безнаказанно фальсифицировать продукты. Вы покупаете в Кантоне ветчину, превосходную на вид, а когда ее разрежете, там оказывается лишь ком земли, искусно прикрытый ломтиками мяса; у каждого купца имеется три пары весов: одни с преувеличенным весом — предназначаются для покупателей; другие — с преуменьшенным — для продавцов, а третьи — с правильным — для собственного частного пользования. Если вы дадите себя обмануть, магистрат и публика будут над вами смеяться; они вам скажут, что

в Китае существует свобода торговли и что при наличии этого мнимого порока обширная китайская империя существует свыше 400 тыс. лет с большим успехом, чем любое европейское государство. Отсюда можно умозаключить, что патриархат и цивилизация не имеют ничего общего со справедливостью и правдой и могут прекрасно существовать, чуждые справедливости и правды, как несовместимых с характером этих двух обществ.

Не анализируя характера различных периодов, я дал понять, что каждый из них зачастую усваивает себе некоторые черты периодов предыдущих и последующих. Бесспорным злом является усвоение таких черт низших периодов, как допущение законом *неправильных весов, заимствованное у 3-го периода, и клубные объединения* — это гражданское янычарство и смыкание с 4-м периодом, или варварством.

Усвоение какой-либо характерной черты последующего периода не всегда есть благо; в некоторых случаях эта черта благодаря политическому перенесению в другую среду может быть извращена и оказать плохое действие; свидетельством тому *свобода развода,* характерная особенность 6-го периода; в цивилизацию она внесла такой разлад, что ее пришлось ввести в тесные рамки. И, однакоже, свобода развода — обычай, весьма полезный для 6-го периода; он значительно способствует установлению домашней гармонии; все дело в том, что в этом шестом периоде она сочетается с другими характерными чертами, чуждыми цивилизации. Таким образом читатель видит, что, присваивая какому-либо периоду черту, характерную для другого периода, надо соблюдать осторожность, как при пересадке какого-нибудь растения в чуждый ему климат. Люди ошибались, полагая, что религиозная терпимость может осуществляться в строе цивилизации без всяких ограничений; в конечном счете в земледельческих государствах она породит больше зла, чем добра, если распространить это правило на религии, придерживающиеся обычаев 4-го, 3-го и 2-го периодов, каковы: магометанство, иудейство и идолопоклонство. В наши же дни терпимое отношение к ним не имеет такого значения, так как цивилизация близится к своему концу.

Каждое из хаотических обществ в большей или меньшей мере чувствует потребность в характерных особенностях высшего периода. Нет другого общества, которое чувствовало бы это так сильно, как цивилизация: она сама критикует себя и открыто критикует свои собственные характерные особенности, например, *лицемерие в любовных отношениях:* театры, романы прожужжали об этом уши, и шутки на эту тему давно уже всем приелись. Нападки обрушиваются главным образом на женщин, и совсем некстати, потому что оба пола надувают друг друга наперебой в любовных отношениях. Мужчины кажутся менее лицемерными лишь потому, что закон предоставляет им больше простора и считает милым (gentillesse) для

сильного пола то, что является преступлением для слабого. Мне возразят, что последствия неверности для того и другого пола совершенно различны; но они одинаковы, когда женщина бесплодна или когда она сохраняет при себе своего ребенка, не навязывая его мужчине, на это не согласному. Если бы закон обеспечивал женщине свободу любовных отношений в этих двух случаях, лицемерие в любовных делах пошло бы на убыль, и можно было бы без всякого ущерба установить свободу развода. Таким образом цивилизованные благодаря своему тираническому отношению к женщине не умеют перейти в 6-й период, куда их привел бы вышеуказанный закон.

Существовал способ более легкий для установления среди женщин и среди мужчин большей искренности в любовных делах и для перехода социального организма к свободе любви с помощью окольного маневра чисто экономического характера; я имею в виду *прогрессивное хозяйство,* или трибу из девяти групп, — домашний строй 7-го социального периода, о котором будет речь во второй части.

Каждому периоду присуща одна характерная особенность, которая образует *стержень механизма* и отсутствие или присутствие которой обусловливает изменение периода. Эта характерная особенность всегда относится к сфере любви. В 4-м периоде это — *абсолютное рабство женщин;* в 5-м периоде это — *единобрачие* и *гражданские права супруги;* в 6-м периоде это — *любовная корпорация,* обеспечивающая женщинам права, о которых я говорил выше. Если бы варвары усвоили *единобрачие,* они скоро в силу этого одного новшества перешли бы в разряд цивилизованных; если бы мы усвоили затворничество и *торговлю женщинами,* мы очень скоро стали бы варварами в силу одного этого новшества; а если бы мы обеспечили *свободу любви,* что имеет место в шестом периоде, благодаря этому одному мероприятию мы вышли бы из цивилизации и вступили бы в шестой период.

Как общее правило, стержневая характерная особенность, всегда относящаяся к укладу любовных отношений, порождает все остальные; но вторичные характерные признаки не порождают стержневого (ne font pas naître le pivotal) и лишь весьма медленно приводят к изменению периода; варвары могли бы усвоить вплоть до 12 из 16 характерных черт цивилизации и все-таки оставались бы варварами, поскольку не усвоили бы стержневой характерной особенности — *гражданской свободы женщины* на основе *единобрачия.*

Бог обеспечил любовному укладу (coutumes amoreuses) такое влияние на общественный механизм и на его метаморфозы из отвращения к гнету и насилию; ему было угодно, чтобы счастье или злосчастье человеческого общества было пропорционально принуждению или свободе, допускаемым им. А бог признает только такую свободу, которая распространяется на

оба пола, а не только на один, и ему было угодно, чтобы единственной основой социальных ужасов, которыми изобилуют дикость, варварство, цивилизация, было рабство женщин, а единственным стержнем, единственным компасом социального благополучия в 6-м, 7-м и 8-м периодах было постепенное раскрепощение слабого пола.

Эти истины недоступны цивилизованным; их суждение о женщине складывается на основании современных им нравов — того лицемерия, к которому вынуждают женщин наши обычаи, не оставляющие им и тени свободы; двуличие есть, по их мнению, прирожденное и неизменное свойство женского пола. А между тем, если есть разница между нашими столичными дамами и одалисками гарема, которые считают себя игрушкой, созданной для услаждения досуга мужчин, тем больше будет разница между нашими дамами и женщинами разумно управляемой нации, у которой слабый пол возвысился бы до полной свободы. Как же будет складываться характер женщины при наличии свободы? Философы старательно обходят этот вопрос; приверженцы угнетения, тайные ненавистники женщин, они своими вздорными комплиментами приучают их легкосмысленно относиться (s' étourdir) к рабству и душат в зародыше самую мысль о том, каковы будут женские нравы при социальном строе, который ослабит сковывающие женщину цепи.

В каждом из 32 периодов социального движения имеется по четыре фазы; и, следовательно, каждый социальный период — и варварство, и цивилизация, и другие — можно подразделить на четыре возрастных стадии — *детства, расцвета, увядания и дряхлости*. В третьей части этого трактата я дам картину четырех фаз цивилизации; в настоящее время она находится в третьей фазе — *увядания*. Я поясню значение этого термина.

Увядание общества может быть вызвано социальным прогрессом; дикари Сандвичевых островов и Охайо, осваивая какие-либо отрасли земледелия и мануфактурной промышленности, несомненно, совершенствуют этим свой социальный строй, но тем самым удаляются от быта дикаря, к числу характерных особенностей которого принадлежит *отвращение к земледелию*. Таким образом эти племена Сандвичевых островов и Охайо являют собой картину увядания дикого быта, и это — в результате социального совершенствования.

В том же смысле можно сказать, что турки являют собой признаки увядания (déclin), варварства; и это потому, что они усвоили целый ряд характерных черт цивилизации — престолонаследие и иные обычаи, родственные обычаям цивилизованных и обусловливающие закат варварства. До ниспровержения Селима они усвоили военную тактику, свойственную цивилизации; они усовершенствовали свое варварство, уничтожив ре-

гулярную армию, введение которой было мерой антиварварской и смычкой с цивилизацией.

Этих примеров достаточно для пояснения сказанного выше, а именно: *общество может клониться к закату в результате социального прогресса:*

Общества 1-е, 2-е, 3-е теряют при закате, потому что увядание приближает их к 4-му периоду — варварству, наихудшему из всех. Но общества 4-е, 5-е, 6-е и 7-е выигрывают при увядании, потому что закат приближает их к 8-му периоду, который служит вступлением к комбинированному строю.

Четыре фазы — детство, расцвет, увядание и дряхлость — имеют каждая свои специфические особенности; характерной особенностью первой фазы цивилизации было единобрачие в сочетании с крепостным состоянием земледельца; такой строй существовал у греков и римлян, находившихся лишь в первой фазе цивилизации. Вторая и третья фазы тоже имеют свои особенности; при характеристике мною особенностей четырех фаз цивилизации читатель увидит, что философы старались задержать ее развитие на ступени детства; лишь случайность привела нас из первой фазы во вторую, из второй в третью; когда же этот постепенный переход становился фактом, философы искусно присваивали себе честь тех улучшений, над которыми они никогда не задумывались до того, как это случайно произошло.

Я уже это доказал, отметив, что ни у греков, ни у римлян ни один философ не выдвигал плана освобождения рабов; никогда философы не занимались участью этих несчастных, которых Ведиус Поллион отдавал живыми на съедение муренам за малейший проступок, а спартиаты тысячами убивали, чтобы уменьшить их численность, когда они слишком размножались. Филантропы Афин и Рима никогда не соизволили поинтересоваться их участью или восстать против столь дикой жестокости. Им думалось в ту пору, что без рабов немыслимо самое существование цивилизации; они всегда думают, что социальная наука достигла высшей точки и что предел известного есть предел возможного. Видя, что строй цивилизации немного лучше строя варварства и дикости, они пришли к умозаключению, что цивилизация есть наилучшее из всех возможных обществ и что никаких других никто не откроет.

Между различными социальными периодами бывают общества *промежуточные, или гибридные,* представляющие смесь характерных черт различных периодов. Русское общество есть общество промежуточное между периодом 4-м и 5-м — варварства и цивилизации. Китайское общество — самое занимательное на земном шаре с точки зрения смешения: в нем можно найти чуть ли не в равной дозе характерные особенности патриархата, варварства и цивилизации. По существу

их нельзя отнести ни к патриархальным, ни к варварам, ни к цивилизованным.

Гибридным обществам, каковы общество русское и общество китайское, присущи свойства животных гибридов, к числу которых относится мул: у них больше пороков и в то же время больше силы, чем у обществ первоначальных, смесь которых они представляют.

Чрезвычайно редко, почти невозможно встретить общество *чистого вида,* свободное от искажений, не заимствовавшее никаких характерных черт у периодов высших или низших. Я уже указывал, что чуть ли не все азиатские варвары усвоили престолонаследие, эту характерную особенность цивилизации, чуждую варварству. Варварский строй более чистого вида сохранился в Алжире, где троном законно владеет первый его захвативший. Я уже отмечал, что среди нас уже установились некоторые обычаи, выводящие нас за рамки цивилизации. Я закончу этим положением, которое требует в дальнейшем планомерной характеристики каждого периода, в частности, 16 специфических особенностей цивилизации и каждой из четырех фаз этого периода.

XV

О бедствиях планет в фазах социальной разобщенности

Счастье, о котором столько рассуждали или, вернее, говорили столько нелепостей, заключается в наличии множества страстей и множества средств их удовлетворения. У нас мало страстей и нет средств для удовлетворения хотя бы одной четвертой части этих страстей; вот почему в *данный момент* наш земной шар принадлежит к числу самых несчастных во вселенной. Если другие планеты и могут испытывать столько же бедствий, то большее количество их немыслимо, и теория мирового движения докажет нам, что бог, при всем его всемогуществе, не может изобрести страданий более утонченных, чем те, что испытываем мы на нашей несчастной планете.

Не входя в пространные объяснения, я ограничусь указанием, что планета самая несчастная в системе не всегда самая бедная; Венера беднее нас, а Марс и три новых планеты — и того беднее; и, однако, их судьба менее злосчастна, чем наша; причину этого я поясню *.

Земля самая несчастная — та, население которой обладает страстями вне соответствия со средствами их удовлетворения. Этот порок *в настоящее время* присущ нашему земному шару. Благодаря ему положение рода человеческого столь убийственно, что недовольством объяты все, вплоть до монархов. Наслаждаясь судьбой, которой все завидуют, они, однако, се-

* Последние строки этого абзаца со слов: «Венера» и до конца в одном из аннотированных Фурье экземпляров вычеркнуты. — *Прим. перев.*

туют на свое несчастье, несмотря на то, что вольны обменяться участью с любым из подданных.

Выше я уже пояснил причину этого временного несчастья: бог наделил нас страстями, напряженность которых соразмерна двум фазам комбинированного строя; они охватят, примерно, 70 тысячелетий, на протяжении которых каждый день будет столь изобиловать разнообразными наслаждениями, что наших душевных задатков для этого вряд ли будет достаточно и люди будут вынуждены систематически изощрять страсти в детях, чтобы те были способны вкушать бесчисленные наслаждения, предоставляемые новым социальным строем.

Если бы нашим предназначением была унылая цивилизация, бог наделил бы нас страстями дряблыми и апатичными, какими хочет их видеть философия, — страстями, соразмерными жалкому существованию (existence), которое мы влачим вот уже пять тысячелетий. Бурный характер страстей, на которые мы сетуем, является залогом нашего грядущего счастья. Бог, очевидно, сформировал наши души для веков счастья, которые будут продолжаться в семь раз дольше, чем века несчастья. Перспектива 5—6 тысячелетий предварительных мучений не могла служить богу достаточным основанием для наделения нас страстями дряблыми и философскими, приуроченными к бедствиям эпох цивилизации и варварства, но совершенно непригодными для 70 тысячелетий комбинированного строя, в который мы вступаем. Итак, мы должны уже теперь возблагодарить бога за бурный характер наших страстей, который служил предметом нашего глумления и критики, пока мы не подозревали о существовании такого социального строя, который открывает простор их развитию и обеспечивает их удовлетворение.

Следовало ли богу помешать этому неведению, наделить нас способностью предугадывания этих ярких судеб? Несомненно, нет; ведь эта осведомленность была бы для наших праотцов источником непрерывного отчаяния, потому что несовершенство производства насильственно удерживало бы их в хаотическом строе. Несмотря на свое предвидение грядущего счастья, они тем не менее впали бы в дикое состояние, потому что комбинированный строй не мог сложиться до поднятия производства и роскоши на очень высокую ступень, от которой люди были весьма далеки в первый период. Потребовались века для создания пышности, необходимой комбинированному строю, а наши праотцы не пожелали бы совершенствовать производство ради блага тех поколений, которым предстояло народиться несколько тысячелетий спустя. Всеобщая апатия объяла бы народы; ни один человек не захотел бы работать, чтобы проложить путь к благосостоянию в столь отдаленном будущем, что наслаждаться им не могли рассчитывать ни его современники, ни их праправнуки. Даже и теперь, когда люди похваляются своей рассудительностью, они

не желают заняться таким делом, как насаждение лесов, и только потому, что пользоваться этими лесами сможет лишь следующее поколение. Каким же образом наши первые прародители, еще менее разумные, чем мы, могли бы примириться с трудом, плод которого человечество пожало бы лишь спустя тысячелетия? Ведь для того чтобы поднять производство, науки и искусства на ступень совершенства, требуемую комбинированным строем, нужны были по крайней мере двадцать веков.

Как обстояло бы дело, если бы первые люди предугадали грядущую социальную гармонию, которая могла народиться лишь в результате многих веков промышленного прогресса? Весьма возможно, что вместо работы на эпоху, которая наступит через 2 тысячелетия, они постарались бы ей вредить и сообща сказали бы: «Зачем быть нам лакеями тех, кто народится 2 тысячи лет спустя! Оставим втуне, задушим в корне эту промышленность, плодами которой воспользуются лишь они! Поскольку мы лишены ныне счастья, уготованного комбинированному строю, пусть же и наши потомки будут его лишены, как мы, и через 2 тысячелетия и через 20 тысячелетий; пускай и они живут так, как жили мы». Разве это не свойственно характеру человека?! Свидетельством тому отцы, которые вечно ставят в упрек детям роскошные нововведения, которыми не пользовались они в пору юности. Если бы на организацию прогрессивных серий нам потребовалось хотя бы 20 лет, кто из пожилых людей захотел бы этой организацией заняться? Опасаясь, что он до этого не доживет, каждый чувствовал бы отвращение к труду на благо наследников, неуверенный в том, что плодами этих трудов насладится он сам. Если я с такой уверенностью возвещаю универсальную гармонию в ближайшем будущем, так это потому, что организация сосиетарного строя потребует не свыше двух лет, с того момента, как какой-либо кантон подготовит здания и насаждения. Этот прекрасный социальный строй народился бы мгновенно, если бы где-либо можно было осуществить эти мероприятия, если бы существовали здания и плантации, которые можно бы использовать для фаланги прогрессивных серий. Итак, подготовка первого кантона потребует едва двух лет, а так как даже самый дряхлый из людей может надеяться прожить еще два года, то, следовательно, ему будет улыбаться мысль организовать прогрессивные серии, увидеть их еще при жизни и затянуть при виде их кантату Симеона: «Ныне отпущаеши, Владыко, раба твоего с миром...»

Отныне человек без сожаления сможет уходить из жизни, будучи убежден в бессмертии души, уверенность в чем дает открытие закономерности социального движения. Вплоть до наших дней наше представление о грядущей жизни было столь туманным, а описание ее столь страшным, что бессмертие скорее ужасало, чем утешало. Вера в это была слаба, и не хоте-

лось, чтобы она окрепла. Богу неугодно, чтобы планеты в период хаотического строя получали четкое представление о грядущей жизни душ: если бы люди были в ней убеждены, беднейшие из цивилизованных мгновенно кончали бы самоубийством, убедившись в существовании другой жизни, которая не может быть для них хуже нынешней. На земле остались бы лишь богатые, у которых не было бы ни охоты, ни умения заняться вместо бедных их неблагодарным трудом. Таким образом в результате вымирания тех, кто несет бремя производства, промышленность цивилизованных рушилась бы, и земной шар постоянно пребывал бы в состоянии дикости благодаря уверенности людей в бессмертии.

Но бог, нуждаясь в сохранении на некоторое время общества цивилизованного и варварского для прокладывания пути другим, лучшим обществам, должен был в период цивилизации оставить нас в глубоком неведении относительно бессмертия; он должен был понимать, что уверенность в наличии другой жизни для людей тождественна признанию возможности перехода к состоянию, которое лучше строя цивилизации и варварства; при наличии этого сознания большинство наемных (salariés) тружеников [и рабов] кончали бы самоубийством, если бы они были уверены в существовании загробной жизни, дающей освобождение от ужасной нищеты.

Эта неуверенность в блаженстве, уготованном душам в загробной жизни, свидетельствует об абсолютной неосведомленности цивилизованных относительно предначертаний природы. Как плохо вы ее знаете, если залог грядущего счастья вы усматриваете в разобщении двух начал — материального и духовного — и утверждаете, что после смерти тела душа отрывается от материи, вне содействия (concours) которой нет блаженства даже для самого бога. Вы ошибаетесь, думая, что нет связи между судьбою умерших и судьбою живых. Не думайте, что души умерших теряют связь с этим миром; связь между той и другой жизнью существует; я вам покажу, что души умерших пребывают в состоянии томления и тревоги, к которому приобщатся и наши после кончины, пока не улучшится на земном шаре нынешний строй. Пока Земля будет пребывать в состоянии социального хаоса, столь противного предначертаниям бога, души ее обитателей будут от этого страдать в жизни загробной, как и в жизни земной, и блаженство для умерших наступит лишь одновременно с блаженством для живущих, лишь с прекращением ужасов цивилизации, варварства и дикости.

Это откровение было бы неприятно и даже привело бы нас в отчаяние, если бы трудно было организовать комбинированный строй, установление которого станет сигналом счастья как для умерших, так и для живущих; но чрезвычайная легкость установления этого нового строя возвеличивает в наших глазах теории, рассеивающие наши иллюзорные представления

о загробной жизни, где нас ждут невзгоды и тревоги, которыми объяты и души наших прародителей в ожидании сосиетарной организации земного шара.

Теория социального движения, знакомя вас с судьбой, уготованной вашим душам в различных мирах, где им суждено пребывать на протяжении вечности, научит вас понимать, что в загробной жизни души еще раз сочетаются с материей, не отрываясь от материальных наслаждений. Здесь не место вдаваться в этот вопрос, не место также распространяться о причинах, в силу которых наши души временно утратили воспоминание о былом существовании, об участи, предшествовавшей данной жизни. Где пребывали они раньше, чем водвориться в наших телах? Из ничего нельзя создать что-либо, и бог не мог создать наши души из ничего; если вы думаете, что до возникновения тела они не существовали, почему бы вам не думать, что они вернутся к небытию, в котором ваши предрассудки усматривают источник их зарождения? Цивилизованные весьма непоследовательны, утверждая, что душа после смерти может быть бессмертна, не будучи бессмертной до жизни. Варвары и дикари в своих примитивных сказаниях о метампсихозе ближе к истине. Этот догмат близок к истине в двух пунктах: во-первых, в том, что из ничего душа не может народиться; во-вторых, в том, что он не отрывает наши души от материи ни до, ни после этой жизни. Таковы два проблеска истины в народных вымыслах варваров; уже не впервые дикие племена проявляют больше здравого смысла, чем надменные цивилизованные; эти последние, восхваляя совершенствование своей способности к совершенствованию, неуклонно погружаются во мрак метафизики, политики, морали и близки к тому, чтобы еще на целое тысячелетие застрять в цивилизации.

P. S. В данном обзоре я избегал касаться движений инстинктивного и органического; я остановлюсь на них лишь в последующих мемуарах, потому что раньше чем о них говорить, надо дать предварительно теорию социального движения, которому они соответствуют.

Так как читатели выразили желание, чтобы даны были заметки об этих двух видах движения — животном и органическом — и приведены были примеры в подтверждение определения, то я удовлетворяю запрос и даю главу в качестве приложения к третьей части; она посвящена иероглифической связи этих двух видов движения с человеческими страстями и социальным механизмом.

[Здесь предполагалась глава, посвященная апокалипсическим исчислениям, или последующим разрушениям. Я отнес ее, как и всю предшествующую космогонию, ко второму проспекту, где я более пространно остановлюсь на непрерывном откровении (révélation permanente).]

ЭПИЛОГ

О близости социальной метаморфозы

Эти беглые наброски о былых и грядущих революциях заставят людей призадуматься и зародят сомнение в умы. Вначале люди будут колебаться между любопытством и недоверием; мысль проникнуть в тайны природы будет их соблазнять, но они будут бояться, как бы не очутиться во власти какого-либо фантастического вымысла. Разум подскажет им сомнение, страсть будет толкать в сторону веры. Ошеломленные зрелищем того, как смертный развертывает перед ними хартию божественных установлений и возносится над вечностью минувшей и грядущей, они поддадутся любопытству, они затрепещут, видя, что человек наконец-то «вырвал у судьбы ее священные тайны», и еще до проверки на опыте, раньше чем моя теория будет опубликована, мне придется, пожалуй, в большей мере умерять пыл новообращенных, чем переубеждать скептиков.

Понятие, которое я дал об общих судьбах, слишком поверхностно, чтобы не вызвать многочисленных возражений; я предвижу все возможные возражения; они мне уже неоднократно делались на моих докладах, где я давал ряд разъяснений, которым не место в этом мемуаре. Бесполезно было бы с моей стороны стараться рассеять сомнения, прежде чем я пролью свет на механизм *прогрессивных серий;* он рассеет все неясное и опровергнет все мыслимые возражения.

Пока лишь напоминаю, что два первых мемуара не коснутся теории социального движения; они должны лишь удовлетворить нетерпение, дать требуемый проспект, охарактеризовать ближайшие следствия установления комбинированного строя и удовлетворить пылких людей, желающих предвосхитить опубликование трактата — убедиться по ряду признаков в том, что теория судеб действительно открыта.

Люди охотно верят тому, во что им хочется верить, и многие из читателей еще до пространного изложения теории вполне уверуют в мое открытие. Желая поддержать в них надежду и укрепить веру в колеблющихся, я настаиваю специально на легкости безотлагательного перехода человеческого рода к комбинированному строю. Легкость эта настолько велика, что уже с нынешнего года — с 1808 — можно приступить к организации земного шара; если бы какой-нибудь принц согласился предоставить один кантон для опыта и дал одну из своих армий, находящихся в бездействии благодаря царящему на материке миру, если бы он предоставил 20 тыс. человек для подготовительных работ в опытном кантоне, можно, пересадив деревья вместе с родной им почвой, как это уже практикуется в Париже, и ограничившись кирпичными постройками, настолько ускорить дело, что к концу весны 1808 г. уже станет функционировать первая *фаланга*

прогрессивных серий, и хаос цивилизации, варварства и дикости тотчас же по всей земле рассеется, сопутствуемый единодушными проклятиями всего человеческого рода.

Отсюда видно, сколь назрел момент для выхода из состояния летаргии, из вялой покорности несчастью, из упадочности, насаждаемой философскими догмами, отрицающими руку провидения в деле функционирования социального механизма и констатирующими бессилие человеческого ума определить наше грядущее предназначение.

Если предвидение будущих событий не под силу человеку, откуда эта общая всем народам мания исследовать судьбы, при упоминании о которых самый хладнокровный человек чувствует дрожь нетерпения? До такой степени немыслимо искоренить из сердца человека жажду познания грядущего! Для чего же бог, который ничего не делает зря, зажег бы в нас это пламенное желание, если бы не подумал о средствах удовлетворения его в один прекрасный день? Этот день, наконец, настал, и смертные разделят с богом предчувствие грядущих происшествий; я дал их беглый обзор, чтобы вы поняли, что, поскольку эти сведения, столь чудесные и желанные, содержатся в *теории земледельческой ассоциации и притяжения страстей,* эта теория ассоциации и притяжения, которой будут посвящены последующие мемуары и которая раскроет перед вами великую книгу вечных заветов, как нельзя более заслуживает вашего внимания.

«Природа, — говорят философы, — окутана непроницаемой завесой и никакими вековыми усилиями этой завесы не прорвать *. (Анахарзис.) Этот софизм весьма удобен для человеческого невежества и самолюбия. Люди утешают себя тем, что недоступное им недоступно и другим. Природу скрывает от нас не непроницаемая завеса, а самое большее — газовая дымка. Судя по тому, что Ньютону удалось разгадать четвертую тайну, можно думать, что природа отнюдь не намерена таить от нас три других. Глуп влюбленный, если, заметив благосклонность красавицы, он не надеется на большее. Почему же наши философы пасовали перед этой природой, которая их дразнила, давая приподнять краешек завесы?

Они хвастаются тем, что пролили потоки света. В каком источнике они этот свет почерпнули? Повидимому, источник этот — не природа, если она по их признанию, «непроницаема» для них и «окутана завесой».

Своими блестящими парадоксами философы повергают человечество в свойственное им уныние и убеждают род человеческий, что ему не открыть того, чего не сумела открыть их наука.

И, однако, несмотря на немощь таких вождей, социальный строй все же прогрессирует; свидетельством тому — уничто-

---

* [Я всегда буду укорять их в этом.]

жение рабства. Но сколько времени проходит, раньше чем люди задумают и выполнят что-либо хорошее! Минуло 20 веков научного исследования (siècles scientifiques), прежде чем люди предложили капельку смягчить участь рабов; значит, нужны тысячелетия, чтобы открыть нам глаза на истину, чтобы внушить нам акт справедливости. Наши науки, похваляющиеся своей любовью к народу, совершенно не знают, как ему помочь; недаром современные попытки освобождения негров повели лишь к пролитию крови и только ухудшили судьбу тех, кому хотели помочь; люди и до сих пор еще не знают способов освобождения, хотя и доказана возможность его самым фактом существования современных обычаев (usages), [из коих, однако, не могут вывести теорию постепенного освобождения].

Итак, случайности, а не политическим и моральным наукам мы обязаны нашими слабыми успехами по пути внедрения общественного духа; но за каждое открытие мы расплачиваемся веками грозовых экспериментов. Поступательное движение наших обществ можно сравнить с передвижением ленивца *, каждый шаг которого сопровождается стонами; подобно ему, цивилизация продвигается вперед с непостижимой медлительностью, через политические пертурбации; что ни поколение, то новая система, и эти системы, подобно терниям, обагряют кровью народы, хватающиеся за них.

Несчастные нации, вы приближаетесь к великой метаморфозе, возвещаемой всемирными вспышками народного движения. Настоящее чревато будущим, и крайняя напряженность страданий должна повлечь за собой кризис выздоровления. Созерцая непрерывные и огромные политические потрясения, невольно начинаешь думать, что природа делает усилие, чтобы сбросить с себя бремя, которое ее давит. Повсюду на земном шаре непрерывные войны, революции; бури, едва унявшись, возрождаются из пепла, подобно головам гидры, которые множились под ударами Геркулеса. Мир — лишь проблеск, минутное сновидение; производство стало для народов пыткой с той поры, как один остров пиратов чинит помехи сношениям, тормозит культурное развитие обоих материков, а их промышленные заведения превращает в рассадники нищих. Колониальное честолюбие породило новый вулкан; неутомимая ярость негров скоро превратит Америку в обширный склеп и отомстит пытками завоевателям за туземные расы, уничтоженные ими. Меркантильный дух проложил новые пути преступлению. С каждой новой войной на том и другом полушарии множатся распри, и в глубь районов, обитаемых дикарями, проникает жадность цивилизованных; наши корабли совершают кругосветные путешествия лишь для того, чтобы приобщить варваров и дикарей к нашим порокам и нашим не-

---

* Ленивец, или тихоход (Tardigrada) — небольшое неполнозубое млекопитающее, очень вялое в движениях. — *Прим. перев.*

истовствам. Да! По мере надвигающегося крушения цивилизация становится все более и более отвратительной; Земля являет картину страшного политического хаоса. Она взывает к новому Геркулесу, чтобы он могучей рукой очистил ее от социальных ужасов, которые ее бесчестят.

Новый Геркулес уже появился. Его грандиозные подвиги гремят от края до края, и человечество, приученное им к лицезрению чудес, ожидает от него чуда, которое изменило бы судьбу мира. Народы, ваши предчувствия сбудутся; самое блестящее призвание уготовано величайшему из героев; это он должен водворить универсальную гармонию на развалинах варварства и цивилизации. Вздохните свободно и забудьте ваши былые несчастья; предавайтесь веселью, потому что счастливое изобретение дает вам, наконец, в руки социальный компас *; вы тысячу раз могли бы его открыть, не будь вы сплошь пропитаны неверием в провидение. Узнайте же (я буду не раз это повторять), что провидение должно было первым делом *позаботиться о распорядке социального механизма* как благороднейшей сферы универсального движения, руководство которым принадлежит единственно богу. Вместо того чтобы исследовать, каковы могут быть предначертания бога относительно социального строя и каким способом бог может их нам открыть, вы отметали самую мысль о вмешательстве божьем в человеческие дела; вы оскорбляли, клеветали на *притяжение страстей,* вечного истолкователя его заветов; вы доверились руководству философов, которые старались унизить бога, чтобы возвыситься над ним, узурпировав его наивысшую функцию и став регуляторами социального движения. Чтобы покрыть их позором, бог допустил, чтобы человечество на протяжении 23 веков существования науки купалось в крови и исчерпало чашу бедствий, немощи и преступлений. И наконец, чтобы довершить позор этих современных титанов, богу было угодно, чтобы они были повергнуты ниц изобретателем, чуждым наук, и чтобы теория всемирного движения стала уделом человека почти неграмотного.

Какой-то *торговый служащий* уничтожит значение этих политических и моральных библиотек — позорный плод древнего и современного шарлатанства. Уже не впервые бог избирает своим орудием смиренного человека, чтобы унизить гордеца, и через человека самого безвестного несет миру великую весть.

---

* *Социальный компас.* Это наименование как нельзя больше подходит к *прогрессивным сериям,* так как это мероприятие, столь простое и столь легкое, разрешает все мыслимые проблемы социального счастья; этого одного достаточно, чтобы руководить человеческой политикой в лабиринте страстей, как магнитной иглы достаточно, чтобы вести судно во мраке в бурю среди безграничных морских просторов.

Конец первой части

Часть вторая

ОПИСАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВЕТВЕЙ ЧАСТНЫХ ИЛИ ДОМАШНИХ СУДЕБ

АРГУМЕНТ

Горизонт скоро прояснится; мы переходим к рассуждениям, которые не имеют в себе ничего научного и доступны всем.

В первой части я дал любознательным людям обзор крупных феноменов, которые ожидают нас в будущем. Теперь я дам для сибаритов беглый обзор различных наслаждений, которые комбинированный строй может предоставить уже нынешнему поколению, как только он будет организован. Я настаиваю на непосредственной близости этого счастья, потому что там, где дело касается утех, люди не любят откладывать, особенно в такие времена, когда обилие бедствий заставляет каждого страстно жаждать наслаждений.

Предвосхищая в своем описании картину грядущего счастья, как я уже говорил, я хочу пробудить в читателе интерес к теории ассоциации и притяжения, которая обещает людям столько радостей, дабы читателю захотелось, чтобы эта теория оказалась осуществимой. По мере того как люди будут в глубине сердца убеждаться в правдивости и правильности моих соображений, они незаметно для себя приучатся анализировать и изучать это притяжение, на которое они будут возлагать столько больших надежд.

В силу этих соображений я собираюсь излагать свою теорию лишь постепенно, незаметно пропитать ею каждый мемуар, а затем собрать ее воедино, в целую доктрину. Коротко говоря, я собираюсь преподносить мою теорию по дозам сообразно любопытству, которое мне удастся пробудить в читателе. Эти предосторожности необходимы, чтобы читатели восприняли трактат, которым они бы пренебрегли, как пренебрегают всякой метафизической наукой, если бы я выложил все сразу, без предварительной подготовки читателя.

При контурных описаниях комбинированного строя передо мною будет стоять трудная задача, как бы — не то что приукрасить, а, наоборот, ослабить впечатление, приподнять лишь

уголок завесы. Я уже указывал, что, если я нарисую картину без предосторожности, она вызовет слишком большой энтузиазм, особенно у женщин; а я хочу, чтобы читатель рассуждал, а не восторгался, как это могло бы быть, если бы я дал читателю возможность узреть комбинированный строй во всем его блеске и великолепии.

Итак, в описаниях, которые предстоят, я лишь бегло коснусь наслаждений, поскольку это необходимо, чтобы понять всю докучливость и смехотворность цивилизации.

Описание охватит два сообщения.

Первое сообщение, посвященное седьмому периоду, будет касаться семейных радостей в этом обществе и надоедливости семьи при цивилизации.

Второе сообщение, посвященное восьмому периоду, охарактеризует великолепие комбинированного строя.

Чтобы не ошеломить читателя и действовать постепенно, я начну с картины седьмого периода, где утехи, уже огромные по сравнению с нашими, все же умеренны по сравнению с радостями комбинированного строя, речь о котором будет лишь во втором сообщении. Это первое сообщение не будет носить в себе ничего ошеломительного и, в отличие от второго, не даст повода для упрека *в комизме, грандиозности и неосуществимости*.

ЗАМЕЧАНИЕ

[Имеют ли люди основание бросать этому проспекту упрек в оттенке цинизма, свойственном подробностям, имеющим отношение к любви; эта критика справедлива лишь отвлеченно, относительно же она ошибочна, что я и докажу.

В 1807 г. мои познания в теории гармонии простирались лишь на отношения чувственной любви, которые легче распознать и которые были предметом моих первых исследований.

Только с 1817 г. я подошел к теории гармонической любви, которая будет изложена в трактате; по сравнению с ней окажутся школьниками наши сентиментальные чемпионы, наши трубадуры и певцы пастушеских прелестей Линьона*. Они убедятся в том, что представляют собой лишь замаскированных циников; то же можно сказать о наших Памелах** и пресловутых Агнесах*** как города, так и простодушной деревни, где еще больше лицемерия и не меньше цинизма. Вслед за Лафонтеном я говорю:

«Маленькая рыбка станет большой, лишь бы господь продлил ей жизнь».

Не удивляйтесь же, что в этом проспекте, составленном на восьмом году изобретения, рисуя любовь в гармонии, я имею в виду лишь чувственную сторону, не касаясь других сторон любви.

---

* Линьон — маленький приток Луары, прославленный в романической пасторали XVII века. Главный персонаж — Селадон, томящийся и вздыхающий по возлюбленной на берегу Линьона. — *Прим. перев.*

** Памела — главный персонаж чувствительного романа Ричардсона (1740 г.) — *Прим. перев.*

*** Агнеса — главный персонаж комедии Мольера «Школа женщин». Употребляется у французов как имя нарицательное для характеристики наивной глупости. — *Прим. перев.*

Новая наука может расти лишь постепенно; в течение долгого времени она носит на себе отпечаток общих настроений. В окружении цивилизованных — циников (за немногими исключениями), говоря о любви в гармонии, я должен был вначале останавливаться на чувственных отношениях, которые уже открывают широкий простор для воображения. Затем идет отрасль влюбленности, или сантиментальная, разобраться в которой гораздо труднее; одно не могло итти с другим одновременно, и в 1807 г. мне пришлось касаться только чувственной стороны любви в гармонии, единственной, завеса над которой в ту пору была приподнята.

Исследование ее других эмоциональных элементов могло начаться лишь после открытий 1814 г.; об этом надо помнить во всех главах проспекта, где речь идет о любви. Я касаюсь там лишь чувственной стороны ее, так как в 1807 г. мои рассуждения не могли итти дальше. Иначе обстоит дело с трактатом 1821 г.

Математика, как любовь, имеет два разветвления — материальное, или геометрию, и духовное, или алгебру. Одна есть тело, другая — душа науки. Во времена Эвклида известна была лишь материальная часть, или геометрия. Были ли виноваты люди в том, что они ничего не говорили об алгебре, в ту пору еще неизвестной? Разумно ли требовать, чтобы дерево давало в один и тот же день и цветок и плод, и можно ли ставить в упрек моей науке последовательное развитие, которое присуще всем человеческим знаниям?]

ПЕРВОЕ СООБЩЕНИЕ О ПРОГРЕССИВНОЙ СЕМЬЕ СЕДЬМОГО ПЕРИОДА И О СКУКЕ ДЛЯ ОБОИХ ПОЛОВ В РАЗОБЩЕННОЙ СЕМЬЕ

Прогрессивное хозяйство (ménage), о котором я собираюсь говорить, это — домашний строй, свойственный 7-му и 26-му периодам; он занимает промежуточное место между разобщенным хозяйством цивилизованных и варваров и тем комбинированным, которое царит на протяжении восемнадцати периодов мировой гармонии.

В прогрессивном хозяйстве существование мужчин [и женщин] столь приятно и удобно, что невозможно побудить кого-либо из них к нерасторжимому браку, какого требует строй разобщенных семей.

Прежде чем касаться нравов, обусловленных отсутствием брака, я проанализирую происхождение слепой предубежденности цивилизованных в пользу постоянного брака.

Надо помнить, что я сознаю необходимость этих уз при цивилизации и критикую их под углом зрения нового социального строя, когда совершенно иная обстановка жизни сделает возможной свободу любви, недопустимую среди нас.

Помимо того следует помнить, что в вопросе брака, семейного быта и в других вопросах я всегда подразумеваю наличие исключений из общего правила, простирающихся на одну восьмую.

ПОРЯДОК ТЕМ В ПЕРВОМ СООБЩЕНИИ

О скуке для мужчин в разобщенных хозяйствах.

О прогрессивном хозяйстве, или трибе в составе девяти групп.

О методе сочетания полов в седьмом периоде.

Об уничижении женщин при цивилизации.

О коррективах, которые привели бы к 6-му периоду: таковы совершеннолетие для любви, амурные корпорации и т. д.

О порочности системы угнетения любви.

Примечание. Так как сообщение оказалось более пространным, чем это предполагалось по плану, то я задним числом вношу данное подразделение. Это не значит, что тема будет трактоваться только под соответствующими заголовками.

I

О скуке для мужчин в разобщенных хозяйствах

Поразмыслив над бесчисленными неудобствами, связанными с семейной жизнью и перманентным браком, можно удивляться глупости мужского пола, который никогда не подумал о средствах освободиться от такого образа жизни. Не считая людей богатых, наш семейный быт не имеет ничего привлекательного для супругов; в числе других неприятностей я назову восемь, которые постигают в большей или меньшей мере всех мужей и которые исчезли бы в прогрессивной семье (ménage progressif).

1. *Риск оказаться несчастным.* Не страшная ли лотерея — неразрывные узы, где люди наугад вытаскивают лотерейный билет, который сулит на всю жизнь счастье или несчастье, обусловленное неуживчивостью характеров?!

2. *Издержки.* Они огромны при нынешнем строе, мы в этом убедимся, сопоставив их с той огромной экономией, которая достигается при прогрессивном хозяйстве.

3. *Необходимость надзора.* Обязательство следить за всеми мелочами хозяйства, не полагаясь слепо в этом деле на хозяйку.

4. *Монотонность.* В изолированных семействах она убийственна: недаром мужья, несмотря на рассеяние, связанное с работой, толпами устремляются в публичные места, кафе, клубы, спектакли и т. д., чтобы отдохнуть от пресыщения, которое появляется у человека, когда он ест всегда одно и то же блюдо. Монотонность для женщин еще хуже.

5. *Бесплодие.* Оно грозит расстроить все планы счастья; оно приводит в замешательство супругов, их родителей, заставляет их завещать свое состояние родственникам по боковой линии, чья жадность и неблагодарность приводят в отчаяние владельцев наследства, внушая им отвращение к бесплодной подруге и к супружеским узам, которые обманули все их надежды.

6. *Вдовство.* Оно низводит супруга на положение каторжника, которое значительно хуже легкой скуки холостяка; если же вы умираете раньше супруги, тревога за детей, оставляемых на наемные руки, и перспектива бедствий, которая обрушится на вашу молодую семью, отравляет горечью ваши последние мгновенья.

7. *Связи.* Неудобство связей с семьями, которые в своем последующем поведении редко оправдывают надежды, возлагаемые на родство с ними, в смысле материальной выгоды и удовольствий, которые это представляет.

8. И, наконец, состояние *рогоносца* — факт несомненно неприятный, потому что люди изощряются в предосторожностях, чтобы этого избежать, хотя супруг еще до брака уверен, что ему наставят рога, точно так же как он наставлял другим.

Почему мужчины не искали выхода в новшествах из этой кабалы, видя все эти неприятности брака и разобщенной семьи? Ведь хуже нынешнего семейного быта ничего не может быть.

Про политические законы говорят, что они выдуманы сильными мира в своих интересах; не так обстоит дело в домашнем быту: мужской пол, хотя и самый сильный, не в своих интересах установил строй разобщенных семей и нерасторжимость брака как его следствие. Этот строй точно изобретен третьим полом, вздумавшим обречь на скуку два других. Можно ли выдумать что-нибудь хуже, чем единобрачие и нерасторжимость брака в смысле скуки, продажности и измены!

Брак выдуман точно в награду развратникам; чем распутнее мужчина, тем легче ему с помощью женитьбы достичь богатства и общественного почета. Так обстоит дело и с женщиной. Какие бы подлые интриги ни были пущены в ход в погоне за богатой партией, — поскольку брак удался, вы становитесь святым, нежным супругом, образцом добродетели. Приобрести внезапно огромное состояние ценой эксплоатации юной девицы — трюк настолько легкий, что общественное мнение прощает все молодцу, обделавшему такое дельце. Все единогласно объявляют его добрым мужем, добрым сыном, добрым отцом, добрым братом, добрым зятем, добрым родственником, добрым другом, добрым соседом, добрым гражданином, добрым республиканцем. Таков ныне стиль апологетов. Хвалить — так хвалить с головы до пят, как в целом, так и в частностях. Аналогично в общественном мнении положение любого рыцаря наживы (chevalier d'industrie), сумевшего обзавестись крупной суммой денег. Богатый брак — как крещение — мгновенно искупает все содеянные грехи. Отцу и матери при цивилизации только и остается, что побуждать своих детей к составлению — любой ценой — богатой партии, поскольку брак, это подлинное гражданское крещение, искупает всякий грех в глазах общественного мнения. Общество не столь снисходительно к другим выскочкам: оно в течение долгого времени напоминает им о мерзостях, приведших их к богатству.

Но на одного, ставшего счастливым благодаря женитьбе на богатой, сколько других находят в этих узах лишь вечную

муку. Они-то понимают, что в порабощении женщины мало радости для мужчин. Как глупо со стороны мужчин надевать на себя цепи, которые являются для них предметом ужаса, и какая скука ждет мужчину в этих узах за порабощение им женщины!

Если бы семейный быт и ограждал от некоторых неудобств холостяцкой жизни, положительного счастья в нем нет* — даже в случае полного согласия меж супругами. Сойдись они характерами — ничто не помешало бы им жить вместе и при свободе любви и ином строе домашнего быта. Ознакомившись с новым домашним строем, читатель увидит, что брак не представляет ни единого шанса счастья.

Чтобы затушевать явное несоответствие брака страстям, философия проповедует фатализм; она уверяет, будто в земной жизни человеку суждено терпеть страдания, чему необходимо покориться, и т. д. Это — чушь; надо лишь выдумать новый строй домашнего быта, приноровленный к игре страстей, а этого до сих пор не искали и не предлагали. Несколькими строками ниже я выведу вас на этот путь и открою вам глаза на новый строй быта, открытие которого не представляет трудностей.

Еще о неудобствах разобщенных семейств и перманентного брака. Этот строй делает для нас совершенно недосягаемым *положительное счастье* и подлинные утехи: свободу любви, хороший стол, беззаботность и другие наслаждения, о которых цивилизованные не смеют и думать; философия приучила их считать жажду подлинных благ преступлением.

Несмотря на все ее старания склонить нас в пользу брака, как убеждают ребенка принять лекарство; несмотря на все эти льстивые и медоточивые уверения в блаженстве брака, мысль о браке ужасает мужчин, особенно в возрасте, способном рассуждать. Вероятно, эти узы весьма сомнительны, если мужчины заранее содрогаются при мысли о них. Я опускаю союзы между людьми богатыми; все окрашено в розовый цвет в семье, которая с первых шагов располагает крупными доходами; супруг не торопится отказаться от своего гарема** и блюсти

---

* Исключением является случай, когда благодаря браку человек сильно богатеет; но и при наличии свободы и прогрессивного хозяйства тоже имеется возможность достигнуть благосостояния с помощью любовных связей. Что касается других наслаждений, то брак не приносит ни единого, которого нельзя бы было еще легче приобрести при сосиетарном строе, где люди преклонных лет имеют широкую возможность отдаваться своим привязанностям, не рискуя вероломством и не навлекая на себя насмешек, обрушиваемых на пожилых людей цивилизованными и вынуждающих старцев относиться безразлично ко всему.

„** Термин гарем применим лишь к большим городам, где любой молодой человек со вкусом и состоянием подбирает гарем лучше султана. У него бывают одалиски трех категорий: честные женщины, мещанки и куртизанки. Вот почему, живя в крупном городе, молодые люди питают отвращение к брачным узам; а в городах, полных скуки и морали, каковы города швейцарские, они брака не боятся.

рабскую верность жене, неуклонно выполняя супружеские обязанности под угрозой очистить место заместителю и получить в награду сомнительных детей, которых он вынужден считать своими согласно закону: «pater est, quem justae nuptiae demonstrant», т. е. «подлинный отец есть тот, кто предназначен к этому браком». Этот закон, чудовищный в глазах мужчин, дает белолицей женщине право родить ребенка мулата при белолицем супруге. И это не единственная опасность брака; недаром мужчина видит в нем западню, своего рода убийственный прыжок. Раньше чем прыгнуть, он изощряется в коварстве и расчетливости. Что может быть смешнее его размышлений о способе приручить супругу и прочно околдовать ее моралью; любопытны эти холостяцкие разговоры с разбором по косточкам невест и ловушек, расставляемых отцами *, стремящимися избавиться от дочерей. После всех этих рассуждений люди приходят к выводу о необходимости жениться на деньгах: если уж быть рогоносцем, по крайней мере будет приданое; за неудобство брака надо себя вознаградить. Так рассуждают мужчины, собираясь жениться; с такими мыслями заключают они эти *священные узы,* предвкушая восхваляемые философами прелести семьи.

Разумеется, в этой расчетливости столь же мало любви, как в семейном быту застольных утех. Богатые семьи живут хорошо, но их очень мало — в семь раз меньше, чем несчастных, которые прозябают, завидуя издали благосостоянию счастливцев. И, наконец, все они, — как богатые, так и бедные, — столь пресыщены однообразием жизни, что очертя голову набрасываются на наслаждения, связанные хотя бы и с большими издержками: посещают публичные места, спектакли, балы, кафе и т. д., оказывают широкое гостеприимство, если богаты, и попеременно угощают друг друга, если нехватает средств взять целиком на себя издержки, сопряженные с этими развлечениями.

Эти утехи, столь дорого стоящие ныне, станут уделом всех и каждого и не будут требовать никаких расходов в седьмом периоде, некоторые установления которого я здесь охарактеризую. Это общество обеспечило бы каждому непрерывную смену пиршеств и застольных собеседников и ту непринужденность, которой нет и тени в ваших семейных трапезах с их натянутостью и тиранией предрассудков — пиршеств, чуждых даже того веселья, которое царит на *пикниках* и *экскурсиях.*

** Говоря откровенно, не завидна при цивилизации роль отца, имеющего дочерей на возрасте. Допускаю, что отцовская любовь заставляет их закрывать глаза на гнусность подлащивания к женихам; во всяком случае им знакомы тревоги и неприятности этой роли. Переобремененные дочерьми отцы должны усиленно жаждать нового строя — без брака и без необходимости искать жениха дочери. Как благодарны должны они быть тому, кто такой строй изобретет!

Но эти семейные пиршества, обесцвеченные смешением возрастов, неумелым подбором сотрапезников, утомительностью подготовки, даже это незавидное удовольствие, говорю я, доступно лишь богатым. А многие супруги за отсутствием достатка вовсе лишены удовольствий, предоставлены междоусобицам, согласно поговорке *«Ослы дерутся, когда нехватает в яслях сена»*. А сколько семейств, несмотря на богатство, вечно враждуют, наподобие огромного большинства, озлобленного нищетой.

Бывают исключения: не только отдельные лица, но и иные нации легко несут ярмо брака; таковы немцы, чей терпеливый и флегматичный характер более соответствует супружескому рабству, чем легкомысленный и беспокойный характер француза. На эти исключения любят ссылаться в оправдание брака. Несомненно, брачные узы улыбаются мужчине преклонных лет, которому надоела всеобщая распущенность. Допустим, что и супруга может найти для себя прелесть в общении такого человека и пренебречь для него вихрем большого света; но почему мужской пол приобретает эти мудрые наклонности лишь после 15—20-летнего жуирования? Почему, уйдя от света, мужчина не берет себе в подруги женщину столь же зрелую и опытную? Почему в обмен на свою позднюю добродетель он ищет юной, девичьей? Не забавно ли, что, хвастаясь превосходством своего мужского разума над женским, он в то же время требует от девушки уже в 16 лет той рассудительности, которую сам он приобрел лишь в 30 или 40 лет, предварительно пресытившись развратом в лучшие годы жизни. Если к рассудительности мужчины шли путем утех, пусть не удивляются, что тем же путем идет и женщина.

Их семейная политика, построенная на верности молодой женщины, отнюдь не соответствует предначертаниям бога: любовь молодых женщин к развлечениям и наслаждениям — доказательство того, что бог не предназначал их ни для брака, ни для семейной жизни, требующей любви к уединению. Мужчину ждет в семье несчастье, потому что он женится на молодой женщине, от природы не склонной к такому образу жизни.

В это дело впутываются философы: они обещают *преобразовать страсти женщин, подавить природу*. Смехотворные претензии! Мы знаем, куда это ведет. В браке, как и при всяком ином договоре, неудача постигает человека, наиболее достойного счастливой участи; мужчина, достойный хорошей женщины, обычно встречает женщину легкомысленную и вероломную. Честность такого мужа становится источником его обмана ею: его легче, чем любого другого, обмануть маской стыдливости, невинности; философия своими нравоучениями старательно надевает эту маску на девушек, помогая им маскировать природу. Но вопреки всем системам моралистов, нет счастья в нашей семье. Против скуки семейной жизни протестуют

все; сетуют на нее и мужчины; а ведь они сами писали законы и, казалось бы, должны были сообразовать их со своими интересами. Что же сказали бы женщины, будь у них право жаловаться? И что это за установление — столь утомительное для сильного пола и еще более утомительное для пола слабого, на которое не позволяют даже жаловаться?

Нам восхваляют мнимую гармонию семейств, где юная жертва с геройским самоотвержением выносит придирки ушедшего от света ревнивца. Разве это не то же состояние войны, которое мы видим в немецких селах, где муж ставит у очага палку — так называемый *«семейный отдых»*, — с помощью которой завершается всякая супружеская распря?! В образованном классе угнетение, быть может, более замаскировано, но не менее серьезно. Каким же образом оба пола не восстают против домашнего строя, подвергающего их стольким неприятностям? Видя, что все классы общества подвержены этой домашней распре, как не понять, что супружество не есть провиденциальная судьба человека? Вместо того чтобы изыскивать паллиативы против этой внутренней распри супругов, следовало бы изыскать способ освободиться от этого семейного быта, который взращивает и развивает семена разлада и скуки, не обеспечивая людям *ни единого блага, которого нельзя бы было обрести в стадии полной свободы.*

II

Прогрессивное хозяйство, или триба в составе девяти групп *

Перехожу к методу, который может притти на смену нашему домашнему быту; это — установление, свойственное седьмому социальному периоду; я назову его *прогрессивной семьей,* или трибой из 9 групп. Она может сложиться и из 8 или 10; но число 9 наиболее соответствует правильному равновесию страстей.

Чтобы основать такую трибу, надо иметь в распоряжении здание, способное вместить примерно сотню людей, не равных по состоянию, а именно: 80 хозяев одного пола, затем два десятка слуг обоих полов; нужны квартиры разной ценности, чтобы каждый мог выбрать себе по достатку; понадобятся также различные залы для общественного времяпрепровождения.

Триба в своем внутреннем общении образует по мере возможности *9 групп по 9 человек в каждой* (надо помнить, что эти цифры не абсолютны, а лишь приблизительны); например, за трапезами будет 9 столов, распределенных в трех залах — 1-го, 2-го и 3-го классов — по три в каждом; в каждом из зал столы будут обслуживаться поочередно — в один час, в два и в три, во избежание однообразия; потому что однообразие, равнодушие (tiédeur), и посредственность — три прирожден-

* [Установление 7-го периода, а не гармонии.

ных врага страстей и гармонии, поскольку равновесие страстей, может установиться лишь в процессе постоянного столкновения противоположностей.

Триба будет иметь три занятия, совместимых друг с другом; например, триба ремесленников может заниматься тремя ремеслами: плотника, столяра и деревообделочника. Это общество может присвоить себе какое-либо имя, прозвище, скажем «триба дуба». Затем может быть «триба фиалки» в составе женщин — прачек, закройщиц и модисток.

Каждый член ассоциации вкладывает основной капитал, устанавливаемый в размере трех прогрессирующих сумм, как то: 4 тыс., 8 тыс., 12 тыс., или 0,1 тыс. и 2 тыс.; если же это — люди богатые, которым хочется основать великолепную трибу, их капитал может достигать 100 тыс., 200 тыс. и 300 тыс. с тем, однако, чтобы первый класс всегда вносил втрое больше третьего. Этот основной капитал служит гарантией для выдачи авансом средств существования, квартиры, уплаты налогов и т. д. со стороны трибы каждому из сосиетариев.

Вышеназванные общества не допускают никакого принудительного устава, никаких монастырских стеснений; так, например, компании или индивидуумы 3-го класса могут порой пользоваться пищей 2-го или 1-го класса; правление трибы отпускает эту пищу в кредит каждому индивидууму, лишь бы он этим не злоупотреблял.

Дворцы соседних триб должны сообщаться между собой крытыми галлереями, защищенными от непогоды, дабы при деловых сношениях и развлечениях люди были ограждены от неприятностей, сопутствующих разным временам года, от которых мы на каждом шагу страдаем при цивилизации. Надо иметь возможность день и ночь сообщаться между дворцами с помощью отопляемых и вентилируемых проходов, не рискуя, как это бывает теперь, вымокнуть до нитки и получить простуду при внезапном выходе из закрытого помещения на улицу. Надо устроить так, чтобы при выходе с бала или с пиршества мужчины и женщины, которые пожелали бы провести ночь вне своей трибы, могли бы пройти крытым помещением, не натягивая на себя галош, не кутаясь в меха и не садясь в экипаж; вместо перехода по трем-четырем улицам, как это бывает в цивилизации, им пришлось бы проходить только публичные галлереи между тремя-четырьмя смежными помещениями, не страдая ни от жары, ни от холода, ни от ветра, ни от дождя. Этот метод крытых галлерей — одна из многочисленных прелестей, свойственных комбинированному строю, некоторое представление о котором дает уже триба в составе 9 групп.

Чтобы трибы находились в состоянии уравновешенного соперничества, надо создать 18 триб по способу градации, а именно: 9 мужских и 9 женских; это обойдется дороже фаланги комбинированного строя. Таким образом первый опыт

можно ограничить шестью трибами — тремя мужскими и тремя женскими. Благодаря такому небольшому соперничеству уже шесть триб совершенно устранят три философских порока — однообразие, равнодушие и посредственность. Так, например, триба тростника — беднейшая из шести — из всех сил постарается довести до максимума чистоплотность, ловкость, учтивость и иные качества, совместимые с ее малым достатком; она будет избегать участия в тех работах, где она может возвыситься лишь до посредственности.

Ассоциации этого рода, в отличие от комбинированного строя, не будут допускать крайних контрастов, каков контраст между бедняком и миллионером; эти противоречия, гармонизуемые в 8-м периоде, не годятся для 7-го, о котором идет здесь речь. Ассоциация носит *контрастный* характер в 8-м периоде и *нюансированный* в 7-м периоде; таким образом прогрессивное хозяйство или триба в составе девяти групп, хотя и сформирована из членов неравных, должна, однако, руководствоваться признаком некоторого сходства (tarpfochement), тогда как фаланга 8-го периода будет объединять самые резкие контрасты.

В наших крупных городах можно уже наблюдать едва заметные зачатки прогрессивного хозяйства; таковы *кружки или казино из мужчин и женщин*. Благодаря им пустуют глупые семейные вечеринки. В этих казино за недорогую плату люди пользуются балами и концертами, играми, газетами и иными средствами отдыха, которые стоили бы в десять раз больше в частном доме. Все развлечения здесь дешевле обходятся и меньше утомляют, потому что о подготовке заботятся специально уполномоченные сосиетарии, как это свойственно прогрессивному хозяйству. Но *кружки или казино* функционируют на началах равенства, что тормозит рост честолюбия, тогда как прогрессивное хозяйство, будучи подразделено на девять соперничающих и неравных групп, открывает широкое поле для трех интриг по линии честолюбия — быть ли покровителем, покровительствуемым или независимым.

Я не останавливаюсь на мероприятиях, относящихся к детскому возрасту и воспитанию детей при таком строе; чтобы уяснить читателю все детали, пришлось бы дать краткую картину 7-го периода. Ограничимся же рассуждением о предлагаемом зачатке, гипотезой основания шести прогрессивных хозяйств, из коих два принадлежат к классу богатых, два — к классу средних и два — к классу бедных. Допустим, что эти шесть триб внезапно очутились в недрах цивилизации, в таком городе, как Париж или Лондон; каков будет результат этого домашнего новшества, столь чуждого нашим застарелым обычаям разобщенности?

Заметьте себе для начала, что для основания этих шести триб не придется ниспровергать государственные власти и обагрять кровью страну, как это бывает каждый раз, когда люди

пробуют претворить в жизнь мечты философов. Здесь дело будет протекать чрезвычайно мирно, и вместо того чтобы опустошать землю во имя прав человека, люди мирно установят права женщины, предоставив ей три из шести предлагаемых установлений, которые будут иметь в своем составе 9 градаций благосостояния для того и другого пола.

Что касается результатов такой прививки, пусть это будет загадкой, которую предлагается разгадать любопытным, я же попробую навести их на должный путь.

По линии административного управления хозяйством большую выгоду сулит государю общение с трибой; она уплачивает налог в установленный день на основе простого уведомления. Насколько хуже обстоит дело с 20 разобщенными семействами, из коих половина саботирует уплату налога, другая же половина выплачивает его лишь в порядке принуждения. Совершенно иначе обстояло бы дело с трибой; в случае нарушения законов на нее налагали бы исключительно общественное порицание, снимали бы ее дощечку со входной двери (écusson du portail d'entreé). Насколько увеличился бы доход короля и облегчилось управление страной, если бы все государство было организовано в такого рода трибы! Снизив налог на одну треть, король разбогател бы вдвойне как в результате экономии на взимании налога, так и благодаря возрастанию облагаемого налогом продукта комбинированной промышленности.

Посмотрим теперь, как снизились бы личные издержки в домашнем хозяйстве. Не ясно ли, что в прогрессивных хозяйствах можно было бы жить на одну тысячу фунтов дохода гораздо лучше, чем на три тысячи в разобщенных хозяйствах, и, кроме того, избегнуть трудностей снабжения продовольствием, управления и пр., так как в каждой трибе этим занималась бы специальная группа мажордомов. Женщина и мужчина, не питающие склонности к домашнему хозяйству, им бы не занимались вовсе и по окончании работы отдавались бы лишь развлечениям и застольным утехам в обществе своей трибы и триб соседних того и другого пола; они обменивались бы сотрапезниками на началах взаимодействия. Гости, которые так дорого обходятся нам, ничего бы не стоили при совместных пиршествах. Триба не стала бы зарабатывать на своих членах: она возмещала бы им каждую неиспользованную трапезу; не стала бы она зарабатывать и на гостях: она брала бы с них по той же расценке, что и с сосиетариев; таким образом, в конечном счете каждый мог бы пировать у себя и у других, не расходуя ни единого лишнего гроша против того, что расходовал бы он у себя дома. Что касается стола, то, как я уже указывал, благодаря комбинированному труду на него будет затрачиваться втрое меньше работы и издержек, чем это мы видим в разобщенных хозяйствах.

(Чтобы судить о разнообразии и прелести пестрого состава сотрапезников из различных триб, надо знать любовные и производственные отношения седьмого периода, описание которых заняло бы здесь слишком много места.)

Что касается нравов, то можно предугадать, что в каждой трибе, сколь бы бедна она ни была, будет царить корпоративный дух, ревностное соблюдение чести трибы и что первый из трех классов станет образцом подражания для двух остальных, стремящихся ему уподобиться. Этого корпоративного духа достаточно, чтобы исчезли самые вопиющие пороки цивилизованного населения, его грубость, нечистоплотность, низость и иные недостатки, которые триба сочла бы для себя позором, моментально изъяв из своей среды виновного в этом.

Таковы будут результаты борьбы между двумя полами. Женские трибы всегда будут отличаться вежливостью и таким образом компенсировать недостаток благосостояния. Такой дух несовместим с народными корпорациями цивилизованных; им нехватает трех стимулов, которые облагораживают род человеческий, а именно:

1. Борьбы женских корпораций с мужскими;

2. Соревнования между тремя классами одной и той же трибы и меж неравными группами каждого класса;

3. Достатка, которым пользуется народ в седьмом периоде, где подначальственные (subalternes) функции в три раза доходнее, чем в разобщенном строе.

Нынешние корпорации лишены этих трех стимулов, и, следовательно, неудивительно, что они, как общее правило, практикуют грубость во всех профессиях среднего и низшего класса. Однако и теперь уже можно видеть категории людей, весьма бедных, например военных, которым уже в сильной мере свойственны благородные наклонности и которые готовы принести свою жизнь в жертву корпоративной чести, хотя корпорация и не обеспечивает им благосостояния. Этот энтузиазм, присущий всем солдатам, указывает нам, какую пользу можно было бы извлечь из корпоративного духа, если бы корпорация, построенная по типу сложной прогрессии для того и другого пола, вела борьбу, как это будет в седьмом периоде, где наступает уже конец домашней и социальной скуке, неразрывно сопутствующей цивилизации.

К числу докучливых домашних функций следует отнести *индивидуальное обслуживание,* которое уже в седьмом периоде прекращается. Здесь, как общее правило, слуги прикреплены не к индивидууму, а к трибе; каждый из них привязывается к тем или иным сосиетариям, чьи характеры ему симпатичны, и это делает услужение приятным как для старших, так и для младших; их сближает преимущественно дружба, а не заинтересованность; радость, неведомая обществами семейного типа, где слуги, как общее правило, втайне ненавидят хозяев. Этому имеется три главных причины:

1. *Ничтожность дохода;* домашнее услужение при цивилизации весьма сложно и требует троекратного, по сравнению с трибами, количества слуг, заработная же плата слуг втрое меньше, чем в трибах.

2. *Несоответствие характеров,* благодаря чему старший становится тираном и во взаимоотношениях царит ледяной холод, усиливаемый боязнью кражи и иными признаками недоверия, неуместного в трибах.

3. *Многообразие функций;* оно не имеет места в трибах, где каждый слуга прикрепляется исключительно к функциям, соответствующим его вкусам, и обслуживает лишь один участок домашнего хозяйства. А при существующем строе слуга вынужден выполнять 20 функций, из коих половина, быть может, ему совсем не по душе; ненавидя свою работу, он начинает ненавидеть и хозяина, зачастую раньше, чем его узнает.

Резюмирую сказанное: домашнее обслуживание в трибах сулит множество удовольствий как слугам, так и хозяевам; этот строй претворяет в утеху все занятия, докучливые при цивилизации.

Особенно должен прельщать этот строй стариков. Нет ничего досаднее участи старого и малого при цивилизации; в этом строе крайние возрасты не находят себе занятий: дети и старики являются бременем для социального организма. Детей, по крайней мере, холят в предвидении от них грядущих благ; но от стариков не ждут ничего кроме наследства; их презирают, ими пренебрегают, над ними глумятся и толкают их к могиле. В семьях богатых их хоть почитают, но в народе и у крестьян участь старости чрезвычайно тягостна. Стариков угнетают, их беспощадно поносят, на каждом шагу злобно и насмешливо ставя им на вид всю бесполезность их существования.

Эти безобразия уже не имеют места в прогрессивном хозяйстве, где старики выполняют функции не менее полезные, чем люди в расцвете сил; при наличии здоровья их жизнь столь же упоительна, как и в лучшие годы.

Чтобы стало ясно чудесное соответствие прогрессивного хозяйства страстям человеческим, достаточно указать, что природа наделила нас разнообразными вкусами применительно к разнообразию именно этого нового строя и в полном несоответствии с запросами цивилизации.

Повторяю, у большинства женщин нет ни охоты, ни умения для занятия хозяйством; мелкие хозяйственные заботы их только утомляют и раздражают; другие, наоборот, почитают это занятие за удовольствие и справляются с домашним хозяйством так превосходно, что могли бы руководить домом и в 100 человек. А цивилизация требует от всех женщин без различия пристрастия к домашнему хозяйству, коим им приходится заниматься. Почему же природа отказывает в этой

склонности трем четвертям женщин? Для соблюдения пропорции, диктуемой сосиетарным строем, который использует вряд ли хоть одну четверть женщин для этих функций.

Еще несколько деталей, относящихся к мужчинам и выявляющих неудобство разобщенных хозяйств. Я имею в виду заботу о винном погребе, от которой устранена женщина. При существующем строе каждый глава дома должен быть специалистом по части хранения вин, что весьма трудно. За отсутствием осведомленности в этом деле три четверти богатых семейств, несмотря на крупные издержки, получают к столу плохое фальсифицированное вино, так как вынуждены полагаться на таких беспримерных мошенников, как виноторговцы, и на кладовщиков, тоже ловких по части надувательства. Вот почему зачастую стол буржуа, знающего толк в винах, обставлен лучше, чем стол принца, не жалеющего денег на потчевание гостей комплектом напитков, подобранных виноторговцем, либо самими владельцами виноградников; последние тоже прониклись меркантильным духом и стали такими же мошенниками, как и купцы.

Такого надувательства не приходится бояться сосиетарной трибе; среди ее членов всегда найдутся опытные знатоки, которых не надуть и не взять врасплох. Таким образом, снабжение каждой трибы пищевыми продуктами, напитками и иными предметами будет производиться умело, все будет храниться в большом порядке, и большинству сосиетариев не придется об этом заботиться; для обслуживания каждого такого участка достаточно будет комитета в составе специалистов, для которых это дело будет приятным, доходным и почтенным.

Анализируя дальше неудобства, связанные с нашим образом жизни, с нашими разобщенными хозяйствами, мы видим, что все наши домашние затруднения имеют источником *социальную разобщенность,* которая требует от каждого мужчины и от каждой женщины тех разнородных знаний и вкусов, коими природа наделила лишь немногих, сообразно запросам сосиетарного строя, уготованного нам провиденциальной судьбой; как общее правило, ему нужно будет лишь 10 человек там, где мы используем 100. Зачем бы стала природа щедро расточать те склонности или характеры, которые кажутся нам похвальными (например, искусство хозяйки), но станут излишни и обременительны в сосиетарном строе, будь их там так много, как того требует строй цивилизации? Я неоднократно буду еще возвращаться к этому доводу, обосновывая общее умозаключение: ни в наших вкусах, ни в наших характерах нет ничего порочного. Их разнообразие и количественное соотношение соответствует нашим грядущим судьбам; на земном шаре порочен только строй цивилизации и дисгармонии, несовместимый с системой наших страстей, сообразованных с запросами сосиетарного строя, зачаток которого мы уже находим в прогрессивном хозяйстве.

III

Метод сочетания полов в седьмом периоде, [а не в восьмом]*

В этом периоде, организовать который так легко, свобода любви начинает нарождаться, превращая в доблесть большинство наших пороков и в порок большинство наших доблестей (gentillesses). Любовные союзы имеют различные градации; три главных таковы:

титулованные возлюбленные;

родители;

супруги.

Последние должны иметь друг от друга по меньшей мере двух детей; вторые могут иметь одного; первые детей не имеют. В зависимости от присвоения одного из этих титулов последовательно прогрессирует право на ту или иную долю наследства.

Женщина может иметь одновременно: супруга, от которого у нее имеется двое детей; «родителя», от которого у нее имеется один ребенок; возлюбленного, который с нею жил и сохранил это звание; сверх того, простых обладателей, бесправных перед законом. Эта градация титулов обусловливает изысканную вежливость (courtoisie) и крепкую верность обязательствам. Женщина может отказать в титуле родителя возлюбленному, от которого она беременна; в случае недовольства она может таким образом отказывать целому ряду мужчин в титуле, которого они домогаются. Аналогичны права мужчин в отношениях с женщинами. Этот метод вполне устраняет лицемерие, источником которого является брак. При цивилизации роковые брачные узы дают права навеки, и люди обильно пожинают плоды своего лицемерия; большинство супругов, прожив совместно несколько дней, уже жалуются на то, что они *попались* в ловушку на всю жизнь. Такой западни не существует в седьмом периоде. Брачным парам присваиваются определенные права лишь постепенно; вначале они именуются только возлюбленными, права их чрезвычайно слабы и могут быть отменены, если бы между ними обнаружилось несоответствие. Мужчина, жаждущий ребенка, не подвергается риску остаться без потомства благодаря бесплодию единой супруги; женщине в свою очередь не грозит вечное несчастье в том случае, если бы на следующий день после брака муж оказался игроком, или грубияном, или ревнивцем. Итак, титул супругов приобретается лишь в результате надлежащего испытания; а так как титул никаких исключительных прав не дает, то для бракосочетавшихся он

---

* Этот период отличен от гармонии и по строю любовных отношений и по строю домашнему.

служит стимулом деликатности, а не поводом для придирок, как это бывает при единобрачии и уравнительной трактовке всех любовных уз.

Это беглое отступление по вопросу о прогрессивных хозяйствах отнюдь не дает полного представления о седьмом периоде; следовало бы еще добавить сюда в числе прочих деталей несколько слов о *любовном кодексе* этого общества и его методе воспитания детей. Я не стану вдаваться в эти вопросы; того немногого, что я сказал о прогрессивных хозяйствах, достаточно, чтобы показать крайнюю легкость выхода из лабиринта цивилизации, без каких бы то ни было политических потрясений, без научных усилий, с помощью мероприятий чисто домашнего характера.

Огромный приток благ, которого можно ожидать от столь легкого новшества, дает мне право утверждать, что философы обнаружили смехотворное легкомыслие, не изобретая ничего нового по части домашнего быта, а мужской пол в целом обнаружил глупость, увековечив супружеское рабство; ведь сами мужчины — его жертвы и тешат себя лишь тем, что женщина еще более раба и еще более несчастна.

Низменный характер женщин у дикарей и варваров должен был бы доказать цивилизованным, что счастье мужчины в любви соразмерно свободе, которой пользуется женщина. Эта свобода, открывая простор для наслаждений, прокладывает в то же время путь достойным нравам, которые украшают свободу (en font le charme). Сколько лицемерия в ваших любовных отношениях! Молодые люди льстиво втираются в семью, унизительно подлащиваясь ко всем — от супруга до маленькой собачки; и зачем все это? Чтобы насладиться женщиной, только что вышедшей из объятий супруга, и насадить в семье отпрыск чужого древа. Допустим, что любовь скрашивает эти гнусности; но все же — откровенно говоря — отвратительная это роль! Можно ли удивляться тому, что любовь у цивилизованных обычно кончается ледяным равнодушием, когда пресыщенный любовник познает эти плачевные истины? Я упомянул о самом блестящем шансе любви — возможности наставить рога: но если хорошенько вдуматься, положение обидчика здесь столь же смешно, как и обиженного.

Я поясню сейчас свою мысль. Я утверждаю, что общество и рогоносец могут даже глумиться над соблазнителем, который оказывается в положении еще более смешном, чем муж.

Приступая к доказательствам, установим прежде всего иерархию в наставлении рогов и прольем на этот вопрос свет аналитического метода, так как, по словам философов, это есть путь к познанию святой истины.

В мире рогоносцев можно различать девять ступеней как среди мужчин, так и среди женщин; ведь женщинам ставят рога еще в большей мере, чем мужчинам; и если муж носит

рога, напоминающие по высоте оленьи, то у женщины они достигают высоты дерева.

Я ограничусь перечислением трех категорий, наиболее четко различаемых.

1. Рогоносец в собственном смысле этого слова есть почтенный ревнивец, который не ведает о своем позоре и считает себя единственным обладателем жены. Пока общество поддерживает в нем эту иллюзию скромным умолчанием, нет никакого основания над ним глумиться: может ли он негодовать на оскорбление, о котором он не имеет понятия? Комичен в данном случае наставивший рога, который к нему подлащивается, виляя перед человеком, с которым он сознательно делится возлюбленной.

2. Рогоносец в колпаке (la Cornette) — это муж, пресыщенный любовью; желая взять реванш, он сознательно закрывает глаза на поведение жены, предоставляя ее любителям, с той, однако, оговоркой, что он не примет от нее ребенка. Такой супруг не дает повода для глумления; наоборот, он вправе глумиться над чужими рогами столь же дерзко, как если бы он не носил их сам.

3. Рогоносец вспыльчивый (le Cornard) — смешной ревнивец, неудобный для супруги и хорошо осведомленный об ее измене; неистовый человек противится решению судьбы, но делает это неловко и вызывает глумление своей тщетной предосторожностью, своим гневом и своими вспышками. Жорж Данден Мольера — наисовершеннейший образец такого мужа.

Вернемся к первой категории.

Если честь в любовных делах заключается в исключительном обладании, то совершенно очевидно, что рогоносец первой категории свою честь спасает, тогда как его заместитель свою честь сознательно роняет. Он унижается вплоть до того, что безропотно внемлет угрозам, по существу адресуемым ему: муж в его присутствии открыто грозит выгнать вон того, кто попытается соблазнить его жену. Играя унизительную роль перед мужем, он еще более унижен надувательством возлюбленной, которая не преминет ему поведать, что супруг с нею не живет. Он притворяется, что этому верит, чтобы спасти свое самолюбие; но разве может он сомневаться в том, что в подобных случаях жена бывает вдвойне благосклонна к супругу, чтобы скрыть от него интригу и оградить себя от подозрения в случае беременности. Уже одно это соображение побуждает женщину кокетничать с мужем в период, когда она готова уступить любовнику, легкомыслие которого ее страшит. Из осторожности она отдается любовнику лишь после супруга: предосторожность лестная для ухаживателя; нечего сказать, блестящее положение для него. Эти бесспорные истины вызывают гримасу на лице любовника; он бывает весьма смущен этими мнимыми победами над мужем и убеждается, что честь в подобном деле не на его стороне.

Но даже и в том случае, если муж — человек податливый, которого можно устранить, разве любовник не понимает, что этот аргус может вернуться к своим обязанностям и в любой момент потребовать благосклонности от своей жены. Нечего сказать, хороша победа — обладать женщиной, которая живет с человеком, могущим в любой момент потребовать от нее выполнения супружеской обязанности, опираясь на содействие гражданской власти и религии. Согласно Санчецу и другим казуистам, каждый из супругов совершает смертный грех, отказывая в выполнении супружеской обязанности тому или той, кто этого требует (вынося такое решение, церковь, по крайней мере, обеспечивает женщинам равноправие, осуждая в равной мере мужа и жену, отказывающихся выполнять супружескую обязанность. Этот акт справедливости чужд философам; их мало тревожит то обстоятельство, что женщиной пренебрегают, и они не предоставляют ей права требовать того хлеба насущного, который является обязанностью в семье).

Приглядываясь к проделкам любовников, делающих мужей рогоносцами, все больше и больше убеждаешься в унизительной роли самого обидчика; не хвалиться, а стыдиться ему бы следовало: вся его заслуга сводится к обману доверчивого мужа; заслуга эта покажется весьма жалкой тем, кто познает любовь более свободную и честную, чем при цивилизации.

Я уже достаточно ясно показал, что цивилизованные все видят в превратном виде: доказательство — выше указанные интриги любовников, гордящихся, как трофеями, тем наставлением рогов, в котором мало лестного для щепетильного человека. Уже из этого одного видно, до чего заблуждаются цивилизованные в существенных вопросах, поскольку они не разбираются даже в столь простых вопросах, как насаждение рогов. Наши взгляды на этот предмет неразумны потому, что мы нарочито закрываем глаза на низость и грубость утех, предоставляемых нам цивилизацией. В каком жалком свете предстала бы пред вами ваша любовь, если бы я нарисовал картину любовных отношений седьмого периода в *трибах,* или *прогрессивных хозяйствах,* которые, будучи зародышем комбинированного строя, подобно ему, уже обладают свойством искоренять по всей земле болезни случайного происхождения, вносящие столько неприятностей в любовные отношения цивилизованных, даже самые свободные.

Прямая выгода, жажда утех и чувство справедливости диктовали переход к прогрессивным хозяйствам. На мероприятие столь простое в течение долгого времени не набрели исключительно благодаря роковой привычке рода человеческого — полагаться в деле любого социального совершенствования на философов, которые заняты лишь политическими пертурбациями, чтобы самим куда-то втиснуться, в области

же домашнего быта стараются еще сильнее закабалить слабый пол. Большинство философов находится уже в том возрасте, когда человек не может рассчитывать на благосклонность женщин; их единственная задача закрепить за собой и эксплоатировать рабыню-домохозяйку; с помощью лицемерных внушений они стараются переделать на свой лад молодую девушку: они подчиняют этой цели все свои писания, проповедуют угнетение женщин, восхваляют радость быть заживо похороненной, чтобы скрасить уединение ушедшего от мира распутника. Они заключают между собой союз, чтобы отнять у молодежи свободу, которой они злоупотребляли сами; они принадлежат к ревнивцам той категории, о которых говорит Гораций:

«Немощные для утех, которыми злоупотребляет юность,
Они порицают ее за счастье, в котором отказывает им возраст».

Пример — Жан-Жак Руссо; он усиленно ратует в пользу семейного затворничества женщин и в то же время сознается, что был когда-то горячим поклонником куртизанок и продажной красоты и подробно распространяется о формах женщин, питавших к нему благосклонность. Как мог он пользоваться этими утехами, если бы все дамы следовали его наставлению и жили только для собственного супруга? Таковы философы; они разглагольствуют против богатств, почестей, удовольствий, а сами гонятся за ними, очертя голову, под предлогом реформирования и морализации мира. Насквозь пропитанные эгоизмом, они неспособны ни воспринять чужую идею, ни выдвинуть собственный план на пользу женщине. Разве могут они следовать в чем-либо предначертаниям бога, которые клонятся к справедливости, т. е. ко благу слабого пола в равной мере, как и сильного.

IV

Уничижение женщин при цивилизации

Есть ли хотя бы тень справедливости в судьбе, которая выпала им на долю? Разве молодая девушка — не товар, выставленный на продажу для желающих приобрести ее в исключительную собственность? Не смехотворно ли ее согласие на брачные узы, не вынуждено ли оно тиранией предрассудков, осаждающих ее с детства? Ее стараются убедить, что цепи ее сотканы из цветов; но разве может она не понимать своего уничижения даже в странах, столь напичканных философией, как Англия, где мужчина вправе вести жену на рынок с веревкой на шее и отдать в качестве вьючного животного всякому, кто даст требуемую ему цену? В этом вопросе мы недалеко ушли от тех грубых веков, когда собор в Майнце, подлинный собор вандалов, обсуждал вопрос, имеет ли женщина душу. Утвердительное решение было принято боль-

шинством всего трех голосов. Английское законодательство, столь восхваляемое моралистами, наделяет мужчин правами, не менее унизительными для женского пола; таково право супруга требовать денежной компенсации от любовника своей жены. Во Франции рабство носит менее грубую форму, но все же это — рабство. Там тоже молодые девушки томятся, хворают и умирают благодаря отсутствию союза, властно требуемого природой и запрещаемого предрассудком под угрозой позора до заключения торговой сделки на них. Это — показатель порабощения слабого пола, игнорирования воли природы и несправедливого отношения к женщине.

Опыт всех стран говорит о благотворном влиянии, которое имеет расширение женских прав. Лучшими из наций всегда оказывались те, которые предоставляли женщинам максимум свободы; так было и у варваров, и у диких, и у цивилизованных. Японцы — самые промышленные, самые храбрые и наиболее достойные уважения из варваров — наименее ревнивы и наиболее снисходительны к женщинам до такой степени, что китайские уроды (magots) ездят в Японию, чтобы там отдаваться любви, запрещаемой лицемерными обычаями их отечества.

Обитатели острова Таити в силу того же явления — лучшие из дикарей; ни одна орда не развернула до такой степени промышленного труда, учитывая незначительность ресурсов в данной стране. Французы, наименее придирчивые к женщинам, — наилучший народ из цивилизованных: эта нация наиболее гибка, и искусный государь может в короткий срок извлечь из нее максимум пользы по линии любой профессии; несмотря на такие недостатки, как фривольность, самомнение * и нечистоплотность, это — первая нация из цивилизо-

* Упрек в самомнении относится не к французской нации в целом, но лишь к отдельным лицам; нация в целом грешит противоположным пороком — неверием в свои силы; она считает неосуществимым любое возложенное на нее начинание; слово *невозможно* звучит во Франции из всех уст, французов следовало бы назвать *нацией невозможных*. Французы удивляются иностранцам и лишь их почитают; иностранный ученый или артист во Франции ценится вдвойне. Никакая другая нация не умаляет до такой степени заслуг великих людей при их жизни; Франция — ад для ученых. Не так обстоит дело с другими странами: они обожествляют все произведенное в отечестве. В Германии писателя возвеличивают еще при жизни; достаточно малейшего успеха, чтобы к имени его прибавляли эпитет *знаменитый*. Что касается французской нации, то, будучи далека от самомнения, она любит поклоняться и подражать порокам чужестранцев; еще в 1787 г. старый королевский двор, подражая пруссакам, собирался ввести в практику военной дисциплины благородный обычай палочных ударов. А сколько смешных мод заимствовали мы у англичан, к которым питал пристрастие двор! Французы скромны даже на войне, где многочисленные успехи могли бы развить в них самомнение. Примером тому последняя прусская кампания, с сопутствующим ей неприличным бахвальством. Послушать берлинские газеты — можно подумать, что одного появления, одного дуновения прусских легионов достаточно для уничтожения французской армии;

ванных хотя бы по своей гибкости — черте характера, обычно не свойственной варварам.

С другой стороны, самыми порочными нациями всегда оказывались те, которые сильнее всего порабощали женщин; китайцы; недаром они наиболее ревнивы и нетерпимы в делах любви. Из современных цивилизованных наименее снисходительны к слабому полу испанцы; недаром они отстали от других европейцев и не достигли блеска в науках и искусствах. Что касается диких орд, то изучение их показывает, что наиболее порочны из них те, кто хуже всего относится к слабому полу и у кого положение женщины наиболее тягостно.

Как общее правило, можно сказать:

Социальный прогресс и смена периодов происходят на почве прогрессивного *раскрепощения женщины, а регресс и упадок социального строя — на почве закрепощения женщины.*

Есть и другие факторы, которые влияют на политические превращения, но ни один из них не обусловливает столь быстрого прогресса или социального упадка, как изменение судьбы женщины. Я уже говорил, что вступление на путь гаремного затворничества в короткий срок сделало бы нас варварами, а открытие перед женщинами дверей гарема уже само по себе привело бы варваров к цивилизации. Резюмируя вышеизложенное, можно сказать: *расширение прав женщины — главный источник социального прогресса.*

КОРРЕКТИВЫ, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ БЫ В ШЕСТОЙ ПЕРИОД: СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ ДЛЯ ЛЮБВИ, ЛЮБОВНЫЕ КОРПОРАЦИИ, ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ *

V

Совершеннолетие для любви

Величайшая беда для нашего земного шара — отсутствие среди цивилизованных государей хотя бы одного друга женщин, т. е. принца, справедливого к женщинам. Некоторые из

а эта последняя продвигалась вперед без всякой шумихи, без какого бы то ни было бахвальства французских газет. Это — уже достаточный показатель того, что французской нации не свойственно самомнение; наоборот, она не верит в себя и склоняется перед инстранцами. Нет другого народа, столь гостеприимного и честного в отношении побежденного врага. Лишь отдельные лица обладают самомнением, говорят самонадеянным тоном, имеют обыкновение глумиться над другими и играть словами. Чем объяснить этот контраст меж самонадеянным характером отдельных лиц и скромным, гибким характером нации? Мне известны и причина и средство исцеления. Но здесь распространяться об этом не место.

* Повторяем, что намечаемые ниже мероприятия не знаменуют еще гармонии, а относятся к периодам шестому и седьмому, промежуточным меж гармонией и цивилизацией.

них были галантны, но от галантности до справедливости еще далеко. Я намечу два мероприятия справедливого характера. Они, пожалуй, покажутся зачатками беспорядка, пока читатель не вникнет в их влияние.

Первое мероприятие, справедливое в отношении женщин, это установление возраста совершеннолетия для любви, освобождение их в этом возрасте от унизительной роли экспоната, выставленного на продажу и обязанного сторониться мужчин, пока какой-нибудь незнакомец не сторгуется и не женится на них. На мой взгляд женщин следовало бы объявлять свободными в возрасте 18 лет, регламентировав соответствующим образом любовную практику.

До 18 лет у женщины имеется уже четыре года половой зрелости — срок достаточный, чтобы мужчины данного города или кантона успели поразмыслить и решить: брать ее или оставить.

Законы, выдуманные сильным полом, запрещают девушке наслаждение, дабы она сохранила невинность для первого олуха, который вздумает ее купить. Спрашивается, не следует ли позаботиться об участи тех, на кого не находится претендентов. Не следует ли по истечении нескольких лет предоставить им свободу действия — право на законном основании брать себе любовников, которых они все равно берут и без законного на то права. Девушка, выставляемая целых четыре года на балах и прогулках, торжественных богослужениях и присягах и не нашедшая себе мужа, рискует не найти его и в дальнейшем; причины, заставлявшие женихов сторониться, будут существовать и дальше. Впрочем, если брак при цивилизации полезен, следует побуждать к нему мужчин угрозой лишиться возможности первого общения с женщиной, если она останется одинокой старше 18 лет.

Вступаться за покинутых девушек тем более разумно, что обычно — это девушки самые красивые и наиболее способные родить прекрасных детей. Многие красавицы остаются вакантными потому, что их красота заставляет мужчин бояться рогов, и брак заключается ими на основе сухой расчетливости, скупости и ревности. Этот маккиавеллизм заставляет пренебрегать девушкой самой красивой и наиболее способной вести домашнее хозяйство. Нет ничего возмутительнее этого пренебрежения несчастными, не обладающими крупным приданым. Удивительно, что родители, у которых *на руках* они остаются, не помышляют об изменении обычаев, столь пагубных для семейств малосостоятельных, наиболее многочисленных и наиболее заслуживающих покровительства.

На основании этих соображений при цивилизации женщин следовало бы подразделить на две категории: молоденьких девушек — моложе 18 лет — и эмансипированных — старше 18 лет. С этих лет им следует предоставить право брать себе любовников; участь же детей, рождаемых от таких союзов,

следует обеспечить законодательным путем (я остановлюсь на этих законах в трактате, посвященном шестому периоду, так как это — мероприятие шестого периода).

И разум и справедливость диктуют эту меру. Как известно, мужчины глумятся над девушками старше 20 лет, как над старыми девами; их осыпают сарказмами и двусмысленностями и вынуждают, нарушая законы, втайне брать себе любовников. Мужчины столь злоречивы и несправедливы в отношении женщин, что глумятся над ними и в том и в другом случае — как при сохранении ими девственности, так и при утрате ее в возрасте, когда это бремя становится слишком тяжким.

Чем рискуем мы, предоставляя женщинам свободу любви по достижении ими 18 лет, и что полезного в системе угнетения, проповедуемой философами? Своим лицемерным воспитанием, заставляющим девиц аффектировать безразличие к любви, они создали почву для универсального наставления рогов. Любая другая система, более сообразная с предначертаниями природы, породит рогоносцев не больше, чем мы их видим теперь. Не следует ли клин клином вышибать, не установить ли строй, менее угнетающий женщину, менее унизительный для нее? Несомненно да, потому что свобода любви развивает ценные качества в женщинах той категории, которая наиболее ею пользуется. Таковы *дамы высокого происхождения, куртизанки хорошего тона и незамужние мещанки.*

Среди женщин этих трех категорий можно наблюдать развитие самых приятных качеств; если эти качества собрать воедино, получится совершенство.

Придворные дамы. Я имею в виду легкомысленных в любовных делах (galantes); в общении они искренни, экспансивны, невольно возбуждают дружеские чувства. Они чаруют с первого взгляда; они почти превзошли человеческую природу, настолько они отличаются от мещанок — этих лживых автоматов с мелкой душонкой, не знающей иной страсти кроме любви, и совершенно равнодушных к дружбе, искусству и другим благородным эмоциям. Несомненно, придворные дамы имеют свои недостатки, но они вносят в интригу разнообразие, искренность и величие. Можно ли их порицать за их умение приукрасить порок, поскольку ему суждено неразделько царить в цивилизации?

Куртизанки хорошего тона, не считая некоторых уловок, обусловленных этим видом торговли, исполнены благородства; они обходительны, милосердны, приветливы; их характер был бы божественным, будь у них хороший доход. Примером может служить Нинон. Привычка к наслаждениям искореняет у них похотливые задние мысли, свойственные мещанкам, напичканным моралью; эти домохозяйки, симулируя возвышенность чувств, каждое мгновение проявляют чувственность, которую они упорно отрицают, чувственность, которая от-

нюдь не безобразит женщину, когда она уравновешена душевными привязанностями, как это мы видим у дам, открыто практикующих свободу любви.

Мещанки, лавочницы, работницы и т. д. Эта категория женщин до брака пользуется полной свободой, особенно в больших городах. Они на глазах у родителей берут и меняют любовников и привольно пользуются теми наслаждениями, в которых отказано девицам высшего слоя *. Они проводят юность, порхая от мужчины к мужчине, и благодаря этому только лучше работают и более искусны в деле уловления простака, который бы на них женился, когда они увянут. Разумеется, их вечное притворство (dissimulation) заслуживает порицания; в этом притворстве виноват дурной тон мужчин среднего класса, окружающих их. В остальном у них очень приятные манеры; они превосходные хозяйки и значительно лучше Агнес бенуара.

Резюмирую сказанное: женский характер достиг бы совершенства, если объединить свойства всех трех вышеназванных категорий женщин; это и произойдет в том социальном строе, где женский пол будет пользоваться полной свободой любви. Старания превратить женщину в хозяйку и только, — эта узость преследуемой цели губит все дело; ваши молодые девушки, напичканные предрассудками и философией, — противоестественные создания: их снедают запретные желания и жажда развлечений; работают они с отвращением, преподаваемое им искусство воспринимают поверхностно, выйдя замуж, забывают все, чему учились, и вскоре становятся дурными хозяйками, если супруг не сумеет забрать в свои руки бразды правления. Благодаря неопытности они бывают скоро ослеплены и увлечены водоворотом светской жизни. А женщина, опытная до брака, не гонится до такой степени за развлечениями и, зная вероломство возлюбленных, сильнее привяжется к хозяйству и мужу, видя в нем покровителя, ограждающего ее от преследований других мужчин. Если она и возьмет заместителей, то скорее для отдыха, чем в силу страсти; в своих любовных связях она не упустит из виду интересов семьи и по мере возможности смягчит для мужа неприятность быть рогоносцем. Такая супруга — клад для человека слабохарактерного, добрейшей души (de bonne pâte); таким мужчинам нужна супруга властная, которая умела бы держать в руках бразды правления хозяйством и *действовать, как мужчина.* Такая супруга составит счастье слабохарактерного мужа; он будет наслаждаться подлинной супружеской любовью, кото-

---

* Девицы comme il faut претерпевают страшное и жалкое притеснение: тут же, у них под носом, мещанки забавляются и баюкают себя любовью, им запрещаемой. Откуда такая пестрота нравов при цивилизации и какие доводы могут привести философы против распространения на всех этой свободы любви, дающей лишь положительные результаты в той категории женщин, которая ею пользуется?

рая есть не что иное, как коалиция интересов для ограждения себя от социального вероломства.

Сколько мужчин разных категорий не умеют приноровиться к этим женщинам, напичканным предрассудками, к этим философским автоматам, с характером непроницаемого сфинкса, — к женщинам, которые своей маской невинности возбуждают недоверие даже в философах; им лучше, чем кому бы то ни было, известна ценность этой напускной наивности, прививаемой девушкам воспитанием. Любая женщина легкого поведения до брака казалась не менее невинной; это напускное целомудрие — маска, которой не обмануть мужчину и не ускорить замужества девушки. Это — лицемерный навык, не больше. Все прекрасно знают, что налетит буря страсти — и женщина проявит свой подлинный, неведомый еще характер, являющийся пока непроницаемой загадкой для мужчин, даже самых опытных. Коротко говоря, это нелепое философское воспитание — порочный круг, как и все обычаи цивилизованных, и в конечном счете оно ввергает всех супругов в бедствия, которых им хотелось бы избежать. Философы обескуражены полным бессилием предотвратить наставление рогов — предмет их ужаса; недаром ученые изо дня в день меняют педагогические системы, а в конечном счете добиваются лишь маскировки, но не изменения природных склонностей молодых девушек.

«Naturam expellas furcâ, tamen usque recurret» *.

Они протестуют против преподавания женщинам наук или искусств; им хотелось бы, чтобы у этих молодых девиц не было иной страсти кроме *кухонного горшка;* таковы их девизы, проповедуемые даже с театральных подмостков. Они всячески нападают на страсть к развлечениям; им только и мерещатся рога в будущем; они придирчивы ко вкусам женщин и мрачны, как евнухи, стерегущие одалисок.

Разбираясь в их системах воспитания, видоизменяемых с каждым днем (ведь каждый день появляются новые трактаты о нравственности, всегда противоречащие тому, что писалось раньше), можно ли найти там что-либо полезное для молодых девиц? Выходят ли замуж те из них, кто напичкан наставлениями [вместо денег]? Нет, они остаются вакантными со всеми их добродетелями. В цивилизации побудительным мотивом к браку служит лишь богатство невесты и умелая интрига. Отцам это не безызвестно. Недаром стараются обеспечить дочерям необходимое приданое больше, чем их воспитать. Что касается интриги, то отцы не отличаются сноровкой в этой области, и, несмотря на их подлащивания к женихам, их проведет за нос любая сколько-нибудь ловкая девушка, умеющая самостоятельно повести интригу, пустив в ход не добродетель, а совсем иные доспехи. Эти опытные де-

* «Выгони природу силой, она, однако, снова вернется». Цитата из посланий Горация (I, 10, 24). — *Ред.*

вушки умеют вырвать хорошую партию у чрезмерно застенчивых и заключить выгодный брак без чьего бы то ни было посредничества; а для замужества Агнес требуется скандальное посредничество кумушек и родителей, нотариусов и философов, которые гонятся по пятам за молодым человеком, чтобы его уговорить и завлечь в западню; так поступают мясники с быком, окружая его с помощью псов и насильственно толкая к бойне, куда он отказывается итти.

Таков механизм бракосочетания; мужчина идет на брак, лишь попав в западню, лишь после увещаний со стороны моралистов. Он не обнаружил бы такой строптивости, будь брак подлинным залогом счастья, как это бывает при женитьбе на богатой.

Каким образом век, столь склонный ко всякого рода экспериментам, век, дерзнувший опрокинуть троны и престолы, как, говорю я, этот век рабски склонился ниц перед любовными предрассудками, вместо того чтобы их атаковать? Почему в этой области людям не пришло в голову применить те системы свободы, которыми так злоупотребляли они в других областях? Все говорило в пользу применения их в области любовных отношений, поскольку счастье мужчины прямо пропорционально свободе, которой пользуется женщина. Допустим, что найден способ привить всем женщинам целомудрие, удерживающее женщину от любовных связей до брака и от измены мужу в дальнейшем; в результате этого мужчина на протяжении всей своей жизни должен был бы ограничиться собственной супругой. Прельщает ли мужчин такая перспектива — наслаждаться всю жизнь только собственной супругой, надоевшей, быть может, день спустя после свадьбы? Я не сомневаюсь, что любой мужчина готов был бы задушить автора такого изобретения, ставящего под угрозу любовные утехи; самыми яростными противниками такого строя оказались бы философы, чрезвычайно подверженные соблазну и адюльтеру; отсюда ясно, что в своей личной жизни все мужчины — враги целомудрия, и что счастье мужского пола прямо пропорционально сопротивлению женщин наставлениям в супружеской верности. Суровое соблюдение верности привело бы в отчаяние всех мужчин, поскольку оно коснулось бы их *лично;* не составляют исключения и философы: более чем кто-либо подверженные соблазнам, они пришли бы в большое замешательство от торжества их любовных принципов; так было уже в 1789 г., когда подверглись испытанию их системы управления страной.

На основании вышеизложенного напрашивается и другое умозаключение по вопросу, нас занимающему: цивилизованные абсолютно не умеют использовать страсти в своей системе нравственности; а между тем усвоение предлагаемого мною подразделения женщин на не достигших и достигших совершеннолетия для любви (majorité amoureuse), чрезвычайно

выгодно с точки зрения добрых нравов цивилизованных. В числе прочих злоупотреблений была бы уничтожена путаница в любовных делах — одна из 16-ти характерных черт цивилизации. Я противопоставлю ей подразделение на любовные корпорации; они относятся к 6-му периоду, прелесть которого вкусит каждый, потому что этот период граничит с нашим и наиболее понятен цивилизованным: в нем еще уцелеют некоторые обычаи нашего уклада, например, разобщенные хозяйства.

VI

Любовные корпорации

Путаницу любовных отношений я усматриваю в нашем неумении установить градации порока и добродетели в области любви; например, в области адюльтера любая супружеская неверность равно преступна в глазах философов, и они призывают на женщину громы земные и небесные за малейший проступок. Между тем в области адюльтера имеются такие же градации, как и во всех других областях; связь с женщиной бесплодной или уже беременной и вообще связь, результатом которой не является беременность, должна рассматриваться как небольшой грешок, особенно в тех случаях, когда адюльтер молчаливо терпим супругом. Итак, следует различать между проступками различных оттенков и адюльтером подлинно греховным, вызывающим распад семьи или вводящим в семью чужой отпрыск. Не проводя такого различия, смешивая воедино и осуждая огульно все виды адюльтера, тем самым делают их равно заслуживающими оправдания — снисхождения, которого по справедливости заслуживают только некоторые. Возмущенное общественное мнение восстает против гонителей, высмеивая их преследования; таким образом люди доходят до оправдания самых гнусных измен, смешиваемых законодательством с проступками ничтожного характера.

Обилие несправедливости и гнета лишает возможности достигнуть желанной цели: в области любовных отношений царят лицемерие и разврат. Ввиду того что философы считают преступлением всякое наслаждение вне узаконенного брака, приходится вечно лгать и обманывать; отсюда старания каждой женщины и каждой девушки выдать себя за образец верности или воздержания; но стоит допустить градации добродетелей и пороков в сфере любовных отношений, как в области нравов воцарится честность, правдивость и радость.

Установив грань между любовным совершеннолетием и несовершеннолетием, мы подразделили бы женщин эмансипированных, т. е. достигших 18-летнего возраста, на три основных корпорации, а именно:

1) супруги, которые согласно методу цивилизованных избирают навеки одного мужа;

2) дамуазели, или полудамы, которые могут менять обладателей, но лишь поочередно, т. е. по одному одновременно, с тем чтобы соблюдать происшедший разрыв;

3) возлюбленные (galantes), устав которых еще менее строг.

Каждая из трех категорий подразделяется на три вида, или оттенка, находящих свое отображение в именных списках каждого города или кантона. Любая женщина добровольно меняет корпорацию.

Этот порядок вещей (второстепенные его признаки нет смысла указывать) дал бы возможность осуществить большинство преобразований, неосуществимых при современной системе любовных отношений: он предотвратил бы соблазн и покинутость молодых девушек. Значительное количество их жалко прозябает всю жизнь в ожидании мужа или впадает в разврат только потому, что мужчины вольны злоупотреблять сроками при своих ухаживаниях, и девушки не видят конца своему грустному девичеству; а при установлении такой грани, как 18 лет, обольститель лишился бы шансов на успех; в случае проявления девушкой слабости корпус девственниц ее бы отверг или взял под позорное подозрение; девушек поддерживало бы сознание того, что им приходится выждать лишь до 18 лет. С этого момента претенденты вынуждены определенно заявить о своих намерениях, а не то девушка, чтобы напрасно не терять лучшие годы, вступает в корпус дамуазель; приобретя право иметь любовников, она, несомненно, не остановит своего выбора на том, кто обольщал ее надеждой на брак; такого надувательства молодые девушки не прощают.

Эти мероприятия свели бы к нулю адюльтер, или так называемое наставление рогов; обольститель не пользовался бы успехом у замужних женщин; в противном случае им грозила бы опасность быть взятыми на подозрение даже без вещественных доказательств и прослыть сомнительными женщинами или неверными, если проступок установлен.

За супругами наблюдали бы два корпуса — дамуазель и любовниц; отныне женщина не осмеливалась бы вступать в брак без определенной наклонности к соблюдению верности. Следовательно, люди вступали бы в брак очень поздно, когда утихнут страсти, и брак соответствовал бы своему предназначению — служить опорой старости: брак — это удаление от света, союз, основанный на рассудке, подобающий людям преклонного возраста, а не молодежи.

Это рассеяло бы предрассудок, в силу которого общество высмеивает мужчину за женитьбу на девушке, уже имевшей любовника. Дамуазели не теряли бы в глазах общества, беря любовников, поскольку они выждали бы для этого положенного законом 18-летнего возраста. Вступающий с ними в брак не испытывал бы угрызений совести, как не испытывает их мужчина, женясь на вдове, имеющей детей. Если брак с женщиной, уже принадлежавшей другому, унизителен, в таком

случае почему мужчина столь падок до брака с богатой вдовой, хотя бы и пришлось при этом воспитывать чужих детей, быть может, даже от различных отцов, если вдова любила поразвлечься? Все это игнорируется, и в то же время женитьба на девушке, имевшей любовника, хотя и не имевшей детей, считается зазорной для мужчины. Эти наши представления о женской чести и добродетели сплошь предрассудочны и видоизменяются по прихоти законодателя. Достаточно издать закон, чтобы было восстановлено согласие между взглядами и природой и отнесены к категории допустимых наслаждений любовные связи, которые, как это ни смешно, вменяются женщине в порок, а мужчине в шутку. Таким образом получается, что мужчины могут шутить, лишь вовлекая женщин в порок: смешное противоречие; впрочем, оно не более нелепо, чем остальные нравы и взгляды цивилизованных *.

* Адюльтер объявлен преступлением, и, однако, мужчина пользуется в порядочном обществе уважением прямо пропорционально количеству его прелюбодеяний, всем известных и афишированных. Люди с восторгом восхваляют какого-нибудь Ришелье или Алкивиада, соблазнившего множество замужних женщин; а мужчину, который, повинуясь законам и религии, сохраняет целомудрие до брака, высмеивают. Но в вопросе адюльтера, как и в вопросе дуэли, противовесом закону служит общественное мнение, благосклонно относящееся к любовным надувательствам и даже к бесстыдству. Когда девушка родит ребенка без санкции муниципалитета, это считается мерзким, ей вменяют это в вину, хотя бы она и оставалась верна своему любовнику; между тем, сопоставьте поведение этой молодой девушки с поведением честных женщин. Кого именуют во Франции честной женщиной? Даму, которая имеет трех мужчин одновременно: мужа, любовника и прежнего друга, возвращающегося время от времени, чтобы воспользоваться своими старыми правами на началах друга дома; это—не считая мимолетных прихотей. И при таком образе жизни ее аттестуют честной. Я далек от хулы на развлекающихся дам, но скажу, что им никогда не иметь того количества любовных связей, какое бывает у их мужей до и после брака.

Общественное мнение, несправедливое до комизма, до комизма же противоречиво; примером может служить отношение к беременным девушкам. Им вменяют в преступление, с одной стороны, беременность, с другой стороны, произвольный аборт. однако если придавать значение честному имени, то приходится принимать меры к спасению чести путем уничтожения следов своей слабости. Таким образом, не девушка достойна порицания за аборт в начале беременности, когда зародыш в сущности говоря еще не живет, а достойно посмеяния общественное мнение, согласно которому столь невинный факт, как зачатие младенца, губит честь девушки. В Швеции подход к этому вопросу гораздо более разумен, чем в остальной Европе; там беременность не считается для девушки позором; больше того, в Швеции хозяин не имеет права рассчитать домашнюю работницу за беременность, при отсутствии другого проступка. Обычай — очень разумный для страны со слабой плотностью народонаселения.

Но что за смысл распространяться о смехотворности наших взглядов? Сами проповедники ни в грош не ставят своих суждений; не видя возможности примирить цивилизацию и разум, они усвоили на этот счет тактику шарлатанов: они восхваляют до небес свою цивилизацию. На самом деле она не стоит выеденного яйца. Философы, надо думать, чуяли это, говоря нам, что цивилизованное общество есть совершенствование совершенствуемой способности к совершенствованию.

Тогда пойдет на убыль эгоизм и рабский дух, порождаемый супружеством. Брак портит характер главным образом женщин; они усваивают все пороки своего супруга, не перенимая, однако, у него хороших качеств: неизбежный результат приспособляемости, которой их учат. Выдайте юную Агнесу замуж за Робеспьера, и месяц спустя она станет столь же жестокой, как и он, и будет поощрять все его преступления. Это раболепство супруг сглаживалось бы соперничеством дамуазель: как общее правило, они не старались бы подражать во всем мужчине, так как мужчин они могут менять; у них вырабатывался бы характер благородный и независимый, чуждый во всех отношениях пороков, насаждаемых супружеством, и в том числе эгоизму; люди женатые питают чудовищное недоверие к себе подобным. Чрезвычайно трудно объединить в едином хозяйстве две супружеских пары. Неуживчивость переходит от хозяев к слугам; брать в услужение замужнюю пару обычно избегают. Ведь супружеский дух возбуждает супругов против всего, что их окружает, он убивает благородные страсти и либеральные идеи; вот почему категория людей женатых всегда наиболее эгоистична, наиболее равнодушна к несчастьям, общественным или личным. Их антисоциальный дух столь хорошо известен, что в обществе, желая похвалить мужчину, говорят: он ничуть не переменился после брака; он столь же любезен, как и в бытность холостым.

При любовных корпорациях добродетель и порок будут расцениваться в меру их подлинного достоинства. Я уже указал, что у нас обычно не делают различия между градациями порока; каждая женщина вынуждена притворяться добродетельной, причем наиболее выигрывают дамы легкого поведения; сколько «честных женщин» после добрых двух десятков любовников при душевных излияниях делают вид, будто у них всего полдюжины. А несчастная, у которой их было всего два или три, страдает от бесчестия больше, чем те, кому наплевать на общественное мнение (braver la critique). Этой путанице кладет конец подразделение женщин на корпорации в соответствии с различными характерами. Повторяю, три любовных корпорации, о которых я упомянул, будут подразделяться в свою очередь на девять второстепенных видов во избежание какой бы то ни было путаницы; будет три списка супруг — постоянных, сомнительных и неверных, три списка дамуазель и три списка любовниц. Это будет вполне соответствовать строю страстных серий, характеристика которого дана мною в примечании *A;* на крайних полюсах каждой серии будут находиться две промежуточных группы, в данном случае — *девственницы и независимые:* первые не знают чувственной любви, вторые не соблюдают никакого устава в сфере ее осуществления.

Таков минимум свободы, необходимый для правильного развития любовных отношений; всякая система, ставящая

больше ограничений страстям, неизбежно страдала бы пороком всеобщего уравнения и философской путаницы, отвратительные результаты которой мы наблюдаем в наши дни.

VII

Порочность существующей системы угнетения любви

Следует отметить, что при существующей беспорядочности любовных нравов женщины добились именно того единственного права, в котором им по существу следовало бы отказать: я имею в виду навязывание мужу ребенка, ему не принадлежащего и носящего на челе печать подлинного отца. Таким образом в том единственном случае, когда женщина подлинно виновна, она пользуется высоким покровительством закона, и в единственном случае, когда мужчина подлинно оскорблен, общественное мнение и закон заодно отягощают нанесенное ему оскорбление. Цивилизованные, подвергая женщину гонениям за получаемые ею наслаждения, в то же время покорно несут иго, приемля плод явного адюльтера, называя его своим именем и оставляя ему наследство вместо того, чтобы отослать его в дом подкидышей. Такова последовательность нашей философии. Мужчины практикуют в браке подлинное братство, общность имущества и детей своих и соседа. Великодушие почтенных (honnêtes) цивилизованных мужей станет в будущем предметом бесконечного глумления; эти забавные анекдоты несколько смягчат впечатление от нашей летописи, столь часто писанной кровью.

Это терпимое отношение мужей к самым сильным обидам прекрасно уживается с общей непоследовательностью в любовных делах. Оно доходит до того, что религия проповедует одно, а театр — прямо противоположное; в храмах внушают верующим отвращение к любовным интригам и наслаждениям, а тут же рядом цирк поощряет в публике жажду наслаждений и обучает ее коварному надувательству в делах любви. Выслушав проповедь об уважении к супругу и старшим, молодая женщина час спустя идет в театр, где ее учат обманывать мужа, опекуна или иного аргуса: бог весть, какой из этих уроков лучше привьется. Эти вопиющие противоречия проходят красной нитью через весь механизм цивилизации; трезвый наблюдатель всех этих нелепиц невольно приходит к выводу, что вся цивилизация есть не что иное, как сумасшедший дом — тем более, что люди знают, что послужит источником (principe) социального улучшения, и отказываются это использовать. Они прекрасно понимают, что прогрессивный переход от варварства к цивилизации вызван смягчением женского рабства; этот опыт диктует им расширение женских прав, открывающее доступ в шестой период, куда привела бы полная свобода женщины. Итак, путь социального прогресса легок и хорошо известен, и на этот путь ведет отказ от проповедуемой фило-

софами системы притеснения женщин. Разве они не понимают, что вечная верность в любви противоречит человеческой природе? Это свойственно лишь единицам того и другого пола, но ни в коем случае не массе; а законодательство, предъявляющее к людям требования, столь несовместимые со страстями, вносит лишь смешную путаницу в понятия и неурядицу в жизненную практику, поскольку общество вынуждено молчаливо мириться с правонарушениями. Не таковы ли результаты системы любовных отношений, господствующей $2^1/_2$ тысячелетия? Этот гнет, уходящий корнями в тьму веков, смешон для нашего времени, которое похваляется разумом и пониманием сокровенных законов природы.

Если древние философы Греции и Рима игнорировали интересы женщин, этому не приходится удивляться: все эти напыщенные ораторы были горячими приверженцами педерастии, которая находилась в большом почете у древних. Они высмеивали связь с женщиной; эта страсть в их представлении граничила с бесчестием. Законодательство Ликурга побуждало молодых людей к однополой любви; в Спарте ее именовали тропою доблести. Тот же вид любви процветал в республиках и менее суровых; в Фивах был сформирован специальный батальон из юных педерастов, и философы единодушно одобряли эти нравы. Все — от добродетельного Сократа до нежного Анакреона — афишировали содомскую (sodomite) любовь и презрение к женщинам, которым отводили второй этаж: они жили затворницами, как в гареме, и были изгнаны из мужского общества.

Эти странные вкусы не привились в новое время; можно только удивляться, что наши философы унаследовали от древних ученых ненависть к женщинам и продолжают притеснять женский пол, ссылаясь на обман, к которому вынуждает женщину тяготеющий над нею гнет; ведь женщине вменяют в преступление любое слово и любую мысль, подсказанную природным инстинктом.

Сплошь пропитанные тиранническим духом, философы восхваляют мегер, которые в глубокой древности давали резкий отпор ухаживаниям. Они превозносят нравы германцев, подвергавших супруг пыткам за неверность; они уничижают женский пол даже тем фимиамом, который они воскуряют женщине. Можно ли выдумать что-нибудь более непоследовательное, чем взгляд Дидро, утверждающего, что, беря перо, чтобы писать женщине, *«надо окунуть его в цвета радуги и посыпать пыльцой с крыльев бабочки»!* Слыша это, женщины вправе сказать философам: ваша цивилизация подвергает нас гонениям, когда мы повинуемся голосу природы; нас вынуждают к лицемерию, велят следовать правилам, которые идут вразрез с нашими желаниями; чтобы навязать нам ваши теории, вы обманываете нас и тешите нас иллюзиями; так баюкают солдата надеждой на лавры бессмертия, чтобы только зату-

шевать его плачевную участь. Если его удел — счастье, с ним можно говорить просто и правдиво, а между тем этого остерегаются. То же — в отношении женщин: будь у них свобода и счастье, к чему им эта лесть и эти иллюзии, *эта радуга и эти бабочки?* Но и солдат, и женщин, и весь народ философы вечно обманывают, и это — обвинительный акт против философии, которая не сумела дать миру ничего, кроме бедствий и рабства. Высмеивая женские пороки, она критикует самое себя: это она породила данные пороки, установив социальную систему, которая с младенческих лет и на протяжении всей жизни убивает в женщинах природные наклонности и вынуждает их прибегать к обману, повинуясь голосу природы.

Судить о женщине на основании порочного характера, свойственного ей при цивилизации, все равно, что судить о природе человека на основании характера, присущего русскому крестьянину *, которому не свойственно понятие о чести и свободе; это все равно, что судить о бобре на основании того состояния оторопи, в котором он находится в домашнем плену, тогда как в обстановке свободы и комбинированного труда это — самое разумное четвероногое. Столь же резко будут отличаться свободные женщины комбинированного строя от женщин — рабынь цивилизации; в комбинированном строе женщины превзойдут мужчин самоотвержением в промышленном труде, честностью и благородством; а в несвободном состоянии, вне комбинированного строя, женщина, подобно домашнему бобру или русскому крестьянину, до такой степени недостойна своей провиденциальной судьбы и своих природных задатков, что поверхностный наблюдатель может проникнуться к ней презрением. Можно ли после этого удивляться, что Магомет, верховная ложа масонов (le Concil de Mason) и философы в течение долгого времени оспаривали наличие у женщины души и старались окончательно поработить женщину, вместо того чтобы разбить ее оковы.

На первый взгляд кажется, что женщине нужен господин, а не свобода; недаром из любовников она обычно отдает предпочтение тем, кто своим обращением с ней этого наименее заслужил. Но можно ли удивляться рабским наклонностям и вероломству женщины, когда с младенческих лет все ее воспитание направлено к тому, чтобы заглушить в ней характер и научить ее повиноваться первому пришельцу, которого даст ей в супруги случайность, интрига или скупость?

Не поразительно ли, что женщины всегда превосходили своими талантами мужчин, когда им благодаря трону и диадеме удавалось развернуть природные данные? Не характерно ли, что из восьми женщин-государынь, свободных и незамужних, семеро обычно стяжали славу, а из восьми королей

* Отрицательное мнение о русском крестьянине сложилось у Фурье под влиянием лживой информации, исходившей из реакционных источников.— *Ред.*

обычно семеро проявляли дряблость? Если другие женщины, взойдя на трон, не покрыли себя славой, то это объясняется их колебаниями, их нерешимостью в деле попирания любовных предрассудков (Мария Стюарт). А женщины, дерзавшие это делать, владели скипетром более достойно, чем мужчины. Эти Елисаветы, эти Екатерины не вели сами войско на войну, но они умели подобрать генералов, что одно уже их возвышает. Да и во всех прочих отраслях административного управления женщины неоднократно давали урок мужчинам. Кто из королей превзошел твердостью Марию-Терезию? В момент разгрома, когда колебалась верность ее подданных, а министры находились в состоянии ошеломления, она умела вернуть людям бодрость и отвагу. Своим поведением она навела трепет на венгерский парламент, к ней весьма неблагосклонный; она обратилась к магнатам на латинском языке и вынудила своих личных врагов принести клятву в готовности умереть за нее. Такие чудеса будет творить женское соревнование в социальном строе, открывающем простор для развития женских способностей.

Разве угнетатель-мужчина не превзошел бы своими пороками женщину, если бы в силу рабского воспитания он считал себя автоматом, призванным повиноваться предрассудкам и ползать ниц перед хозяином, которого дал случай? Разве претензии мужчин на превосходство не опрокинуты Екатериной, столь унизившей мужской пол? Установив должность титулованных фаворитов, она втоптала в грязь мужчину и показала, что, несмотря на полную свободу, мужчина может играть роль еще более унизительную, чем женщина, унижение которой носит вынужденный характер и, следовательно, заслуживает оправдания. Чтобы уничтожить тиранию мужчин, следовало бы противопоставить им гермафродитов, которые сильнее мужчин. Они показали бы, что мужчины созданы для их наслаждений, как и женщины: тогда бы мужчина запротестовал против тирании гермафродитов и утверждал, что нельзя основывать право исключительно на силе. Он потребовал бы себе прав и независимости у третьего пола. Почему же отказывается он даровать эти права женщине?

Я отнюдь не намерен подвергать здесь критике воспитание цивилизованных и требовать привития женщинам свободолюбия. Разумеется, в каждом социальном периоде молодежи внушают благоговение перед господствующими нелепицами. Варварский строй требует одичания женщин; вот их и уверяют, что у них нет души, чтобы безвозбранно торговать ими на рынке и держать их в гаремном затворе; при строе цивилизации тоже с детства глушат женщин, чтобы они были податливы на философские догмы, согласны на супружескую кабалу и унизительную роль рабыни мужа, характер коего, быть может, противоположен их собственному. Разумеется, достоин порицания варвар, который вздумал бы воспитывать

своих дочерей применительно к нравам цивилизации, где им не суждено жить; точно так же осудил бы я и цивилизованного, который стал бы воспитывать своих дочерей в духе свободы и разума, свойственном периоду шестому и седьмому, коих мы еще не достигли.

Обличая нынешнее воспитание и раболепство, прививаемые женщине, я делаю это для сопоставления существующего строя с другими обществами, где не придется уже извращать женский характер в угоду предрассудкам. Указывая на видную роль, которую могут играть женщины, я ссылался на тех женщин, которые преодолели плоды воспитания и противодействовали системе угнетения, неизбежно порождаемой супружескими узами. Отмечая женщин, которые умели отдаваться своим порывам, от мужественной Марии-Терезии и до других более мягкого оттенка — как Нинон и Севинье, я вправе утверждать, что женщина, получив свободу, превзойдет мужчину во всех сферах духовной и физической деятельности, где не требуется особой физической силы.

Мужчина это уже, видимо, предчувствует; он негодует и бьет тревогу, когда женщина опровергает предрассудочный взгляд на нее как на низшее существо. Мужчины особенно завистливы к женщинам-литераторам. Философия лишила их права занимать почетные академические должности и подло объявила их уделом хозяйство.

Не заслуживают ли этой обиды ученые женщины? Раб, рабски подражающий господину, воистину заслуживает презрения. Зачем сочинять сомнительной славы книги, присовокупляя еще несколько томов к наличным миллионам их, совершенно бесполезным? Женщины нужны — не писательницы, но деятельницы освободительного движения, политические спартаки, гении, которые сосредоточили бы все свое внимание на способах вырвать свой пол из унижения, в котором он находится.

Цивилизация всей своей тяжестью давит женщин; женщинам следовало ее атаковать. Каково их существование в наши дни? Их доля — лишения, даже в промышленности, где все захвачено мужчиной, вплоть до мельчайших работ швейного характера, а женщины обречены на тяжелый сельскохозяйственный труд. Не позорно ли 30-летнему атлету сидеть за канцелярским столом или разносить своими мохнатыми ручищами кофе, точно нет женщин и детей для обслуживания контор и хозяйства?

Что же служит источником существования у женщин неимущих? — прялка или очаровательная внешность, если женщина ею обладает. Да, проституция более или менее явная — единственный источник их существования, и тот оспаривает у них философия. Вот отвратительный удел, на который обрекает их цивилизация, это супружеское рабство, против которого они и не думают ратовать. Это нерадение непрости-

тельно с момента открытия острова Таити, нравы которого служат откровением природы и наводят на мысль о социальном строе, где крупная промышленность могла бы сочетаться со свободой любви. Это — единственная проблема, достойная женщин-писательниц; их безразличие в этом вопросе только усугубляет презрение мужчины к женщине; особенно заслуживает презрения раб, слепо повинующийся господину, точно он и рожден для рабства.

Ученые женщины и не помышляли об освобождении своего пола; усвоив философский эгоизм, они закрывали глаза на рабство сестер, чьей печальной участи им удавалось избегнуть, и не изыскивали средств освобождения; верховные владычицы могли бы помочь своему полу, но, подобно Екатерине, проявившей здравый смысл и поправшей предрассудки, они ничего не сделали для освобождения женщин. Никто не выдвинул идеи освобождения, никто не указал метода установления свободы любви. А будь такой план опубликован, за него ухватились бы, его попробовал бы применить какой-либо справедливый принц или принцесса.

Ученым женщинам следовало посвятить себя исследованию способов освобождения женщин; пренебрегая этой задачей, они омрачили свою литературную славу, и потомство узрит лишь их эгоизм, их уничижение; если бы женщины-писательницы сумели попрать предрассудки и отдаться наслаждениям, это не умалило бы их славы.

Тирания общественного мнения, на мой взгляд, должна раздражать женщин, пользующихся почетом, и побуждать их к уничтожению предрассудков не бесполезными декламациями, но изысканием новшества, способного вырвать оба пола из страшных и губительных брачных уз.

Люди не только не старались ослабить цепи, сковывавшие женщину, — предубеждение против женской свободы только усиливалось. Три момента усугубляли в наше время тенденцию к угнетению слабого пола:

1) появление венерической болезни, угроза которой превращает наслаждение в разврат и диктует ограничение свободы половых сношений (эту болезнь уничтожает прогрессивное хозяйство);

2) влияние католицизма, этого врага наслаждения, чьи догматы отказывают наслаждению в каком бы то ни было влиянии на социальную систему и к античной тирании супружеских уз присовокупляют религиозные предрассудки;

3) нарождение магометанства, которое, усилив бедствия и деградацию женщин-варваров, бросает призрачный луч счастья на менее плачевные условия, в которых живут женщины цивилизованные.

Эти три обстоятельства имели роковое значение, став барьером на пути к какому бы то ни было улучшению, к какому бы то ни было ослаблению цепей, сковывающих жен-

щину. Разве случайно появится какой-либо принц, враг предрассудков, достаточно проницательный, чтобы произвести на территории одной провинции опыт, применив ту систему любви, которую я рекомендовал. Это — единственный акт справедливости, которого требует от нас природа; не иначе как в наказание за неповиновение ее предначертаниям мы не можем перейти в шестой и седьмой период, и лишних 23 века пребываем во мраке философии и всех ужасов цивилизации.

ВТОРОЕ СООБЩЕНИЕ О ВЕЛИКОЛЕПИИ КОМБИНИРОВАННОГО СТРОЯ

Чтобы освоиться с роскошью, которую я буду описывать, следует перечитать примечание *A* (см. в конце книги) о строе прогрессивных серий, дабы убедиться, что строй, столь противоположный нашим обычаям, должен дать результаты диаметрально противоположные и породить столько великолепия, сколько наши дисгармоничные (travaux incohérents) работы порождают нищеты и скуки.

ПОРЯДОК ТЕМ ВО ВТОРОМ СООБЩЕНИИ

Блеск наук и искусств
Зрелища и бродячее рыцарство
Комбинированная гастрономия — Под углом зрения — политическим / материальным / страстей
Любовная политика для набора в армии

Читатель, пожалуй, посетует на смешение вопросов в тексте: дело в том, что подразделение сделано мной задним числом, как и в первом сообщении.

Не следует упускать из виду, что творить описываемые мною чудеса комбинированному строю помогут четыре новых страсти, которые мы ощущаем мало или вовсе не ощущаем в цивилизованном строе, где все противодействует их развитию.

Эти четыре страсти таковы:

10) раскол [или интрига] (La Dissidente [ou Cabaliste]);

11) разнообразие [или порхание] (La Variante [ou Papillonne];

12) композит [или композиция] (L'Engrenante [ou Composite]);

13) гармонизм [или унитеизм] (L'Harmonisme [ou Unitéisme]).

Страсти эти могут проявляться лишь в прогрессивных сериях; непривычные к страстям столь упоительным, мы воспримем их как нечто новое; так воспринимает свою любовь юноша, впервые полюбивший.

В этой перспективе нет ничего привлекательного для тех, чьи лучшие годы прошли в рамках унылой цивилизации. Но пусть успокоятся; эти новые радости уготованы для всех возрастов, а нетерпеливое ожидание их может приводить в отчаяние лишь до той поры, пока не основан комбинированный строй.

VIII

Блеск наук и искусств

Чтобы получить представление о блеске, которого достигнут науки и искусства при комбинированном строе, надо прежде всего ознакомиться с теми огромными наградами, которые там присуждаются ученым и артистам.

Каждая фаланга ежегодно абсолютным большинством голосов устанавливает список изобретений или сочинений, выпущенных и принятых ею на протяжении года. О каждом таком произведении выносит суждение компетентная серия. О трагедии — серия литературы и поэзии, и так о каждой новинке.

Если произведение признано заслуживающим награды, автору присуждается определенная сумма, например, 20 су — Расину за трагедию «Федра».

Каждая фаланга, составив список присужденных ею премий, посылает этот список администрации, которая подсчитывает голоса в кантоне и составляет список по провинции. Этот список посылается областной администрации, которая точно так же подсчитывает голоса провинций. Таким образом учет голосов постепенно доводится до министерства в Константинополе, где производится последний подсчет и объявляются во всеуслышание имена авторов, увенчанных всеобщим голосованием большинства фаланг на земном шаре. Автору присуждают среднюю из сумм, указанных голосованиями этого большинства. Если 1 млн. фаланг голосовал за 10 су, 1 млн. за 20 су и 1 млн. за 30 су, вознаграждение устанавливается в размере 20 су.

Допустим, что в результате такого голосования Расину присуждена крупная сумма в 1 фунт за трагедию «Федра», а Франклину 3 фунта за изобретение громоотвода; в этих случаях министерство пересылает Расину вексель на сумму в 3 млн., а Франклину в 9 млн.; векселя эти вручаются им на съездах соответствующих районов. Платежи по данным суммам распределяются равномерно между тремя миллионами фаланг земного шара.

Помимо того, Франклину и Расину торжественно вручают орден, их объявляют гражданами земного шара, и куда бы им ни вздумалось поехать, в любой фаланге они пользуются прерогативами, одинаковыми с магнатами данного кантона.

Эти награды, не чувствительные для каждой фаланги, огромны по размерам для авторов, тем более что они могут часто повторяться. Весьма возможно, что и в следующем году

Расин и Франклин опять заработают подобную сумму, снискав славу каким-либо другим произведением, которое будет признано большинством голосов на земном шаре.

Мельчайшие работы, лишь бы они получили признание со стороны общественного мнения, обеспечат огромные суммы их творцам; и это потому, что когда земной шар присуждает:

Гайдну — *одно су за ту или иную симфонию,*

Лебрену — *два су за ту или иную оду,*

это значит, что Гайдн получит 150 тыс. фунтов, а Лебрен 300 тыс. фунтов за труд, на который каждый из них потратил, быть может, всего один месяц. Аналогичную сумму они смогут зарабатывать по нескольку раз в год.

Что касается таких произведений, как скульптурные, которые не может лицезреть весь земной шар, то имеются другие способы обеспечить вознаграждение скульптору со стороны всего земного шара. Отсюда явствует, что талант высшего порядка при комбинированном строе обеспечивает огромное богатство всем его обладателям, какого бы рода этот талант ни был, причем ни ученый, ни артист не нуждаются ни в чьем покровительстве, ни в чьем содействии; больше того, всякое покровительство лишь унизило бы и покровителя и покровительствуемого.

Действительно, предположим, что Прадон, благодаря чьим-то стараниям (sollicitations), сумел заинтересовать своей Федрой 20 смежных кантонов, где у него есть друзья и где ему удалось добиться постановки этой вещи; пусть даже эти кантоны проявят слабость, присудив премию Прадону. Какая ему польза от голосования 20 фаланг, когда таких фаланг 3 миллиона? И какой позор для этих 20 фаланг, когда общие результаты голосования будут опубликованы министерством Константинополя. Из публикуемых данных о голосовании будет видно, что некая Федра, сочиненная неким Прадоном, нашла ценителей в 20 кантонах земного шара — имя рек, где живут кумовья и соседи означенного Прадона. Вы понимаете, что такое сообщение опозорило бы на весь земной шар и автора и 20 кантонов, ему покровительствующих. Но как бы происходило дело в действительности, вопреки всем интригам Прадона? Оказалось бы, что 20 кантонов, которые он старался склонить в свою пользу, не хотят себя позорить подачей голоса за вещь, столь посредственную, что она не собрала голоса не только 150 тыс. или хотя бы половины всех районов земного шара, но и провалена в кантонах, находящихся на расстоянии 20 миль, где у Прадона нет личных друзей.

Таким образом, при комбинированном строе любая интрига, любое покровительство служили бы лишь к стыду дурного автора, не принося ему пользы, тогда как человек с талантом сразу поднимется на вершину славы и богатства, не нуждаясь ни в чьих интригах, ни в чьем покровительстве. Единственный способ добиться успеха — это очаровать большинство фаланг

земного шара. Исключения из этого правила будут чрезвычайно редки. Если бы какому-либо высокопоставленному лицу, скажем, родственнику императора единства, вздумалось состряпать плохую комедию или плохие стихи, вещь получила бы распространение благодаря высокому сану (importance) автора, и, возможно, земной шар — из снисхождения к нему — его бы венчал. Но лица, заслуживающие снисходительной оценки со стороны всего земного шара, будут чрезвычайно редки, и небольшое покровительство, им оказываемое, не будет помехой успеху подлинных талантов; в наши же дни последние редко могут выдвинуться, не имея средств для образования, не получая достаточного вознаграждения и не обладая искусством интриговать, без которого в цивилизации ничего не добьешься.

После такого отступления в сторону наград, процветающих в комбинированном строе, посмотрим, какое это будет оказывать влияние на то или иное явление, скажем, на зрелища.

IX

Зрелища и странствующее рыцарство

Я уже сказал, что налицо будет возможность обеспечить универсальное вознаграждение любому ученому или артисту, чей талант имеет местное применение и не может рассчитывать на оценку со стороны всего земного шара. Какой-нибудь знаменитый хирург и знаменитая певица не могут преподносить свое искусство всему земному шару, в отличие от поэта или гравера, чья работа ходит по рукам; но они тоже будут получать награды, о которых я говорил и которые очень скоро составят несколько миллионов при работе высокого качества. Отныне всякий бедняк будет старательно работать над проявлением таланта у его ребенка. Отец будет в упоении, заметив возможность преуспеяния его ребенка в сфере наук и искусств, и все будут осыпать его поздравлениями. Все вокруг будут твердить: «Вашему ребенку предстоит быть знаменитым литератором, знаменитым актером; он заслужит почетный орден (décoration triomphale), он будет зарабатывать миллионы»; а всем известно, до какой степени такое предсказание льстит бедным родителям (а хотя бы и богатым).

Спрашивается, кто из людей будет проявлять больше всего пламенного рвения к учебе? Бедняки и их дети. А так как театральная практика — хорошее подспорье для изучения любой науки и любого искусства, даже механики, которая применяется в большом масштабе на сцене, то *бедняки будут изо всех сил* стараться, чтобы их дети практиковались на сцене и приобретали сноровку в театре соответствующей фаланги под руководством богатых, которые во всех странах любят покровительствовать театру. Таким образом, дети с младенческих лет привыкнут фигурировать на драматической или лирической

сцене, будут участвовать в каких-либо сериях — декламации, пения, танцев и инструментальной музыки; и богачи и бедняки будут выступать на сцене, потому что фаланга, ставя спектакли для себя и для соседей, привлекает к себе любителей. Таким образом кантон с одной тысячей жителей будет располагать по меньшей мере 800 актеров или музыкантов для сценических выступлений в дни празднеств, потому что каждый ребенок будет родниться с театром и стихийно приобщаться к той или иной театральной функции. При комбинированном строе 4-летний малыш и тот не осмелится просить о принятии его в хор неофитов для выступления на параде, если он не фигурирует уже в театральных танцах и манервах.

В главе, посвященной исследованию притяжения страстей (1-я часть), мы уже видели, что природа по воле случая наделяет каждого из восьмисот [десяти] одной из бесконечных разнообразных способностей для достижения превосходства в той или иной социальной функции. Таким образом в кантоне с населением примерно в одну тысячу человек непременно окажутся в числе этой тысячи крупные актеры для разных амплуа, если с детства развивать и культивировать способности каждого. Так и будет при комбинированном строе. Ребенок в этом строе будет свободен от тирании существующих установлений и предрассудков; он естественно будет тяготеть к той профессии, к которой предназначен природой, и своими успехами люди будут обязаны только соревнованию. Единственная хитрость, к которой придется прибегать, чтобы сделать из них превосходных актеров, это — устраивать массовые посещения смежных кантонов, где бы они видели представления, даваемые их соперниками, с которыми бы они состязались.

Вопрос о расходах по содержанию оперы — вопрос праздный. Достаточно будет построить одно оперное здание, чтобы постепенно (de proche en proche) создалось целых три миллиона опер. Если между кантонами организовано соревнование, они не будут знать покоя, пока не сравняются с соседями, а для оборудования зрелищного зала ведь у всех у них имеются серии каменщиков, плотников, механиков, живописцев и т. д. и те или иные продукты для оплаты строительных материалов.

Каждая фаланга с населением около одной тысячи человек располагает по меньшей мере семью-восемью сотнями актеров, музыкантов и танцоров; она может собственными силами обеспечить зрителям любое из зрелищных наслаждений такой огромной столицы, как Париж или Лондон. Таким образом и в беднейшем альпийском или пиринейском кантоне можно будет видеть оперу, подобную парижской; и даже лучше парижской, потому что воспитание у цивилизованных, по линии изучения искусств и облагораживания вкуса, не может

вершить таких чудес, какие творит естественный метод воспитания.

Если актеров того или иного кантона объединить с актерами соседних, какие великолепные спектакли будут они давать в праздничные дни, собирая воедино виртуозов нескольких смежных фаланг: публика будет иметь возможность насладиться сочетанием талантов, которого можно достигнуть лишь путем объединения целой дюжины столиц, вроде Парижа. А так как присутствовать на подобных спектаклях сможет и наибеднейший из людей, то его наслаждения превзойдут наслаждения цивилизованных.

Какая блестящая перспектива — эти путешествия любителей, столь частые в комбинированном строе, где путники объединяются в крупные караваны странствующего рыцарства в поисках приключений, проявляя себя ярко в той или иной отрасли. Сегодня прибудут «*стаи розовые*» из Персии для выступлений *драматических и лирических,* несколько дней спустя «*стаи сиреневые*» из Японии, проявляющие себя в *поэзии и литературе;* последовательное прохождение таких караванов на протяжении года обеспечит упоительные празднества и наслаждения каждому любителю наук или искусства. Здесь перебывают стаи всех видов; они будут принимать в свою корпорацию лишь тех, кто способен поддерживать честь труппы по линии обоих полов.

Допустим, что стаи розовые из Персии появляются в окрестностях Парижа; в составе их 300 странствующих рыцарей мужского пола и 300 — женского; все это персы и персиянки, наиболее отличившиеся в драматическом и лирическом искусстве. Стаи решают остановиться в фаланге Сен-Клу; их прибытие обставлено очень торжественно, реет бесконечное множество знамен, полученных ими при набегах; на этих знаменах начертаны подвиги и достижения (les faits et gestes) розовых стай из Персии.

По прибытии в Сен-Клу они находят прием у *стационарного рыцарства,* в состав которого входят люди богатые, любители театрального искусства и музыки, образующие корпорацию, чтобы избавить от расходов и угостить пирами прибывающие стаи излюбленной ими профессии.

Так как розовые стаи сформированы из лучших представителей этого искусства в Персии, то каждый мужчина или женщина в их составе — своего рода Моле или Конта своей фаланги. Все это — первоклассные певцы, танцоры и музыканты Персии и дают спектакли неописуемого совершенства. Гостеприимная страна в свою очередь знакомит их с лучшими из собранных ею воедино талантов.

Между тем прибывают стаи Гортензия из Мексики; они хотят померяться искусством с розовыми стаями из Персии, и происходит состязание в таланте между той и другой труппой по театрам фаланги Сен-Клу, Нельи, Марли и т. д. Если та-

ланты розовой стаи одержат решительный перевес, она получит от гостеприимной страны знамя, которое будет реять в числе ее трофеев и на котором будет значиться: «Поражение стай Гортензия из Мексики в фаланге Сен-Клу».

Во время путешествий стаи одного и того же характера будут крейсировать во всех направлениях для встречи с соперниками и для состязаний, чарующих страну, которая эту войну наблюдает. Продолжая свой путь, они рассеиваются и отнюдь не путешествуют колонной, подобно нашим полкам. Если розовые стаи наметили себе в качестве ближайшей остановки фалангу Луаре возле Орлеана, то в Сен-Клу они встретят депутатов различных фаланг, прилежащих к дороге в Орлеан; в составе этих депутаций окажутся самые приветливые мужчины и женщины, поставившие себе задачей соблазнить и увлечь за собой членов розовой рыцарской стаи. Их будут заманивать в кантоны, удаленные от большой дороги. Фаланги наперебой одна перед другой будут любовно оказывать им однодневное гостеприимство, и каждый из членов рыцарской стаи будет пользоваться в фалангах его заманивших тем же гостеприимством, что и стая в целом в Сен-Клу. Только ее главный штаб будет следовать по большой дороге, и в намеченный день все встретятся с ним в Орлеане, чтобы торжественно вступить в фалангу Луаре и ознаменовать свое пребывание там новыми подвигами. Так путешествуют кадры любителей, образующие караваны странствующего рыцарства: всюду у них веселая жизнь, они обслуживают весь род человеческий без малейших расходов со своей стороны; всюду их будет избавлять от расходов прочно обосновавшееся в данном месте рыцарство.

Читатель теперь видит, что в отношении зрелищ самый последний бедняк бесплатно получает наслаждения, в сотни раз превосходящие то, что могут позволить себе в наши дни богатые государи; он часто будет видеть состязания тысячи превосходных актеров, певцов, танцоров и музыкантов; выступления одного из них в наши дни достаточно, чтобы вызвать энтузиазм двора и города; но деревня лишена сейчас этого удовольствия, и даже города с населением в 100 тыс. жителей не в состоянии содержать большого театра. Какая мизерность, какая невыносимая скука в удовольствиях цивилизации по сравнению с теми, коими будет наслаждаться мельчайший кантон земного шара при комбинированном строе!

КОМБИНИРОВАННАЯ ГАСТРОНОМИЯ ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ, МАТЕРИАЛЬНЫМ И СТРАСТЕЙ

X

Политика комбинированной гастрономии

Говоря о зрелищах, я дал понять, сколь изумительна разница между удовольствиями комбинированного строя и уте-

хами цивилизации, насколько по части развлечений самый бедный кантон затмит наши богатейшие столицы. Это сопоставление сохраняет силу и для всех видов наслаждения, в частности для основных, каковы любовь и еда. Любовные утехи какого-нибудь Ришелье и Нинон скоро покажутся людям жалкими и скудными по сравнению с любовными приключениями, которые комбинированный строй обеспечит даже наименее щедро наделенным мужчинам и женщинам. То же можно сказать о яствах современных Апициев: по сравнению с пиршествами комбинированного строя их пиршества — трапезы грубых людей, невежественных в гастрономии.

Проблемы, касающиеся любви и чревоугодия, цивилизованные обращают в шутку, не зная, какое большое значение придает бог нашим утехам (plaisirs). Наслаждение — единственное орудие, которым может пользоваться бог, чтобы нас обуздать и вести на путь осуществления его предначертаний; он управляет миром посредством притяжения, *а не принуждения;* таким образом наслаждение творений — важнейший элемент в расчетах бога.

Чтобы показать, с какой тщательностью он подготовил нам утехи, я остановлюсь на вкусном столе комбинированного строя. Быть может, читатель предпочел бы услышать о любовных утехах этого строя. Но в этом вопросе пришлось бы столкнуться с предрассудками, тогда как картина пышного расцвета гастрономических наслаждений, столь ограниченных сейчас, никого не шокирует.

Сам по себе вкусный стол доставляет лишь половинчатое удовольствие; чтобы оно было более полноценным, необходим тщательный подбор сотрапезников, а по этой линии цивилизация бессильна. Человек самый богатый и самый утонченный не в состоянии подобрать себе *даже к своему маленькому столу* компанию так хорошо, как это будет при комбинированном строе; даже беднейший из людей будет иметь приятных сотрапезников, разнообразных на протяжении года.

Неудачный подбор компаний на наших пиршествах — причина того, что дамы при цивилизации относятся столь безразлично к застольным удовольствиям; женщины придают больше значения, чем мужчины, подбору сотрапезников, а мужчины более требовательны к самим блюдам. Оба эти наслаждения — *превосходная еда и разнообразный подбор собеседников за столом* — всегда сочетаются в комбинированном строе. Цивилизация не может обеспечить ни одной из этих утех; чтобы это доказать, я остановлюсь на вкусном столе, лежащем в основе данного построения.

Это — предмет рискованный, требующий доверия от читателя; недоверчивый читатель ежеминутно будет твердить о *неосуществимости.* Его скептицизм имеет тень оправдания, пока не приведены мною доказательства; но есть люди, которым

хочется иметь предварительно общую картину комбинированного строя; они хотят видеть перспективу раньше теории. Приходится удовлетворить их желание в данном проспекте, считаясь со вкусами читателей разных категорий.

Оценивая ресурсы, которые будут в распоряжении у комбинированного строя для удовлетворения страсти к лакомствам, надо помнить, что при этом строе плотность населения будет меньше, чем при цивилизации. Остановимся на этом несколько подробнее.

Теория говорит, что фаланга обнимает от 800 до 810 человек, а территория кантона имеет в диаметре 3 456 туаз * в среднем. Эта территория относится к квадратной миле, как 87 к 63. Таким образом при комбинированном строе на одну квадратную милю в 2 500 туаз едва будет приходиться 600 жителей.

Между тем, при цивилизации в некоторых странах, например в Вюртемберге, на 1 кв. миле скучено свыше 4 тыс. жителей, т. е. в семь раз больше требуемого. А в районах средней плотности обычно на 1 кв. милю приходится 1 200 жителей вместо следуемых 600.

Учитывая физическую слабость цивилизованных, можно будет временно оставить на одной миле от 800 жителей до 900, но с тем чтобы постепенно снижать это число до 600, по мере возделывания земного шара и нарастания физической силы в человеческой расе.

Таким образом необходимо разрядить районы цивилизованных с избыточным населением, насчитывающие зачастую свыше 800 жителей на 1 кв. милю, принимая во внимание и города. Расселение будет производиться не за счет смежных районов, какова для Франции Испания, но в различные пункты невозделанных стран. Фаланги протянутся шахматной доской вдоль Африки, Америки и Австралии, насаждая просвещение и вовлекая в движение туземные орды.

Некоторые европейские страны, например Вюртемберг, эвакуируют свыше 3 тыс. жителей с 1 кв. мили. Это будет весьма доходно для государя, который получит *колониальную акцию* или право собственности на $^1/_{12}$ часть невозделанных территорий, обработкой которых займутся его эмигранты.

При скученности населения, наблюдаемой в некоторых деревнях, невозможно установить комбинированный строй, при котором каждый кантон, подобно королевской резиденции, должен располагать угодиями для охоты, рыбной ловли, горного туризма, полями для маневров, дорогами, обслуживающими разные цели: одна — для летнего времени, в тени деревьев, с каймою цветов [другая — каменистая или бетонированная — на время дождей и мягкая — для перевозки больных или

---

* Туаза — франц. мера длины (несколько меньше русской сажени). *Прим. перев.*

хрупких предметов, жидкостей, цветов и плодов]. Особенно необходимо иметь для каждого кантона огромные пастбища для многочисленных стад, разводимых при этом новом строе.

К счастью, земля огромна, а население ее еще малочисленно. Численность населения земного шара втрое меньше требуемой для его укомплектования, т. е. двух миллиардов. Это дает возможность расселяться сколько угодно и жить привольно. Чтобы уготовить нам это благополучие, бог ограничил пока численность людей и скучил их, как пленных, на некоторых территориях, из-за которых мы деремся, в то время как огромная часть земного шара остается невозделанной из боязни лишиться колоний.

В дальнейшем ничто не будет мешать рассеянию народов по всей земле, когда вся земля составит единое целое под скипетром единого и неизменного правительства, которое сможет гарантировать каждому принцу колониальную акцию стран, заселяемых его избыточным населением. Хотя комбинированный строй может допустить временно лишь 900 жителей, а в дальнейшем 600 на 1 кв. милю, все же это немногочисленное население, образующее *прогрессивные серии,* будет иметь продукцию столь обильную, что в наше время на той же территории для получения ее потребовалась бы работа *втрое большего количества разобщенных земледельцев.*

Не стану утверждать, что комбинированный строй сумеет увеличить до ста содержание зерен в колосе, дающем в наши дни лишь 30. У таких объектов, как злаки, мало шансов на совершенствование. Для ржи я вижу лишь четыре возможных способа совершенствования: 1) лучший подбор семян и обмен ими по всей земле; 2) регулярную градацию температуры, которая установится во всех климатах; 3) орошение не только полей, но и лесов; 4) переносные тенты, устанавливаемые на каждом участке поля, чтобы предохранить его от избытка солнечных лучей и от дождя. Несмотря на эти усовершенствования, продукция зерновых может увеличиться лишь в пропорции 2 : 3; что касается всего остального — плодов, лесов, стад и т. д., то комбинированный строй даст продукцию троекратную [четырехкратную и пятикратную] по сравнению со строем дисгармоничным.

Но отвлечемся от этих разнообразных способов и допустим, что продукция при комбинированном строе по линии *позитивной* только *утроится.* Сюда следует еще добавить то, что будет выиграно по линии *негативной* благодаря *отсутствию потерь.* Приняв во внимание неисчислимые потери, обусловленные механизмом цивилизации (я уже упоминал об этом во вступительном слове, а подробнее остановлюсь в третьей части, где речь идет о механизме торговли), вы поймете, что продукция троекратная по линии положительных достижений по сравнению с нашей окажется фактически четырех-

пятикратной благодаря экономии на огромных потерях (l'épargne des immenses déperditions), постигающих нас.

А так как жатвы в комбинированном строе будут колоссально превышать потребность в средствах потребления в данном месте или за его пределами, то чрезмерное изобилие станет таким же периодическим бичом, как ныне голод; и несмотря на подкармливание животных съестными припасами, человеку зачастую придется выбрасывать в море и в помойные ямы множество таких продуктов, которые в наши дни сделали бы честь самому изысканному столу. Жертвовать этими продуктами люди будут без всякого сожаления, зная, что такое изобилие необходимо для сохранения комбинированного строя, так как этот социальный строй должен установить предельную численность населения, которая обусловливала бы обычную избыточность и оставление втуне массы хороших продуктов. Например: если фаланга Воклюз соберет 50 тыс. дынь или арбузов, то из них на потребление пойдет, примерно, 10 тыс., 30 тыс. пойдет на экспорт, а 10 тыс. низшего сорта будет роздано лошадям, кошкам и употреблено на удобрение.

Экономисты возразят, что такая фаланга для потребления получаемого излишка должна разводить больше свиней; но это было бы бесполезной затратой труда, потому что количество свиней и без того будет избыточным, как избыточно количество дынь и других плодов. Таким образом лучше употребить избыточные плоды на удобрение, чем вскармливать ими избыточное количество животных, ненужных для потребления.

Экономисты могут еще заметить, что для потребления этого избытка надо увеличить народонаселение. Но при комбинированном строе численность населения не должна превышать установленную пропорцию; превышение ее создало бы помеху функционированию серий; возникли бы раздоры и препирательства вместо царства гармонии и притяжения. Таким образом должно придерживаться в качестве предела, *примерно,* тех пропорций, которые указаны теорией, благодаря чему у населения обычно будет избыток продуктов, которого не смогут потребить даже животные. Коротко говоря, комбинированный строй обладает свойством порождать избыточное изобилие, которое надо возвращать земле, подобно тому как дисгармоничный строй постоянно обусловливает дефицит, порождающий бедность.

XI

Материальная часть комбинированной гастрономии

Каково же будет качество этого избытка, используемого на животных и удобрение?

Разрешение этой проблемы прольет весьма причудливый (étrange) свет на грядущую участь народов. Итак, я предлагаю читателю особенно внимательно отнестись к дальнейшим мел-

ким подробностям; они приведут к умозаключениям воистину изумительным, и здесь мы получим представление о том огромном благосостоянии, которое уготовил нам бог.

В прогрессивной серии все группы приобретают значительную ловкость благодаря большому разделению функций и присвоению каждому члену лишь той функции, в которой он хочет достигнуть превосходства. Главари серии, побуждаемые соревнованием к изучению дела, вносят в работу обширные познания первоклассного ученого. Подначальные им вносят в нее рвение, опрокидывающее все преграды, и подлинный фанатизм, чтобы поддержать честь серии в соревновании с другими кантонами (les cantons que la rivalisent). В пылу работы они выполняют то, что казалось бы не под силу человеку. Так французские гренадеры под огнем неприятеля брали приступом Магоновы скалы, совершенно неприступные для них на следующий день, в хладнокровном состоянии.

Так будут работать и прогрессивные серии: обуревающая их буйная гордость будет опрокидывать все препятствия, самое слово *«невозможно»* будет родить в них негодование, и работы самые чудовищные, вроде переброски земли, им покажутся легкой забавой. Если бы в наши дни мы узрели организованный кантон и увидали, как ранней зарей три десятка производственных групп торжественно-парадным маршем расходятся из дворца фаланги по селам и заводам, с реющими знаменами, кличами торжества и нетерпения, мы вообразили бы, что это отряды каторжников, готовых предать соседние кантоны огню и мечу. Таковы атлеты, идущие на смену нашим наемным работникам, вялым и немощным; они сумеют вырастить нектар и амброзию на земле, которая в наши дни родит лишь тернии, возделываемая слабыми руками цивилизованных.

Каждая фаланга, оплодотворяя почву кантона путем переброски земли, устройства орошения и другими способами, изо всех сил старается уничтожить уже в зародыше всякую животную или растительную продукцию, которая сулит выродков и подрывает честь кантона и его серий. Таким образом *все посредственное уничтожается в зародыше,* а потому избыточные съестные припасы, выбрасываемые животным, по качеству по меньшей мере равны продуктам, которые вызывают наше восхищение и фигурируют на столе явств у великих мира и королей. Если бы можно было сохранить и воспроизвести при комбинированном строе какой-нибудь съестной продукт, скажем, домашнюю птицу, взяв ее со стола явств первого лакомки Франции, вы услыхали бы, как дегустаторы отмечают десятки погрешностей, допущенных при разведении и откармливании этой птицы, и вы пришли бы к заключению, что серия домашней птицы, которая эту продукцию дала и пустила в обращение, вместо того чтобы ее забраковать, заслуживает общественного порицания (être éclipsée), т. е. прикрепления черной повязки к знамени группы домашней птицы.

Если энтузиазм и сознательность, царящие в работах комбинированного строя, поднимают продукцию на такую ступень превосходства, что бракуемые продукты, или продукты, выбрасываемые животным, по качеству оказываются равными самым отборным съестным припасам, фигурирующим на столе явств у великих мира, тем паче продукты третьего сорта будут превосходить наши припасы самого высшего сорта. Отсюда следует, что съестные припасы, поступающие в народные кухни, будут столь же изысканны, как те, что фигурируют сейчас на королевском столе. Доказательства этого содержатся в моей теории, как бы ни казались эти картины, на первый взгляд, преувеличенными и как бы ни хотелось мне ослабить впечатление, в интересах правдоподобности.

Та же изысканность будет соблюдаться в приготовлении пищи, потому что в каждой фаланге поварская серия, как и все другие серии, будет вносить в свою работу живейший энтузиазм; она будет придавать этой работе такое же значение, какое придавал ей некий французский повар: он пустил себе пулю в лоб во время обеда, усмотрев для себя провал и бесчестие в отсутствии на столе морской рыбы, прибывшей с запозданием. Тот же дух будет царить в серии, ведающей кухнями в каждой фаланге: понимание дела будет подкрепляться превосходным качеством приправ. Если понадобится гвоздика, эта пряность по своему высокому качеству будет превосходить все, что может дать в наши дни Азия, потому что даже продукты предельного или третьего сорта при комбинированном строе будут превосходить качеством наиболее совершенные продукты цивилизации.

Отсюда явствует, что блюда третьей категории, рядового народного стола, будут изысканнее тех блюд, которые служат сейчас упоением наших гастрономов. Что касается разнообразия блюд народного стола, то их будет по меньшей мере 30—40, причем одна треть их обновляется изо дня в день плюс дюжина различных напитков, разнообразных от трапезы к трапезе.

Разумеется, одной трети этих явств было бы достаточно, чтобы превзойти все желания народа; но комбинированный строй ни в какой области не знает посредственности и умеренности, а так как прогрессивные серии обеспечивают огромный приток самых разнообразных продуктов, то и потребление должно этому соответствовать. Если серия, культивирующая груши или яблоки, дала 30 сортов, из коих некоторые находятся в избытке и почти лишены ценности, надо пустить их в народное потребление; ограничиться при обслуживании его одним сортом нельзя, потому что фруктовая серия, подготавливающая распределение, посылает ежедневно в кухни ассортименты всякого рода плодов, а не только одного рода. Таким образом ассортимент плодов предельного качества, или

третьей категории, неприемлемый для стола богача и человека среднего достатка, серия вынуждена отдавать народу.

В нынешнем строе, где продукты мало разнообразны, большая часть предназначается исключительно для богачей; народу не приходится пробовать эти продукты, даже буржуазия вынуждена порой обходиться без них. Совершенно иная перспектива у комбинированного строя, где один кантон уже дает по меньшей мере 800 разновидностей продуктов, из коих две трети сортов имеются в достаточном изобилии, чтобы часть их уделить народному потреблению. Таким образом народное питание охватывает примерно около 600 различных припасов; стол богачей втрое и вчетверо разнообразнее благодаря съестным припасам, ввозимым из других стран; тем не менее у народа имеется обильный ассортимент всякого рода продуктов, и я, несомненно, преуменьшил цифру, назвав три дюжины блюд и дюжину напитков, ежедневно фигурирующих за столом третьей категории, где питаются различные компании, составляющие от 400 до 500 человек в этих залах.

Читатель был бы еще более удивлен, если бы я вздумал вдаваться в мельчайшие подробности меню. Вот несколько подробностей, чрезвычайно любопытных.

Когда тропическая зона будет возделана полностью, сахар, низшие сорта которого будут тогда равняться наивысшим теперешним сортам, будет стоить наравне с пшеничной мукой.

И, следовательно, корабли, плывущие с экватора, будут обменивать сахар наивысшего качества на равное по весу количество европейской муки. Но в Европе хорошие молочные продукты и хорошие плоды получат столь общее распространение, что их будут ставить ни во что. Самое лучшее варенье, крем или компот, сделанные наполовину из сахара, наполовину из плодов или молочных продуктов, будут обходиться дешевле хлеба; таким образом, из экономии детям бедняков будут давать самые изысканные варенья, сахарные кремы и ассортименты компота; я говорю *ассортименты,* потому что поварские серии, серии кондитерские и иные могут работать по ассортименту или в порядке прогрессивной градации, и потребление должно происходить в том же плане. Таким образом беднейшие дети будут иметь у себя к столу в изобилии сладкие молочные продукты и фруктовые цукаты, до которых они так лакомы; все это считается теперь вредным для их здоровья только потому, что мы не можем предоставить им кислых напитков, которые внесли бы корректив, помешав возникновению глистов от этих субстанций. Но стоит только возделать весь жаркий пояс, как лимонад и иные дорогие напитки станут гораздо доступнее, чем в наши дни дешевое пиво или легкий сидр. Лимоны жарких поясов и яблоки «ранет» умеренного пояса будут родиться в таком изобилии, что цены на них снизятся до издержек транспорта; и те и другие будут обмениваться в количествах равного весового содержания

к величайшему удовольствию обоих поясов. Из вышесказанного ясно, почему природа сообщила детям всех стран столь общее влечение к изысканным вареньям, сахарным кремам, лимонадам и т. д. Дело в том, что указанные продукты будут самой экономной детской пищей при комбинированном строе; бог должен был наделить нас *притяжением страстей,* рассчитанным на тот образ жизни, который он нам уготовил в этом новом строе: хлеб там будет одним из наиболее дорогих и экономно потребляемых пищевых продуктов, и универсальная гармония будет иметь в основе страсти, достаточно утонченные, чтобы для удовлетворения их требовалось содействие всех трех поясов и обоих материков при обслуживании каждого обитателя земного шара.

Я понимаю, сколь преувеличенными покажутся мои рассуждения — эти и последующие; но я уже предупреждал, что для доказательств необходим трактат, проливающий полный свет на механизм прогрессивных серий; впредь до опубликования мною этой теории нельзя требовать от меня доказательств при предварительном описании, которое я даю, чтобы удовлетворить самых нетерпеливых.

Хотя это отступление в сторону содержимого трапез для беглого проспекта уже и так длинновато, однако я прибавлю к нему еще несколько строк. Некоторые любители запротестуют, если я позабуду бога виноградной лозы в этой гастрономической литании.

Здесь против меня могут выдвинуть доводы специального характера. Оппоненты постараются навлечь опалу на погреба комбинированного строя, кухни которого будут пожинать столько трофеев. Послушаем же этих противников: «Допустим, — скажут они, — что ваши фаланги, ваши серии и ваши группы смогут поставлять продукты самые изысканные в таком изобилии, что часть их перепадет даже бедняку; но в соответствии с этими божественными явствами сможете ли вы создать по всей земле такие виноградники, как Медок, Аи, Шамбертен, Рудольсхейм, Херес, Токай и т. д.? Эти виноградники, расположенные на ограниченной территории, не смогут обслуживать первоклассный стол всех трех миллионов кантонов; таким образом, прекрасные народные явства придется запивать плохим вином; это — гастрономическая какофония, потому что без доброго вина и трапеза не может быть приятной. В качестве же ассортимента к столу в ту пору, когда простейшие блюда будут по всему земному шару превосходить явства наших Апициев, следовало бы на всем земном шаре иметь вина, превосходящие продукцию наших знаменитейших виноградников, занимающих столь ничтожную территорию; остальная продукция, однако, никак не сравняется с данной, потому что смак этих вин зависит от свойств почвы, а не от способа их выделки».

На первый взгляд возражение кажется обоснованным, и я охотно выдвигаю его со всей резкостью, чтобы доказать, что разрешение проблем самых сложных становится безделицей для того, кто владеет теорией социального движения. Да, жажду бедняка в комбинированном строе будут утолять за повседневным столом (à son ordinaire) вина, равные по качеству самым знаменитым винам Франции, Испании и Венгрии, и, следовательно, люди богатые будут располагать подбором вин соответственно более высокого качества.

Больше того, я покажу, что и в отношении других напитков стол бедняка будет сервирован лучше, чем стол короля в наши дни. Я остановлюсь на напитках троякого рода: крепких, сладких и кислых — кофе, молочных напитках и лимонадах, как общее правило, более изысканных, чем те, которыми располагают в наше время короли; своим превосходным качеством они будут обязаны способам культуры, доставки и приготовления, неприменимым при нынешнем строе; никакие затраты не помогут государю в наши дни установить эти способы. Мыслимо ли, чтобы на плантациях мокко кофе культивировалось со всей необходимой тщательностью? Разве не совершают грубейших ошибок при сборе и перевозках, а быть может, и при ежедневном приготовлении? Ознакомившись с тщательностью и продуманностью, вносимыми прогрессивными сериями во все эти детали, вы поймете, что наши продукты — даже наиболее прославленные — бесконечно далеки от совершенства. Добавим, что грядущие преобразования, усовершенствовав соки земли, облагородят соки растений и животных, которые ими питаются; таким образом неудивительно, что напитки, предоставляемые беднейшим людям, зачастую будут превосходить напитки сильных мира при цивилизации.

Правда, это совершенствование земных соков будет происходить лишь медленно; оно не зависит от трудов земледельца (opérations agricoles), но исключительно от колебаний температуры, а изменения в этой области — процесс длительный, требующий ряда поколений; новая температура окончательно установится лишь по нарождении северного венца и в результате полного возделывания полюса. Этому-то венцу мы будем главным образом обязаны теми новыми соками, которые облагородят продукцию и сообщат самым ничтожным винам земного шара аромат, свойственный в наши дни наиболее ценным.

Имеются и другие причины, которые обусловят такое изменение соков земли: дело в том, что комбинированный строй создает возможности и средства осуществления, недоступные нам. Ресурсы цивилизации не могут дать никакого представления о ресурсах комбинированного строя; так, например, если бы зашла в наши дни речь о присуждении каждому ученому миллиона за каждый хороший труд, цивилизованные воскликнули бы, что такого рода щедрость невозможна ни

при каком режиме; что для этого королям понадобились бы неисчерпаемые сокровища; что для этого всех министров надо сделать меценатами; совершенно изменить страсти и т. д. Между тем уже в начале этой главы мы видели, что данная проблема разрешается без какого бы то ни было изменения страстей и характеров у министров и королей. Все дело в том, что комбинированный строй создает средства, неведомые цивилизованным, и что при наличии этих новых средств препятствия, слывущие непреодолимыми, покажутся нам безделицей. Разве с помощью пороха и компаса мы не сумели взорвать скалы, безбоязненно погрузиться во мрак и глубокие недра морей и совершить такие чудеса, одна мысль о которых привела бы в трепет весь античный мир? Точно так же будет со всеми выдвинутыми мною здесь проблемами, которые заставляют вас вопить о *неосуществимости* и *шарлатанстве*. Все ваши возражения опрокидываются общей системой механизма прогрессивных серий, и события, проистекающие из этого строя, обеспечат не только осуществление ваших желаний, но и счастье, бесконечно превышающее все ваши желания.

XII

Механизм страстей комбинированной гастрономии

Материальные утехи, которые я вам возвестил, еще далеко не все, наличия на столе у бедняка яств и напитков лучшего качества, чем у современного богатейшего короля, еще не достаточно; это благополучие, сколь бы реально оно ни было, обеспечило бы застольные наслаждения лишь наполовину. Если превосходные яства составляют их основу, то существует еще одно условие, не менее существенное: тщательный подбор сотрапезников, умение разнообразить и подбирать компании, делать их изо дня в день все более интересными, организуя непредвиденные и упоительные встречи, и обеспечивать даже беднейшим людям душевные радости, столь несовместимые с вашими скучными хозяйственными навыками. В этом отношении ваша цивилизация прямо смехотворна: ваши собрания, на которые расходуется столько средств, ваши самые знаменитые банкеты в смысле подбора людей обычно так плохо организованы, что можно пропасть со скуки, не будь там кушаний, которые сами по себе доставляют радость лишь обжорам; да и то под сомнением; потому что обжоры веселы и игривы у себя в тавернах; они находят там утехи и для ума и для чувств, тогда как у вас в салонах в ожидании обеда приходится зевать на протяжении убийственного часа. Не слишком ли дорого приходится расплачиваться за этот обед, поддерживая скучную беседу о дожде, ясной погоде, драгоценном здоровье родственников и друзей, преуспеянии детей, столь достойных своих доблестных отцов, о прекрасных свойствах девиц, добросердечии тетушек и чуткости нежной

природы. Какой неудержимый поток пошлости и глупости затопляет эти сборища цивилизованных, на которые ухлопали столько средств на расточительное пиршество, столь же скучное для гостей, как и для хозяйки, которой приходится его подготавливать и возглавлять. Как осмеливаются цивилизованные претендовать на звание гастронома с их абсолютным неумением сгруппировать за столом пикантное и разнообразное общество, тогда как именно в этом на добрую половину заключается радость пиршества? На мой взгляд, короли в этом отношении беднее народа. Вынужденные обедать в семейном кругу, уединенно, подобно отшельникам, насупленные на всем протяжении трапезы, как совы, они за столом, как и в другие моменты, являют пример того, что наслаждения наимогущественнейшего из королей значительно ничтожнее радостей, которые станут уделом последнего бедняка при комбинированном строе. Благо еще, если одинокий и унылый за монаршим столом государь свободен от подозрения в непрестанно грозящем ему отравлении. Столь мизерны утехи цивилизации!

Здесь уместно пояснить, каково разнообразие сборищ при комбинированном строе, как чередуются пиршества любовные, семейные, корпоративные, дружеские, с посторонними и т. д.

Чтобы наметить такую серию трапез, как и план работ, которые должны сменяться по меньшей мере каждые два часа даже в мельчайшем на земном шаре кантоне *, ежедневно заседает (on tient) *биржа, или совещательная ассамблея*. Здесь планируются трудовые и развлекательные сборища на последующие дни, обмен когортами между различными кантонами, которые договариваются относительно ассоциирования своего производства и своих развлечений. В каждом кантоне ежедневно вырабатывается на бирже план по меньшей мере 800 трудовых сборищ, трапез, любовных развлечений, экскурсий и т. д. Для устройства любого такого собрания требуется предварительное обсуждение вопроса десятью, двадцатью, а порою и ста лицами и, следовательно, на бирже в течение одного часа приходится распутывать по меньшей мере 20 тысяч интриг. Для примирения их имеются функционеры всякого рода и проспекты (dispositions) мероприятий, благодаря которым каждый может участвовать одновременно в 30 интригах; таким образом биржа мельчайшего кантона будет носить характер более оживленный, чем биржа Лондона или Амстердама в наши дни.

Переговоры будут вестись главным образом с помощью сигнализации; таким образом каждый руководящий участник их может у себя в конторе дебатировать вопрос со всеми другими и с помощью подручных интриговать одновременно

---

* Меньше 700 человек в кантоне быть не может.

в пользу 20 групп, 20 серий, 20 кантонов без какого бы то ни было шума и смятения. Женщины и дети в свою очередь договариваются наравне с мужчинами, назначая всякого рода собрания, и разгорающаяся ежедневно вокруг этого вопроса борьба меж сериями, группами и индивидуумами является самой заманчивой игрой, сложнейшей и оживленнейшей из интриг; недаром биржа служит крупным развлечением при комбинированном строе.

Согласно набросанной мною беглой картине гастрономических утех можно предугадать, что любовные радости возрастут в такой же степени и изо дня в день будут давать пищу анекдотам и приключениям, гораздо более пикантным, чем самые остроумные из них теперь. Любовь, как и гастрономия, откроет простор для проявления любого характера; здесь наступит конец скучным препирательствам цивилизованных на тему о постоянстве, непостоянстве и различного рода привязанностях; в комбинированном строе все вкусы найдут применение, потому что этот строй располагает средствами для удовлетворения всех. Вакханки там столь же необходимы, как и весталки, и культура не сможет расцветать на основе притяжения, если в кантоне не будет простора для любви всякого рода. Таким образом, наряду с вакханками, практикующими доблестное братание и посвящающими себя утехам всего рода человеческого, будут весталки и девственницы, соблюдающие верность; что еще большая редкость — там можно будет встретить мужчин, верных женщинам, тогда как при цивилизации таковых не найти, не считая святош, чуждых миру влюбленных.

XIII

Политика использования любви для набора в армии

Так как провозглашение грядущей свободы любви неминуемо должно породить яростный гнев буржуа и философов, то, чтобы их успокоить, следует осветить им эту свободу под углом зрения выгоды — их единственного божества. Любовь при цивилизации — семя беспорядка, лености и издержек, становится при комбинированном строе источником доходов и промышленных чудес. Я остановлюсь только на одном показателе этого и продемонстрирую мое положение на отрасли управления самой тягостной у нас: я имею в виду формирование армий на основе любовной политики.

В каждой фаланге любовь ложится в основу образования двух больших серий — неполноценного и полноценного характера (demi-caractère et le caractère plein).

Серии полноценного характера в свою очередь подразделяются на девять разветвлений: первая из них — серия весталок, на которой я и остановлюсь.

В каждой фаланге ядро юношей и девственниц ежегодно избирает целомудренный (de Vestalité) кадриль в составе двух достойных пар: первая пара избирается по красоте, вторая — на основе достижений в области наук, искусств или самоотверженной работы.

Весталы и весталки повсеместно приравниваются по рангу к магнатам обоих полов; беднейшая из девушек, раз ее избрали весталкой, едет на колеснице, запряженной шестью белыми конями и украшенной драгоценными каменьями из неприкосновенного запаса. Этой молодежи воздают всякого рода почести; они командуют детскими колоннами; и, наконец, эта система соблюдения девственности имеет тенденцию привлекать молодых девушек в общество, а не толкать их на путь уединения. Вместо того чтобы приучать их к роли дурочек, подобно тем напичканным моралью девицам, которые твердят, что они никого не любят и что законом для них является воля отца и матери, в них будут в меру возможного развивать их склонности, и мы увидим, что у весталки будут свои титулованные поклонники, а у вестала точно так же свои титулованные поклонницы.

Эта избранная молодежь пользуется правом участия в промышленных армиях — прелестных скопищах молодежи; там весталы и весталки предаются первой любви. Каждый день армия после работ пирует. Эти пиршества тем великолепнее, что здесь собирается цвет молодежи в смысле красоты и таланта. Эти празднества открывают широкое поле для ухаживаний; претенденты и претендентки следуют за весталами и весталками, которые осуществляют свой выбор в процессе компании. Те из молодых людей, которые желают соединиться с одним возлюбленным или одной возлюбленной, переходят на ступень «дамуазо» и «дамуазель» и включаются в группу постоянства, вторую из девяти любовных групп; другие, те, которым больше по вкусу непостоянство, участвуют в остальных семи группах. Главный результат этих забав заключается в том, что таким образом формируются огромные промышленные армии — без всякого принуждения, без каких бы то ни было хитрых маневров, единственно путем выявления и публичного воздавания почести той девственности, которую философы стремятся удалить от мира и окружить дуэньями и предрассудками.

Для формирования армии достаточно опубликовать перечень девственных кадрилей, посылаемых в эту армию каждой фалангой: претенденты и претендентки не замедлят последовать в армию за предметом своего обожания; там окончательно выявятся симпатии и будут заключены втайне союзы, без скандальной публичности, вносимой цивилизованными в церемонию брака, в предвидении которого объявляют на весь город, что в такой-то и такой-то день влюбленный лишит невинности девушку. Надо родиться в цивилизации, чтобы

мириться со зрелищем этих непристойных обычаев, именуемых свадьбой, на которую являются магистрат, священнослужитель, гости и пьяницы всего квартала. По какому поводу? Только потому, что после гнусных интриг, после своднических услуг (maquerellage) нотариуса и кумушек, люди собираются сковать на всю жизнь цепями два создания, которые, быть может, по истечении одного месяца станут ненавистны друг другу. Что же побуждает устраивать эти свадебные пиршества? Надежда на потомство? Но кто знает — не будет ли женщина бесплодна! Или надежда на супружеское счастье? Но разве можно заранее сказать, что они не возненавидят друг друга год спустя и что их союз не станет несчастьем для обоих? Празднуя свадьбу, с которой связаны столь туманные надежды, семья уподобляется ветренику, который, приобретя лотерейный билет, задал бы соседям пир в надежде на выигрыш; его гости от души посмеются над ним, сказав: «*Делит шкуру, не убив медведя*». Не уподобляетесь ли и вы этому безумцу, празднуя свадьбу, которая является лотерейным билетом и того меньше, потому что брак может принести много несчастья вместо ожидаемого счастья. Праздновать свадьбу разумно лишь при вступлении в брак с женщиной очень богатой; тогда жених может радоваться; обычно же жена расходует больше, чем она приносит в дом. Если отложить празднование свадьбы на год — до момента, когда муж успеет вкусить все хлопоты семейного хозяйства, познакомиться с огромными расходами и с удовольствием быть рано или поздно рогоносцем, в таком случае очень немногие супруги склонны будут праздновать злосчастные узы. Сколько из них уже на следующий день сожалеют о праздновании, смущенные тем, что не нашли желанного.

При комбинированном строе празднества в честь первой любви устраиваются лишь после того, как брак совершился. В этом строе не желают подражать цивилизованным, призывающим толпу в свидетели торговой сделки с невестой. Весталка видит своих претендентов, собранных воедино и проявляющих свое умение при народных играх и в работах армии; их количество последовательно уменьшается, по мере того как она подает надежду тому или другому. Когда же она окончательно останавливается на одном из них, будущие супруги ограничиваются посылкой в запечатанном конверте декларации ведомству Старшей матроны. (Это министр амурных сношений, управляющий любовными делами армии в части, касающейся корпуса весталок.) Это учреждение принимает каждый вечер необходимые меры для приема тех пар, которые желают втайне бракосочетаться; об этом бракосочетании остальные узнают лишь на следующий день, *когда весталка* появляется *без своего венка* из лилий, с венком из роз и в костюме Дамуазель со своим возлюбленным, или своим Дамуазо, если выбор ее остановился на вестале.

Каждую ночь в армии заключается большое количество таких союзов; о них оповещают на следующий день за утренней трапезой. Вакханы и вакханки каждое утро должны навещать тех, кто этим союзом ранен, т. е. претенденток и претендентов, отметенных в сторону самим фактом заключения брачного союза с другим.

Допустим, что весталка Галатея, готовая сделать выбор, колеблется между Пигмалионом, Нарцисом и Поллюксом. В конечном счете она отдает предпочтение Пигмалиону и втайне сочетается с ним. Сотни весталок в ту же ночь заключают такой же союз со своими возлюбленными в здании, специально предназначенном для церемонии. На другой день тысячи вакханок и вакханов из соответствующего подразделения собираются воедино на рассвете. Докладчик от матронажа знакомит их с перечнем совершившихся ночью бракосочетаний и со списком юношей и девушек, раненных этим обстоятельством, которых надо ободрить. В этом списке фигурируют имена Поллюкса и Нарциса. Тогда те вакханки, которые замечали, что Поллюксу они нравятся, идут к его жилищу; другие отправляются к Нарцису; вакханы также направляются к красивым раненым девушкам, на которых они остановили свой выбор *. Итак, Поллюкс будет пробужден вакханками, которые явятся к нему с миртовой ветвью в руках сообщить ему, что он умер для Галатеи; они смягчат первый удар, услышав возгласы негодования, говорящие о вероломстве и неблагодарности; и чтобы утешить Поллюкса, они употребят все свое красноречие и все свои чары **.

* Вполне понятно, что в том случае, когда пострадавшие влюбленные принадлежат к корпусу весталов, утешать их пойдут не вакханы и не вакханки. В этом случае ту же функцию будут выполнять иные братства, юноши и девушки из сентиментального корпуса — седьмой группы любовной серии. Существует целый ряд подобного рода исключечий, вдаваться в которые я не стану; это каждый должен чувствовать и помимо моих указаний.

** Цивилизованные скажут, что утешение, приносимое вакханками Поллюксу, ничего не даст; что, будучи сильно влюблен в Галатею, он с презрением отвергнет тех бесстыдниц, которые явятся к нему предлагать себя. Действительно, при строе цивилизации так складываются любовные отношения. Поллюкс на протяжении нескольких дней отвергал бы любую другую женщину, кроме Галатеи, больше того — он вызвал бы на дуэль Пигмалиона. В варварском строе Поллюкс действовал бы по-иному — он убил бы кинжалом Галатею и ждал бы случая, чтобы убить Пигмалиона. При строе дикости, или патриархата, Поллюкс действовал бы опять по-иному. Мне хорошо известно, что при наших нравах Поллюкс пренебрег бы вакханками и их утешениями. Но если, ссылаясь на нравы цивилизованных, вы станете порицать Поллюкса за его развлечения с вакханками, то варвар точно так же будет глумиться над цивилизованным, который, видя, как похищают его возлюбленную, не вонзает в нее кинжал. Я вдаюсь в эти подробности, чтобы напомнить читателю, что в каждом социальном периоде движение страстей различно; если обычаи комбинированного строя и кажутся в некоторых отношениях странными, то прежде, чем о них судить, надо ознакомиться со всей совокупностью условий, в которых установятся нравы, столь противоположные нашим.

Каждое утро терпят поражение поклонники и поклонницы к великой радости вакхических легионов, которые используют эти любовные муки; потерпевшие обычно ищут забвения от своих неудач, проводя несколько дней с вакханками, авантюристками и другими корпорациями, осуществляющими филантропию. Ознакомившись подробно с этими различными функциями и с механизмом любовных серий в армиях комбинированного строя, читатель сочтет любовь при цивилизации столь монотонной и жалкой, что чтение наших романов и наших театральных произведений станет для него невыносимым; он поймет, что принятие в армию комбинированного строя станет предпочтением (faveur), что добровольцев всегда окажется больше требуемого количества и что, не имея иного стимула кроме любви, можно, однако, сформировать легионы в составе 20 миллионов молодежи обоих полов для осуществления работ, одна мысль о которых леденит ужасом наши корыстные умы. Так, например, комбинированный строй предпримет завоевание огромной пустыни Сахары; с разных сторон, если это окажется необходимым, на нее будет поведено наступление армиями в составе от 10 до 20 млн. рабочих рук; путем насыпки земли, насаждения сплошными рядами растений удастся увлажнить почву, укрепить пески и превратить пустыню в цветущий сад. Судоходные каналы будут проведены там, где сейчас мы не умеем устроить даже оросительных канав, и крупные суда будут плавать не только по перешейковым каналам, каковы Суэцкий и Панамский, но в глубине материков, подобно морям Каспийскому, Азовскому, Персидскому и Аральскому; они будут направляться от Квебека к пяти крупным озерам и от моря ко всем крупным озерам, длина которых равняется одной четверти их расстояния от моря.

Разнообразные легионы обоих полов будут подразделяться в каждой империи на несколько армий, объединяемых с армиями соседних империй. Комбинированный строй никогда не приступает к какому-либо начинанию с одной только армией; он комбинирует по меньшей мере три армии, устанавливая между ними борьбу и соревнование. Надо ли насыпать землей Гасконские долины — это выполняется тремя армиями: французской, испанской, английской; а Франция взамен этого посылает, в свою очередь, две армии, одну — в Испанию, другую — в Англию, для участия в их работах. Так установится взаимодействие между всеми империями земного шара; такое же взаимодействие будет иметь место между провинциальными армиями и в рамках одного какого-либо кантона.

Допустим, что фаланга Тибура собирается косить луга, для чего требуется 300 мужчин на два часа; если в ее распоряжении имеется только 60 косарей, она заимствует четыре когорты у четырех соседних кантонов; при посредстве своих уполномоченных на биржах означенных кантонов и в указанный день к ней являются четыре когорты, которые и присоединяются

к тибурийцам на лугу. После косьбы — трапеза, где происходит встреча красавиц из различных кантонов; кантон Тибур в свою очередь будет посылать мужские и женские когорты взамен тех, которые он заимствовал на этот день. Этот взаимообмен когортами — один из способов, применяемых комбинированным строем для придания самым неприятным работам прелести празднеств. Это достигается: кратковременностью, обусловленной наличием большого количества сотрудников; объединением когорт, в которые устремляются любители данной работы того и другого пола; механизацией труда и изяществом, которое царит на этих многочисленных собраниях.

На последнем пункте я настаиваю. Наши мастерские столь грязны, столь отвратительны, что они внушают омерзение к промышленному труду и труженикам, особенно во Франции, которая кажется родиной нечистоплотности. Можно ли найти что-либо отвратительнее парижских прачешных, где стирают белье высшему обществу (belle compagnie)? Вместо этих клоак в комбинированном строе вы увидите здание, украшенное мраморными бассейнами и снабженное кранами с водой различной температуры, дабы женщины не губили себе рук, погружая их то в ледяную, то в горячую воду. Затем вы увидите множество приспособлений для облегчения работы с помощью всякого рода механизмов, другие — для придания прелести трапезам, следующим за работой 4—5 когорт прачек из разных кантонов.

Сколь бы ни были ничтожны эти мелкие подробности, я не премину остановиться на них, чтобы доказать, что все помехи производству предусмотрены; созыв когорт — лишь один из многочисленных методов, с помощью которых будут устраняться все трудности и комбинированный строй даст возможность выполнить, опираясь на *притяжение* и *соперничество,* самые отвратительные работы.

Любовные ухаживания, в наши дни столь бесполезные, станут тогда одним из великолепных двигателей социального механизма. Цивилизованный строй с трудом, насильственно вербует разрушительные армии, периодически опустошающие землю, тогда как комбинированный строй будет оперировать лишь притяжением и любовными ухаживаниями для формирования благодетельных армий, которые наперебой друг перед другом будут воздвигать дивные монументы. Вместо того чтобы за один поход опустошить 30 провинций, эти армии наведут 30 мостов через реки, займутся облесением 30 обнаженных плоскогорий, прорoют 30 оросительных каналов и осушат 30 болот; но эти производственные трофеи — лишь небольшая часть чудес, творимых благодаря свободной любви и ниспровержению философии.

В этих рассуждениях по вопросам на первый взгляд незначительным — о пищевых и любовных делах — не следует упускать из виду цель комбинированного строя: эта цель —

производственное притяжение. Все мероприятия этого строя, о которых вы будете слышать, могут вам показаться простой выдумкой, на самом же деле, они всегда подвергаются двоякого рода проверке: они должны способствовать *производственному притяжению и экономии сил*. Я приведу пример, заимствованный из жизни отрядов (bandes) странствующего рыцарства, колесящих по всему земному шару и упомянутых уже мною в этой главе.

В эти отряды, столь заманчивые для молодежи, принимаются лишь те, кто участвовал по меньшей мере в трех походах промышленных армий независимо от знаний, относящихся к специальности данного отряда. Вот лишний стимул для набора в армии. Помимо любви весталов и весталок, помимо любопытства, возбуждаемого крупными событиями, которые произойдут в армии, помимо горячего желания присутствовать на ее празднествах, вакханалиях и разделять славу ее высоких подвигов, существуют еще другие двигатели, например, заманчивая перспектива получить после трех походов патент авантюриста или авантюристки и право колесить по земному шару с отрядами странствующего рыцарства. Иные права даются в награду за участие в шести походах; участники девяти походов зачисляются в корпус паладинов и паладинок, которые по всему земному шару являются оруженосцами (officiers) императора и императрицы единства. По окончании каждого похода молодые участники его имеют право украсить себя значком — крестом или звездой — символом легендарного производственного подвига армии; по количеству звезд можно определить количество походов и славных подвигов каждого. Женщины носят те же ордена, так как промышленные армии всегда состоят наполовину из женщин.

Благодаря различным приманкам, таящимся в этих армиях для молодежи, она стихийно отзывается на первый же клич, и принятие в армию становится, как я уже сказал, привилегией, которую покупают ценою испытаний. С помощью такого набора достигаются две указанных цели — *промышленное притяжение* и *экономия сил*.

А так как соблазн, заключающийся в странствующих отрядах, является частью соблазна, влекущего молодежь в армию, то вы поймете, что эти отряды не просто беспорядочные parties de plaisir и что все мероприятия комбинированного строя, подобно вышеуказанным, должны содействовать достижению двух требуемых результатов: *промышленного притяжения и экономии сил*. Все без исключения мероприятия, которые ведут к этим двум целям, изобилуют романтическими и необъятными наслаждениями, как те, слабое представление о которых я вам дал.

Опасаясь открыть вам глаза на всю необъятность грядущих утех, я остановился лишь на двух аксессуарах любви и гастрономии. Я говорил о столе бедняка, не рисуя вам роскоши за-

стольных удовольствий богача, обусловленных возделыванием всего земного шара, регулярной сменой температур, облагораживающей земные соки, отмиранием коммерческого мошенничества и абсолютной свободой сношений. Тогда богачи каждой фаланги будут иметь возможность ежедневно за пятью * трапезами смаковать сотни редкостей, используя продукцию со всех мест земного шара, транспортируемую и консервируемую со всевозможными предосторожностями, неосуществимыми в той стадии несовершенства, в которой пребывает у цивилизованных производство на море и на суше (industrie terrestre et maritime).

Точно так же я ограничился упоминанием лишь о незначительных любовных утехах, говоря о корпусе весталок, который допускает лишь ухаживания, или духовные наслаждения, без плотских радостей. Функция весталок — самоограничение, а не практика любви, которая начинается лишь с того момента, когда вестал уступает первой склонности.

Я осветил не все те моменты, совокупность которых обеспечивает полноценность любовных отношений; они составляют резкий контраст с гнусными интригами перед браком и подлой расчетливостью, которые принижают у нас первый брачный союз. Таким образом я еще не дал представления о любви при комбинированном строе; и, однако, затронутых мною аксессуаров уже достаточно, чтобы понять, что этот строй открывает для любви столь блестящее и столь разнообразное поприще, что повести о любви цивилизованных будут возбуждать лишь сострадание.

Чтобы это доказать, потребовалось бы лишь немного строк, посвященных любовным сериям и взаимоотношениям

---

* При комбинированном строе люди принимают пищу пять раз в день: первый завтрак в 5 часов, второй — в 8 часов, обед — в 1 час, полдник — в 6 часов и ужин — в 9; помимо того, в промежутках бывает еда в 10 часов и в 4 часа. Такое большое количество пищи необходимо ввиду огромного аппетита у людей нового строя, где происходит непрерывное движение, без излишнего утомления. Дети, воспитанные таким образом, будут иметь железный темперамент и чувствовать приступ голода каждые 2—3 часа; ввиду тонкости блюд и искусства умело комбинировать их, пища будет быстро перевариваться. Это искусство комбинировать блюда, в котором будут упражняться люди с детского возраста, совершенно противоречит нашим принципам трезвости; однако это будет одним из зачатков материального совершенства, благодаря которому рост человека достигнет в среднем 7 футов, а средняя продолжительность жизни — 144 лет. Род человеческий, достигнув такого совершенства, должен будет ежедневно потреблять в здоровом состоянии массу продуктов, равную $^1/_{12}$ его собственного веса. Однако уже и сейчас можно наблюдать аппетиты еще более изумительные. У нас, во Франции, имеется человек, прозванный *плотоядным:* он съедает за один раз 14 фунтов сырого мяса, не говоря уже о напитках и разных блюдах. Таким образом он потребляет, примерно, 20 фунтов в день, а вес его значительно меньше 240 фунтов. Так как творец должен был во всех направлениях дать нечто прямо противоположное комбинированному строю, то, создав солитера, он показал человеку, какого чудовищного аппетита могут достигать люди, воспитанные новым строем.

различных групп, соответствующих различным видам любви. Но я хочу стимулировать мысль, а не возбуждать восторг. И потому опускаю эти картины, впечатление от которых получилось бы более сильное, чем это мне желательно.

Я удовлетворил желание ряда лиц, просивших у меня небольших разъяснений относительно комбинированного строя, каких-либо подробностей, как бы неполны они ни были. Тот, кто вздумает заподозрить меня в преувеличении, пусть учтет, что я говорю о восьмом социальном периоде, чудесно далеком от пятого, в котором мы пребываем ныне. Я мог бы — применительно к слабым страстям цивилизованных — начертать для них лишь утехи более мещанские — шестого и седьмого периодов, через которые мы перешагнем, чтобы подняться на ступень комбинированного строя.

Стараясь устранить в беспристрастных читателях мысль о преувеличении, я отнюдь не собираюсь сражаться против пустословия толпы, готовой высмеять и это второе сообщение. Сознаюсь, набросанная мною перспектива будет казаться неправдоподобной впредь до испытания ее на практике; какие математические и иные доказательства в подкрепление сказанного я бы ни представил, у людей все же будут основания сомневаться, потому что, как говорит Буало:

«Правда порой может казаться неправдоподобной».

Что может быть правильнее суждения Христофора Колумба, с которым я люблю себя сравнивать. Он возвестил новый материальный мир, я — новый мир социальный. Таким образом я, как он, провозглашаю истину, которая *неправдоподобна* с точки зрения предрассудков. Меня, как и его, станут обвинять в галлюцинациях, потому что о результатах людям хочется судить на основании наличных средств; людям хочется думать, что социальный механизм не может выйти за рамки слабых ресурсов, наличных при цивилизации; и, наконец, люди беспрестанно забывают, что все эти социальные чудеса будут творить *прогрессивные серии,* а отнюдь не *разобщенные семейства* с противоположными свойствами.

Но так как цивилизованные чрезвычайно любят иронизировать, то пусть они изощряются в насмешках: для производства опыта с земледельческой ассоциацией не потребуется и шести месяцев, так что у *маловеров* остается немного времени для комментирования; чем обильнее будут потоки их дешевого красноречия, тем более жалкий вид будет у них в тот момент, когда они забьют отступную. Тогда придется напомнить им их сарказмы, чтобы отделаться от их плоских похвал и заставить их замолчать. Что может быть хуже этих мосек, готовых всюду «метаться, и лаять, и визжать, и рваться» *.

Их мания, пожалуй, имеет основанием надувательство общества неточными науками. Можно ли удивляться тому, что наши

* Заменяю стихом басни Крылова стих из басни Лафонтена. — *Прим. перев.*

современники, столько раз водимые за нос софистами, все более и более склонны к скептицизму и что любовь к иронии берет верх у цивилизованных, утомленных тем, что им изо дня в день преподносят в качестве приманки философские теории, идущие вразрез с опытом и природой. Эти смехотворные науки находятся при последнем издыхании; политика и мораль уже уничтожили друг друга в революциях XVIII века; меркантильная наука пришла им на смену: это *политическая экономия;* но и она не замедлит сойти со сцены еще более позорно, чем моралисты, которых она раздавила.

(Я подвергну беглому обзору глупости тех и других и приподниму завесу над развязкой, уготованной как победителю, так и побежденному.)

ЭПИЛОГ

О НЕМОЩИ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Цивилизованные нации! Вам предстоит гигантский шаг на общественном поприще. Немедленный переход к универсальной гармонии избавит вас от двух десятков революций, которые залили бы кровью земной шар в предстоящие двадцать веков, пока не была бы открыта теория судеб. Вы перепрыгнете два тысячелетия на общественном поприще; сумейте точно так же перепрыгнуть через предрассудки. Отвергайте идею золотой середины и умеренность желаний, нашептываемую вам бессильной философией. В момент, когда вам предстоит насладиться благостью (bienfait) божественных законов, дерзайте чаять счастья столь же безмерного, как безмерна мудрость бога, замыслившего этот план. Созерцая вселенную, столь великолепно им задуманную, эти миллиарды миров, гармонично совершающих по его предначертанию свой путь, поймите, что существу столь грандиозному чужды жалкая посредственность и философия и что ожидать умеренных удовольствий при социальном строе, творцом которого он будет, значит наносить ему оскорбление.

Какую цель преследуете вы, моралисты, восхваляя умеренное богатство? Поднявшиеся над этим уровнем ни за что не пожелают вернуться к нему. Человека, обладающего доходом в 100 тыс. франков, вы никакими рассуждениями не убедите раздать из них 80 тыс. и ограничиться скромным доходом в 20 тыс. франков, который является aurea mediocritas (золотой серединой); с другой стороны, владельцы умеренного достатка (médiocrité) отнюдь не намерены им довольствоваться, имея полное основание полагать, что это не есть подлинное благо, поскольку богатые люди отказываются сойти на эту ступень, несмотря на всю легкость спуска. Как видите, средний достаток лишен приманки для обоих классов, которым он доступен; смешно им это рекомендовать; поскольку из опыта известно,

что это такое, люди единодушно предпочитают богатство. Что касается лиц, находящихся на уровне ниже среднего благосостояния, то перед ними тоже неуместно его восхвалять, так как достигнуть его им очень трудно: у малосостоятельных больше шансов на прозябание и падение, чем на подъем. Политику горько критикуют за ее неумение обеспечить им необходимое; поймите же, сколь непоследовательно внушать им любовь к некоторому достатку, когда вы бессильны обеспечить даже более скромную участь.

Теология восхваляет бедность, как путь к вечному блаженству; политика превозносит богатства этого мира в ожидании блаженства в другом; и то и другое сродни человеческому сердцу, которое не мирится с «золотой серединой». Если вы проповедовали средний достаток, то объясняется это только вашей манией — непременно говорить что-нибудь новое, не будучи эхом политики и религии; так как одна из них страстно любит богатство, а другая проповедует бедность, то вам, моралистам, не оставалось ничего другого, как остановить свой выбор на среднем благосостоянии.

Вот как опасно брать на себя роль, которой пренебрегали другие. Основываясь на одном только восхвалении вами среднего благосостояния, можно обвинить вашу науку в немощи или шарлатанстве; она немощна, если ваша хвала искренна. Если вы подлинно верите, что средний достаток по сердцу человеку, что он может утолить вечную его тревогу, значит, вы человека не знаете; вам полагается еще поучиться в школе, а не читать наставления нам. Если же ваше восхваление золотой середины не больше, чем ораторское жонглерство, в таком случае вы весьма непоследовательны, восхваляя среднее благосостояние, которое не по сердцу тем, кто может им наслаждаться, и которое вы не умеете обеспечить тем, у кого его нет. Выбирайте же одно из двух; но и то и другое принижает ваш догмат на уровень ниже посредственного.

Надеетесь ли вы выгородить себя нарочитой постановкой вопроса? Выпятить свои заслуги по части утешения человека? Будь у вас искреннее намерение утешить человека, вы стали бы искать иных способов, минуя ваши догмы, бессилие которых вы сами признали. Свидетелем тому — один из современных моралистов. Обращаясь к таким мастерам своего дела, как Сенека и Марк Аврелий, он говорит: «Желая оказать мне поддержку в моем несчастье, вы протягиваете мне в качестве опоры посох философии и говорите: ступай твердо, обойди мир с протянутой для подаяния рукой, и ты будешь не менее счастлив, чем мы в наших дворцах, с нашими женами и уважением соседей. Но первое, чего мне нехватает, — это разум, на который я мог бы опереться. Все ваши прекрасные разглагольствования улетучиваются, как дым, когда я в них нуждаюсь; это лишь тростинка в руках больного, и т. д.» *(Бернарден де Сен-Пьер).*

Так сами авторы подрывают кредит моральной философии. Но и без их опровержений, разве их действий недостаточно, чтобы открыть нам глаза? Спросите у добродетельного Сенеки, почему, восхваляя нам прелести бедности, он для своих мелких утех сколачивает богатство в 80 млн. динариев; видно он считает, что бедность и средний достаток в теории лучше, чем на практике, подобно тому как аляповатые статуи производят лучшее впечатление издали, чем вблизи. Мы солидарны с Сенекой: как жаль, что в отличие от него мы не можем сделать бедность и золотую середину уделом архивной пыли!

Поскольку своими поступками и высказываниями вы свидетельствуете о бессилии оказать человечеству обещанную вашей наукой помощь, с какими задними мыслями вы так настойчиво стремитесь оказать эту призрачную помощь? Не глумитесь ли вы над нами, навязывая нам лишения, когда мы просим у вас богатства и подлинных наслаждений? Ваш ум и ваши чувства, более изощренные, чем у простого смертного, придают еще больше прелести богатству; не возрадуетесь ли вы втайне, услыхав, что крушение ваших систем даст вам возможность возвыситься на ступень богатства, перед которым вы преклоняетесь, делая вид будто его презираете?

Не бойтесь сознаться в ваших заблуждениях: позор этих заблуждений падает на ученых в массе, а не на какую-либо категорию их в отдельности. Не думайте, что физики и литераторы непричастны к этому всемирному позору. Разве им, как и вам, не дано рассудка и здравого смысла, чтобы понять и разоблачить эту сплошную нелепость? Да, нелепость носит всеобщий характер, поскольку вы не умеете исцелить человечество от самого позорного из социальных неурядиц — от бедности. Пока бедность существует, ваши глубокие науки — лишь патент на помешательство и бесполезность; вы со всей вашей мудростью — лишь легион безумцев.

Вы именуете себя проводниками разума. Лучше помалкивайте, пока существует строй цивилизации: он противоречит рассудку, если рассудок учит умеренности и правде. Где на земном шаре расцветала цивилизация? Она расцветала в Афинах, в Париже, в Лондоне, где люди не были ни воздержаны, ни правдивы, где они были в сильной мере рабами своих страстей и предавались интригам и роскоши. А где цивилизация прозябала и не шла дальше жалкой посредственности? — в Спарте и в первые века в Риме, когда страсти, наслаждения и роскошь были развиты слабо. На основании этого исторического опыта разве можно сомневаться в том, что строй цивилизации противоречит рассудку, который, по вашим словам, велит умерять страсти? Можно ли сомневаться в необходимости изгнания такого разума для сохранения строя цивилизации и его дальнейшего прогресса!

Ваша наука пользовалась некоторой популярностью в древнем мире, но это потому, что тогда она льстила страстям; в ту пору, когда точные науки и литература находились еще в колыбели, для воображения и для любознательности было мало пищи; люди должны были жадно цепляться за догмы, которые открывали широкое поле для споров и интриг. Неточная философия в ту пору находила опору в союзе с точными науками и религией. Пифагор, мастер по части морали, был одновременно хорошим геометром и чтимым прелатом. Он основал монастырь, где творил чудеса, оживляя мертвых и проделывая другие фокусы; его неофиты подвергали себя самым суровым испытаниям, как в наши дни трапписты. И, наконец, если эти моралисты пользовались благоволением со стороны народа, — это объясняется тем, что мифологическая религия была своего рода аксессуром к священству, наподобие монашества в религии католической.

В то время как ригористы древней философии соблазняли (séduisaient) народ практикой аскетизма и изучением полезных наук, другие, более снисходительные секты (например эпикурейцы) вербовали на свою сторону «порядочное» общество (la bonne compagnie) и создавали священнодействующие группы, которыми увлекались празднолюбцы (oisifs), как в наши дни бездельники Парижа страстно увлекаются тем или иным театром, тем или иным актером. Таким образом мы видим, что престиж морали у греков был основан на суеверии малых и праздности сильных мира, и, в конечном счете, мораль потворствовала страстям; разум же тут не при чем.

Другие времена — другие нравы. Моральные секты у римлян уже не пользовались престижем (n'étaient plus en crédit), и Катон, в связи с одной интригой, в которую были замешаны греческие софисты, добивался изгнания из Рима всех философов; это свидетельствует о том, что у римлян они уже не пользовались репутацией святых.

Что касается людей нового времени, то моральная философия возродилась у них лишь для того, чтобы умереть естественной смертью. Вначале она рабски подражала древним; тщетно пережевывала она (a-t-elle-ressassé) их желчную критику страстей и богатств, но что было забавно в Афинах, то уже не забавляет в Париже и в Лондоне. Неточные науки — что моды: их век недолог. Секта моралистов почти сошла со сцены; оторвавшись от религии и точных наук, она едва дерзает выступать в доспехах из модных словечек, вроде *аналитического* метода, используемых для велеречивых разглагольствований о страстях и метания в них стрел. Так старик, одиноко сидя у своего камелька, ворчит на современный век, которому до него уже нет дела.

Нравственная философия обвиняет наш век в извращенности за наше равнодушие к ее чарам; так пусть же знает, что полное забвение ее нами есть единственный разумный акт,

которым может похвалиться наш век. Не чудно ли, что в местах, где эту философию усерднее всего проповедовали, ей меньше всего следовали? Спарта и Рим восхваляются как столпы нравственности; но в Спарте не было моралистов, а к Диогену, этому великому проповеднику нестяжания, там относились нетерпимо. Еще меньше моралистов было в Риме тех времен, когда Цинцинат варил себе репу. Бедность не считалась в ту пору добродетелью. Щеголяние строгостью нравов было лишь интригой, приуроченной к существующему положению вещей (intrigue de circonstance). В Риме, как и в других местах, рост богатств придал честолюбию иную, более утонченную форму; по мере развития цивилизации строгость нравов и воздержание пользуются все меньшим и меньшим кредитом; старания философии водворить в политике строжайшую нравственность (ramener la pruderie politique) свидетельствуют лишь о ее неуместности. Чем больше у народа нравственных теорий, тем менее склонен он им следовать. Нравственная секта — продукт роскоши; протестуя против роскоши, она отрекается от своего прародителя; эти фолианты, эти системы растут прямо пропорционально нарастанию роскоши, а когда роскошь исчезает, теории морали исчезают вместе с нею, причем разоренная нация от этого не становится лучше. Современные греки, у которых уже нет философов, не более нравственны, чем греки былых времен; таким образом ученые споры о нравственности имеют единственным источником, единственной опорой роскошь. В царстве роскоши проповедь морали пользуется популярностью в качестве романтического видения, забавляющего праздных людей, поскольку, однако, она сообразуется с обстоятельствами. Далеко не умеряя страстей, она вынуждена потворствовать господствующим порокам, так как в противном случае ею бы пренебрегли; она стала значительно эластичнее, чтобы ужиться с современностью, где репа уже не пользуется престижем (ne sont plus en honneur).

Большая ошибка — приписывать учению о нравственности самодовлеющее значение. Оно явно бесполезно и бессильно в социальном механизме; во всех вопросах, относящихся к его компетенции, как то: кражи, прелюбодеяния и т. д., достаточно политики и религии, чтобы установить, что при существующем строе допустимо и что недопустимо. Что касается преобразования нравов, то поскольку политика и религия здесь терпят крушение, тем паче потерпит крушение мораль. Что представляет она собой в системе наук? Не пятая ли это спица в колеснице, не бессилие ли это в действии (impuissance mise en action)? Всюду, где она одна будет противоборствовать пороку, ее несомненно ждет поражение; она — что негодный полк, терпящий поражение во всех сражениях: он покрыл себя позором, и его надо расформировать. Так должны систематические науки трактовать мораль за оказанные ею услуги.

Знайте, моралисты, если политика и теология и оказывают вам порой мнимое уважение, если они и приемлют вас участниками в борьбе с пороком, то лишь для того, чтобы взвалить на вас позор поражения, а себе присвоить все выгоды злоупотреблений. Вы для них —

«лишь низкопробное орудие, отбрасываемое с презрением, когда оно не нужно, и безжалостно разбиваемое, если оно становится опасным».

Глядите, как поступали с вами в решительные моменты! Таковы Варфоломеевская ночь и французская революция. Если вы сомневаетесь в презрении политики и теологии к вашим догмам, попробуйте им перечить, и вы познаете меру вашего значения.

Одно обстоятельство в XVII веке открыло вам, наконец, глаза на эти досадные истины. В философском корпусе произошел раскол; так народилась новая наука — *политическая и коммерческая экономия*. Ее быстрый прогресс предвещал торжество догматов, благоприятствующих роскоши и несущих гибель моралистам.

Они с большим опозданием заметили, что политическая экономия заполняет всю сферу шарлатанства; начиная со средины XVIII века все умы устремились в сторону этой новой науки, которая выдает себя за силу, распоряжающуюся благосостоянием, и сулит нациям огромные богатства, причем каждый льстит себя надеждой к ним приобщиться. Экономисты уже осуществили захват, а моралисты все еще старательно восхваляли прелести бедности. Наконец, когда французская революция опрокинула все их мечты о республиканских добродетелях, они готовы были на полюбовную сделку (accomodement). С этой целью они стали влиять посредством своих догм, рекомендуя игнорировать богатство, *не чувствуя к нему ни любви, ни ненависти;* догмы воистину смехотворные, но бессильные спасти секту моралистов. Экономисты настолько окрепли, что уже не нуждались в союзниках, пренебрегали возможностями сближения и категорически настаивали на необходимости *крупных и весьма крупных богатств, необъятной торговли и необъятной коммерции* (commerce immense et un immense commerce). Отныне моралисты были посрамлены и безжалостно отнесены к разряду романтиков. Их секта сошла в могилу вместе с XVIII веком; ее постигла политическая смерть, она уже не пользуется никаким кредитом в мире ученых, особенно во Франции, где ей уже не отводится места в академиях.

Секта моралистов умерла естественной смертью: она кончила свое существование, подобно тем атеистам, которые в момент кончины начинают веровать в бога. Когда эта секта поняла, что все для нее пропало безвозвратно, она стала исповедовать то, что отвергала на протяжении 2 300 лет. Она признала, что мудрость прекрасно уживается с доходом в 100 тыс.

экю, как это мы видим в поэме *«Человек полей»*; при всей своей мудрости он живет в великолепном дворце, имеет свору собак, экипажи, играет в карты и устраивает пиры, где пробки взлетают в потолок во славу добродетели. Вне всякого сомнения, мудрость этого рода может иметь прозелитов, как я и поясню в третьей части, когда буду говорить о франкмасонстве.

Впрочем, писатели слишком поздно стараются придать морали оттенок разумности: это — помощь капитулировавшим. Заявляя в последний час своего существования, что, живя во дворце, можно быть более мудрым, чем странствуя в лохмотьях, эта наука таким образом свидетельствует лишь о своем бессилии вести нас к счастью и мудрости. Мы можем достигнуть их лишь под крылом политики и теологии. Только эти две науки добывают для своих любимцев дворцы, а став под знамена морали, не добудешь себе и клочка земли (moindre place).

Как жалкие остатки разгромленной армии образуют партизанские отряды, опустошающие некоторое время страну, так и остатки моральной секты складываются в какие-то партии, беспорядочно, бессистемно бредущие наугад. Охваченные паникой, они, подобно утопающим, хватаются за соломинку — за метафизику, за блага, сулимые торговлей, за любое новшество. Эти литературные бродяги громят большую дорогу науки, стараясь втиснуться всюду, где их услуги никому не нужны. Они обивают пороги, ища приюта для своей опальной науки; люди сострадательные внемлют их бормотаниям о морали, как внемлют отдаленным раскатам грома, после того как пронеслась буря. От них отмахиваются, как от *надоедливых мух;* их царству безвозвратно наступил конец (jamais règne ne fut mieux fini que le leur).

Нет той низости, на которую они не пошли, чтобы завоевать благосклонность у страстей, которые они порочили на протяжении стольких веков. Я приведу по этому поводу чужие слова, чтобы меня не обвинили в уничижении науки, которую постигло несчастье. «Она себя старательно очеловечила; милая, снисходительная, она уже рекомендует вам не бороться, но уступать. Искусство удовлетворять и подогревать страсти, оживлять их, когда они блекнут, подменять их изощренными вкусами, когда они вовсе угасают, — таков главный предмет ее наставлений» (*«Газет де Франс»* от 17 января 1808 г.).

Так вернулись они к здравому смыслу, впав в немилость; они подобны свергнутым принцам, слишком поздно признавшим, что они не умели царствовать. Но допустим, что цивилизация может существовать и в дальнейшем; мыслимо ли, чтобы престиж экономистов, заступивших место секты моралистов, упрочился в общественном мнении? Отнюдь нет. Эфемерные науки ниспровергают одна другую, подобно революционным партиям. В третьей части я покажу, что политическая

экономия близка к банкротству и что крушение моралистов подготовило крушение их соперников. К этим литературным партиям применимо изречение *Дантона,* который, взойдя на эшафот и уже будучи перевязан ремнем, сказал палачу: «*Побереги другой ремень для Робеспьера; вскоре за мною придет его черед*». Так и моралисты могут сказать своему палачу, сказать общественному мнению, которое ведет их на заклание: *поберегите другой ремень для экономистов; их очередь придет вскоре за нами.*

Сейчас, как никогда, цивилизации приходится краснеть за свои научные заблуждения, за свое легковерие в отношении шарлатанов: ведь сейчас она попирает все догматы, почитаемые в течение тысячелетий, и философские науки пресмыкаются ныне перед страстным влечением, которое они старались *подавить, исправить, умерить.* Одна из этих двух наук — политическая экономия — возбуждает любовь к богатствам; другая — мораль — позволяет уже относиться к богатству без неприязни; угасающим голосом она просит прощения у страстей. Вы видите, что человеческий разум способен на протяжении тысячелетий питаться софизмами, которых он в конце концов стыдится. Цивилизованные нации, разве можете вы быть уверены в том, что ваши нынешние видения, ваши *экономические* химеры не окажутся еще более смешными и не навлекут на XIX век еще больше презрения, чем те моральные галлюцинации, которых сами вы стыдитесь сейчас? Неужто вы думаете приблизиться к истине и природе, обожествляя торговлю, эту мастерскую лжи и обмана? Неужели вы полагаете, что бог не выдумал более честного и справедливого способа обмена — обмена, который есть душа социального механизма? На этом я и остановлюсь в третьей части проспекта.

Между прочим, напоминаю вам, что человеку отнюдь недостаточно признавать господство природы, чью верховную власть вы, наконец, признали. Дезавуировать философию моралистов, претендующую на изменение страстей, еще мало; чтобы вернуть себе расположение природы, надо изучать ее закономерность на *притяжении страстей,* которое является ее проводником. Вы щеголяете своими метафизическими теориями; как же используете вы их, если пренебрегаете изучением притяжения, которое, как рулевой, управляет вашими душами и вашими страстями? Ваши метафизики заблудились в лабиринтах идеологии. К чему вся эта научная тарабарщина! Вот я не знаю механизма идей, я никогда не изучал ни Локка, ни Кондильяка, а между тем у меня оказалось достаточно идей, чтобы начертать всю систему универсального движения, тогда как вы открыли лишь ее четвертую ветвь, и то после двух с половиной тысячелетий научных усилий.

То обстоятельство, что мой кругозор шире вашего, еще не делает его необъятным; я сделал то, что тысячи людей могли сделать до меня, но я шел к этой цели одиноко, не используя

ни добытых до меня средств, ни проторенных дорог. Я *один* приведу в замешательство двадцать веков политического идиотизма, и мне одному сущие и грядущие поколения будут обязаны инициативой своего необъятного счастья. До меня человечество потратило несколько тысячелетий на безумную борьбу с природой; я первый перед ней склонился, став на путь изучения притяжения, проводника ее закономерности; и природа соизволила улыбнуться единственному смертному, который воскурил ей фимиам, она открыла мне все свои сокровища. Обладая книгой судеб, я рассею политический и моральный мрак и на развалинах неточных наук воздвигну теорию универсальной гармонии.

«Exegi monumentum aere perennius».

Конец второй части

Часть третья

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НЕТОЧНЫХ НАУК ВО ВСЕХ ВОПРОСАХ МЕХАНИЗМА ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Легкомыслие в области метода (étourderie méthodique)

Один из наиболее прославленных наших мудрецов — Аристотель — с состраданием взирал на свои собственные знания; его девизом было: *Разве я что-нибудь знаю?* Это несомненно лучшее из всего им сказанного. Подобного рода скромность не свойственна нашим современникам; а между тем, разве в сфере социальной политики они более сведущи, чем Аристотель? Отнюдь нет, потому что и в наши дни, как и в древности, царят нищета, мошенничество и революции; а после гроз, обрушенных на нынешнее поколение современным просвещением, к ученым в наш век более чем когда бы то ни было применим девиз Аристотеля: *Разве я что-нибудь знаю?*

Все они впали в забавное заблуждение; в каждой науке от них ускользает основная проблема — стержень всей науки.

Так, например:

Трактуя вопросы *производственной экономии,* они забывают заняться *ассоциацией,* которая есть основа всякой экономии*. Занимаясь *политикой,* они забывают определить норму *плотности народонаселения,* тогда как соблюдение ее есть основа народного благосостояния.

Трактуя вопросы *управления,* они забывают раскинуть умом насчет способов установления *единства управления всем земным шаром,* без чего невозможен ни устойчивый порядок, ни уверенность в дальнейшей судьбе государств (ni garantie du Sort des Empires).

---

* [Обсуждая проблему всеобщего счастья, они забывают поразмыслить о мероприятиях, которые могли бы приобщить к нашей культуре варваров и дикарей — народы, несомненно заслуживающие внимания при филантропических рассуждениях, так как они составляют пять шестых населения земного шара, если отнести к рабам и варварам население России, Польши, Испании и Антильских островов.]

Касаясь [практических] проблем *производства,* они забывают изыскать меры борьбы *с [мошенничеством], спекуляцией и ажиотажем* как грабежом производителей и потребителей и прямой помехой обращению.

Говоря о *морали,* они забывают признать и провозгласить *право слабого пола,* чье угнетение уничтожает справедливость в самом зародыше.

Говоря о *правах человека,* они забывают выдвинуть в качестве принципа *право на труд,* которое воистину неосуществимо при цивилизации, но без которого ничего не стоят все остальные права.

Вдаваясь в *метафизику,* они забывают исследовать систему *отношений между богом и человеком,* изыскать способы приятия откровения божьего*. Таким образом у философов имеется оригинальное свойство — забывать в каждой науке самое существенное; это *легкомыслие в сфере метода* регулярно проявляется во всех первостепенных вопросах. Я мог бы указать причину этой неумелости; но пусть догадываются сами, если они столь искусны в применении аналитического метода, как они это утверждают.

АРГУМЕНТ

Впредь до опубликования мною законов социального движения, я могу обставить мою теорему лишь доказательствами негативного характера, к числу которых относится указание на неспособность наших ученых уяснить себе механизм цивилизации. Таким образом третья часть будет посвящена целиком критике.

Чтобы продемонстрировать эту несостоятельность современных ученых, я приведу три примера их недомыслия, последствия которого для современного поколения весьма ощутимы:

1) *франкмасонство;*
2) *островная монополия;*
3) *свобода торговли.*

Франкмасонство будет представлено мной с точки зрения той пользы, которую могли бы извлечь из него софисты. Читатель увидит, что это общество могло служить для них ступенькой, чтобы воспрянуть от поражения, постигшего их в 1793 г., и возвыситься до почета и благосостояния. Они не сумели использовать эту возможность; но если они слепы в

---

* Трактуя проблемы *равновесия, баланса, противовеса,* они забывают прежде всего подвергнуть анализу методы цивилизации, которые в плоскости представительной или иной системы всегда приводили лишь к иллюзорному равновесию, порождали столбцы цифр вместо подлинной ответственности, продажность сильных мира и грабеж слабых вместо *справедливого распределения.*

вопросах, касающихся влияния, лестного для их честолюбия, можно ли рассчитывать на их дальновидность там, где дело касается интересов всего рода человеческого?

Чуждые дальновидности, они использовали во вред человечеству то, что могло проложить путь социальному совершенствованию: *островную монополию и торговый дух.*

Доказывая это положение, я пойду вразрез со всеми системами, усвоенными в современной политике, и в особенности вразрез с предрассудками, восхваляющими свободу торговли, на самом деле лишь вредоносную, так как философы ее проповедуют. Здесь мы воочию убедимся в их слепоте и в том, что род человеческий подверг бы себя новым опасностям, вручив свою судьбу в руки ученых, восстающих против самых очевидных истин.

ПЕРВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

О ФРАНКМАСОНСТВЕ И ЕГО ЕЩЕ НЕВЕДОМЫХ СВОЙСТВАХ

Бог — враг однообразия; ему угодно, чтобы движение непрестанно видоизменялось то в смысле восхождения, то в смысле нисхождения. С этой целью бог способствует периодическому прорастанию в наших обществах семян, несущих новшества то благодетельные, то пагубные. От разума человеческого зависит умелое использование этих семян: глушение вредных, каковы политические клубы, и развитие добрых, каково франкмасонство, речь о котором будет ниже.

Какую пользу можно было извлечь из франкмасонства? Вопрос совершенно новый для века, который не сумел распознать возможностей, заложенных в этом учреждении; это драгоценный алмаз, которым мы пренебрегаем, не зная ему цены; не так ли и дикари Гвинейских островов попирали ногами золотые самородки, пока жадность европейцев не научила их понимать цену золота.

Воображая, что предаемся забавам, мы зачастую совершаем политические действия величайшей важности; таковы *кружки* или *казино,* о которых я уже говорил и которые являются зачаточной формой *прогрессивного хозяйства.* Это маленькое новшество могло бы опрокинуть весь строй цивилизации, если бы получило некоторое распространение и если бы кружки вылились в *постоянные хозяйственные единицы, обслуживающие холостяков различных возрастов, сообразно градации состояния.* Вскоре члены такой ассоциации заметили бы, что страсти побуждают подразделить всякое общество на несколько неравных и соперничающих групп; после нескольких попыток этого рода мало-помалу удалось бы образовать трибу в составе девяти групп, где соперничество оказалось бы уравновешенным и гармонизованным. Видя, сколько приятного в таком хозяйстве, незамужние женщины торопились бы

ему подражать, и вскоре строй цивилизации был бы уничтожен без каких бы то ни было политических потрясений, к великому удивлению всех.

При помощи франкмасонства можно было произвести революцию менее блестящую, менее быструю, но все же весьма удачную; если современные ученые не сумели этого разглядеть, то объясняется это тем, что их разум всегда горделиво витает в облаках, вместо того чтобы придерживаться средней зоны — здравого смысла. Подражая орлу, пренебрегающему мошкарой, они теряют чуткость к явлениям (procédés) природы, которые всегда чрезвычайно просты.

С середины XVIII века они жаждали произвести какую-нибудь революцию, чтобы возвыситься на ступень благосостояния. Им это удалось; но перед ними было несколько путей. Приходилось выбирать; посмотрим же, какой другой путь более соответствовал благу рода человеческого и их собственному благу. Перехожу к этому вопросу.

До 1789 г. ум человека жаждал нового, и религиозная секта, возникни она в эту пору, обладала бы бо́льшими шансами на успех, чем когда-то Магомет и Лютер. В соответствии с духом этого века нужна была секта, благосклонно относящаяся к наслаждениям; между тем философам и в голову не пришло основать такую секту даже в 1795 г., когда каждый был волен основывать религии, сколь бы бесцветны они ни были.

После полного провала в 1793 г. им не оставалось ничего другого, как бросить поприще, столь явно негодное, резко порвать (rompre en visière) со своими собственными догмами и открыто заключить мир с природой, узаконив страсть к наслаждениям, с которой приходится мириться, поскольку одолеть ее не удается.

Ученым трудно было вступить на путь воскурения фимиама страстям, столь ими опороченным; они лукавили и брели ощупью, предлагая *игнорировать богатства, не питая к ним ни любви, ни ненависти;* но там, где силен недуг, нужны сильные противоядия (grands remèdes). Спасение философов заключалось в том, чтобы итти напролом. Стертые в порошок цивилизацией, они должны были в свою очередь обрушиться на ее слабое место — рабство в любовных отношениях (servitude amoureuse) — и для уничтожения цивилизации создать культ любви, став его священнослужителями и первосвященниками. Масонское общество давало им эту возможность, если бы они сумели взять его в свои руки и направить должным образом.

Сан священнослужителя вернул бы философов к исходному пункту: ведь в древнем мире они были жрецами мифологического культа. Я уже указывал, что древние моралисты были своего рода языческими монахами; разве циники и эпикурейцы — не прообраз капуцинов и бернардинцев — вот до

какой степени сходен путь развития страстей; лишь форма их видоизменяется в зависимости от общественной фазы.

Чтобы подвизаться на поприще религии, философам нехватало лишь отщепенца, который задумал бы, наподобие Мирабо, уничтожить собственную корпорацию. Моралисты не могли самочинно взяться за такое предприятие: это — болтуны, чуждые смелости и изобретательности. Им нужен был глава, чтобы вести и дать им готовый план агрессии, составить который им было не под силу. Ведь в своих нападках на католическую религию они не сумели выдвинуть никакого культа взамен ее.

А между тем у них под рукой давно уже было орудие, способное обеспечить им победу, — секта *франкмасонов*. Эта корпорация, основанная, якобы, ради актов милосердия, уже преодолела самые трудные пороги на пути к культу наслаждений.

1. Ей удалось обрести адептов на всех территориях, где живут цивилизованные, и объединить представителей зажиточного класса под покровительством сильных мира, ставших во главе ее.

2. Она приучила народ мириться без оттенка зависти с этими таинственными ассамблеями, устраиваемыми втайне, вдали от невежественных профанов.

3. Она сообщила религиозный оттенок чувственным утехам. К чему сводятся собрания масонов? — К пикникам, приправленным моральным жеманством, полезным тем, что оно вытесняет карточную игру и дает возможность более экономно проводить время. Эти привычные для франкмасонов пиршества учтивым способом вытеснили скупцов, более вредных, чем полезных в религиозных делах.

Вот секта, приемы которой чудесным образом соответствовали задаче основания новой религии. Для возглавления ее нехватало лишь ловкого политика, который сумел бы ввести туда женщин и негу (volupté); будь все это, она тотчас же стала бы господствующей религией богатых людей во всех цивилизованных государствах, а христианство, которое своей суровостью больше сродни народу, незаметно замкнулось бы в народных низах, как культ Фо в Китае.

Я воздерживаюсь от каких бы то ни было подробностей, касающихся устава, приличествующего подобной секте, и существующей для нее возможности стихийного привлечения в свой состав всех виднейших членов социального корпуса, без отрыва их от католического культа.

При столь блестящем положении надо быть слепым, чтобы его не использовать. На этом основании можно утверждать, что если, как они это уверяют, они овладели *тайной*, то во всяком случае не тайной успешного продвижения вперед. Политическое ничтожество, в котором они пребывают, несмотря на наличие у них стольких средств возвышения, дает нам столь

плачевное представление о их мнимой тайне, что, предложи они ее открыть, многие отказались бы их выслушать.

Уж не станут ли они утверждать, что у них никогда не было желания возвыситься над политической посредственностью? Неужели они будут уверять, что главарям братской корпорации совершенно чужд дух захвата, составляющий сущность всякого братства, начиная от янычар и кончая иезуитами? Этой скромности можно верить не больше, чем лисе, боящейся набить себе виноградом *оскомину:* «видит око, да зуб неймет».

Не мешает, однако, ознакомить франкмасонов с одной истиной; она послужит для них утешением в их политической неуклюжести: дело в том, что их позорное неуменье осмыслить социальное движение ставит их на одну доску с самыми учеными компаниями цивилизации.

Культ неги прекрасно ужился бы с современной философией; ее экономические системы, сухие и слишком прямо проповедующие стяжание (l'amour des richesses), нуждались в союзе с какой-либо религиозной сектой для одухотворения их сухих заповедей. Политической экономии нужна была красивая маска для сокрытия гнусного лика; эта наука внятна лишь карману (ne parle qu'à la bourse); ей нужен был союзник, который бы говорил сердцу человеческому; секта, которая возвела бы негу и наслаждения в степень религиозного акта, доказала бы, что любовь к богатству и к удовольствиям вполне уживается с честностью, милосердием и с великодушными страстями. Поскольку корыстолюбию, против которого столь тщетно декламируют, суждено вечно властвовать над сердцами цивилизованных и никакими разумными рассуждениями этой власти ни на миг не ослабить, уж лучше драпировать его цветами, чем забрасывать грязью.

Заметьте себе, что, говоря о культе насаждений, я в принципе считаю его применимым лишь к классу *учтивому и богатому,* да еще к нескольким последователям, вербуемым из гущи народа для обслуживания секты, которая не могла бы допустить приобщения низших мещанских слоев до своего прочного обоснования у великих мира. Эта религия развивалась бы путем, прямо противоположным тем суровым культам, которые приходится насаждать в народе раньше, чем распространить на высшие классы; таким образом эти классы в наши дни оказываются *в рабстве у народа в области религии,* и это одна из комических сторон современной цивилизации.

Придав новому культу характер освежающего отдыха для порядочного общества, франкмасоны охватили бы весь богатый класс. Великие мира жаждут неги и наслаждений; разве могли бы они отказаться от утонченной практики наслаждений в сектах религиозных и воспитанных с составом, отвечающим их вкусам и навербованным из мужчин и женщин?

Средние классы, мелкие буржуа, подметив благосклонное отношение великих мира к этой новой секте, устремились бы в нее, очертя голову, как устремляются ныне во франкмасонские ложи в силу свойственного всем людям *сектантского духа и прозелитизма.* Таким образом можно быть уверенным, что они поддались бы соблазну *наслаждений вкупе с сектантским духом и прозелитизмом;* это послужило бы канвой для новой религии.

Бесполезно было бы мне возражать, пока я не ознакомил читателя со способами осуществления этого плана. Были верные средства завербовать все, что есть самого благородного в социальном корпусе, и в особенности богатых женщин, эту лучшую опору всякой религии. В числе прочих оплотов у нее оказалась бы и вся категория (classe) престарелых людей, которые при осуществлении нового культа пользовались бы его милостями наравне с молодежью, осмеивающей в наши дни их любовь к наслаждениям. Цивилизация, справедливо именуемая *войной богатого против бедного,* есть в то же время *война старого против малого,* и я докажу, что обе возрастные группы в равной мере страдают от этой распри, от которой не осталось бы и следа с приобщением людей к культу наслаждений.

Вместо следования этому плану, как повели себя философы в своих нападках на католическую религию? Они неудачно повели на нее лобовую атаку, не уяснив себе предварительно, каковы ее средства сопротивления и не противопоставив им встречных (contre-moyens)?

Вот где они показали себя подлинными поборниками золотой середины: никогда разум человеческий не порождал ничего столь посредственного, как те две религии, которыми разрешилась философия от бремени к концу XVIII века; я имею в виду *культ разума и теофилантропию,* культы воистину жалкие, религии мертворожденные:

«Telum imbelle sine ictu».

Никогда ни единая религия не выступала на сцену в обстановке более благоприятной, чем культ разума. Ему не приходилось преодолевать никаких препятствий: объятая ужасом, Франция с закрытыми глазами приняла бы любую религию и конституцию, предлагаемую ей. Какое небывалое преимущество для нового культа — эта возможность сразу утвердиться на территории крупного государства, принудив и друзей и недругов к выполнению своих обрядов! Если бы эта религия мало-мальски соответствовала духу народа или великих мира, она должна была преуспеть, хотя бы благодаря возможности *временного эксперимента* — шанса, которого не было ни у единого законодателя — ни гражданского, ни религиозного — со времен Ликурга. Видно, разум философов идет вразрез с человеческим сердцем, если они потерпели неудачу при столь блестящих шансах. Поставьте в такое положение других нова-

торов, дайте им возможность *временно экспериментировать* — и у вас будет религия, вкусив от которой на протяжении года, народы готовы будут отстаивать ее ценою жизни; но это будет культ страсти, а не воздержания.

Теофилантропия предстала в свете наилучших предзнаменований; но это опять-таки был культ золотой середины и умеренности, изменился лишь оттенок; а это претит сердцу человека. Про обе эти религии можно сказать, что одна из них была телом без души, а другая душой без тела.

В первой из них — крикливость без догмата, во второй — духовная безвкусица без какого бы то ни было великолепия. Первая была задумана, пожалуй, более политично; она ошеломляла (étourdissait) народ забавной смесью святости и профанирования; у нее были свои боги — Марат и Шалье; свои черти — Питт и Кобург; она возбуждала своими гражданскими парадами и гармоническими гимнами с примесью политических памфлетов. Эта религия чаровала зрение и слух, что любо народу, который отдается внешним восприятиям и жаждет иметь для благоговения нечто материальное, какова богиня разума.

Теофилантропы возвещали бога невидимого, совершенно бесплотного (invisible, dont rien n'offrait l'image); чем разумнее были их догматы, тем нелепее была их религиозная политика: народ нуждается в ослеплении, а не в просвещении. Всем вашим оракулам разума он предпочтет апокалиптические видения, чудеса, таинства, где он находит пищу и опору для своего слабого рассудка. Коротко говоря, он жаждет культа, который приводил бы его в состояние энтузиазма, помогал отрешиться от досадного разума; последний довел бы его до отчаяния, осветив всю безмерность его бедствий — общественных и домашних.

Новая оплошность и в той и в другой религии — отсутствие священнослужителей; народу хочется, чтобы были люди, специально пользующиеся доверием бога. А теофилантропы зачастую поручали возвещать слово божье адвокату или торговцу; люди не любят слушать проповедь добродетели из таких уст. Тщетно орудуют они своим титулом отца семьи; величайшие на земле негодяи и дурни тоже были отцами семейств. Притом, разве допустимо, чтобы служители культа обслуживали одновременно и церковь и лавку. Мыслимо ли, чтобы уцелел культ, если нет жрецов, специально посвятивших себя алтарю!

Наши философы проявили жалкую посредственность, создав религию воздержания, а дикий араб *Магомет* имел огромный успех со своей религией только потому, что он ни в чем не знал меры, во всем доходил до крайности, преувеличения, чудовищных размеров. Какой удар (camouflet — обида) для сторонников воздержания! Нападая на религию католическую, надо было противопоставить ей такую, которая ударилась бы

в противоположные крайности; та обожествляла отречение от благ (privations), эта должна была обожествить негу и наслаждения. Магомет не набрел на этот путь: его религия отнюдь не есть культ наслаждений; она сулит кое-какие утехи только мужчинам, отнюдь не женщинам; она не возводит наслаждение на степень религиозного обряда, и, наконец, она в корне губит его практикой гарема, который есть могила любви и доступен лишь богачам, тогда как в лоне цивилизации любой молодой человек приятной наружности умеет обзавестись гаремом из женщин данного города, не неся расходов по их содержанию.

Повторяю, в вопросах религии надо было совершить поворот, а на умеренности далеко не уедешь *. Впрочем, пусть философы не дивятся, что я не расписываю подробно религиозного поприща, которое перед ними открывалось и не было ими опознано; в мои намерения отнюдь не входит обучение их науке, издыхающей одновременно с цивилизацией; я хочу лишь показать им, что она не сумела ориентироваться и спасти себя, создав религию. В древнем мире они пользовались кое-каким влиянием благодаря своему приобщению к жреческой касте; их престиж постепенно падал, по мере того как жреческое служение от них отходило благодаря нарождению католицизма, слишком сурового для сочетания с какой бы то ни было литературной сектой. Таким образом им надо было пойти тем единственным путем, который был им уже знаком, — маневрировать для своего воссоединения со жреческой кастой или вытеснить ее, изобретя новый культ. Они попытались это сделать, но безуспешно: они не поняли, что нужен культ наслаждений, фундаментом которому могло служить франкмасонство. Такой культ служил бы преддверием к шестому и седьмому периодам, прокладывая путь свободе любовных отношений, которая, возникнув в масонских ложах, скоро распространилась бы на всю цивилизацию.

Ученые уже начинают заявлять во всеуслышание, что любовь не есть преступление; говорят, уже вышла такая книга; эта истина известна и пятнадцатилетним школьникам. Все дело в том, чтобы найти способы осуществления свободы любви

---

* На всем земном шаре имеется только две или три религии умеренного характера. Таковы квакеры, анабаптисты и др. Какую роль сыграли они? Не мертворожденные ли это? Не политические ли ублюдки? К чему ведет это воздержание? Поговаривают, что квакеры, с виду столь воздержные, отнюдь не воздержны по части обжорства и скупости, особенно в Филадельфии. Глядя на их скудную одежду, воистину можно сказать: «Гони страсти в дверь, они лезут в окно». Не простая ли расчетливость диктует им такую одежду? Будьте уверены, под маской воздержания всегда таится дьявольское намерение. Серая одежда без пуговиц избавляет квакеров от уплаты налогов, от отбывания воинской повинности и т. д. и т. д. Этой ценой многие жители Франции готовы стать квакерами: отцы — чтобы не платить налогов, сыновья — чтобы не отбывать воинской повинности. Где же здесь заслуга или воздержание, если все это преследует цели выгоды?

в социальном организме, предугадать тот общественный строй, который в результате этого установится, и характеризовать грядущие благодеяния этого новшества, которые на первых порах следовало бы ограничить отдельными корпорациями народа, каково франкмасонство. Итак, это одно из семян, брошенных провидением в нашу среду, чтобы предуказать нам путь спасения и перехода к комбинированному строю; а это федеральное общество, так долго существовавшее без опознания вождями и философами его свойств и дальнейшего предназначения, заслуживает быть отнесенным к тем многочисленным памятникам прошлого, которые будут свидетельствовать в грядущем о позорной политике цивилизации.

ВТОРАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

ОБ ОСТРОВНОЙ МОНОПОЛИИ И ЕЕ ДОСЕЛЕ НЕВЕДОМЫХ СВОЙСТВАХ

Я поясню, какое отношение имеет островная монополия к предначертаниям бога. Можно заранее предвидеть, что в этом вопросе перспективы творца вселенной не совпадают с суждениями цивилизованных, которые в области политики жалко прозябают и поднялись лишь со ступени ничтожества на ступень посредственности; чем карабкаться на эту ступень, с таким же успехом можно было остаться на первой.

В века более религиозные, чем наш, люди не без основания полагали, что бог порою карает нации; сейчас это более правдоподобно, чем когда бы то ни было: в наши дни все человечество унижено и угнетено одним и тем же пагубным бичом — островной монополией, опустошающей во всех направлениях социальный мир.

Этот бич губит промышленность в самом ее зародыше, пресекая сношения.

Он обрушивается на человечество в его массе, порождая корыстные войны, заставляющие народы поочередно уничтожать друг друга.

Он принижает всех государей, делая их рабами кредитора, который нейтрализует их политические системы.

Он роняет честь людей, подчиняя весь социальный организм гнусным меркантильным расчетам.

Такова пропасть, куда привели нас наши *экономические* науки: островная монополия возродила шкатулку Пандоры; в этом стечении бедствий, имеющих источником островную монополию, люди узрели бы кару, ниспосланную верховным существом, если бы наши метафизические ухищрения не приучили наших современников сомневаться в провидении и унижать бога пошлыми спорами о его существовании и половинчатой верой, не менее дерзкой (impertinente), чем атеизм.

Пока народы находились в диком состоянии (brutalité) или в состоянии полуцивилизации, близкой к варварству, слишком

невежественные для исследований предначертаний божьих, их нелепости и их социальные неистовства должны были возбуждать в боге не гнев, а жалость, и человечество в массе не претерпевало таких бедствий, таких вечных пыток, какие мы видим сейчас при наличии монополии.

Но с того момента, как прогресс наук и в особенности *мореплавания,* пробудил в человеке сознание его великого предназначения, с того момента, как человеческий разум обрел способность познавать волю бога, исследуя притяжение страстей, — с этого момента бог неизбежно должен был ввергнуть нас в уничижение, поскольку безумная гордость заставляла нас закрывать глаза на нашу социальную немощь и нелепость цивилизации. Чтобы привести в замешательство это гнусное общество, бог обрек его на пытки и бесчестие *островной монополии,* этого в муках рожденного чада прогресса.

В своих действиях бог не ограничивается достижением единственной цели, и бич, обрушенный им на наших современников, выполняет двоякого рода предназначение: он уничижает научных шарлатанов и открывает перед широкой общественностью возможность возрождения, о которой речь будет ниже. Это пиратство одного острова, этот разбой, приводящий в отчаяние весь земной шар, — одновременно и кара и благодеяние божьи, — мера, явно ниспосланная мудрым провидением. Читатель увидит, что эта монополия нам открывала различные пути достижения социального единства; ни единого из этих путей люди не узрели, потому что меркантильные системы философов сузили в этой области кругозор всех людей, и они еще более отяготили бедствия человечества, употребив во зло средство, ниспосланное богом, чтобы положить этим бедствиям конец.

Современную политику монополии, с одной стороны, плохо проводили, с другой стороны, ей неудачно противоборствовали. Англия, ее проводившая, не усвоила самой теории; она не сумела извлечь для себя пользы из открывшихся перед нею возможностей порабощения земного шара. Она лишь провозгласила проект, не продумав способов его осуществления. То же глубокое невежество царило среди французов, ее соперников.

Островная монополия [в ее грубой форме (brut)], несмотря на всю гнусность средств, которые она пускает в ход, все же осмысленнее самой справедливой из систем цивилизации, потому что она стремится к единственной похвальной цели в политике: к *единству управления земным шаром.*

В этом смысле монополия — мучительное противоядие, ниспосылаемое богом земному шару; в короткий промежуток времени оно может привести к благополучному исходу — ко вступлению в шестой период. Но бездарность англичан — агрессоров и экономистов, возглавлявших сопротивление материка, придали делу самый медленный и пагубный оборот. Этой слепоте не приходится удивляться, потому что Англия

и Франция — центры агрессии и сопротивления — являются главными очагами философии на земном шаре. И, следовательно, им суждено состязаться в неловкости, избирать пути самые извилистые, все более и более обострять распрю, не приходя к развязке.

Монополия при исследовании ее обнаруживает особенности, достойные внимания; это относится как к ее происхождению, так и к различному развитию в зависимости от политики. Вначале — о происхождении.

Бог тщательно подготовил нарождение монополии, разместив крупные острова в глубине морей наиболее судоходных и в пунктах, откуда легче всего тормозить сношения. Мы видим, что Англия, Мадагаскар, Япония, два острова в группе Зондских, Новая Гвинея, Борнео, Антильские острова, одним словом, все крупные архипелаги расположены у важнейших морских проходов. Бог не расположил их вдоль огромного побережья в три тысячи миль, обрамляющего Тихий океан; к этому побережью не текут большие реки, и его моря не могут стать мировыми путями сообщения; таким образом крупный остров в этих местах не имел бы шансов на монополию; и вот бог не создал больших островов у этого побережья, не создал даже островов средней величины, каковы Цейлон и Новая Земля, Хайнан и Формоза, призванные играть роль федеральных придатков монополии.

Когда эти массивы крупных островов, способные прокормить население в 15—20 млн., образуют единое административное целое под управлением одного государя, то для достижения господства, которого в большей или меньшей мере жаждет всякое государство, у них имеется единственный ресурс — торговая экспансия (или монополия в ее грубом виде). Таким образом эти массивы островов являются семенами монополии, посеянными богом вокруг материков для помехи сношениям стран, где народятся промышленность и мореплавание. Рано или поздно Антильские острова стали бы играть ту же роль, тон которой задала Англия; Антильские острова и Багамские могут прокормить 12 млн. жителей; господствуя над устьями крупнейших рек, они образовали бы, объединившись, второй меркантильный шанкр в ожидании третьего, образуемого Японией. Вторжение русских в Китай скоро вынудило бы японцев ради собственного спасения прибегнуть к мореплаванию, в сфере которого они бы прекрасно преуспевали и, создав из него оплот против русских, превратили бы его в средство агрессии против мировой промышленности.

Совершенно очевидно, что бог нарочито предуготовил это царство монополии, разбросав крупные архипелаги в наиболее благоприятных местах; необходимо исследовать связь между этим явлением и предначертаниями бога.

Ясно, что тираническое господство горстки купцов над

всеми монархами и империями не может соответствовать сокровенным желаниям бога, это не требует доказательств. Чем же он руководствовался, подготовляя почву для столь чудовищного влияния нескольких островов на континентальные державы? Все дело в том, что это влияние дает двоякого рода возможность внести замешательство в политику цивилизации:

1) сделав ее смешной, если монополией плохо управляют как агрессоры, так и сопротивляющиеся;

2) разрушив ее путем вступления в шестой период, если монополией хорошо управляют как агрессоры, так и сопротивляющиеся.

Верх одержала первая перспектива, к великому несчастью земного шара; совершенно очевидно, что монополия привела в замешательство современную политику. Если отвлечься от усилий Франции, которая может сдать (faiblir) при последующих правителях, мы видим, что монархи на материке расположены губить друг друга, итти в рабство к общему врагу, для всех невидимому и неприступному; этот враг извлекает для себя пользу из соперничества всех государств, из страстей каждого государя, натравливая страны друг на друга и ослабляя их. Он глумится как над их разумением, так и над их слепотой: приманка кредита соблазняет всегда кого-либо из слабых монархов, вооружая их против соседей; таким образом народы оказываются в равной мере жертвой мудрости или продажности монарха, и он в равной мере вынужден вести войну, будь то в силу честолюбия или продажности.

Таким образом островная монополия обладает чудовищным свойством нейтрализовать порок и добродетель и вести к нужной ей цели в результате рассудительности и помешательства ее соперников. Следовательно, бог не мог бы выдумать кару более гениальную, чем порабощение меркантильной лиге для уничижения одновременно и королей, и народов, и цивилизованных, и варваров; это рабство более постыдно, чем рабство, которое является уделом завоеванных. И действительно, островная монополия порабощает народы, причем они лишены возможности обороняться; коалиции самой совершенной комбинации не располагают средствами для лобовой атаки против нее; если сегодня победы лишают ее тех или иных союзников, завтра ее золото вербует ей новых; она вновь простирает свое влияние и приводит в волнение материк, как только перестают на нее нажимать в результате ее триумфов.

Чтобы оценить в полной мере влияние островной монополии на цивилизацию, надо мысленно вернуться к тем эпохам, когда материк мог противопоставить ей лишь монархов средней руки, как это было в 1789 г. Что касается наших дней, то Англия встречает противодействие и затруднения на материке. Но это лишь временно: у Франции не всегда будет мо-

нарх *величайший из великих;* при политических выкладках героические подвиги в расчет не принимаются; надо строить свои расчеты лишь на фактах заурядных и учитывать, что на одного принца-героя приходится семь принцев средней руки. Следовательно, Англия могла бы теперь (это уже лишено значения, так как всякая политическая борьба исчезает вместе с цивилизацией), Англия, говорю я, могла бы воспрянуть в результате какого-либо события, которое ослабило бы Францию и отдало материк целиком во власть интриг монополистов. На их стороне такое преимущество, как преемственность, неизменность плана, тогда как материк даже в ту пору, когда он пробует противодействовать, может колебаться в выборе средств и в течение долгого времени истощать себя тщетными усилиями в зависимости от методов сопротивления, на которых он остановится.

Есть еще один метод, до сих пор неведомый; я назову его *пассивным сопротивлением.* Он приводит к тому, что паук погибает за отсутствием мух: я имею в виду бойкотирование материками всех пищевых припасов, прямо или косвенно поступающих от монополистов. Об этой мере уже мечтали, не зная как ее осуществить. Сказать, что способ этот заключается в установлении *строя торговли, свойственного шестому периоду,* все равно, что сделать только намек — я могу осветить этот вопрос лишь в специальном трактате, посвященном шестому периоду. Этот новый строй торговли так легко организовать, что даже столь маленькое государство, как Рагузы, может его установить и насильственно распространить на весь земной шар, расстроив тем самым планы всех монополистов, *и крупных и малых.* (Ведь монополисты есть всякого калибра: разве Дания не установила монополии для своего маленького острова святого Фомы? То, что творится ею на уголке земли, творилось бы ею, если бы она имела эту возможность, на всем земном шаре.)

До сего момента жители материка знали лишь *активное сопротивление,* борьбу на море, в подкрепление которой недавно была образована федеральная лига; это — план грандиозный, и я не сомневаюсь, что, будь налицо большой человек, он бы довел это дело до успешного конца. Но в системе федерального сопротивления есть один минус: чтобы такое сопротивление организовать и довести до конца, нужен герой, гигант; дело может захиреть при преемниках менее ловких, тогда как монополия уцелеет и будет продвигаться к своей цели, сколь бы различны ни были средства, применяемые теми, кто ее возглавляет. Люди удивляются настойчивости и постоянству, проявляемым английским кабинетом в деле осуществления своих планов; эти планы неизменны при различных министерствах, потому что соответствуют наклонностям огромного большинства жадных людей; в основе их — грабеж под предлогом стремления к общему благу; такие планы обес-

печивают любому министру личное состояние, народную любовь и славу, для чего не требуется таланта. Мнимый талант английских политиков заключается лишь в том, что они обладают волшебным жезлом субсидии (le subside); его сила влечет монархов даже вопреки их собственной воле. Недаром в предпоследнюю кампанию [1805 г.] мы видели, как Австрия трепетала при виде пропасти, куда ее толкают; в то же время она сама предсказывала свои бедствия и сознательно шла навстречу гибели, поддаваясь непреодолимым чарам кредита. Так птичка, вместо того чтобы улететь, видя змею, колеблется, стонет и с ветки на ветку летит прямо в пасть змеи, сумевшей ее зачаровать.

Английские монополисты руководили своей агрессией так же плохо, как другие сопротивлением. Надо было выбрать одно из двух:

либо активную агрессию, или внесение раздора на континент; она слишком хорошо знакома читателю, так как на ней остановился выбор Англии; нет надобности ее описывать, так как весь земной шар ощущает ее плачевные последствия; *либо пассивную агрессию,* усыпление материка; это — маневр самый блестящий из маневров, свойственных политике цивилизации. Он заключается в завоевании материка с помощью его самого: в соблазне, умиротворении и подчинении себе варварства и цивилизации, орудуя одним из них против другого. Англия могла бы это осуществить, затратив наполовину меньше того, что ей приходится расходовать для внесения раздоров в среду наций и использования их для взаимного ослабления.

При пассивной атаке островитяне должны были рассматривать монополию в качестве вспомогательного орудия, а не в качестве цели политики; используя кредиты и средства подкупа, они должны главное внимание уделять выделению континентальной милиции; из нее надо было сформировать две армии: одну для воздействия на варваров — персов, Индию, Китай, Сиам и т. д.; другую для поддержания мира на материке, обеспечения необходимого снабжения милиции, предназначенной для завоевания варваров; при этом надо было усыплять бдительность цивилизованных, уделяя им некоторую долю сокровищ, которые государство брало бы у варваров (qu'on aurait prélevé sur les barbares).

Я не останавливаюсь на средствах осуществления подобного плана; он был осуществим на протяжении всего XVIII века даже в ту пору, когда у Франции был сильный флот, потому что парализовать продажный и летаргический кабинет, каким был старый кабинет Версаля, легко. Заинтересовав немецкие державы планом англичан, можно было довести Францию до издыхания и сгноить в портах ее восемьдесят судов, в то время как английские суда эксплоатировали бы Азию. Европейские воины все наперебой шли бы на службу к нации, которая предоставила им возможность обогащения в Азии, а на-

роды европейского материка, видя, что военные возвращаются с сокровищами из далеких экспедиций, преклонились бы перед системой, ведущей к умиротворению Европы путем обогащения ее награбленным на земном шаре. Отныне Англия, сильная общественным мнением и штыками материковых армий, почти невозбранно шла бы к завоеванию всего мира.

Зрелище ее успехов и осведомленность относительно намерений не создали бы ей врагов. Кабинеты, как и народы, принимают близко к сердцу лишь то зло, которое грозит им вплотную, и вся сила национальной ненависти обрушивается на ближайших соседей. Вот почему общественное мнение на континенте не возмущается Англией даже тогда, когда последняя во всеуслышание заявляет о своем намерении ослабить жителей материка и натравить их друг на друга. Таким образом она без труда могла бы господствовать над общественным мнением, усвоив и проводя план усыпления, выступая лишь против тех, кто стал бы нарушать мир, благоприятствующий вербовке ею милиции. Она завоевала бы на свою сторону министров всех королевских дворов, потому что они могли бы сочетать продажность с честью и маскировать свою продажность, надев личину миротворца и филантропа. Они изображали бы дело так, будто военные вооружения (fourniture des milices) являются залогом мира у цивилизованных и даже у варваров, которые в конечном счете более счастливы при наличии регулярного управления, чем под игом своих пашей и набобов. Что касается цивилизованных, то содействуя осуществлению подобного плана, они обрели бы внутренний покой и ту каплю благосостояния, которого можно достигнуть при цивилизации; это благосостояние возросло бы к моменту, когда Англия сочла бы возможным, приподняв маску, дать им понять ее превосходство, ее верховную власть и сообщить всему земному шару правильную организацию, которая расчистила бы путь шестому периоду. Таким образом английские монополисты сыграли бы роль ангелов-хранителей, посредников между цивилизацией и варварством; они осуществили бы наипрекраснейший из планов, могущих сложиться при политике цивилизации; из системы грабежа они могли извлечь результаты, своим блеском затмевающие трофеи завоевателей и разумение философов, так как ни путем воинственных, ни путем научных усилий никогда не удавалось распространить просвещение и завоевания хотя бы на одну четверть земного шара. Никогда ни ученые, ни герои не изобретали (до федеральной системы, изобретенной Францией) ни единого мероприятия, применимого ко всему земному шару, тогда как эта монополия, подвергавшаяся такой критике лишь благодаря незнакомству с нею, могла в ловких руках привести к завоеванию, единству и счастью всего мира.

Вот тот путь, который открывался перед Англией, если бы она сумела отождествить себя с континентом, вместо того

чтобы изолировать себя от него и трактовать его в качестве врага, и если бы она сумела усилиться за счет сил континентальных вместо расточения этих сил в разжигаемых ею с помощью денег войнах. Надо думать, что у этой нации очень мало политической изобретательности, если все ее министры, один за другим, придерживаются этой гнусной системы разжигания раздоров на материке, не изыскивая методов менее отвратительных. Впрочем, большинство английских министров прошли школу философии, которая душит в корне все — всякую великую, благородную и справедливую идею. Вот почему эти мнимые государственные мужи умеют лишь мучить род человеческий и доводить до отчаяния земной шар, вместо того чтобы его подчинить себе и организовать; они занимались мелким разбоем, не выработав плана общего наступления. Их мнимая изощренность сводится к меркантильной сообразительности и уловкам разбойника; они управляют страной с помощью расчетливости, а не политики, и весь их секрет, как и у франкмасонов, сводится к полному отсутствию такового.

Однако Англия держится благодаря тем бесчисленным шансам, которые предуготовил бог островной монополии, независимо от усвоенного ею направления. Если монополия могла расти, идя наугад, вразрез с наилучшей из систем; если Англия, несмотря на свою немощь (impéritie), все еще парирует самые чудесные триумфы своих соперников; как же обстояло бы дело в том случае, если бы цивилизация, затянувшись на долгое время, вызвала бы в различных архипелагах расцвет других очагов монополии, которые, подобно англичанам, проводили бы план раздора вместо умиротворения? Весьма вероятно, что Антильские острова, Япония и другие острова Востока не замедлили бы вступить на путь подражания Англии, которая наделала уже столько хлопот цивилизованным и варварам, несмотря на то что она — слабейший из крупных архипелагов, созданных богом, чтобы покарать и двинуть вперед цивилизацию ценою унижений и страданий.

Этот беглый обзор шансов, имеющихся у монополии, не должен будить тревогу, так как цивилизация близится к концу. А как только будет организована ассоциация, всякая островная держава, будь у нее хотя бы тысяча высокобортных (de haut bord) судов, будет вынуждена передать их федеральному монарху земного шара, и для этого ему не придется обнажить шпагу. Но допустим, что строй цивилизации затянется; мы увидим, что островная монополия — даже в ее наиболее стеснительной форме — все же является спасительной (salutaire) карой, наложенной на нас богом, так как во всяком случае она устраняет бури, порожденные философией, и ведет к установлению на всем земном шаре мира и единства верховного управления. Таким образом:

Если островитяне будут проводить план умиротворения,

о котором я говорил, они очень быстро придут к завоеванию земного шара; а как только он будет подчинен одному из архипелагов, будь то Англия или иной, островной суверен *континентализируется:* он образует на земном шаре *сотню царств, вассальных той великой империи, где установит свою резиденцию;* затем он разобьет орудие своего возвышения (exaltation) и низведет на степень ничтожества остров-завоеватель, который послужил для него ступенькой; он использует свой флот, чтобы уничтожить влияние островного флота и консолидировать за счет островитян единство верховной власти, им устанавливаемой, которая и есть правительство шестого периода. Таким образом земной шар обрел бы средство прямого и быстрого спасения в монополии, которая усвоила бы систему умиротворения (système d'assoupissement).

Если же островитяне будут проводить план раздора, усвоенный Англией, — систему столь же гнусную и затяжную, сколь другая благородна и быстра в своем темпе, — род человеческий может еще и в этом плане обрести три различных способа спасения и достижения единства. Эти способы суть:

успех монополии;
нетерпение суверенов;
континентальная федерация.

1. *Полный успех монополии,* которая, став абсолютным господином с помощью раздоров или умиротворения, и в том и в другом случае, в конечном счете, *континентализирует островного завоевателя,* образует на земном шаре мелкие государства, федеративно объединяемые центральной империей, и таким образом подчинит победителя побежденному, как Китай неоднократно ассимилировал и подчинял себе вторгавшихся в него татар.

Это порабощение острова-победителя побежденному материку было бы лишь повторением демагогических интриг крамольника, который льстит населению, чтобы раздавить богачей; а захватив власть, он примыкает к собственникам, чтобы надеть намордник на население (museler la populace). В этой борьбе архипелага с материком не очевидно ли, что архипелаг играет роль населения, подстрекаемого на борьбу с великими мира, и что ему уготована участь орудия, разбиваемого подстрекателем на следующий день после победы.

2. *Нетерпение суверенов;* оно могло бы прорваться, если бы какие-нибудь разбойничьи проделки, вроде копенгагенской экспедиции *, открыли, наконец, королям глаза на несуразицу политических наук и крайнюю степень уничижения,

---

* Англия несколько запоздала с таким переворотом; он бы удался ей в ту эпоху, когда Франция была во власти анархии и материк был лишен каких бы то ни было связующих уз и силы сопротивления. В ту пору англичане с помощью нескольких актов насилия могли бы навести ужас и по частям разгромить материк; но в наши дни такие выпады,

куда они привели цивилизацию. Тогда суверен в минуту гнева мог бы пригрозить всем неточным философам изгнанием, если на протяжении года они не откроют способа обходного (indirecte) наступления на монополию, успеху которой благоприятствовали они своими меркантильными системами. Напуганные угрозой, философы возвели бы необходимость в добродетель; они прекратили бы свою вздорную болтовню, стали бы упражняться в полезных изобретениях и рано или поздно открыли бы один из способов (я говорю один, потому что их несколько) ослабления монополии, притом без боя, путем операций чисто политического свойства, ведущих к шестому или седьмому периодам и к единству управления (à l'Unité administrative).

3. *Континентальная федерация;* этот третий результат одержал верх и мог привести к подчинению Англии и к единству земного шара.

Если бы французская федерация охватила всю Европу, свыше половины коей она уже объединяет, если бы подчинить хотя бы только Европу единому центру действия, единому плану комбинированного сопротивления, то уже с будущего года все порты земного шара оказались бы для англичан закрытыми, потому что державы Азии, Африки и Америки не оказали бы никакого противодействия волеизъявлению союзной Европы, опирающейся в своих приказах на целый миллион ратников. Итак, чтобы сразить островную монополию, достаточно установить федеральную лигу в Европе. Значение этой лиги заключалось бы не в уничтожении монополии, которая может возродиться из пепла, пока существует цивилизация, но в установлении единства управления всем земным шаром, которое вводит уж в шестой период и делает навсегда невозможным какое бы то ни было возрождение монополии. Мне остается указать, как должна быть построена такая федеральная лига земного шара для достижения столь желанной цели.

Таковы вкратце три способа спасения и единства; монополия делает это возможным для земного шара даже при осуществлении гибельной системы континентальных раздоров, превалирование которой объясняется политическим невежеством англичан. Таким образом я был прав, говоря, что островная монополия есть *способ исцеления утомительный, но*

как копенгагенский, лишь теснее сплачивают державы материка вокруг героя, который может избавить их от торгового порабощения. В этом отношении вторжение в Зеландию и бесполезные дикости, ему сопутствующие, вроде начинки бомб дробленым стеклом, — событие весьма счастливое; оно ясно показывает необходимость образования континентальной лиги, и, не считая злосчастного Копенгагена, я полагаю, весь материк должен принести благодарность тем английским министрам, которые имели бестактность приподнять маску над этим гнусным вероломством. Помимо того все это лишено значения, так как очень скоро мы выходим за пределы цивилизации.

здоровый, уготованный богом земному шару; причиняя нам немало беспокойств, этот способ все же рано или поздно должен дать весьма положительные результаты. Действительно:

злоупотребление способом исцеления, т. е. разжигание раздоров на материке, в конечном счете порождает один из трех здоровых процессов, указанных мной;

добросовестное использование этого способа исцеления или умиротворения материка быстро и без гроз ведет к универсальному единству.

Таким образом либо тем, либо другим путем монополия приводит в полное замешательство философию, потому что бороться с нею можно лишь методами, противоположными системам, проповедуемым политиками и моралистами; она обличает комизм всех их принципов на протяжении своего господства, подкупающего все умы; путем уничижения этих двух наук монополия ведет к благодетельному единству, все пути к которому для них были заказаны.

Отсюда можно заключить, что эта островная монополия, в которую мечет громы и молнии невежество, есть мудрое предначертание бога: внести замешательство в наши понятия и даровать нам благо, которого мы не осмеливаемся даже жаждать, — благо *социального единства,* к которому нас приводит монополия тем или иным путем и куда мы уже пришли бы, если бы наша никчемная философия не задушила в корне идею единства, благодаря чему упущены прекрасные случаи.

Я упомяну лишь один из них; остановлюсь на последнем, нам представившемся; им следовало бы воспользоваться, чтобы заставить Англию без промедления передать свою эскадру конфедератам материка.

После битвы при Иене и в последующие дни, довершившие разгром пруссаков, в Европе осталось лишь три крупных державы — Франция, Россия и Австрия. Австрия могла предложить Франции союз, чтобы положить начало единству и вытянуть для государей и друзей своей династии жребий в сто миллионов подданных; если бы эти две державы объединились, им без труда удалось бы побудить Россию к сотрудничеству с ними.

Момент как нельзя более благоприятствовал такой операции; возможно, что засоренная старыми идеями баланса и равновесия Австрия даже не узрела блестящей карьеры, открывавшейся перед ней.

Так как соглашение этих двух держав повлекло бы за собой присоединение к ним целого материка, то под руководством французского монарха можно было приступить к осуществлению плана в целом. Следуя этому плану, можно было бы двинуть достаточные силы для оккупации районов Кавказа и Памира и объединить вокруг Оксуса все орды Азии;

вслед затем суверенам Азии сообщили бы волю конфедерированной цивилизации, грозя сместить династию и чиновников всякого государства, которое вздумало бы сопротивляться. После этого для различных принцев Европы было бы организовано около сотни федеральных государств; властелинам этих районов отвели бы подобающий ранг и обеспечили бы соответствующую долю; им ведь только и нужны гарем и трубка; видя занесенный над ними нож, они весьма обрадовались бы перспективе обеспеченного существования при строе более устойчивом, чем варварство.

Вместо того чтобы строить свои расчеты на благодетельном осуществлении единства, государи яростно дерутся из-за клочка земли, тогда как земной шар дает им возможность произвести дележ обширных государств ко благу населяющих их народов. Эта узость кругозора европейских политиков объясняется влиянием философии; разглагольствуя против духа завоеваний, она совлекает род человеческий с единственного пути благосостояния, совместимого со строем цивилизации. Разве при цивилизации на земном шаре может воцариться мир раньше, чем *завоевание всего земного шара* не объединит все народы под властью единого центрального правительства?

Есть ли что-либо более человекоубийственное, чем эта умеренность, рекомендуемая правителям и лишь увековечивающая войны, так как периодически появляются честолюбивые монархи, которые склонны к захватам, поскольку нет на земле верховной власти, гарантирующей всеобщий мир.

Коротко говоря, с тех пор как мореплавание дает нам возможность объединить весь земной шар, нет страсти более здоровой, чем безмерное честолюбие и жажда завоеваний, потому что, если одному из монархов удастся завоевать хотя бы две трети Европы, он может принудить последнюю треть стать под его знамена и таким образом мгновенно осуществить федеральную лигу земного шара и всеобщее умиротворение.

Следуя этому ходу мыслей, читатель поймет, что наши теории умеренности, рекомендующие монархам довольствоваться жребием, который случайно выпал на их долю, суть теории *вечного грабежа:* они лишь увековечивают войны, не давая государству никакой гарантии против вторжения соседей, могущих безнаказанно попирать договоры.

Федеральное единство, возможное в 1806 г., упущено благодаря апатии Австрии; сейчас еще более блестящие шансы открываются перед союзными императорами Франции и России. Не знаю, который из этих монархов может в большей мере похвалиться тем, что он властвует судьбой; вряд ли когда-либо судьба благоприятствовала смертному больше, чем она благоприятствует в наши дни Александру, давая ему возможность разделить плоды трудов Наполеона, содействовать

его великолепному начинанию по установлению федерального единства на земном шаре.

А так как островная монополия различными способами ведет к установлению этого единства, этой верховной власти, которая была бы гарантией всеобщего мира, то я имел полное основание утверждать, что несмотря на гнусность средств, которые она пускает в ход, эта система все же более разумна, чем наши философские теории, все без исключения увековечивающие войны, теории, которые двояким путем затягивают бедствия рода человеческого: монополистов они привели к самой пагубной системе агрессии, системе разжигания *раздоров на материке,* а жителей материка — к самой пагубной системе сопротивления, *к активной борьбе, или борьбе на море;* комизм этой борьбы люди поймут, когда я познакомлю их с наличными у цивилизации возможностями быстрого уничтожения всякой монополии путем установления строя торговли, свойственного шестому периоду.

ИНТЕРМЕДИЯ

СИСТЕМА РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Я предупреждал, что в этом произведении я посвящу несколько глав теории социального движения; данная глава имеет в себе мало забавного, и, однако, ее следует перечитать два раза, дабы усвоить ход цивилизации, наступательное и попятное развитие которой я изобразил на таблице, помещаемой на следующей странице.

Указав, что островная монополия и франкмасонство могли послужить основой для социального прогресса, я показал всю нелепость современной политики, не сумевшей использовать эти средства совершенствования для выхода за пределы цивилизации.

Наши современники еще более слепы в вопросе механизма торговли; исследование этого механизма покажет, как упорно стараются философы глушить всякую истину, пренебрегая самыми очевидными симптомами нашего невежества в области социального искусства.

Господство торгового духа будет здесь рассматриваться как дегенерация или декаданс цивилизации. Соответственно этому я укажу в таблице механизма цивилизации место, отводимое торговле и монополии; я покажу, что прогресс или декаданс обусловлены исключительно стихийными силами природы и что неточные науки никогда не оказывали нам никакой помощи.

Каждая фаза имеет свои специальные атрибуты, на которых я здесь не останавливаюсь.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ДВИЖЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

	Колебание восходящее	ДЕТСТВО:
1-я фаза		Зародыш. Моногамия, или единобрачие Стержень. Гражданские права супруги
2-я фаза		РОСТ:
		Зародыш. Дворянский феодализм Стержень. Освобождение производителей
Апогей, или полный расцвет		ИСКУССТВО МОРЕПЛАВАНИЯ
	Колебание нисходящее	УПАДОК:
3-я фаза		Зародыш. [Меркантильный дух] Стержень. Островная монополия
		ДРЯХЛОСТЬ:
4-я фаза		Зародыш. Монополия ограниченного количества лиц Стержень. Коммерческий феодализм

Градация и деградация

Обе фазы *восходящего колебания* характеризуются уменьшением личного, или прямого, рабства.

Обе фазы *нисходящего колебания* характеризуются ростом коллективного, или косвенного, рабства.

Апогей есть эпоха, когда цивилизация в полной мере развертывает свои шестнадцать характерных особенностей и принимает *наименее отвратительные* формы; я не скажу *самые благородные,* потому что эта общественная формация всегда отвратительна и ее четыре фазы отличаются друг от друга лишь оттенками царящих там всегда вероломства и несправедливости.

Таблица заключает в себе мнимое противоречие: оказывается, что цивилизация *клонится к закату* благодаря нарождению искусства мореплавания, которое, однако, является душой социального прогресса. Смотрите значение слова закат, где я поясняю, каким образом социальный период может близиться к закату в силу роста производительной способности общества.

Под искусством мореплавания я разумею крупную навигацию, способную развиваться, охватить весь земной шар и играть главенствующую роль. Это искусство, прекраснейшее из трофеев человеческого разума, не гармонирует с цивилизацией: оно соответствует лишь шестому периоду и последующему. Если при строе цивилизации общество поднимается на эту ступень науки, то это ведет к несчастью; оно берет на себя больше, чем в состоянии поднять. Действительно, искусство мореплавания порождает у нас островную монополию и другие бедствия, которые не имели бы места в шестом

периоде; таким образом этот избыток знаний оказывается для нас пагубным, подобно тому как самая здоровая пища может вредить здоровью того, кто набрасывается на еду, не зная меры. Предел, назначенный производительной способности цивилизованных — мелкое судоходство; раньше чем организовать крупное, следовало бы перейти к шестому периоду, потому что крупное мореплавание порождает у нас множество социальных бурь, ведущих к третьей и четвертой фазам — упадку и дряхлости.

Каждая из четырех фаз цивилизации имеет свою стадию полноценного расцвета, или апогея, подобно тому как период в целом имеет свою. Совершенно очевидно, что третья фаза находится уже *за пределами апогея*, так как мы видим исключительное господство островной монополии и все связанные с этим бедствия, каковы: банкротство, ажиотаж, спекуляция и т. д., порождаемые меркантильной политикой.

Примечание. Эта беглая картина прогрессивного движения не имеет ничего общего с движением механическим, изображающим систему контрразвития страстей в сложном строе, шестнадцать видоизменений характеров, или развитие страстей в обратном порядке Эта таблица выявила бы точки скрещивания и методического разрыва благодаря коллизии, конфликту и несходству, затем разделение на семь примитивных и их формирование в возвратные серии, наконец, великую *битву страстей.* Я говорю, *великую битву,* потому что хотя страсти постоянно и находятся в состоянии раздора в пяти обществах с разобщенными хозяйствами, однако при цивилизации их столкновение представляет собою нечто более сложное и любопытное, чем в любом другом периоде. Недаром механизм цивилизации являет наиболее яркую картину политических ужасов, какие только можно найти в мире, так как это есть полное извращение комбинированного строя, мудрейшей комбинации, созданной богом.

Заметим, что в пройденных трех фазах цивилизации философия никогда не способствовала социальному прогрессу, сомнительную честь которого она приписывает себе. Она всегда была *пассивна* в отношении социального движения; я уже указывал некоторые проявления этой пассивности. Суммирую их:

Первая фаза. Она нарождается благодаря предоставлению гражданских прав супруге. Древних философов, Конфуция, философов Египта и Индии этот вопрос не тревожил; они не обнаруживали даже намерения улучшить участь женщин. У античных женщин было еще меньше свободы, чем у наших; на них не распространялись различные права любви, например, право отклонения предложения (répudiation), и моралисты, как и сейчас, относились совершенно безразлично к их благополучию.

Вторая фаза. Цивилизация вступила в эту фазу благодаря смягчению рабства. Это улучшение было следствием дворянского феодализма, давшего земледельцу средство *постепенного коллективного* освобождения. Закрепив крепостных за пашней, а не за отдельным лицом, феодализм дал им возможность обратить в свою пользу слабость каждого сеньора; и

община, добиваясь одной уступки от скупости отца, другой — от благотворительности сына, мало-помалу добилась свободы. Это — явление, о котором древние философы не имели еще представления.

Третья фаза. Она развернулась под влиянием коммерческой политики, порождаемой колониальными монополиями. Философы этого влияния совершенно не предвидели и не изобрели ни единого средства, чтобы его уравновесить или бороться с ним в отрасли коммерческой политики, наиболее изобилующей притеснениями в сфере островной монополии. Они вмешались в политику торговли для проповеди пророков, вместо того чтобы с ними бороться, как я это покажу ниже.

Четвертая фаза. Цивилизацию к ней влекло благодаря господству монополий (Maîtrises en nombre fixe): под защитой привилегии они устраняют наиболее достойных претендентов и закрывают кондиционный доступ к труду. Такого рода компании таят в себе зародыш обширной феодальной коалиции, которая вскоре может заполонить всю систему промышленности и финансов и породить *коммерческий феодализм.* Далекие от предусмотрительности философы с их пристрастием к меркантильному духу не предвидели, к чему это поведет; а между тем уже назревают события, которые изменят эту политику и обусловят нашу деградацию в четвертую фазу цивилизации.

Но эти софисты не стараются предвидеть грядущие бури. Они исследуют социальное движение задним числом и занимаются лишь прошлым и настоящим. В наши дни, когда меркантильный дух господствует, они по своему обыкновению считают, что существующее положение вещей есть совершенствование разума. Они будут разглагольствовать о том, что видят, не предполагая, что строй цивилизации может вылиться в новые формы.

А когда в дальнейшем цивилизация достигнет своей четвертой фазы, когда безраздельно установится *коммерческий феодализм,* тогда философы задним числом вмешаются в это дело и образуют новую секту для ученых споров; они станут восхвалять пороки четвертой фазы и пустят в продажу массу книг, посвященных этому новому строю, в котором они будут усматривать *совершенствование способности к совершенствованию,* как они это видят сейчас в меркантильном духе.

ТРЕТЬЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

О СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ, ЕЕ ИЗВЕСТНЫХ ПОРОКАХ И НЕИЗВЕСТНЫХ ОПАСНОСТЯХ

ВВЕДЕНИЕ

Я касаюсь больного места цивилизации; тяжелая задача — возвышать голос против современного умопомешательства, против химер, которые теперь в моде.

В настоящее время критикой нелепых сторон торговли можно навлечь на себя анафему совершенно так же, как в XII веке — критикой тирании пап и баронов. Если бы пришлось выбирать меж двумя опасными ролями, то, конечно, открыто сказать горькую правду самодержцу менее рискованно, чем оскорбить гения меркантилизма, деспотически властвующего над цивилизацией и над самими монархами.

В пылу увлечения не ждите от людей здравых суждений по общественным вопросам. Свидетель тому — системы торговли; достаточно поверхностного анализа, чтобы убедиться, что они всюду вносят разложение и расстройство в цивилизацию и что в вопросах торговли, как и во всех остальных, люди все сильнее и сильнее сбиваются с пути под эгидой неточных наук.

Ученый спор о торговле едва насчитывает полстолетия, а участники его успели уже написать тысячи томов, не замечая, что самый механизм торговли слажен наперекор здравому смыслу. Он подчиняет весь общественный организм классу паразитических и непроизводительных агентов, каковы купцы. Все основные классы — собственник, земледелец, мануфактурист и даже правительство порабощены придаточным классом купцов, которому следовало бы находиться у них в подчинении, быть их сменяемым и ответственным перед ними агентом; на самом деле он управляет всеми пружинами обращения и тормозит его по собственному усмотрению.

Такова тема моих рассуждений: я хочу установить, что при надлежащей политике купечество должно быть *солидарным и страховать самого себя,* а общественный организм должен быть обеспечен от банкротств, ажиотажа, спекуляции, ростовщичества, непроизводительных потерь (déperditions) и иных неурядиц, порождаемых нынешним строем; этот строй давно уже должен был будить негодование всех политических писателей, если бы у них была хоть тень того уважения к добрым нравам, которым они кичатся.

В этом первом мемуаре я хочу лишь подойти к вопросу, отметить основные пороки, свидетельствующие о нашем заблуждении и диктующие изыскание способа обращения менее порочного, чем нынешний, именуемый *свободной конкуренцией.*

В области обмена, как и в области любых других общественных отношений, каждому периоду присущ особый прием:

четвертому периоду — принудительная реквизиция, максимальные ставки, такса и т. д.;

пятому периоду (или цивилизации) — свобода конкуренции, независимость купца;

шестому периоду (или гарантизму) — сосиетарная конкуренция, солидарность, подчинение коммерческого механизма

интересам производителей, фабрикантов, земледельцев и собственников.

Для различных других периодов существуют другие приемы, которых я не буду касаться. Я остановлюсь лишь на сосиетарной конкуренции, совместимой с нашими обычаями и предпочитаемой свободе торговли, которая в свою очередь предпочтительна максимальным ставкам, таксе и иным приемам четвертого периода, или варварства.

Я подойду к вопросу, как цивилизованный, точно законы движения мною не установлены. Позабудем на мгновенье, что они уже открыты, и будем рассуждать, как если бы предстояло изыскивать способ устранения торговых неурядиц цивилизации. Посмотрим, каков должен быть в этом случае ход мыслей экономистов, считающих себя компетентными в торговых делах.

В ходе последующих рассуждений я должен буду высказывать взгляды, мало лестные для торговли вообще; но я уже отмечал, что критиковать профессию — не значит критиковать людей, которые ею занимаются. Те, кто негодующе разглагольствуют против маневров биржевых игроков, адвокатов и иных, сами, быть может, превзошли бы их жадностью, окажись они на их месте; никогда не следует порицать страсти отдельных лиц, надо порицать лишь цивилизацию, при которой утолять страсти можно лишь путем порока, что и вынуждает людей к порочному поведению для достижения богатства, без которого нет счастья.

Трактат по этому вопросу будет подразделяться так:

1. Происхождение политической экономии и ученого спора о торговле.
2. Грабеж общества с помощью банкротства.
3. Грабеж общества с помощью спекуляции.
4. Грабеж общества с помощью ажиотажа.
5. Грабеж общества торговым паразитизмом.
6. Декаданс цивилизации благодаря коммерческому духу, который ведет ее к четвертой фазе *.

I

Происхождение политической экономии и ученого спора о торговле

Тема подлинно достойная эпопеи. Муза, воспой подвиги смелых новаторов, сразивших античную философию. Из мрака небытия внезапно появилась на свет секта: *экономисты* дерзнули атаковать глубокочтимые догматы Греции и Рима. Подлинные образцы добродетели — циники, стоики и все зна-

---

* [В трактате о преступлениях торговли их будет указано 32; я опишу лишь 4, желая в этом вопросе, как и во всех прочих, ограничиться наброском, потому что это — проспект.]

менитые любители бедности и среднего достатка — обанкротились и сложили оружие перед экономистами, которые ратуют за роскошь. Божественный Платон и Сенека ниспровергнуты с престолов. Черная похлебка жителей Спарты, репы Цинцината и грязная блуза Диогена — весь этот арсенал моралистов утратил свою силу, все расступаются перед бесстыдными новаторами, проповедующими застольные утехи, любовь к роскоши и к презренному металлу — золоту и серебру.

Жан-Жак и Мабли при всем их мужестве тщетно отстаивали честь Греции и Рима. Всуе преподносили они народам вечные истины морали: «Бедность есть благо, надо отречься от богатства и без малейшего промедления отдаться философии» *. Бесполезные увещевания! Рим и прекрасный античный мир понесли поражение.

Говоря общепонятным языком, цивилизация сменила фазу: из второй она перекочевала в третью, где коммерческий дух полновластно царит в политике. Эта смена обусловлена развитием искусства мореплавания и колониальной монополией. Философы, всегда лишь post factum втирающиеся в общественное движение, примкнули ко взглядам нашего века и стали восхвалять коммерческий дух, видя, что он господствует; так возникла секта экономистов, а вместе с нею и ученый спор о торговле.

По какому поводу философы одумались после стольких веков и ввязываются ныне в коммерческие дела, презираемые ими в античные времена? На протяжении всей древности торговля была предметом их непрерывного глумления. Для мыслителей купец был почти посмешищем; они вместе с Горацием твердили, что вся наука коммерции сводится к простому расчету:

«Сколько будет сто, помноженное на двадцать?»

Однако влияние, приобретенное Тиром и Карфагеном, ясно показывало, что торговая мощь может в один прекрасный день одержать верх над силами земледелия и подчинить себе всю систему управления. *Но этого еще не произошло, и, следовательно, это никогда не должно произойти.* Как правило, именно так рассуждает философия; она способна лишь задним числом видеть, что происходит в общественном движении; грядущие поколения, несомненно, будут изображать по-

---

* Именно так говорил Сенека, человек с 80-миллионным состоянием. Он требовал отречения от богатств без малейшего промедления. «Чего вы ждете? — говаривал он. — Не откладывайте до завтра; сегодня же откажитесь от ваших богатств, чтобы отдаться философии».

Эти словесные ухищрения занимали цивилизацию целых два тысячелетия; этот вздор слыл за мудрость. В наши дни смехотворными кажутся разглагольствования о том, что «надо бросить вероломное богатство в недра жадных морей» *(Жан-Жак Руссо)*. Но эти фразеры превзойдены гистрионами, еще более немощными и более виновными; эта секта экономистов тем опаснее, что она рядится в облачение разума.

литику цивилизованных с головой затылком наперед, глядящей исключительно назад.

Вплоть до середины XVIII века неточные науки упорно поддерживали вредное, предвзято пренебрежительное отношение к торговле; свидетелем тому — дух, царивший во Франции в 1788 г. Школьник, поссорившись с товарищем в ту пору, говорил: «*Ты сын купца*», — и не было оскорбления более страшного. Так смотрела на купца провинция; меркантильный дух гнездился в портах и столицах, резиденциях крупных банкиров и крупных мошенников. Лишь в 1789 г. купцы внезапно превратились в своего рода полубогов, и секта ученых открыто стала на их сторону и давай их восхвалять как орудие, полезное для осуществления ее намерений.

Итак, в момент возникновения торговли философы ее презирали и игнорировали, [они и сейчас столь мало в ней смыслят, что путают коммерсантов с полезной категорией — промышленников (manufacturiers)]. Эти ученые стали оказывать почтение торговле лишь в пору ее полного торжества. Не так ли и откупщиков начинают превозносить, увидав их в коляске, запряженной шестеркой? Тогда ораторы восхваляют их добродетели и стараются присоседиться к их застольным утехам. Именно так было у философии с коммерческим духом; она стала к нему подлаживаться, когда он достиг апогея могущества; до того времени она не удостаивала его своим вниманием. Испания, Португалия, Голландия и Англия в течение долгого времени осуществляли монополию торговли, а философия не думала ни хвалить их, ни порицать. Голландия сумела сколотить огромные богатства, не консультируя экономистов; их секта еще не народилась, когда у голландцев были уже груды золота. В эту эпоху философы по уши сидели в античном мире или ввязывались в религиозные распри.

Наконец, они стали замечать, что новая политика торговли и монополии может послужить темой для толстых книг и обеспечить влияние новой секте; тогда философия разрешилась от бремени сектами экономистов; несмотря на их недавнее происхождение, они добросовестно нагромоздили множество томов и обещают догнать в этом отношении своих предшественников.

Согласно обыкновению всех софистов, новые пришельцы старались вносить в существо дела возможно больше путаницы, чтобы давать пищу ученому спору и существовать за счет читателя. Можно смело сказать, что экономисты не только ничего не открыли, но и сами еще не знают того, о чем говорят; недаром в вопросах наиболее существенных, например в вопросе о *пределах, которые надо установить для народонаселения,* они сознаются, что *их наука не выработала твердых принципов.* Она не пришла к определенным выводам, следовательно, неизвестно, на что она нужна; но авторам до

этого нет дела: печатный станок работает, книги распродаются, значит, цель философии достигнута.

Пусть экономисты скажут: стремятся они сократить или умножить политические невзгоды — рост налогов, захват всего поля общественной жизни ябедниками, увеличение армий, рост банкротств и фискальности и т. д.? Вне всякого сомнения, эти бедствия никогда не возрастали так быстро, как со времени нарождения экономических теорий; не лучше ли, чтобы меньше прогрессировала наука, а вместе с нею и зло?

Какие побуждения заставили философов, этих пламенных апостолов истины, стать в XVIII веке под знамена лжи, т. е. торговли? Что такое торговля? Это ложь со всеми ее атрибутами — банкротством, ажиотажем, ростовщичеством и всякого рода надувательством. Современная философия закрывает глаза на весь этот позор. Будем доискиваться причин такого бесстыдства, применив к поведению ученых тот самый аналитический метод, который они суют всюду.

Твердо решив восхвалять торговлю, они стали все расценивать на вес золота, обращать внимание лишь на размеры и на темп сколачивания торгового капитала, восхвалять независимость этой профессии, якобы, самой свободной и наиболее благоприятствующей честолюбию. Они прославляли в качестве гениальных спекуляций гнусные манеры, доступные последнему олуху, если его обучать этой науке в течение месяца (на самом деле в торговле ничему не обучают); они восхваляли пышность биржевиков и спекулянтов, соперничающих с великими мира. Весь этот блеск ослепил ученых, вынужденных проводить бессонные ночи и пускаться в интриги, чтобы заработать жалкие гроши, пока не удастся заручиться чьим-либо унизительным покровительством. Ошеломленные и сбитые с толку видом торговых плутархов, они стали колебаться между критикой и лестью. В конечном счете золото перевесило на чаше весов — они окончательно превратились в смиренных прислужников купца и стали превозносить до небес меркантильную науку, столь осмеянную ими раньше.

И как не восхищаться этими биржевыми игроками, людьми, которые «только и знают что $5 + 4 = 9 - 2 = 7$» *(Буало)*.

С помощью этой науки люди, пришедшие в город в лаптях, становятся владельцами каменных палат. Они ведут широкий образ жизни в столицах, а ученые погибают от нищеты; и вот, попав в салон биржевого игрока, философ усаживается за стол между куртизаном и придворным. Как же не восхвалять этих модных святых?

Ведь в цивилизации на правде далеко не уедешь; и в глубине сердца ненавидя торговлю, философы склоняются ниц перед золотым тельцом, не осмеливаясь писать ни единой страницы без громкого восхваления необъятной торговли и торговли необъятной.

Нападки на торговлю сулили им выигрыш: они могли бы восстановить свой престиж и оправиться от поражений, обличив разбой той торговли, которую они втайне презирают, как и торговля презирает их.

Анализ этих разбоев покажет, что купечество (не надо смешивать его с мануфактуристами) играет в общественном строе роль банды союзных пиратов, стаи хищников, уничтожающих земледелие и мануфактуру и всесторонне порабощающих общественный организм.

Я не собираюсь критиковать отдельных лиц; они сами не ведают пагубности своей профессии, а хотя бы и ведали, разве можно порицать грабителя при цивилизации, где все общество — жертва обмана и надувательства; эта истина слишком хорошо известна, и последующие главы дадут лишь новое подтверждение.

II

Грабеж общества с помощью банкротства

Когда преступление повторяется слишком часто, к нему привыкают и смотрят на него хладнокровно. В Италии и в Испании наемный убийца невозмутимо вонзает кинжал в указанную ему жертву и остается безнаказанным, удаляясь в церковь. В Германии же и во Франции, где народы по своему характеру враждебны вероломству, такой убийца возбудил бы ужас, и народ мог бы разорвать его на куски, прежде чем дело дошло бы до правосудия.

Как часто одно и то же преступление невозбранно царит в одном народе, являясь предметом ужаса для народа соседнего. В Италии отцы уродуют и злодейски калечат детей, чтобы усовершенствовать их голос; служители бога поощряют эти злодейства, принимая на службу в церковь несчастные жертвы отцовской жадности. И те же ужасы возбуждают негодование в любой другой цивилизованной нации.

С другой стороны, у французов, немцев, русских и англичан вы найдете другие возмутительные обычаи, возбуждающие негодование итальянцев или испанцев. За примерами недалеко ходить: у англичан существует обычай вести жену на рынок с веревкой на шее, чтобы ее там продать. Существуют у них и другие грубые обычаи, так как этот народ более похож на дикого, чем на цивилизованного: взять хотя бы их обыкновение порочить и ругать иностранцев, которые зачастую в большем почете у дикарей, чем у населения Лондона и английских провинций.

Если обычаи и взгляды столь разнятся от народа к народу в пределах цивилизации, сколь должны они быть различны в разные социальные периоды; пороки, терпимые при цивилизации, показались бы отвратительными более совершенным социальным ступеням. При гарантизме, в шестом пе-

риоде, еще далеком от совершенства, трудно было бы уже поверить, что государства, которые хвастаются своим благоустройством и имеют теории собственности и справедливости, способны хоть одно мгновение мириться с такою мерзостью, как банкротство.

Банкротство — это самое утонченное и бесстыдное мошенничество из всех когда-либо существовавших; оно обеспечивает каждому негоцианту возможность нагреть публику на сумму, пропорциональную его состоянию или кредиту. Богач может себе сказать: в 1808 г. я стану коммерсантом; ровно через два года я украду столько же чужих миллионов, сколько имею сейчас своих.

Оставим в стороне новый французский кодекс с его попыткой судебного преследования банкротств. Не все расценивают это одинаково: кое-кто уже поговаривает о возможности обойти новый закон. Повременим с нашим суждением, пока не убедимся на опыте (если бы невзначай цивилизация затянулась на некоторое время, достаточное для подобного эксперимента); пока будем оперировать в своих рассуждениях лишь тем, что нам известно — неурядицами, вызванными системой философии с ее принципом. «Предоставьте полную свободу действия купцам, не требуя от них гарантии осторожности, честности и платежеспособности».

Так возникло в числе прочих злоупотреблений банкротство — грабеж отвратительнее разбоя на большой дороге; а между тем к нему относятся обычно до такой степени терпимо, что даже говорят о *честных банкротствах,* имея в виду те, где спекулянт прикарманивает лишь половину. Приведу пример.

Банкир Дорант, обладая двумя миллионами, желает во что бы то ни стало приобрести каким-либо путем еще два. На свой капитал ему удается добиться восьмимиллионного кредита в векселях, товаре и пр. Имея для оборота 10 миллионов, он пускается в крупную спекуляцию, маневрируя товарами и процентными бумагами. К концу года, вместо того чтобы удвоить свои два миллиона, он, быть может, их потеряет; но не думайте, что он разорится: у него окажется четыре миллиона, как если бы дела его шли хорошо; ведь у него остаются заполученные им восемь чужих миллионов и с помощью *честного банкротства* он устраивается так, что выплачивает лишь половину этой суммы, и то в несколько лет. Таким образом, потеряв два собственных миллиона, он оказывается владельцем четырех миллионов, похищенных у публики. Нечего сказать, хороша свобода торговли! Теперь вы, вероятно, понимаете, почему изо дня в день о том или другом купце говорят: «Со времени банкротства дела его очень хороши!» Подумать только: после утайки четырех миллионов Дорант сохраняет честное имя, уважение общества и на него

смотрят не как на вора, а как на купца, постигнутого бедствием. Это требует пояснения.

Замышляя банкротство, Дорант постарался заручиться общественными симпатиями: благодаря городским и сельским пиршествам у него появилось много горячих приверженцев; золотая молодежь за него; красавицы соболезнуют его «несчастью» (в наши дни несчастье — синоним банкротства); все восхваляют его благородный характер, достойный лучшей участи. Слушая апологетов банкрота, можно подумать, что он пострадал даже больше тех, чье состояние он прикарманил. Вину сваливают целиком на политические события, на неблагоприятное стечение обстоятельств и на подобные причины, приводимые в оправдание нотариусами, чтобы унять разъяренных кредиторов. После первого удара Дорант пускает в ход посредников, рассовывает своевременно некоторую сумму денег, и скоро ему удается так обработать общественное мнение, что всякого, кто нападает на Доранта, готовы обвинить в каннбальстве. Помимо того, люди, понесшие наиболее крупные убытки, живут на расстоянии ста — двухсот миль, в Гамбурге или Амстердаме; с течением времени потерпевшие успокоятся, да и кроме того их отдаленные вопли не могут влиять на общественное мнение Парижа. К тому же Дорант отнял у них только половину, а в таких случаях публика считает, что это не вина, а беда. Итак, Дорант выходит сухим из воды. Месяц спустя в центре общественного внимания оказываются уже другие, более сенсационные банкротства, где улетает в трубу от двух третей до трех четвертей состояния. Это тоже говорит в пользу Доранта, укравшего только половину; кроме того, все минует и забывается. Двери дома Доранта понемногу вновь открываются перед посетителями: его повар вновь оказывается властителем дум, и без отклика замирают возгласы негодования отдельных желчных кредиторов, не желающих мириться с несчастием и не умеющих держать себя в хорошем обществе.

Не проходит и шести месяцев, как завершается операция, с помощью которой Дорант и ему подобные обкрадывают на миллионы франков публику, разоряют семьи вкладчиков и вызывают банкротство других купцов, стирая грань между честным и мошенником. Банкротство — единственное общественное преступление, носящее характер эпидемии: оно кладет на честного человека то же пятно позора, что и на мошенника. Честный торговец, понесший потери по вине 20 обанкротившихся жуликов, в конечном счете вынужден объявить себя тоже несостоятельным.

Вот и получается, что банкроты-мошенники, составляющие девять десятых в этой братии, выдают себя за честных людей, с которыми приключилась беда, и хором твердят: *я заслуживаю скорее сожаления, чем порицания.* Послушать их —

все они младенцы и святые. Не так ли и каторжник всегда уверяет, что он пострадал невинно.

Возражая нам, приверженцы свободы торговли станут говорить о карающей деснице закона; но видано ли, чтобы предавали суду человека, ворующего в один присест несколько миллионов! Пословица говорит, что судят только мелких воришек. В применении к торговле это неверно. Банкротство, сколь бы незначительно оно ни было, всегда ускользает от судебного преследования благодаря защите самих коммерсантов. За фактами недалеко ходить. Некто Скапен, мелкий лавочник, объявил себя банкротом на 40 тыс. фунтов; он утаивает из них 30 тыс. как барыш операции, остальные же 10 тыс. отдает в распоряжение кредиторов. На вопрос о недостающих 30 тыс. он спокойно отвечает, что в отличие от крупных купцов он не умеет вести бухгалтерские книги и что его постигло *несчастье*. Не думайте, что Скапена накажут на том основании, что это мелкий воришка, похитивший лишь 30 тыс. фунтов; разве кредиторам неизвестно, что, стоит вмешаться правосудию — и от них уплывут остальные 10 тыс. в пасть суда. Но и после этого не будет вынесено решения, и, чтобы Скапена повесили, придется выложить еще 10 тыс. фунтов, опять-таки без уверенности в успехе. Не лучше ли взять проклятые 10 тыс., чем приложить к ним еще столько же в придачу? Так аргументирует Скапен при посредстве своего нотариуса. Оказывается, что сам банкрот грозит судом кредиторам. Да и какой им смысл свирепствовать против Скапена? Одни из них готовы последовать его достойному примеру, другие опередили его на этом поприще. Волк волку брат, и Скапен очень скоро набирает достаточное количество подписей от лиц, приемлющих его предложение. Другие присоединяются из боязни суда, который приберет все к своим рукам; лишь немногие остаются непреклонны и готовы жертвовать всем, чтобы отправить негодяя на каторгу. Тогда Скапен подсылает к ним в качестве депутатов жену и детей: они просят пощады, напуская на себя отчаяние. Не проходит и нескольких дней, как Скапен и его нотариус заручаются подписями большинства потерпевших; когда дело обделано, Скапену наплевать на несогласных: он в них уже не нуждается. Над их гневом потешаются, Скапен же отвечает вкрадчивыми речами и глубокими поклонами, а сам уже обдумывает второе банкротство ввиду счастливого исхода первого.

Ссылка на нескольких мошенников-банкротов, понесших кару, не убедительна: из сотни мошенников девяносто девять имеют успех; если же сотый терпит крушение, видимо, он — простофиля, неспособный вести интригу; в наши дни это дело настолько верно, что люди уже отбросили прежние предосторожности. Прежде, бывало, банкрот спешил укрыться в Тренте, Льеже или Каруже; после возрождения, т. е. с 1789 г., надобность в этом отпала. *Банкрот остается в своей*

семье, спокойно подготовляя дельце, а когда удар разразится, он удаляется на месяц в деревню и проводит время в кругу родных и друзей, пока нотариус устраивает его дела. Несколько недель спустя он вновь появляется, и общество до такой степени привыкло к этим фарсам, что считает их даже забавными. Это называется: *разрешиться от бремени*, и люди хладнокровно говорят: *он только что оправился от родов.*

Я уже отмечал, что банкротство — единственное социальное преступление, которое распространяется эпидемически, вынуждая честного человека подражать мошеннику. Я приведу пример банкротства, *преемственно распространяющегося.* Имеется свыше ста видов банкротства, настолько современная философия усовершенствовала разум.

Банкротство беглым огнем (en feu de file). Иудей Искариот приезжает во Францию с капиталом в 100 тыс. фунтов, нажитых при первом банкротстве. Он открывает торговлю в городе, где ему приходится конкурировать с шестью фирмами, уже снискавшими уважение и доверие общества. Чтобы подорвать их престиж, Искариот начинает продавать товары по фабричной цене: верное средство привлечь к себе массу покупателей. Вскоре конкуренты начинают вопить: он посмеивается над их сетованиями и продолжает в том же духе.

Народ в восторге. Да здравствует конкуренция! Да здравствует философия и братство! Все товары с прибытием Искариота упали в цене, и публика, обращаясь к его конкурентам, говорит: «Это вы, милостивые государи, жадны до наживы. Честен только Искариот: он довольствуется скромным барышом, потому что живет не столь раскошно, как вы». Тщетно старые коммерсанты уверяют, что Искариот — замаскированный жулик и что рано или поздно он объявит себя несостоятельным; публика усматривает в этом зависть и клевету и валом валит к сыну Израиля.

Расчет мошенника таков: продавая товары по себестоимости, он лишается только процента на затраченный им капитал — скажем 10 тыс. фунтов в год; зато он завоевывает значительный рынок, приобретает в портовых городах славу крупного потребителя и пользуется широким кредитом — лишь бы он был аккуратен в платежах. Так продолжается два года, по истечении которых оказывается, что Искариот не имеет никакого барыша, несмотря на огромный торговый оборот. Маневр его не разоблачен.

Когда все готово к развязке, Искариот использует весь свой кредит, дает крупные поручения во все торговые города и закупает товаров на 500—600 тыс. фунтов. Эти товары он отправляет за границу и распродает за бесценок все, оставшееся у него на складах. Наконец, когда все товары превращены в деньги, бравый Искариот со своим портфелем исчезает и выплывает уже в Германии, куда он успел вывезти закупленные в кредит товары. Там он их быстро реализует

и оказывается таким образом вчетверо богаче, чем в момент своего прибытия во Францию. Будучи уже обладателем 400 тыс. фунтов, он направляется в Ливорно или Лондон подготовить там третье банкротство.

Только теперь завеса падает, и в городе, где он устроил эту махинацию, к людям возвращается здравый смысл. Но это банкротство Искариота — только первый акт фарса; проследим за беглым огнем. С ним конкурировало шесть фирм; мы назовем их *A, B, C, D, E, F.*

A давно уже находился в стесненных обстоятельствах; не имея средств, он держался благодаря доброму имени. С прибытием Искариота он лишился всей своей клиентуры и выдерживал борьбу лишь в течение одного года, после чего пал духом; не усвоив новых философских систем, покровительствующих разбою, *A* пасовал перед тактикой Искариота и был вынужден объявить себя *банкротом.*

B выдерживал дольше; он своевременно раскусил мошеннические операции Искариота и выжидал, пока пронесется гроза, чтобы вернуть себе клиентуру, отнятую у него жуликом. Но тут подоспело банкротство со стороны; это ускорило его крах; он надеялся выдержать два года, а вынужден был объявить себя *банкротом* уже 15 месяцев спустя.

C был в компании с иногородней фирмой, которую разорил другой Искариот (такого Искариота можно встретить в любом городе); банкротство компаниона увлекло за собой и *C;* целые полтора года шел он на жертвы, чтобы выдержать конкуренцию вора, — а в конечном счете вынужден был объявить себя *банкротом.*

D был добросовестным с виду, но не на самом деле. Целые двадцать месяцев удавалось ему благодаря своим средствам держаться, несмотря на конкуренцию со стороны Искариота. Но озлобленный понесенными убытками, он уступил соблазну порока, которым дышало все вокруг. Видя, что три его собрата уже пошли этим путем, он решил, что и ему, четвертому, не остается ничего иного, как последовать их примеру, ссылаясь на действительные или мнимые неудачи. Двадцатимесячная борьба против Искариота ему надоела, и он не видел для себя иного выхода кроме *банкротства.*

E ссудил крупными суммами только что обанкротившихся четырех коллег. Он считал их весьма платежеспособными; это так и было, пока маневры Искариота не отняли у них клиентуру. Банкротство этих четырех фирм приводит его на край пропасти. Потребителей он лишился: все валом валят к Искариоту, который торгует по фабричным ценам. *E* видит, что средства его растаяли, кредит подорван, на него нажимают со всех сторон, и, не будучи в состоянии выполнить свои обязательства, он в конечном счете *объявляет себя банкротом.*

F еще обладает средствами, но во всех портовых городах его кредит подорван пятью банкротствами его коллег; эти

банкротства наводят на мысль, что и *F* не замедлит обанкротиться вслед за другими. К тому же некоторые из них, заключив полюбовную сделку, сбывают товар за бесценок, чтобы погасить первые платежи, согласно заключенному договору. Чтобы ускорить продажу, они идут на убыток в размере 10% и зарабатывают таким образом 40%, так как кредиторы помирились на 50%. *F* окончательно раздавлен и, подобно другим собратьям, вынужден *объявить себя банкротом.*

Таким образом достаточно водвориться в городе какому-нибудь разбойнику, чтобы все купечество большого города было дезорганизовано и чтобы честнейшие люди оказались вовлеченными в преступления; ибо всякое банкротство в большей или меньшей мере преступно, несмотря на смягчающие вину обстоятельства, вроде приведенных мною при описании шести банкротств; по существу это не может служить оправданием; все дело в том, что каждый старается использовать случай, чтобы украсть в надежде на безнаказанность. Прибавьте к банкротству ажиотаж и другие гнусности, порождаемые философскими теориями, и вы поймете, что цивилизованные никогда не творили столько политических несуразиц, как со времени их увлечения коммерческим духом — системами, утверждающими, будто любое торговое предприятие способствует общему благу, и требующими свободы действия для купцов без какой бы то ни было гарантии касательно конечных результатов торговых операций.

Как могло случиться, что философы, только и думающие о противовесах и гарантиях, не подумали обеспечить общественному организму той гарантии, которой правительство справедливо требует от сборщика податей? Владетельный князь обеспечивает себя денежным залогом, взимаемым со сборщика податей, и грозит ему неминуемой карой за растрату общественных денег, ему вверенных.

Почему никому не случалось видеть, чтобы сборщики податей присвоили себе поступившие к ним налоги, а затем обратились к правительству со слезницей, говоря: тяжелые времена, критические обстоятельства, несчастный случай и т. д., словом, объявляю себя несостоятельным, банкротом и т. п. Вы числите за мной десять миллионов? Предлагаю вам помириться на пяти, с уплатой их в течение пяти лет. Имейте снисхождение к бедствиям несчастного сборщика, доверьтесь мне и оставьте в моем управлении вашу казну, а то я не выплачу вам и половины предлагаемой мной суммы. Если же вы сохраните за мною должность и связанные с нею доходы, я постараюсь добросовестно выполнить свои обязательства, т. е. угостить вас вторично банкротством, когда касса вновь наполнится.

Такова вкратце суть всех заявлений о несостоятельности. Сборщики податей не следуют примеру банкротов, будучи уверены, что никакая философская теория не оградит их от

кары; а торговые банкроты избегают наказания под эгидой принципа: *предоставьте купцам полную свободу действия, не требуя гарантий против злоупотреблений.*

Коротко говоря, купечество является хранителем части общественного достояния; а так как каждый купец, злоупотребляя наличными у него вкладами, произвольно пускается в рискованные спекуляции, то неизбежным результатом этого являются многочисленные крахи и банкротства, благодаря которым производители и капиталовкладчики терпят убытки от сумасбродных предприятий, на которые они не давали своего согласия. Для пресечения этой несправедливости необходимо подчинить все купечество системе *гарантий,* дабы и отдельный негоциант и вся компания предпринимателей могли рисковать и терять лишь то, что принадлежит им самим.

Такой способ существует: это самострахование купечества и страховка общественного организма от торговых злоупотреблений. Она устранит возможность банкротства, ажиотажа и подрыва кредита. Для этого надо, чтобы в торговом обращении участвовало в четыре раза меньше того количества дельцов и капиталов, которое оторвано ныне от производительного труда. Я не тороплюсь ознакомить с этим приемом, так как он относится к шестому периоду, в корне противоположному *свободной конкуренции.*

Продолжаю повествование о низких торговых проделках, о грабежах, которые вынуждают взять под подозрение всю нынешнюю систему торговли и искать способа обмена менее порочного, чем свобода конкуренции, которую правильнее было бы назвать *конкуренцией анархической.*

Я охарактеризовал лишь три вида банкротства; в своем трактате я дам серию из сорока двух видов, но для проспекта достаточно трех.

III

Грабеж общества при помощи спекуляции (Accaparement)

„Золото придает оттенок красоты даже безобразию".

Прекрасная иллюстрация к этому положению — поощрение и почет, оказываемые спекулянтам под эгидой современной философии, которая расценивает все на вес золота и льстит всем царящим порокам, чтобы скрыть свое бессилие их уничтожить.

Спекуляция — самое отвратительное из преступлений торговли, так как настигает всегда пострадавшую отрасль промышленности. Стоит обнаружиться нехватке пищевых продуктов или иных предметов потребления, как скупщики уже настораживаются, готовые обострить бедствие, захватить наличные запасы, наложить с помощью задатка свою руку на вновь ожидаемые продукты, изъять их из обращения, вдвое,

втрое вздуть цены на них, своими маневрами усилить недостаток продуктов на рынке и посеять панику, неосновательность которой выясняется слишком поздно. Они играют в промышленности роль мародеров, устремляющихся на поле битвы, чтобы добить и обобрать раненых.

Престижу спекулянтов помогло то обстоятельство, что их преследовали якобинцы; из этой борьбы они вышли победителями; достаточно возвысить против них голос, чтобы в этом усмотрели отзвук якобинства. Но разве неизвестно, что якобинцы уничтожали людей всех классов, не различая меж честными людьми и разбойниками. Не послали ли они на эшафот Шомета и Лавуазье наравне с Эбертом и Малезербом? Разве можно ставить их на одну доску только потому, что все они четверо в равной мере жертвы одной и той же крамольной партии? Неужели Эберт и Шомет — благодетели человечества только потому, что они, подобно Малезербу и Лавуазье, закланы якобинцами? Это относится и к спекулянтам и к биржевым игрокам: хотя их и преследовали враги порядка, тем не менее — они дезорганизаторы и хищники, грабящие честную промышленность.

Однако они нашли себе яростных поборников в категории ученых, именуемых *экономистами;* в наши дни скупка и ажиотаж в большом почете; на современном языке это именуется *спекуляцией и банками,* потому что называть вещи их собственными именами неудобно.

Как это ни странно, но при строе цивилизации прямые репрессии в отношении классов явно вредных, каков класс скупщиков, только усиливают зло: пищевые продукты начинают исчезать, в чем мы достаточно убедились в эпоху господства террора. На этом основании философы умозаключили, что торговцам надо предоставить *свободу действия.* Странный способ борьбы со злом — потворствовать недугу только потому, что противоядие от него нам неизвестно. Неизвестно — так надо искать, а пока что осудить эти грязные интриги (tripotages), а не восхвалять их; следовало изыскивать способ уничтожения этих козней (сосиетарная конкуренция).

Почему же философы затушевывают такие бедствия, как банкротство, ажиотаж, скупка, ростовщичество и т. д.? Они боятся, что общество им скажет: «Нам известно все зло, на которое вы сетуете, но ведь вы образованнее и ученее нас, постарайтесь же изыскать способ исцеления; впредь до этого ваша наука, ваша риторика нам бесполезны, как бесполезны разглагольствования врача, оглушающего больного греческими и латинскими терминами, не принося ему облегчения». Предвидя это досадное для них сравнение, философы предпочитают затушевывать в наших глазах зло, вместо того чтобы открыто его признать; недаром они нам доказывают, что скупка и ажиотаж есть совершенная степень совершенствования способности к совершенствованию. Своими разгла-

гольствованиями об аналитических методах, метафизическими абстракциями и перцепциями чувственных восприятий, порождаемых идеями, они погружают науку в летаргию, уверяя вас, что все идет как нельзя лучше в этом социальном строе; вынужденные фабриковать и продавать книги, чтобы иметь возможность существовать, привыкшие, подобно адвокатам, защищать явно неправое дело в равной мере, как и правое, они считают для себя более удобным восхвалять и приукрашивать господствующие пороки, вместо того чтобы заниматься исправлением их и напрасно убивать на исследования бессонные ночи, не написав ни единого тома.

Вот почему экономисты, в том числе и Смит, превозносили скупку как операцию, полезную для общего блага. Проанализируем же подвиги этих скупщиков, или спекулянтов. Я остановлюсь на двух: на скупке зерна, как наиболее пагубной, и на скупке сырья, которая на первый взгляд более заслуживает оправдания, потому что жертвой этого злодеяния является промышленность, а не население, как таковое.

1. *Скупка зерна.* Основной принцип торговых систем — *предоставьте полную свободу торговцам* — признает за ними абсолютную собственность на пищевые продукты, коими они спекулируют (trafiquent); они вправе изъять эти продукты из обращения, припрятать их и даже сжечь, что неоднократно делала «Восточная компания» в Амстердаме, публично сжигавшая целые склады корицы для вздувания цен; вместо корицы она поступила бы так же и с хлебом, если бы не боялась погрома со стороны народной толпы; если бы не эта боязнь, она сожгла бы или сгноила часть зерна, чтобы продать остальное вчетверо дороже. Разве изо дня в день в портах мы не видим, как негоцианты выбрасывают в море запасы зерна, предварительно сгноив его в ожидании вздорожания; я сам в качестве приказчика руководил этими гнусными операциями и однажды выбросил в море 20 тыс. квинталов риса, который можно было бы продать, не ожидая порчи, с честным барышом, не будь владелец этого риса до такой степени жаден. Общество изо дня в день терпит эти непроизводительные потери, прикрываемые философским принципом: *предоставьте свободу действия торговцам.*

Допустим, что, руководствуясь этим принципом, богатая торговая компания в годину голода, каким был 1709 год, скупает все зерно в таком маленьком государстве, как Ирландия, когда повсеместный голод и запрещение вывоза из соседних стран делают импорт почти невозможным. И вот эта компания, сосредоточив в своих руках все бывшее на рынке зерно, отказывается его продавать, требуя за него втрое или вчетверо дороже обыкновенного. При этом компания заявляет: «Зерно наше; мы хотим заработать на нем 300%; не хотите платить такую цену — добывайте себе зерно другим путем. Пока что четверть населения, вероятно, умрет от голода. Но

нам до этого нет дела, мы будем упорно спекулировать, руководствуясь принципом свободы торговли, освященной современной философией».

Спрашивается, чем не методы воровской банды? Ведь монополия этой компании вынудила бы целую нацию под угрозой голодной смерти выплачивать ей дань втрое больше стоимости поставляемого ею зерна.

Согласно принципу свободы торговли эта компания вправе отказаться от продажи зерна независимо от предлагаемой цены, сгноить зерно в своих амбарах, видя, как народ погибает у нее на глазах. Неужто же вы думаете, что изголодавшаяся нация, сознавая то, что делается, должна умереть с голоду во славу прекрасного философского принципа — *свободы торговли?* Разумеется нет; признайте же, что свобода торговли должна подвергаться ограничениям сообразно потребностям социального организма; что человек, владеющий в изобилии пищевыми припасами, которых он не производил и не потребляет, должен рассматриваться как *кондиционный хранитель*, а отнюдь не абсолютный собственник. Признайте, что торговцы, или посредники обмена, в своих операциях должны подчиняться интересам массы и не вправе нарушать общий товарообмен (relations générales) своими пагубными маневрами, приводящими в восхищение экономистов.

Или, быть может, торговцы одни свободны в отношении социального организма от обязательств, вменяемых другим классам, более заслуживающим уважения. Когда предоставляют carte blanche какому-либо генералу, судье, врачу, это отнюдь не значит, что они вольны предавать армию, умерщвлять больного и грабить невинного. Мы видим, что за злоупотребления этих людей постигает кара; за измену генерала казнят, министра предают суду, и только купцы неприкосновенны и уверены в своей безнаказанности. Политической экономии хочется избавить их от какого бы то ни было контроля за их махинациями; доводят ли они до голода страну, вносят ли они своей спекуляцией и банкротствами замешательство в промышленность, звание *купца* оказывается всему оправданием. Комедийный шарлатан, отправляющий всех на тот свет своими пилюлями, говорит в свое оправдание: medicus sum; так и в наш век возрождения нас пробуют уверить, будто люди, принадлежащие к классу наименее сознательному, никак не могут орудовать вразрез с благом государства. В былое время провозглашали непогрешимость папы, теперь пытаются уверить нас в непогрешимости купца.

2. *Скупка сырья или продовольствия.* Я покажу пагубное влияние такой скупки на рядовом факте, происходящем у нас на глазах в момент, когда это пишется. Я имею в виду огромное вздорожание колониальных товаров, каковы сахар, кофе, хлопок и т. д.; отдельно остановлюсь на хлопке, который особенно сильно вздорожал, причем весьма необходим для на-

ших нарождающихся мануфактур, развивающихся за последние годы благодаря заботам и поощрению со стороны императора. То, что говорится о данном частном случае, применимо и ко всякого рода скупке.

Прошлой осенью * можно было предполагать, что подвоз колониальных товаров, в частности хлопка, несколько затормозится и что снабжение им будет запаздывать; однако не было никакого основания опасаться нехватки сырья для французских фабрик благодаря наличию запасов хлопка, рассчитанных на годовое потребление (учитывая закупки, сделанные за границей, и товары, уже отправленные во Францию). Учет этого товара говорил правительству, что фабрики снабжены на целый год, на протяжении которого можно позаботиться о дальнейшем снабжении их. Но в дело вмешались скупщики; они захватили и сосредоточили в своих руках наличный товар и стали уверять, что не пройдет и трех месяцев, как у мануфактур не будет сырья; это взвинтило цены, и хлопок вздорожал вдвое против обычного, что угрожало гибелью большинству французских фабрик ввиду невозможности повышать цены на ткани в соответствии с ростом цен на хлопок и пряжу. В результате многие мануфактуристы «капитулировали» и «рассчитали» своих рабочих.

Однако нельзя сказать, чтобы сырья нехватало; больше того, богатые прядильщики стали спекулянтами, начали торговать скупленным ими хлопком, который стал для них предметом ажиотажа, после того как они обеспечили себя количеством, достаточным для функционирования их прядильных фабрик. Коротко говоря, у этих спекулянтов были сосредоточены излишки товара, которого нехватало рядовому потребителю; таким образом, неверно, будто Франция не имела сырья или очутилась под угрозой его нехватки. Таковы подлинные факты.

Спрашивается: к чему при такой конъюнктуре привел *торговый патент, свобода конкуренции?*

1. К тому, что цены на сырье вздорожали вдвое, тогда как в действительности сырья было достаточно, и цены на него если и могли подняться, то лишь незначительно.

2. К расстройству мануфактур, медленно и с трудом насаждаемых.

3. К обогащению своры спекулянтов за счет мануфактурных производств и к стыду монарха, оскорбленного таким попиранием дела его рук.

Это — истина бесспорная. Мне возразят, что помехи, чинимые властями *свободе конкуренции, свободе спекуляции,* пожалуй, только ухудшили бы дело. Допустим, что так; но это свидетельствует о том, что ваши экономисты не знают способа борьбы со спекуляцией. Разве это основание, чтобы

* [1806 г.]

сложить руки? И следует ли отсюда, что спекуляция есть благо? Если вам неизвестно противоядие от какого-либо социального порока, имейте по крайней мере мужество признать, что этот порок есть бедствие; не слушайте ваших философов, восхваляющих данный порок, чтобы оправдать свое неумение искоренить его. Рекомендуя вам терпимое отношение к ажиотажу и спекуляции из боязни еще большего зла, они уподобляются невежде, который советовал бы вам поддерживать лихорадку, не зная лекарства против нее.

Допустим, люди не умеют предотвратить спекуляцию; разумна ли безмерная терпимость в отношении ее? Нет, и я докажу, что власть своим вмешательством могла бы зачастую предотвратить большие несчастья, не творя насилий и не становясь на путь произвола. За примером недалеко ходить [1807].

Допустим, что для спасения своих хлопчатобумажных мануфактур, нанесших столь роковой удар Англии, правительство вздумало бы применить репрессии к скупщикам и что в январе 1807 г. полиция явилась бы в Париже к банкиру, зная, что у него на складе имеется хлопка на пять миллионов по ценам, которые платил он, и что он отказывается продать этот хлопок за восемь миллионов наличными, надеясь удвоить свой капитал в ближайшие три месяца. Органы власти могли бы ему сказать: «Такое накопление сырья тобою и твоими сообщниками грозит разорением нашим мануфактурам, которым ты отказываешься продавать хлопок с приличным барышом; приказываем тебе продать хлопок, имеющийся у тебя на складе, с прибылью в 20 или 25% вместо 100%, на которые ты претендуешь. Твой хлопок будет роздан *мелким мануфактуристам* (а не крупным, которые сами являются скупщиками, объединенными в лигу, чтобы грабить мелких). К чему бы привело такое вмешательство?

Прежде всего заметим, что это отнюдь не было бы притеснением; скупщик по истечении трех месяцев получил бы 6 млн. за товар, стоивший ему 5 млн., и, следовательно, заработал бы за три месяца 20%; это в четыре раза больше годового дохода землевладельца от эксплоатации имения, связанной с немалым трудом.

В результате этого требования все прочие скупщики, стремящиеся удвоить свой капитал и в этом преуспевающие, тоже решили бы уступить свой хлопок с прибылью в 20%; фабрики не пострадали бы вовсе или пострадали бы мало, и им не пришлось бы закрывать свои цехи и рассчитывать рабочих. Это вмешательство власти спасло бы промышленность, и люди благословляли бы правительство. Это отнюдь не нарушило бы экспортирования к нам товаров союзниками. Если в 1806 г. американцы посылали нам хлопок в надежде продать его по 100 экю за квинтал, то они еще в большим успехом слали бы хлопок теперь, надеясь продать его по 120 экю; не ясно ли

отсюда, что власти должны бороться против скупки не способами якобинцев, которые грабили владельца, выплачивая ему негодными бумажками (papillotes), но ограничивая прибыль, когда размеры ее граничат с вымогательством.

Таким образом в тех случаях, когда можно предвидеть недостаток того или иного предмета первой необходимости, что может побудить спекулянтов к скупке, следует (при строе цивилизации) изъять этот товар *из свободного товарооборота,* определить допустимый максимум прибыли достаточных размеров, чтобы поощрять подвоз, скажем, в размере одной четверти или одной пятой сверх обычной нормы, воспретить покупку и продажу его, даже окольную, всем спекулянтам, которые не потребляют данного товара и обычно не занимаются операциями по сбыту его, и ограничить снабжение каждого негоцианта обычными для него нормами сбыта, устанавливаемыми на основании средних данных о продажах за несколько лет.

Я не собираюсь указывать других временных мер против скупки; знакомить с этими мероприятиями было бы совершенно излишне, потому что сосиетарная конкуренция или способы торговли в шестом периоде предотвращают спекуляцию и иные непорядки, вместо того чтобы прибегать задним числом к репрессиям. Если предупредительные меры были неизвестны, то во всяком случае непростительно не прибегнуть хотя бы к паллиативам, вроде изъятия из свободного товарооборота, которое Франция должна была бы осуществить этой зимой [1807] в отношении хлопка; ведь процветание наших ткацких фабрик должно было нанести роковой удар английской компании в Индии и фабрикам Английской метрополии.

Взвинчивание цен на сырье вдвое против обычного произошло беспрепятственно: но разве снабжение благодаря этому усилилось? Ничего подобного. Цены на сырье могли в четыре раза превысить обычные, и тем не менее это не устранило бы помех подвозу [война]; итак, вздувание цен на сырье является лишь грабежом фабрик и потребителей в интересах скупщиков. Между тем, в момент кризиса, когда позволено отступать от правил и обычаев, кому следует покровительствовать — массе ли потребителей, или нескольким акулам, объединившимся для дезорганизации промышленности с помощью искусственной паники и захвата в свои руки тех товаров, которыми еще накануне они не торговали, которых они не потребляли и толком не знали?

Как легко, однако, было бы привести в замешательство этих спекулянтов, побивая их собственными доводами. Если им верить, предстоит общий недостаток товаров: скоро пищевых продуктов нельзя будет получить даже ценою золота. На это власти могли бы ответить: вы либо думаете, что можно

обеспечить снабжение фабрик и удовлетворить запросы потребителя; либо полагаете, что это невозможно; и в том и в другом случае вас надо принудить к продаже того, что имеется у вас на складах; потому что если впредь подвоза не будет, если будет полный недостаток товаров, в таком случае бесполезно ограждать ваши махинации, которые ускоряют развал промышленности, грабя ее и чиня ей помехи в момент кризиса; если же есть способы обеспечить подвоз и снабжение, в таком случае вы — нарушители порядка и смутьяны, усиливающие временное бедствие. Итак, независимо от того, ждете вы в дальнейшем подвоза или прекращения его, вы заслуживаете кары; почитайте за счастье, что власти ограничиваются лишь изъятием вас из товарооборота и распродажей складов, оставляя на вашу долю огромную прибыль в виде надбавки одной четверти сверх обычных цен.

Продолжая рассуждать таким образом, я бы легко мог доказать, что, не стесняя торговых сношений [и не выходя за пределы политики цивилизации], можно обуздать спекулянтов; необходимость такого обуздания в области торговли хлебом и зерном, видимо, уже осознана, так как во всех странах в эту отрасль торговли правительство вмешивается. Мы прекрасно знаем, что если бы скупщики зерна пользовались полной свободой, если бы они имели возможность создавать компании для скупки на корню жатвы и припрятывания зерна на складах вместо пуска его в обращение, у нас всегда и систематически царил бы голод в той или иной степени, даже в самые урожайные годы. Сколько уже раз спекулянтам удавалось доводить страну до голода, ставя этим самым себя под угрозу народного погрома и правительственного вмешательства; ведь в момент такой катастрофы правительство предпочло бы силою открыть склады для продажи их содержимого, чтобы только не довести народ до отчаяния. Если уже и теперь спекулянты пренебрегают любой опасностью, воображаю, до чего бы они дошли, если бы им предоставить абсолютную свободу и обеспечить покровительство для спекуляции зерном!

Политические авторы, изобретающие теории о долге человека, допускаете ли вы наличие долга и у общества? Не первый ли его долг — обуздывать паразитов, которые доводят до отчаяния промышленность и основывают собственное благополучие на бедствиях отечества?! Будь у вас достаточно смелости для обличения подобных пороков, вы не медлили бы до сего дня с открытием корректива (сосиетарная конкуренция). О, насколько древний мир, во многом смешной, был мудрее нас в сфере торговой политики! Он открыто клеймил пороки торговли; он гнушался этих промышленных хищников, этих скупщиков, достойных фимиама, воскуряемого современной философией — бесстыдным апологетом всех гнусностей, способствующих накоплению золота.

IV

Грабеж общества с помощью ажиотажа

Ажиотаж — родной брат спекуляции товарами; оба они до такой степени поработили общественное мнение, что перед ними склонились ниц даже монархи, чьим начинаниям они открыто сопротивляются; будучи в плену у какого-нибудь софизма, властители не дерзают ни помышлять о сопротивлении, ни испробовать иную систему торговли.

За примерами такой тирании недалеко ходить. То, о чем я буду говорить, произошло недавно; это последняя проделка французских биржевиков.

В последнюю войну с Австрией грязный торговый заговор свел на-нет трофеи Ульма и Аустерлица. В момент, когда Франция слепо доверяла операциям императора, биржевики искусственно вызвали симптомы всеобщего недоверия, точно нашими армиями командовал Варрон. За какие-нибудь два месяца парижские спекулянты внесли неслыханные опустошения во французскую промышленность. Только поток внезапных и чудесных побед обуздал, наконец, ажиотаж, который грозил совершенно уничтожить общественный кредит; невольно содрогаешься, думая о финансовом расстройстве, которое стало бы уделом Франции, если бы ее кампания кончилась вничью: ни успехом, ни поражением.

Сея панику, спекулянты ссылались в качестве тревожного симптома на заем, сделанный банком «де Франс» для развертывания кампании; этот заем определяли в пятьдесят миллионов, что составляло лишь одну сотую часть общего дохода (revenu territorial) Франции. Если бы даже уплата по займу не была обеспечена капиталами банка и налоговыми поступлениями, то уже само по себе доверие, оказываемое монарху, — полная гарантия в глазах французов. Французам не страшен ни бог, ни чорт, когда во главе их армий — Наполеон; каким образом могли они впасть в панику по поводу займа, составляющего не свыше одной сотой территориального дохода? Далекие от страха перед развертыванием кампании, французы охотно предложили бы часть собственного капитала в залог того, что император одержит победу; они ни малейшим образом не сомневались в грядущем погашении небольшого займа, о котором идет речь. Между тем с помощью ажиотажа спекулянтам удалось создать видимость всеобщего недоверия и лишить кредита банк на том основании, что он, выполняя сокровенное желание всех французов, поддержал выступление достойного главы государства.

Итак, существует держава, которая глумится как над подвигами героев, так и над общественным мнением народов: это — ажиотаж, произвольно орудующий всем механизмом промышленности; он отдает государство во власть классу паразитов; не будучи ни собственником, ни фабрикантом, не

имея ничего кроме портфеля с биржевыми бумагами и готовый в любой день переменить отечество, ажиотаж старается вносить расстройство в каждую страну и поочередно разорять все отрасли промышленности. Видя, как наши экономические теории поддерживают такие бедствия, как ажиотаж, скупка, банкротство и т. д., непрерывно вносящие расстройство в промышленность, глумящиеся даже над монархами и народным доверием, им оказываемым; видя, говорю я, эти гнусности и множество других, порождаемых свободой торговли, ни один писатель не имеет, однако, мужества обличить эту смехотворную экономическую науку, осудить в целом весь механизм торговли и выдвинуть новую систему промышленных и торговых отношений. Каждый униженно клонит голову перед лицом этих пороков коммерции, втайне негодуя на них, и каждый воспевает хвалу торговле, не задумываясь над способами сбросить ее иго; настолько боятся цивилизованные реформ, требующих от человека политической изобретательности, на которую они, по их мнению, неспособны.

Современные философы, несомненно, втайне стыдятся плодов своей меркантильной системы, но из самолюбия они дают возможность усиливаться злу (empirer le mal), они льстят этим политическим пигмеям, ажиотажникам и спекулянтам, не умея их обуздать; они приучают общественное мнение трепетать и склонять голову при одном слове коммерция. Этот скандальный факт служит ярким опровержением мнимого разума, похваляющегося своим совершенством. В какую трясину засосала политическая экономия современное государство! Воистину, мы были менее уничижены, а цивилизация была менее презренной в пору небытия меркантильной философии и экономических наук.

Целый ряд мелочей убеждает нас в том, что эти мошенники, столь чтимые под именем спекулянтов, — своего рода разновидность клубистов, промышленные якобинцы. Подобно якобинцам, они умеют объединиться и скопом углублять бедствия промышленности. Подобно якобинцам, умевшим втереться меж правительством и народом, чтобы властвовать над тем и над другим, торговые мошенники умеют присвоить себе роль посредников меж правительством и промышленностью, с помощью интриг подчинить себе и тех и других, всех надуть и обмануть под личиной радетеля интересов земледелия. Власть якобинских клубов была узаконена, новые же якобинцы и без этой формальности помыкают всем в своих интересах. Административные распоряжения, благоприятные сельскому или фабричному производству, обычно исподволь продиктованы спекулянтами, которые и пожинают плоды льгот, предоставляемых правительством якобы честной промышленности. Торговые мошенники, как и клубы, прекрасно умеют разделять соперников и властвовать над ними; методы наступления там и здесь одинаковы. И у тех и у других имеется

своя тайная инквизиция для подготовки политических переворотов; и те и другие носят маску благонамеренности; одни ссылаются на необходимость усиленного просвещения, другие — на необходимость ускорить темп обращения предметов первой необходимости или капиталов. Их же подлинные мотивы в корне противоречат этой видимости. При подготовке переворотов у них опять-таки одна и та же тактика: у якобинцев — это симуляция крупного заговора, за мнимое участие в котором арестовывают, грабят и казнят тысячи жертв в ожидании следующего заговора, у которого будут свои жертвы. Тот же метод у коммерческих спекулянтов. Они создают видимость крупного бедствия, большого голода, скупая и припрятывая пищевые продукты, которыми они оперируют; они внезапно взвинчивают безмерно цены и таким образом грабят тысячи мастерских, которым необходим данный товар. После этого они скупают другой товар, чтобы грабить другие фабрики и мастерские.

Таким образом у якобинцев и торговых спекулянтов одна и та же тактика дезорганизации и ограбления с помощью симулированных бедствий. Там — клубы или лиги неимущих подстрекателей, стремящихся ограбить богатого, здесь — скупщики или лиги богатых смутьянов (ligues d'agitateurs), стремящихся ограбить бедного; методы тех и других совершенно тождественны; это два вида якобинства: одно — суровое, другое — льстящее. Читатель в этом окончательно убедится, когда я ознакомлю его со степенью распространения и методичностью развития этих неурядиц в четвертой фазе цивилизации, куда нас влечет. Собственники стали бы там полными рабами торговли, которую я мало отличаю от ажиотажа, потому что все богатые негоцианты более или менее повинны в ажиотаже и скупке, несмотря на их аффектированные сетования, на эти бедствия, тайными виновниками и соучастниками которых они являются.

Впрочем, я уже отмечал, что политические пороки того или иного ремесла нельзя приписывать отдельным лицам. Порицания заслуживает не адвокат, обирающий своих клиентов, и не биржевик, грабящий все общество: вина лежит исключительно на цивилизации, которая порождает столько вредных занятий, да еще на философии, которая уверяет нас, будто эта гнусная цивилизация есть провиденциальная социальная судьба человека и бог не выдумал ничего лучшего по части организации человеческих отношений.

V

Грабеж общества торговым паразитизмом

Порок, о котором я собираюсь говорить, не столь позорен, как предыдущие, но тем не менее он вреден.

В наш век экономия проводится даже в таких мелочах, как замена кофе цикорием, сахара — свекловичным соком и т. д.;

это льет воду на мельницу торговых мошенников и лишает потребителя возможности приобрести доброкачественный продукт хотя бы по высокой цене; в наш скаредный век, говорю я, как не понять, что главная экономия должна заключаться *в экономии рабочих рук* (l'économie des bras), в устранении тех посредников, без которых можно обойтись и которых мы обрекаем на столь непроизводительные функции, как торговые операции.

Я уже отмечал, что мы имеем обыкновение занимать сотню людей работой, для которой при наличии ассоциации едва понадобилось бы два-три человека, и что, начиная с седьмого периода, двух десятков людей будет вполне достаточно для снабжения городского *рынка,* куда в наши дни устремляются тысячи крестьян. В области производственного механизма мы походим на народы, которые, не зная употребления мельниц, использовали бы 50 рабочих рук для перетирания зерен, перемалываемых в наши дни одним жерновом. Избыток посредников всюду ужасен; их обычно в четыре раза больше, чем нужно для выполнения всех торговых функций.

С тех пор как философия проповедует страсть к торговле, все, вплоть до села, кишит купцами. Глава семьи перестает заниматься земледелием, предпочитая торговлю как занятие более прибыльное; будь у него для продажи хоть один теленок, он будет терять день за днем, слоняясь по рынкам, постоялым дворам и кабакам. Особенно ярко это сказывается в районах виноделия; всюду благодаря *свободе конкуренции* неимоверно разбухает количество купцов и торговых посредников. В крупных городах, вроде Парижа, насчитывается до трех тысяч бакалейщиков, тогда как для обслуживания населения едва ли требуется и три сотни. То же обилие торговых агентов и в маленьких городках. За один год там перебывает сотня комивояжеров и сотня коробейников, а в 1788 г. их не набралось и десятка; однако и пищевых продуктов и одежды было вдоволь, к тому же по весьма умеренным ценам, а купцов было в три раза меньше.

Это множество конкурентов заставляет их наперебой прибегать к мерам самым сумасбродным и разорительным для социального организма; потому что всякий лишний посредник, например монах, только грабит общество, так как потребляет, ничего не производя. Мы хорошо знаем, что монахи, которых в Испании насчитывается 500 тыс., производили бы средств существования на 2 млн. жителей, вернись они к земледелию. То же можно сказать о бесчисленном количестве лишних торговцев. Когда вы познакомитесь с торговым методом шестого периода, с *сосиетарной конкуренцией,* вы убедитесь, что торговля могла бы функционировать при наличии одной четверти агентов, обслуживающих ее ныне, и что в одной только Франции целый миллион людей оторваны от земледелия и фабричного труда благодаря потоку агентов, влекомому свободной

конкуренцией. Для одной только Франции это равносильно ежегодному недопроизводству продуктов на 4 млн. населения. Виною всему — заблуждения экономистов.

Помимо расточения впустую рабочей силы, современный уклад жизни обусловливает еще уничтожение капиталов и продуктов. В качестве примера можно указать на одно из самых распространенных в наши дни пагубных явлений — *разорение*. С момента революции только и слышно о *разорении* того или иного из купцов. Их слишком много, и вот они яростно рвут друг у друга покупателя; продать товар изо дня в день все труднее и труднее благодаря обилию конкурентов. Город, потреблявший тысячу тонн сахара при наличии десяти купцов, будет потреблять все ту же тысячу и тогда, когда купцов будет сорок вместо десяти. Так было во всех городах Франции. Теперь эти муравейники, кишащие торговцами, жалуются, что торговля идет вяло, тогда как по-настоящему им следовало бы сетовать на чрезмерное обилие торговцев; они из кожи лезут вон, наперебой друг перед другом придумывая, чем бы привлечь покупателя. Они идут на самые безрассудные издержки, лишь бы *раздавить* соперника. Думать, что купец всецело раб наживы — ошибка, он весь во власти зависти и самолюбия; один из них разоряется во имя сомнительной чести *ворочать огромными делами,* другие — обуреваемые манией *давить* соседа, удачи которого приводят их в отчаяние. Честолюбие купца — страсть низменная, но яростная; когда-то трофеи Мильтиада не давали спать Фемистоклу, теперь торговые операции лавочника не дают спать его соседям. Отсюда яростная конкуренция, доводящая стольких купцов до разорения, причем их расточительность в дальнейшем отзывается на потребителе; потому что всякое расточение средств, в конечном счете, ложится на социальный организм; если новый строй торговли *(сосиетарная конкуренция)* сократит на три четверти количество агентов и сумму накладных издержек, продукты соответственно подешевеют; в связи с этим увеличится спрос, а затем увеличится и продукция в связи с новым спросом и благодаря множеству рабочих рук и капиталов, возвращенных земледелию в результате сокращения количества торговых агентов.

Одно злоупотребление порождает другое. Это положение применимо к торговле, как и к администрации. Например, обилие агентов порождает ажиотаж и банкротство. Яркий пример — борьба транспортных контор между собой: чтобы только насолить друг другу, они готовы возить пассажиров даром. Видя, как они снижают тариф, чтобы раздавить друг друга, невольно думаешь: *скоро они станут выплачивать премию пассажирам за пользование их почтовыми каретами.* Необходимо вникнуть в эти детали; они показывают, что экономисты жестоко ошибались, полагая, что единственный стимул у негоцианта — корысть. Посудите сами: кому из разум-

ных людей может в нормальном состоянии прийти в голову возить людей в почтовой карете из Парижа в Ренн и обратно за 18 фунтов! Эта сумасбродная идея порождена манией *давить конкурента*. В результате этих фокусов целый ряд чемпионов обанкротился; они разоряли один другого с промежутками в несколько месяцев; банкротство это всей своей тяжестью легло на публику: ее всегда влечет в самые рискованные предприятия; несмотря на их крах, сам банкрот обогащается за счет других членов ассоциации, вклады которых таким образом пропадают. Вот почему негоцианты, зная, что в случае несостоятельности их спасет банкротство, ставят бешеную ставку, лишь бы разорить конкурента и насладиться бедствием соседа; так японцы выкалывают себе глаз у порога врага, чтобы только суд выколол ему за это оба глаза.

Старые торговые фирмы, разоренные этими войнами на уничтожение, всюду отказываются от поприща, где их сторожат такие опасности и где творится столько гнусностей новыми пришельцами, зачастую торгующими в убыток *, чтобы только снискать популярность. Старые купцы, не пожелавшие торговать в убыток, покинуты потребителями и не в состоянии выполнить свои обязательства. Но проходит некоторое время, оба конкурента истощаются и вынуждены прибегнуть к помощи биржевика, чьи ростовщические услуги только отягощают их положение, делают его безвыходным и ускоряют крах обоих конкурентов.

Таким образом *свобода конкуренции*, порождая банкротства, регулярно дает пищу ажиотажу и способствует его колоссальному разбуханию, наблюдаемому ныне. Ажиотажем начинают заниматься всюду вплоть до мелких городов; всюду можно встретить людей, именуемых банкирами: они занимаются исключительно растовщическими ссудами ** и разжигают

---

* Поясню термин «*торговать в убыток*». Негоциант зачастую считает себя в убытке, зарабатывая 10—15%, потому что может случиться, что сопоставление общей суммы издержек с суммой, вырученной от продажи, вынуждает его зарабатывать 25%, чтобы иметь на свой капитал 10% чистой прибыли. Если же он в пылу конкуренции ограничится прибылью в 15%, то к концу года у него не окажется ни гроша прибыли на его капитал, и его труды и риск пропадут даром. Так бывает там, где торговля ведется честно, например при торговле предметами потребления, которая не приносит большой прибыли в отличие от спекуляции; вот почему многие честные негоцианты прозябают, и положение их по истечении нескольких лет оказывается расшатанным в результате безудержной конкуренции, которая лишает людей дохода и сбыта, соответствующего их издержкам.

** Трудно себе представить, какое множество ростовщиков содержит в наши дни Франция. Впервые они появились на берегах Рейна, где ростовщики-евреи захватили в свои лапы значительную часть земельной собственности. У нас это носит менее скандальный характер, потому что ростовщичеством занимаются наши соплеменники. В наши дни единственным прибыльным делом, кроме скупки и ажиотажа, является ссуда под закладную, ипотечная ссуда и торговые операции с контрактами и облигациями должников. Ловкие люди уходят от торговли, чтобы заняться

войну меж конкурентами. Авансируя средства, они, таким образом, поддерживают множество случайных торговцев, которые бросаются очертя голову в спекуляции самого комического свойства; после краха они обращаются за помощью и дают себя грабить банкирам. Последние, разжигая ярость сражающихся, подобны тем арабским ордам, которые носятся на скакунах вблизи армии и ликуют, предвкушая грабеж побежденных, будь то друзья или враги.

При виде разбоя и нелепостей, порождаемых торговлей, можно ли сомневаться, что античный мир был мудрее нас, презирая торговлю? Что касается современных людей, которые ее восхваляют, то невольно приходит в голову мысль: не бессовестные ли это шарлатаны? Можно ли надеяться, чтобы в этом промышленном механизме воцарилась какая-нибудь справедливость, какой-то порядок, пока не осуждена торговая система и не изобретен способ обмена менее пагубный, менее растлевающий общество!

VI

Умозаключение о торговле *

В четырех предыдущих главах я установил, что торговля, с виду как будто обслуживая промышленность, по существу старается лишь грабить ее во всех направлениях; я привел четыре примера такого грабежа с помощью банкротства, скупки, ажиотажа непроизводительных потерь (déperdition).

1. Банкротство есть ограбление общества в пользу купцов, которые никогда не несут на себе его тяжесть: если негоциант осторожен, он заранее подсчитал и учел риск банкротства и взимает прибыль в таких размерах, чтобы вознаградить себя заранее за этот риск; если он неосторожен или мошенник (эти два качества в торговых делах весьма смежны), он не замедлит сам обанкротиться и в момент краха вознаградит себя за убытки, понесенные им при двадцати чужих крахах. Таким образом убыток, наносимый банкротством, ложится всей тяжестью на общество, а не на негоциантов.

2. Скупка грабит социальный корпус: вздорожание припрятанного товара ложится своей тяжестью в дальнейшем на потребителей, а предварительно — на мануфактуристов, которые, будучи вынуждены содержать мастерскую, жертвуют деньгами, продолжают выпускать продукцию с незначительной для себя прибылью, поддерживают — в надежде на лучшее будущее — производство, которое обычно дает им сред-

---

этим выгодным ремеслом, развитию которого благоприятствовала революция своими пертурбациями в сфере собственности.

Я не собираюсь порицать ростовщиков; любой политический порок надо вменять в вину обстоятельствам, а отнюдь не гражданам, которые их используют.

* [Относительно 4 из ее 32 преступлений.]

ства существования, и лишь со значительным запозданием устанавливают повышенные цены, тогда как сами они давно уже вынуждены приобретать у спекулянта по повышенным ценам.

3. Ажиотаж грабит общество, отвлекая капиталы и сталкивая их в игре на повышение и понижение, приносящей огромные барыши наиболее ловким игрокам. Отныне земледелию и фабричной промышленности приходится платить чудовищный процент за капиталы, необходимые им для производства, а предприятия полезного свойства, приносящие доход нескоро и с затратой больших усилий, оказываются в пренебрежении и вытесняются биржевой игрой, поглощающей бо́льшую часть денег, находящихся в обращении.

4. «Паразитизм», или избыточное количество агентов, грабит социальный корпус двумя способами: 1) он отвлекает бесконечное количество рабочих рук, занимая их непроизводительным трудом; 2) яростная борьба бесчисленного количества купцов, козни которых порою чинят помехи, равносильные наложению запрета *, порождает безнравственность и беспорядки.

Этого отступления, на мой взгляд, достаточно, чтобы показать, что *свобода конкуренции* пагубно отразилась не только на торговле, но и на всех ремесленных (mécaniques) и либеральных профессиях, где она воцарилась. За примером недалеко ходить.

Не прошло и десяти лет, как эта *анархическая конкуренция* убила во Франции почти все крупные театры; второй по размерам город нашей империи не в состоянии содержать своего театра и скоро будет довольствоваться подмостками для мелодрам да странствующими комедиантами. Иностранец, попав в наш большой город и видя господство литературного вандализма, невольно задается вопросом: какая революция

---

* Я приведу лишь один пример из тысячи. Мы видели, как благодаря мошенничеству русских и китайских купцов временно прекращался товарооборот между складами Кяхты и Цурухайту. «Русские, — говорит Рейнал, — поставляли китайцам фальшивые меха: китайцы давали русским фальшивые слитки» (вот вам купцы и цивилизованные!). Недоверие приняло такие размеры, что товарооборот упал и сводился некоторое время к мелочам, несмотря на то, что спрос продолжал существовать и верховные правители не только не чинили помех, но и содействовали продвижению караванов.

Помехи, о которых я говорю, обратили на себя внимание только потому, что это касалось множества сделок; целая отрасль торговли стала клониться к упадку, исключительно в результате мошенничества. Сколько помех чинило это всеобщее мошенничество международным сношениям, сколько издержек, сколько шагов, сколько тревоги и потерянного времени приходится затратить покупателю, когда он не знает стоимости покупаемой вещи; и несмотря на это, при покупке его надувают на каждом шагу. Подсчитайте, сколько времени и средств можно бы сэкономить, если бы обмен производился на всем земном шаре без какого бы то ни было мошенничества. Так может быть начиная с 7-го периода; но уже и в 6-м обман в торговых делах будет явлением редким.

изгнала французскую сцену за пределы Франции? В ответ он услышит, что сцена принесена в жертву догмату экономистов, состязающихся с Робеспьером, который говорил: «Да погибнут колонии, и да торжествует принцип». Подражая ему, экономисты возглашают: «Да погибнет драматическое и лирическое искусство во славу принципа *анархической конкуренции*».

Такого намерения у них, несомненно, не было, но действовали они именно так, как если бы у них была такая установка; они не наметили ни единого мероприятия, необходимого, чтобы парировать удар, наносимый свободой конкуренции большим театрам *.

---

* Театры, переживающие ныне крах, являют комическое зрелище, достойное цивилизации. Каждый из них строит планы своего восстановления; в этих планах сквозит никчемность, свойственная цивилизованным: они умеют изобретать против всех зол лишь полумеры, которые сами хуже зла.

Разумеется, средства восстановления театров не представляют для нас интереса: цивилизация близится к концу, а комбинированный строй обеспечит всем кантонам земного шара артистов, равных по качеству нашим знаменитым столичным артистам.

Но вернемся на момент к цивилизации. Смотрите, как легко было бы ей обеспечить каждому городу любимое развлечение: хорошую труппу для спектаклей всякого рода. Цивилизация могла бы иметь тысячи Лекайнов и Молс и снабдить труппами не хуже парижской все города с населением от 12 до 15 тыс. человек. Достигнуть этого легко: нужны школы, которые давали бы актерам специальное образование; вместо того чтобы ждать манны небесной, надо руководствоваться принципом: «на бога надейся, да и сам не плошай» («Aide toi, le ciel t'aidera»).

Правильно построенная система народного просвещения должна охватывать все общественно полезные профессии. На данной ступени роскоши комедия является наименее опасным развлечением и некоторым образом даже ограждает от различных эксцессов, в которые может впасть зажиточный класс: следовательно, хорошие комедийные артисты в высокой степени полезны. Основание высших школ драмы и лирики требуется тем неотложнее, что плохая комедия сеет семена общественного растления. Для привлечения публики она использует приманки, чуждые искусства; ее аудитория состоит из завсегдатаев, занятых исключительно кокетством и совершенно равнодушных к факту деградирования вкусов; эти актеры опошляют шедевры и их авторов, превращая любую пьесу в фарс; это бич добрых нравов, литературного вкуса и литературной славы нации. Отсюда ясно, что следует либо не иметь вовсе театров и привить публике другие вкусы (что уже невозможно), либо принять меры к повышению уровня театров путем основания специальных питомников для комедийных артистов, как и для всех иных функционеров. В каждом крупном городе надо основать консерваторию в составе трех факультетов театра: декламации, пения и танцев. Эти заведения будут притягательными центрами для рассеянных по стране талантов; их много среди бедной детворы и молодежи. Дети Марселя или Брюсселя не поедут искать школу в Париже; необходимо создать школы во всех надлежащих местах, культивировать зачатки таланта, рассеянные природой по городам и селам, и готовить к драматической и лирической деятельности тех, кто имеет для этого природные задатки. Они должны приобретать квалификацию на сцене главного театра у себя в городе, способствуя таким образом его блеску, притом без издержек с его стороны; надо поощрять родителей денежными премиями, которые будут побуждать бедняка с младенческих лет

Все профессии в большей или меньшей мере развращены системой свободы торговли; показателем тому — медицина и адвокатура. В годы абсолютной свободы можно было видеть, как шарлатаны разъезжают по деревням и злодейски грабят сотни легковерных крестьян *под прикрытием принципа свободы конкуренции.* Адвокаты, подражая почтенным обычаям купцов, в свою очередь стали *ловить клиентов,* останавливая

культивировать, а не глушить в своем ребенке художественные наклонности.

Города кишмя кишат детьми, у которых отсутствуют художественные дарования: родители отдают их в консерваторию, польстившись на якобы прибыльное артистическое амплуа. Это учреждение, будь оно правильно организовано, очень скоро дало бы множество видных артистов. Теперь же вместо них на сцене подвизаются фигляры, и это вынуждает подлинных любителей искусства отказаться от посещения театра, до такой степени деградировавшего. Театр достигнет блеска, на который он способен, когда на сцене будут выступать артисты, прошедшие хорошую театральную школу и усвоившие ее художественные принципы.

Искусство не будет тогда во власти тиранической моды. Ни один комедийный актер, певец или танцор не станет злоупотреблять любовью публики для возведения своего каприза в правило. Традиции противоположных школ дадут возможность использовать каждый оттенок таланта и будут уздой для сумасбродных фантазий, принимаемых артистом за признак гения. Тогда театральные зрелища поднимутся на такую ступень совершенства, что будут благотворно влиять на нравы и порождать общую тягу к изучению искусства. Обилие хороших актеров и умеренная их оплата обеспечат процветание хороших театров, заставят авторов посвятить себя созданию хороших пьес, и это занятие будет в ту пору столь же прибыльным, сколь неблагодарно оно сейчас.

Тогда комедийные актеры прославятся, как это и подобает подлинным талантам и сцене, где они выступают. Что касается наших дней, то разве можно удивляться тому, что эта профессия деградирована и освистана? Сцена с никчемными актерами претит людям образованным и просвещенным; она служит приманкой для вульгарных невежд; а такая аудитория далека от справедливой критики, унижает актера своим деспотизмом и преподает ему уроки, грубость которых вполне соответствует художественному достоинству тех, кто их получает. Каковы в наши дни правооснования огромного большинства комедийных актеров, рассчитывающих на снисхождение публики? Только некоторые из них вправе ожидать аплодисментов, у большинства же при выборе этой карьеры не было ничего кроме наглости. Они приобретают сноровку в каком-нибудь несчастном городке, где и подвизаются на первых порах; к моменту перекочевания в другой город единственным их успехом является выдержка при поражениях на дебютах и умение взять партер двухнедельным измором; после всего этого можно ли удивляться тому, что профессия унижена, что ею пренебрегают семьи, у которых есть данные для извлечения из нее выгод? По существу же немногие профессии столь прибыльны, как профессия хорошего актера; порою жалование весьма посредственного актера вдвое превышает оклад высших гражданских и военных прозинциальных чиновников. В результате этого провинция лишена возможности содержать большой театр; порядочный актер, даже рядовой, столь редок и требователен, что город со 100-тысячным населением имеет возможность содержать лишь небольшой театр, ставящий народные фарсы и чудовищные по нелепости драмы.

Упадок театрального искусства во Франции дает себя знать сильнее, чем в других странах. В отличие от Италии и Германии, Франция

и зазывая к себе крестьян на публичных площадях и у входа в присутственные места. Это проституирование профессии, дотоле почтенной, возбудило негодование и вынудило прибегнуть к репрессивным мерам, т. е. преобразовать матрикулы вразрез с принципом *свободной конкуренции*.

Этой свободой, как и свободами политическими, орудовали втемную, не предусмотрев возможных результатов прекрас-

---

не имеет князей, которые, стараясь украсить свою резиденцию, привлекали и поощряли бы артистов, окружая их почетом и материальным довольством. Наши крупные города не домогаются для себя такой славы; их население сплошь занимается торговлей; их навыки буржуазны; ни стимула, ни поддержки артисту у них не найти. За исключением одного единственного Парижа вся остальная Франция — место изгнания для артиста: искусство и гений там обречены на мрак неизвестности. В этом отношении наши города со 100-тысячным населением стоят ниже таких городков Германии, как Веймар и Гота. В этих маленьких столицах под крылом правящих там меценатов процветают науки и искусства. Как унизительно это сопоставление для городов Франции; по сравнению с городами Германии и Италии это города варваров, а не цивилизованных: там музы обитают во дворцах, во Франции же — в хижинах. По уровню наук и искусств все, что за пределами Парижа, — сплошная деревня. Лионский музей не стоит коллекции странствующего торговца. Лионская библиотека изобилует томами, но среди них вряд ли найти хотя бы одно единственное хорошее современное произведение. Ботанический сад Лиона не имеет ничего украшающего и обслуживается тремя хижинами: точь-в-точь бедный садик капуцинов. Это ли монументы для второго по размерам города империи, для города, поставляющего предметы роскоши четырем странам света! Повторяю, все, что есть достопримечательного, Франция сосредоточила в Париже; зависть не дает покоя собравшимся там со всех концов ученым; они умышленно уничижают крупные города, не желая дать им ничего хорошего.

Стремясь снизить уровень всего остального, чтобы один Париж блистал, опоясанный тьмою, они засоряют маленькие источники, призванные питать большую реку, и тем самым вызывают оскудение столицы. Взять хотя бы театральное искусство: город, где имеется все что нужно для развития талантов, город, призванный излучать таланты на провинцию, сам находится в тяжелом положении; он поддерживает свою сцену лишь ценою опустошения театров провинциальных, заманивая к себе любого актера, достойного его внимания. Между тем, если бы Париж позаботился о насаждении в провинции учреждений, аналогичных его собственным, он обильно пожал бы плоды своих трудов: множество артистов отливали бы в столицу и наперебой один перед другим развертывали бы там свои таланты, внося бесконечное разнообразие в утехи ее обитателей. Своими ценнейшими актерами Париж обязан провинции. Судите, какое обилие талантов дала бы ему провинция, будь на местах школы, животворно действующие на зачатки таланта, повсеместно расточаемые природой; такие зачатки можно найти не только в маленьких городах, но и в самых глухих селах.

Чтобы не ударить лицом в грязь и успешно конкурировать в области искусства и литературы с городами Германии и Италии, расцветающими под крылом монаршей резиденции, Франции следовало бы (если допустить, что цивилизация еще уцелеет) обеспечить своим крупным городам все то, что дала бы им монаршая резиденция, коей они лишены благодаря счастливому для нас единству нашей империи.

Чтобы уподобить их княжеским резиденциям, надо за счет государства украсить их атрибутами величия: основать там музеи с ценнейшими репродукциями картин, подобными музейным репродукциям, собранным в Париже; создать библиотеки, располагающие всеми ценными

ной философической теории. В наши дни уже начинают чуточку понимать ошибочность таких действий; но стараясь исправить дело, впадают в ошибки еще более грубые; такой ошибкой является отождествление интересов торговли с интересами промышленности, чьим прирожденным врагом является торговля.

произведениями, наличными в библиотеках Парижа, переиздав их в необходимом для этого количестве; и, наконец, щедро обогатить эти большие города научными и художественными учреждениями, каковы: ботанический сад, физический кабинет и кабинет естествознания, национальный театр и иные учреждения, которые были бы там созданы при наличии у них княжеских резиденций.

Допустим, что во Франции кроме императора было бы 20 князей: их 20 столиц блистали бы всеми названными учреждениями. Единство Франции избавляет ее от издержек по содержанию государственного аппарата, необходимого при федеральной организации; следовательно, мы имеем полное основание требовать, чтобы за счет этой экономии в провинции были созданы те полезные учреждения, которые она получила бы от княжеских резиденций, дабы наши провинции могли состязаться с областными центрами в сфере наук, искусств и литературы.

Такие мероприятия, диктуемые чувством справедливости и национального достоинства, не по сердцу ученым Франции; цеховый дух (esprit de corps) делает их горячими патриотами того единственного города, где они собрались воедино; Париж — единственный предмет их стараний. Этот милый город любит поглумиться над провинцией, им систематически уничижаемой. Так садовник, пылая ненавистью к соперникам и завидя тюльпан или гиацинт, равный по красоте его собственному, скупает ненавистное растение, чтобы вырвать его с корнем и уничтожить. Париж для Франции то же, что Молукские острова для голландцев: они ежегодно срубают и уничтожают там гвоздичные и мускатные деревья, оставляя их только на островах Амбуан и Банда. Удивительно еще, что Париж допускает существование знаменитой школы в Монпелье: эта школа пользуется в Европе славой, исключающей возможность того глумления, которое благодаря Парижу стало уделом французских провинций. Чтобы получить представление о том, на что способна провинция при поощрении там наук и искусств, достаточно вспомнить Женеву в эпоху, когда она была административным центром: в области наук она занимала первое место после Парижа (я имею в виду только те города, где господствующий язык — французский). Кто знает, может быть, и в сфере искусств она заняла бы аналогичное место, если бы ханжество не лишало людей возможности их культивировать. И это в эпоху, когда наши крупные города — Лион, Бордо, Марсель, Нант — не играли почти никакой роли в сфере наук и искусств, процветающих лишь под благосклонным взором верховной власти, или в тех городах, где им предоставлены средства развития.

Но достойны ли сожаления провинции Франции? Им настолько свойственно подхалимство, что они считают для себя честью, когда у них забирают того или иного артиста, тот или иной памятник, чтобы украсить столицу, которой на них наплевать. Подобно древним мусульманам, почитавшим для себя за славу смерть во славу пророка, большие города Франции считают для себя честью быть изгрызенными Парижем.

Ни в Лионе, ни в Бордо, ни в Марселе, ни в Нанте никогда не высказывали сожаления по поводу такого разорения, такого уничижения наук, и искусств, и театра. Они и не помышляют приобщиться к славе столицы.

Приятно, однако, видеть, что судьба уже покарала Париж за такое уничижение провинции: взять хотя бы одну область — сколько драма-

При сопоставлении роли купцов и промышленников нетрудно убедиться, что значение первых ничтожно, а вторых велико. Руководители фабрик легко могут обойтись без купцов; они могут непосредственно закупать сырье, непосредственно экспедировать продукты с фабрик или рассылать собственных приказчиков для их продажи и распределения; купец же ни в коем случае не может занять место мануфактуриста или производить в его отсутствии.

Когда тот или иной город растеряет своих купцов, как это было с Марселем в период чумы, его тотчас же заселят новые купцы; лишь бы расположение этого города благоприятствовало торговле. Когда же город потеряет своих мануфактуристов, как это было с Лувеном, новые фабриканты не переведут туда своих мастерских. Купцы всегда там, где вольно и

тургов и лириков страдают от деспотизма Парижа! Их сочинения либо выносятся на суд закулисного трибунала, безапелляционно изрекающего свой приговор, либо их забрасывает грязью партер, подкупленный их противниками; какое для них несчастье — не видеть на протяжении обширной французской империи ни единого города, который дерзнул бы пересмотреть этот приговор, города, где искусство было бы в расцвете и имело оплот в лице хорошего театра, города, чья оценка могла бы быть противопоставлена Парижу и лишить силы его приговор, зачастую столь несправедливый!

Двадцать два несчастья обрушиваются на ученых и артистов в наказание за опустошение ими провинции.

В том, что поступают с ними грубо, виноваты они сами: они третировали грубо других, не считая для Парижа обязательным соблюдение тех принципов соревнования, о которых так шумно разглагольствуют они теперь.

Сколько нарождающихся талантов убито деспотическим приговором столицы, тем недоброжелательством, которое приходится им преодолевать в этом городе — этой единственной арене, где можно сложиться и творить! Говорят, Саккини умер от горя, видя освистанным своего Эдипа — эту первую французскую оперу. Сколько прекрасных авторов были отвергнуты тираническим коварством парижской публики! Разве не ясно, как день, что эта столица убивает соревнование и лишает Францию множества превосходных людей, которые могли бы пышно расцвесть, если бы налицо были соревнующиеся с Парижем города, ограждающие людей от тирании Парижа и обеспечивающие им справедливую оценку их произведений.

Отсутствие специальных школ для драматургов и лириков — большая ошибка; вот и приходится теперь разглагольствовать об упадке литературы, театра и т. д.; все объясняется отсутствием учреждений, которые организовали бы соревнование между крупными городами, с одной стороны, и столицей — с другой, способствуя тем самым развитию талантов, которых мы теперь лишены. Основанию таких учреждений помешали зависть или скаредная экономия. Так перестаньте же сетовать на литературный и театральный декаданс; разве не справедливо лишена талантов империя, не пожелавшая их культивировать? Разве не справедливо, чтобы скупец, отказывающийся выдать семена для засева, не собирал жатвы в полях? Вы уподобляетесь этому скупцу, пренебрегая созданием консерваторий, которые позаботились бы о широком развитии талантов, рассеянных среди детей; благодаря отсутствию таковых вы бедны среди богатств, расточаемых природой у ваших ног. Слепые, как дикари, обладающие золотыми россыпями, вы довольствуетесь чешуйками, случайно занесенными к вам потоком.

выгодно торговать; иное дело фабрики: не всегда они создаются там, где даже все благоприятствует им и сулит успех. Отъезд фабрикантов обрекает на бездеятельность и торговцев сырьем и комиссионеров — эти фабрики обслуживающих, тогда как отлив хотя бы всех купцов не останавливает фабрик, руководители и служащие которых могут, как я уже сказал, в случае необходимости занять место купцов.

Когда французские протестанты эмигрировали в Германию, на смену им не пришли фабриканты-католики: промышленность была экспатриирована вместе с ними; а если бы Людовик XIV изгнал лишь купцов и банкиров, сделав исключение для фабрикантов, год спустя место купцов-протестантов заступили бы новые купцы-католики. Франция потеряла бы людей и понесла бы денежные убытки, которые поправимы, но она не лишилась бы своей промышленности, что непоправимо. Мы видим, что все державы усиленно стараются водворить своих купцов в восточных странах; но ни одна держава не стремится перебросить на восток европейских фабрикантов; наблюдается обратное — старание привлечь к себе фабрикантов Китая и Индии; а привлекать в Европу купцов и мореплавателей из этих стран никто не стремится. Если продолжить эту параллель, читатель будет все больше и больше убеждаться в том, что за купцами и банкирами надо установить суровый контроль и ограничить их функциями полезного свойства, о которых я говорил выше. Если же им предоставить полную свободу, как это советуют экономисты, они обратят свои капиталы во вред промышленности; так недисциплинированный солдат, если избавить его от угрозы кары, станет грабить родину, вместо того чтобы поддерживать в ней порядок.

Много времени прошло, прежде чем современный человек усомнился в своем идоле и признал необходимость полного изменения системы торговли, этого скопища всех пороков.

Мне могут сказать: вместо того чтобы разглагольствовать на тему о зле, не лучше ли порекомендовать средства уничтожения этих пороков; пора бы, мол, дать теорию *сосиетарной конкуренции,* которая может искоренить все неурядицы торговли.

В ответ на это я скажу: задача моя не в том, чтобы *улучшить цивилизацию,* но в том, чтобы привести ее в замешательство и зародить в людях желание лучшего социального механизма, показав им, что строй цивилизации нелеп, как в целом, так и в частности, и что далекие от совершенствования разума современные люди все в большей и большей мере охвачены политическим безумием; доказательством тому — их последние бредовые видения — братство и торговый дух, против которого восстают одновременно и разум и природа.

Природный инстинкт никогда не обманывает. Мы видим, что огромное большинство народов презирает торговлю; по-

сколько это презрение продиктовано природным инстинктом, верьте мне, — объект их презрения таит в себе какое-то отвратительное скрытое свойство.

Кто же разумнее, — современные ли люди, у которых торговля в почете, или древние, презиравшие купца? «Vendentes et latrones» *, говорится в евангелии, где обе эти категории отождествляются. Так мыслил Христос, который вооружился лозой, чтобы изгнать торговцев из храма, с евангельской откровенностью им сказал: «Вы превратили мой дом в притон воровства» («Fecistis eam speluncam latronum»).

В полном согласии с Христом античный мир не делал разницы между торговцами и ворами, ставя и тех и других под покровительство бога Меркурия. В ту эпоху ремесло купца, видимо, граничило с бесчестием, потому что святой Хризостом уверяет, что *купец не угоден богу;* недаром купцов изъяли из царства божия, несмотря на допущение туда избранных людей всех профессий, даже адвокатов, каким был святой Ив.

Я вдаюсь в эти частности, чтобы выявить взгляды античного мира и сопоставить их со взглядами наших современников. Взгляды древних, разумеется, страдают преувеличением: изгонять и чернить купцов столь же смешно, как и превозносить их до небес. Но какая же из двух крайностей менее нелепа? Я высказываюсь в пользу древних.

Если современная философия — друг истины, как может она благоволить классу коммерсантов, самому лживому в обществе? Посмотрим, каков их портрет в наши дни, когда они в большом почете.

«Армянам, — говорит Пешель в своем *словаре коммерческой географии,* — глубоко свойственна скрытность и искусное мошенничество, их доводы столь же лицемерны, сколь и убедительны. Привыкшие к деспотизму, унижениям, вероломству, они не останавливаются ни перед чем, чтобы добиться своей цели; самая религия у них в руках — лишь орудие, служащее корысти и обману. В России они следуют греческому обряду, в Персии — магометанскому и т. д. и т. д.».

Этих немногих строк достаточно, чтобы дать представление о нравах, царящих в торговле, и о том здоровом влиянии, которое могут они оказать на социальный строй там, где они господствуют. Купец в наши дни может похвалиться виднейшими чертами армянского характера. Правда, богатые негоцианты довольно далеки от этого характера: хорошо быть почтенным, когда в кармане сотни тысяч экю! Все же торговый дух тлетворно влияет на политику и народные нравы. Доказательством тому Карфаген и Англия; их политика обмана — punica fides — вошла в поговорку; что касается торгаше-

[1] Купцы и мошенники. — *Прим. перев.*

ского характера, то во всей своей наготе он выявляется лишь в низших классах.

Несмотря на коммерческие гнусности, будящие негодование в честном человеке, и вопреки доводам рассудка, который, анализируя торговые функции, находит, что это посредничество паразитическое, низкое и дезорганизующее, люди нового времени возвеличили торговлю в общественном мнении. Объясняется это тем, что цивилизация по существу благоприятствует вероломству; под влиянием торговли она тяготеет к промышленному строю, еще более отвратительному, еще более вероломному, зачатки которого я постараюсь выявить.

Впрочем, я полагаю, что моя критика может казаться неуместной и даже возмутительной, пока я не ознакомил с механизмом, идущим на смену царству торговли и способным водворить царство истины и добрых нравов на место вероломства и смешных коммерческих нелепостей. Пока я обличаю трусость ученых, которые не дерзнули заняться такими изысканиями и осмеливаются объявлять себя друзьями истины, будучи апологетами коммерции. За отсутствием ученых некоторые администраторы сами пытались противодействовать торговой анархии, но попали из Харибды в Сциллу; монополия (les maîtrises en nombre fixe) взамен анархии есть средство исцеления, которое само по себе хуже зла; после клубов это — наиопаснейший рычаг революции, мыслимый при строе цивилизации.

VII

Декаданс строя цивилизации благодаря установлению монополий, ведущих к четвертой фазе

Я ограничусь указанием проблемы, заслуживающей внимания. Я имею в виду *право на труд*. У меня нет желания вдаваться в словопрения на общую тему о правах человека, этих мечтаниях греков, воскрешенных в столь смешной форме. После революций, вызванных их господством, мне вряд ли поверят, что мы идем навстречу новым потрясениям из-за того, что позабыли о первом и единственно полезном из этих прав — о праве на труд, ни разу не упомянутом нашими политиками, имеющими обыкновение опускать в любой сфере исследования вопросы самые главные.

В числе других нарушений права на труд я укажу на привилегированные компании, которые, устремившись в какую-нибудь отрасль труда, закрывают возможность соревнования другим претендентам и отказываются допустить их хотя бы и с соблюдением выработанных условий.

Влияние таких компаний может стать опасным и вызвать революцию лишь постольку, поскольку их регламентация распространится на весь коммерческий корпус. Мы подошли

вплотную к этому нововведению; войти ему в жизнь тем легче, что последствий его люди не предвидели.

Величайшее зло в зародыше зачастую незаметно; пример — якобинство. Клубы существовали и до французской революции; там выступали люди самые безупречные; никому бы и в голову не пришло, что такие собрания таят в себе зачатки тирании, превосходящей своими ужасами тиранию Нерона и Тиберия; ведь последняя настигала только великих мира, столицы да людей, имеющих свою партию; а клубы простирали свои преследования вплоть до граждан, никому неведомых, и деревушек, погруженных во тьму неизвестности.

Прошло целых двадцать пять столетий, прежде чем цивилизация породила такое бедствие; сколько еще других непредвиденных бедствий можно от нее ждать. Наихудшей бедой был бы коммерческий *феодализм,* или сдача торговли на откуп союзным компаниям с предоставлением им исключительных привилегий.

Крайности сходятся, и чем больше разрастается торговая анархия, тем ближе мы к универсальной привилегии, которая представляет собой противоположную крайность. Такова уже участь цивилизации: ей всегда приходится качаться от одной крайности к другой, не останавливаясь на золотой середине.

Целый ряд обстоятельств способствовал образованию торговых корпораций, организации негоциантов в торговые компании и монопольные общества; в контакте с крупными собственниками они превратили бы всех мелких собственников в торговых вассалов и с помощью сложных интриг стали бы хозяевами всего производства. Мелкий собственник был бы *косвенно* вынужден распоряжаться своей жатвой так, как это угодно монополистам; он превратился бы в приказчика, действующего в интересах меркантильной коалиции; и, наконец, мы были бы свидетелями возрождения феодализма наизнанку — феодализма, имеющего в основе союз торговцев вместо союза дворян.

Все клонилось к такой развязке: дух ажиотажа завладел великими мира; старое дворянство, разоренное и лишенное своих владений, ищет успокоения в торговых интригах. Потомки древних рыцарей наперебой друг перед другом обучаются спекуляции и приобщаются к биржевым махинациям, стремясь достигнуть в этой области того превосходства, которого достигали их предки в турнирах. Общественное мнение пресмыкается перед так называемыми *дельцами;* в столицах с ними разделяют власть министры; они ежедневно изобретают все новые способы взятия на откуп той или иной отрасли промышленности. Подчиняясь их влиянию, правительство невольно старается завладеть торговлей, заполоняя ее, участок за участком, стремясь к универсальной монополии; все прекрасные обещания обеспечить свободу торговли напо-

минают собой присягу пресловутых республиканцев, клятвенно заверявших нас в смертельной ненависти к королевской власти, на самом же деле только и мечтавших, как бы усесться на трон. Итак, мы быстрыми шагами шли навстречу *коммерческому феодализму и четвертой фазе цивилизации.* Привыкши расхваливать все, что творится во имя торговли и ради ее блага, ученые без всякой тревоги лицезрели бы нарождение этого нового строя, чтобы заняться его пошлой апологетикой. Вначале все рисовалось бы в розовом свете, как это было с клубами, а в конечном счете получилась бы *промышленная инквизиция,* порабощение всех граждан интригам союза монополистов.

(Если хотите знать, как уйти от этого бича, ознакомьтесь с примечанием *, которое представляет интерес лишь для

---

* *Пропорциональная монополия, или метод, средний между свободой конкуренции и торговыми откупами*

Осветить этот вопрос было бы очень важно, если бы цивилизации суждено было просуществовать еще хотя бы десять лет; но так как это невероятно, то достаточно будет слегка коснуться проблемы и доказать, что торговле грозит сдача на откупа (être mis en ferme) благодаря необходимости изыскания мер борьбы с растущей анархией.

Сколь необходимо сократить во всех сферах количество излишних агентов, столь же жестоко было бы изъять всех их сразу, установив определенное количество монополий. Есть ли что-либо более несправедливое, чем отдача целой отрасли промышленности во власть объединенным скупщикам, за жалкую мзду приобретающим право устранять, сажать в тюрьму и грабить конкурентов. Допустить такой строй значило бы воспроизвести в точности систему монополии, которую ставят в упрек Англии!

Закрытые союзы до сих пор распространялись лишь на функции низшего порядка; они существуют лишь для ремесленников и второстепенных торговых агентов, именуемых маклерами, агентами обмена. Вот почему они не приковали к себе внимания наблюдателя, и никто не задумывается, справедлив или несправедлив их устав.

До сих пор эти лиги, используя свое положение, присваивали себе исключительное право, не брезгуя ничем и платя за него по дешевке — одну треть, одну четверть ее стоимости. Они тщательно заботились, чтобы концессия не возрастала в цене, что опрокинуло бы их до смешного жалкие предложения.

Свои узурпаторские действия они пытались оправдать кое-какими разумными доводами; они ссылались на беспорядок, порождаемый беспрепятственным допущением претендентов к труду; эти неполадки, названные мною *анархической конкуренцией,* отнюдь не могут служить оправданием еще худшей крайности — перехода от свободы торговли к зажиму ее. Надо изыскать какой-то средний метод между беспорядочным допущением и замкнутой организацией привилегированного характера. Этот метод я укажу: соображения эти доступны и младенцу и не требуют никаких предварительных знаний; для них требуется лишь справедливый подход, не свойственный экономистам.

Этот метод я назову *прогрессивными финансами;* здесь надо продвигаться с зондом в руках; метод заключается в том, чтобы требовать от производителей и особенно от непроизводительных работников промышленности каковы торговцы, беспроцентного вклада (cautionnement) и патента; и тот и другой из года в год должны возрастать, например:

торговцев. В нем указан единственный способ сохранения ими свободы, которая уже у края гибели. Администрация втайне негодует, видя, как они увиливают от налогов, тогда как в системе пропорциональной монополии, спасающей от откупа, они уплачивали бы пропорциональную долю налога.

1807 г.	Залог 3 000	фунтов	Таким образом, ежегодно залог увеличивается на 1 000 фунтов по сравнению с первоначальным и независимо от увеличения патента.
	Патент 300	»	
1808 г.	Залог 4 000	»	
	Патент 400	»	
1809 г.	Залог 5 000	»	
	Патент 500		

Так продолжается вплоть до момента, когда наплыв агентов сократится и количество вступающих в корпорацию будет равняться количеству выбывающих из нее по причине смерти или отхода от дел. К этому моменту вклад и патент достигают точки равновесия и на этой точке останавливаются вплоть до новых шансов, каковы шансы мира или войны, которые суживают или расширяют сферу промышленности. В этом случае прогрессивные финансы должны следовать за импульсом и сообразно ему видоизменяться в сторону повышения или понижения в зависимости от неожиданного притока или внезапного сокращения количества претендентов, которых ни в коем случае нельзя отстранять от дела, если они выполняют требуемые условия.

Эта мера, будучи применена к торговле, должна в весьма короткий срок поднять ассоциацию на высшую ступень, потому что ежегодное увеличение суммы вклада и патента и уже сама по себе перспектива этого повышения заставляют торговцев позабыть о зависти и образовать экономические объединения в составе 10—12—15 фирм, чтобы нести одни общие финансовые расходы.

Как только одна из таких крупных ассоциаций образуется, огромные размеры ее экономии и ресурсов побудят всех разобщенных (incohérents) к аналогичным объединениям, чтобы облегчить тяжесть вклада и избегнуть той индивидуальной борьбы, исход которой столь явно разорителен, что каждый упорствующий одиноко в этой борьбе лишился бы кредита.

Оперируя этими крупными объединениями, правительство могло *(организуя солидарность, отделения* (annexes) и т. д.) притти к *сосиетарной конкуренции,* искореняющей банкротства, ажиотаж, спекуляцию, разорение и т. д. Я не буду вдаваться здесь в эти мероприятия; укажу лишь, что прогрессивные финансы — прелюдия к установлению хорошего строя торговли — достигают уже трех наиболее важных целей:

1. Сокращают количество агентов без каких бы то ни было насильственных мер, без изъятия кого бы то ни было, без притеснительных привилегий;

2. Способствуют образованию ассоциации, которая является основой всякой экономии и всякого блага, желанного в системе торговли;

3. Обеспечивают казне взимание пропорционального налога с различных отраслей производства, трудно поддающихся обложению: таковы торговля, адвокатура, медицина; в современном строе у них имеется возможность уклониться от публичных тягот, нанеся таким образом ущерб финансовой системе.

Всякое иное мероприятие, отличное от прогрессивных финансов, носит печать произвола, приводит к замешательству, вредит как правительству, так и промышленности, увековечивает (consacre) конфликты между привилегированными и притесняемыми. Доведенные до отчаяния устранением от дел, обрекающим их на бедность, последние прибегают ко всякого рода уловкам, чтобы работать вопреки запрещению и сопротивляться гнету той компании, которая намерена их раздавить, убив в них надежду на допущение к работе.

Таким образом на протяжении одного и того же поколения философы дважды совершили нелепость, заставив ретроградировать социальное движение: первый раз благодаря избытку политической свободы, которая в 1793 г. быстро привела Европу к варварству; второй раз — благодаря избытку

Всякая лига в составе определенного количества лиц уничтожает двоякого рода конкуренцию — и по линии заработной платы и по линии соревнования; за примерами недалеко ходить: у нас было достаточно адвокатов, чтобы соревнование между ними снижало цену на их услуги до умеренных размеров; на самом же деле произошло обратное; они сговорились между собой и до такой степени раздули свои гонорары, что вынудили правительство тарифицировать их доходы. Однако даже и в том случае, если бы этот тариф удалось провести в жизнь, что невероятно, эта тарификация заработка не будет способствовать росту соревнования, потому что всякая лига в составе определенного количества лиц, зная, что публика вынуждена проходить через ее руки, угнетает публику и спустя рукава выполняет работу, так как ей не приходится бояться соперников. Попробуйте-ка установить в порту определенное количество грузчиков: вскоре они образуют коалицию, чтобы полновластно господствовать и грабить торговцев; недаром эти последние боятся, как огня, этих закрытых лиг обслуживающего персонала, и всякий негоциант предпочитает не-члена лиги в качестве маклера и торгового агента; он прекрасно знает, что не будь конкуренции, привилегированные стали бы работать небрежно, важничать, пренебрегать неблагодарной частью работы, брать на себя сделки лишь выгодные и легкие и, в конечном счете, вынудили бы коммерсанта выполнять все то, что им не нравится. Впрочем, негоцианты — самая свободная общественная корпорация — поступают очень глупо, добровольно отдаваясь в руки комиссионеров, имеющих возможность донести (dénoncer) и подвести под кару негоцианта, когда тот использует услуги других. Комическое положение: хозяин оказывается в подчинении у прислужника. Если бы у негоциантов было хоть немного самолюбия, они сговорились бы между собою относительно изъятия из своей среды этой вредной агентуры, пока сама она не станет настойчиво просить об изменении ее привилегий, совершенно противных здравому смыслу и справедливости.

Среди многочисленных злоупотреблений, порождаемых закрытыми лигами, я назову лишь одно: изъятие, в конечном счете, всех кандидатов, наиболее заслуживающих допущения. Посмотрим же, как это происходит.

Допустим, что существует привилегия, ограничивающая количество врачей данного города цифрою 30; что Бергав в молодые годы предлагает городу свои услуги, когда корпоративная лига уже укомплектована. Бергав таким образом навсегда устранен от медицинской практики.

Я сейчас поясню, как это происходит.

Вначале он терпеливо выжидает вакантного места; момент этот наступает, но не думайте, что в силу его таланта он будет принят: вакантное место будет предоставлено какому-нибудь родственнику или куму привилегированных лиц или ловкому карьеристу, явившемуся в управление за день до Бергава: всем известно, что люди занятые и достойные не умеют интриговать. Помимо того закрытые корпорации (corporation de nombre fixe) хотят пользоваться своей привилегией, не утомляя себя трудами; они остерегаются принимать коллегу слишком даровитого и слишком деятельного, чья конкуренция стесняла и вредила бы им. Эти соображения побуждают их устранить Бергава; он проявит неосторожность и станет жаловаться: ведь люди талантливые редко обладают той изворотливостью, которая необходима для интриг у цивилизованных; его жалобы усилят враждебное отношение к нему корпорации, и он будет совершенно отвергнут.

Таким образом система монополии в конечном счете устраняет лю-

свободы торговли, которая в наши дни быстро толкает нас по наклонной плоскости к феодальному строю. Таковы плачевные результаты доверия, оказываемого нами научным шарлатанам, единственной целью которых является провоцирование ученых споров, дающих им возможность существовать

дей наиболее даровитых; после ряда несправедливостей они перестанут надеяться на получение места, освобождаемого чьей-либо смертью, и не станут подвергать себя риску нового устранения в результате интриг; они займутся другим делом и будут прозябать всю свою жизнь, а их способности пропадут даром для общества, потому что человек, не выполняющий природного предназначения, всегда становится ничтожеством.

Чем выше будет требуемый залог, тем вернее будет устранено множество паразитических субъектов, которых собственные отцы наугад побуждают заняться той или иной профессией, не исследуя их склонностей; такие субъекты заполняют профессии адвоката, врача, торговца только потому, что право заниматься такой профессией не связано со сколько-нибудь значительными расходами.

Но требование залога ни в коем случае не устранит с поля соревнования человека бедного и искусного; действительно, если Бергав — человек несостоятельный, но проявил в школе яркий талант, ему обеспечена поддержка со стороны капиталистов: ведь они всегда стремятся извлечь для себя пользу из чужого таланта и со спекулятивной целью финансируют того, чье дарование сулит им великолепный доход; при этом они определенно предпочитают людей молодых, воспитанных не в достатке, — людей, познавших нужду. Итак, Бергав, будучи одарен и подталкиваем нуждою, тем легче найдет требуемую ему для залога сумму, а заимодавцы сочтут выгодной для себя сделку, дающую ему возможность применять на деле свое искусство, прибыльность которого сулит им денежный доход.

Я показал, что прогрессивное финансирование и пропорциональная монополия, из него вытекающая, соответствуют интересам и монарха и его подданных; монополия же, ограниченная определенным количеством лиц и носящая характер привилегии, дает результаты прямо противоположные, как это мы видим в наши дни.

В заключение отмечу, что за отсутствием такого мероприятия вся торговля скоро будет захвачена привилегированной монополией, как это уже осуществляется на двух крайних полюсах — колониальными компаниями Индии и т. д., с одной стороны, и обществом биржевых маклеров — с другой: и те и другие пользуются исключительными привилегиями в сфере как главных, так и мельчайших функций торговли. Таким образом монополия ведет наступление на торговлю с двух крайних полюсов; торговля оказывается в заколдованном кругу, причем этот круг постепенно суживается. При существующей конъюнктуре полновластное царство монополии может установиться в связи с настоятельной потребностью того или иного монарха в деньгах. Новаторы будут ему предлагать концессию на всю торговлю, и этот план в момент нехватки денег будет принят тем охотнее, что, помимо перспективы улучшения, он будет сулить внезапное и значительное пополнение государственной казны. Но торговая привилегия, установившись в каком-либо одном государстве, неизбежно распространится и на другие потому, что разобщенные купцы всюду будут наталкиваться на компании соседнего государства, которые в этой борьбе будут обладать преимуществом регулярной армии по сравнению с недисциплинированными бандами.

Я не буду останавливаться на результатах этого нового индустриального строя, конституирующего четверную фазу цивилизации, или коммерческий феодализм, во главе с государем. Укажу лишь, что цивилизация идет навстречу этой промышленной и политической революции

продажей своих книг. Философии необходимо было возвеличить какую-либо химеру взамен теологических бредней, ею развеянных; она приковала свое внимание к золотому тельцу — к торговле — и сделала ее объектом общественного культа и схоластических споров. Славу воспевают уже не му-

---

благодаря двум последовательным оплошностям со стороны экономистов.

Их первой оплошностью было — принятие анархической конкуренции, принципа «laisser faire les marchands» в сфере торговли; вредные последствия этого принципа вынуждают задуматься над способами обуздания торговцев.

Вторая оплошность заключается в положительном или в терпимом отношении к такому способу обуздания, как привилегированная монополия, ограниченная определенным количеством лиц, вместо свободной монополии с неопределенным количеством лиц в соответствии с обстоятельствами.

Нечего и говорить, что эта вторая форма монополии есть мероприятие шестого периода; благоприятствуя установлению справедливости и свободы, она выводит нас за пределы цивилизации; вот почему она оказалась вне поля зрения философов, этих заклятых врагов свободы, справедливости и истины.

Ученые, будучи чужды практике, изучают торговлю лишь теоретически, а негоцианты знают ее лишь практически и чужды теории; советы тех и других в равной мере опасны, и административные органы вправе жаловаться на всеобщее невежество в сфере торговой политики, где люди соревнуются по части бездарности (impéritie).

В доказательство укажу на ошибочные действия людей трех категорий.

Выше я уже осветил оплошности экономистов.

Ошибки администрации в области торговли — дело рук Учредительного собрания, которое, будучи мастером по части разрушения, но не умея созидать, только усилило анархию в торговле, как и всюду.

Устраняя дворянство и возвышая дельцов, оно должно было заранее предугадать (pressentir — предчувствовать), что рост влияния этих темных дельцов, в конечном счете, вынудит правительство к попятным шагам — к восстановлению дворянства, которое, будучи противовесом (по линии торговой политики), постарается удержать негоциантов в границах, приличествующих их профессии. Что касается наших дней, то обуреваемые гордостью ввиду отсутствия каких бы то ни было отличий и благодаря фимиаму, воскуряемому им экономистами, они впадают в неистовую роскошь, порождающую безнравственность, рискованные спекуляции, банкротства и иные неурядицы, рост которых вынуждает вернуться к пагубной системе привилегированных монополий ввиду незнакомства с системой монополий пропорциональных.

Ошибки негоциантов таковы:

Они поддались на удочку философских теорий, вредность которых они сами на себе чувствуют; среди них нет ни единого, кто не жаловался бы изо дня в день на неурядицы, порождаемые беспредельным увеличением количества купцов.

Они безрассудно дали посягнуть на свою свободу и привилегии, позволив восстановить ограниченную монополию (maîtrise fixe), которая ведет к торговой привилегии. Отныне административные органы могут оперировать против них их же собственной аргументацией и сказать им: «Ваши торговые палаты упорно добивались образования корпорации в ограниченном количестве лиц с определенными гарантиями и со взиманием залога с маклеров, или торговых агентов, которые по существу суть лишь ваши рядовые приказчики (потому что маклер — это передаточный агент, повторяющий чужую ложь с добавлением своей). Еще более необходимо требовать гарантий от негоциантов, которые являются контрагентами народного богатства, тогда как маклер есть

зам и не их питомцам, а торговле и ее героям. Никто уже не разглагольствует о мудрости, о добродетели, о морали; все это уже вышло из моды, устарело; фимиам воскуряется лишь торговле. Подлинное величие нации, подлинная слава ее, если верить экономистам, заключается в том, чтобы продавать соседу больше штанов, чем их у него покупать.

Франция со свойственным ей пылом увлечения предалась очертя голову современному безумию; во Франции только и думают, только и говорят, только и пишут, что о благе торговли. Даже великие мира — рабы этой мании: министр, который жаждет популярности, должен обещать каждому городку торговлю огромную и огромную торговлю *; знатный вельможа, объезжая провинцию, должен в каждом городе объявлять себя другом торговли, путешествующим ради ее блага. Великими умами в XIX веке признаются те, кто поясняет нам тайны биржи, заключающиеся в фунтах, су и динариях. [Поэзия и другие искусства находятся в пренебрежении, и] врата храма отверзаются лишь перед теми, кто умеет растолковать, почему сахар *пал в цене,* а мыло не дает прибыли. С тех пор как философия пламенно увлекается торговлей, путь этой новой науки устлан цветами. Самые обворожительные словообороты заняли место старых торговых терминов, и люди выражаются изысканно: с сахаром слабо (т. е. цены на него пали); мыло *«играет прекрасную роль»;* это значит, что цены на него растут. В былые времена заговорщические махинации спекулятивного характера будили негодование в литераторах; ныне эти махинации могут снискать славу их инициатору, и общественное мнение их восхваляет, говоря: «быстрое и неожиданное движение произошло недавно в области мыла». Слыша это, точно видишь, как ящики с мылом взметаются вверх под облака, и слава спекулянтов гремит по всему миру. Все, что

контрагент чужих словес, и только. Так признайте же, господа негоцианты, что с вас следует взимать залог». В ответ на это торговые палаты могут сказать лишь *аминь,* говоря самим себе: *«Ты сам того хотел, Жорж Данден»* [1].

Только что указанные мною ошибки трех партий и порождаемое ими тяготение к четвертой фазе осложняют общую нелепость и весьма показательны для степени нашего экономического совершенства. Нечто подобное наблюдается и в других областях. Просвещение нашего века изобилует книгами по вопросу о социальной политике. Бедные ученые и бедные народы! Каким хаосом является ваша цивилизация. Как вы будете ошеломлены, когда теория обратного движения страстей ярко осветит перед вами этот огромный лабиринт цивилизации, где философы, народы и короли, уподобляясь отрядам слепцов, сталкиваются впотьмах и губят друг друга под видом оказания услуг; их заблуждения свидетельствуют о верховенстве страстей, чьей игрушкой все они являются, и о необходимости исследовать законы этих властелинов мира, вместо того чтобы диктовать им наши собственные законы.

[1] «Vous l'avez voulu, Georges Dandin» (из комедии Мольера). — *Прим. перев.*

* un commerce immense et un immense commerce.

имеет отношение к торговле, будь то купоны ассигнаций или круги сыра, рождает у философов восторг и восхищение. Под их пером боченок водки благоухает ароматом; сыры испускают запах роз, а мыло своей белизной конкурирует с лилиями. Эти цветы красноречия значительно способствуют преуспеянию промышленности: философы помогают ей так же, как народам: *поток красноречия, а в результате мыльный пузырь.*

Жан-Жак Руссо в наши дни мог бы сказать: «Жеманницы со времен Мольера изменились, но чтобы дать образ этих новых жеманниц, нужен новый Мольер». Чего стоит вся эта шумиха меркантильных теорий, эти пустые разглагольствования, измышляемые для газетной сенсации и праздных споров! Темой их были раньше «равенство» и «братство», теперь — *трафикомания* (мания торговли).

Никогда еще в промышленности не было такой неурядицы, как теперь, когда меркантильный дух завладел общественным мнением. Одна единственная островная нация, пользуясь неповоротливостью старой Франции, разбогатела с помощью монополий и пиратства; и это служит достаточным основанием для отречения от всей старой философии и для признания торговли единственной стезею истины, мудрости, счастья. Купцы стали столпами общественного строя, и все кабинеты наперебой подхалимствуют перед нацией, бросающей им подачку в виде одной десятой той промышленной дани, которую она с них взимает.

Поневоле поверишь в колдовство, видя, как короли и народы, обманутые несколькими коммерческими софизмами, возвеличивают до небес зловредный класс биржевых игроков, спекулянтов и иных промышленных корсаров, использующих все свое влияние для накопления массы капиталов, искусственного колебания цен на все пищевые продукты и поочередного разгрома всех отраслей промышленности; трудовые классы [земледельцы, мануфактуристы] становятся жертвой массового грабежа благодаря спекулятивным махинациям и, подобно сельдям, исчезают тысячами в пасти проглатывающего их кита.

Но довольно о торговле. В процессе изложения я уже охарактеризовал возможные последствия *сосиетарной конкуренции,* этого антипода существующего строя.

1. Сосиетарная конкуренция, не прибегая к принуждению, не устанавливая исключительных привилегий, вызывает образование крупных ассоциаций, ложащихся в основу всей экономии.

2. При ней торговый корпус сам себя страхует и условно владеет всем, чем можно торговать.

3. Она возвращает земледелию и промышленности все капиталы, сосредоточенные ныне в торговле; социальный корпус в полной мере застрахован от какой бы то ни было рас-

траты подотчетных сумм коммерсантами, и всюду они пользуются полным доверием; поскольку это так, они для своих операций не нуждаются в значительных денежных суммах, и вся денежная наличность используется для производительных работ.

4. Сосиетарная конкуренция возвращает производительному труду три четверти общего количества рабочих рук, занятых в наши дни непроизводительными торговыми функциями.

5. С помощью прогрессивных финансов она заставляет торговый корпус выполнять государственные обязательства, от которых он умеет освободиться ныне.

6. И, наконец, в общественных отношениях благодаря ей воцаряется доверие, правда, не столь безраздельное, как при комбинированном строе, но огромное по сравнению с современным плутовством.

Этот беглый набросок может возбудить в читателе желание ознакомиться с сосиетарной конкуренцией в специальной главе; но я уже указывал, что, согласно моему плану, *данный проспект* осветит лишь невежество наших философов и их оплошности в области целеустановок. К чему останавливаться подробно на способах усовершенствования цивилизации с помощью мер, заимствуемых у шестого периода, какова сосиетарная конкуренция? Какой интерес представляют для нас способы улучшения шестого и седьмого периодов, если можно миновать и тот и другой и непосредственно перейти к восьмому периоду, который один только и заслуживает нашего серьезного внимания.

Достигнув желанной цели и широко наслаждаясь благополучием при комбинированном строе, мы сможем вдоволь размышлять над пороками и коррективами цивилизации. Подобно войне, она покажется нам *прекрасной, потому что она миновала.* Тогда можно будет заняться анализом механизма цивилизации, самого любопытного из всех, благодаря огромной сложности его движущих сил. А пока наша задача — предварительно вырваться оттуда, а не исследовать или исправлять; вот почему я так настаиваю на необходимости отвергнуть все полумеры и итти прямо к цели, основав без промедления кантон прогрессивных серий: он явит картину гармонии страстей, освободит род человеческий от *философского катаракта* и возвысит внезапно все нации — цивилизованные, варварские и дикие — на ступень провиденциальных социальных судеб, универсального единства.

ЭПИЛОГ

О СОЦИАЛЬНОМ ХАОСЕ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ

Творцы неточных наук, вы утверждаете, что работаете на благо рода человеческого; неужто вы думаете, что шесть мил-

лионов варваров и дикарей к роду человеческому не принадлежат? Однако они страдают; что же сделано вами для них? Ничего. Ваши системы применимы только к цивилизации, куда они вносят ухудшения, как только их начинают применять. Но если бы вы даже обладали искусством сделать нас счастливыми, неужели вы думаете, что выполняете предначертания бога, водворяя счастье только среди цивилизованных, занимающих лишь ничтожную часть земного шара? Для бога человеческая раса — единая семья, и все ее члены имеют право на его благодеяния; он хочет, чтобы счастливы были все, в противном случае ни один народ не сможет наслаждаться счастьем.

Следуя предначертаниям бога, вы должны были бы изыскать такой социальный строй, который применим ко всему земному шару, а не только к некоторым нациям. Огромное количественное преобладание варваров и дикарей должно было бы вам подсказать, что управлять ими можно лишь на основе притяжения, а не принуждения. Неужели вы думаете прельстить их вашими обычаями, поддерживать которые можно лишь с помощью виселиц и штыков? Эти нравы ненавистны даже вашим народам: все страны мгновенно охватило бы восстание, если бы не боязнь кары.

Ваши теории очень далеки от просвещения и объединения рода человеческого; эти теории пробуждают в варварах лишь глубокое презрение, а над вашими обычаями дикари глумятся. Для дикаря нет худшего проклятия врагу, как пожелать ему нашей участи, сказав: «Да будешь ты вынужден пахать поле». Это проклятие изрекает сама природа. Воистину, промышленность цивилизованных проклята природой, потому что она будит отвращение в свободных народах; а они усвоили бы ее немедленно, если бы она гармонировала со страстями человеческими.

Недаром бог не допустил прогресса этой промышленности и не дал распространиться по всему земному шару этой культуре, столь неблагодарной к тем, кто несет ее бремя. Он ограничил ее пределами Китая, Индии и Европы, где громоздятся муравейники нищих, эти резервы для организации комбинированного строя, дабы уже с первого момента своего возникновения этот строй имел в своем распоряжении массу земледельцев; этих несчастных переселят с мест, где их так много, и император единства распределит их по соответствующим пунктам для систематического возделывания всего земного шара.

Что касается промышленности цивилизованных, то тщетны будут ваши старания расширить ее рамки и распространить на весь земной шар этот разобщенный труд; бог (по целому ряду причин, которые не место излагать здесь) ни в коем случае не потерпел бы распространения этого противного его предначертаниям строя на все годные для возделывания

земли; он принял бы меры предосторожности, чтобы поставить ему тесный предел, воздвигаемый то внутренними войнами, то вторжением варваров.

Если промышленность несколько прогрессировала в Европе, то разве при этом она не потеряла огромных районов в Азии! Если цивилизация основала в Америке хилые колонии, которым уже грозит распад вследствие мятежа негров, то не утратила ли она у врат Европы таких обширных царств, как Египет, Греция, Малая Азия, Карфаген, Халдея и часть Западной Азии? Промышленность убита в таких крупных и прекрасных странах, как Бактрия, где она уже возникала; владения Самарканда, когда-то знаменитые на Востоке, и все области, простирающиеся от Оксуса до устья Инда, политически ретроградировали и воскресили орду. Обширное царство Индостана быстро катится к разорению благодаря тирании англичан; эта тирания будит отвращение к культуре и заставляет ассимилироваться с маргатами (Marhattes), чьи орды уже образуют мощное ядро татар в центре Монголии. Со временем они могут проникнуть в горные хребты Гат (Gates) и присоединить к себе народности Малабара и Коромандела, отвратив их от промышленного труда своими набегами.

Изо дня в день орды отвоевывают территорию у азиатских культур, разливаясь далеко за естественные пределы, — за горную цепь Имаюс (Imaüs), — которая тянется от Бухары к Китаю. У самых наших врат орда воскресает во всех пунктах Турции. Еще 50 лет гонений, еще 50 лет оттоманской анархии — и прекрасное царство вернется к татарскому кочевью, которое неимоверно прогрессирует во всех пунктах турецкого господства. Другие царства, цветущие когда-то, как Пегу и Сиам, скатились на последнюю ступень немощи и одичания, и их культуре, как и культуре Турции, видимо, не позже как через сто лет наступит конец; если бы хаотическому строю суждено было уцелеть на земном шаре, то Азия, вся огромная Азия перестала бы заниматься промышленным трудом. Даже Китай, этот колосс скаредности и комизма, явно деградирует. Последние факты открыли нам глаза на его мнимое великолепие. Социальная струя там иссякает с момента смешения с татарами; бродячие орды занимают в Китае огромные территории, и в этой империи, стяжавшей славу своей промышленностью, в четырех милях от Пекина встречаются прекрасные участки земли, заброшенные и пустынные, а в южных провинциях жрецы тщетно побуждают народ к земледельческому труду: народ снимается с насиженных участков, бросает огромные пространства невозделанными и стекается в орду. Орда — это вулкан, всегда готовый поглотить цивилизацию. Это застарелый гнойник, который, едва затянувшись, опять вскрывается, как только его перестают лечить. Эта всеобщая тяга наемных тружеников к восстановлению

орды сводит все политические задачи к одной единственной проблеме: *найти новый социальный строй, который обеспечил бы и самому заурядному из производителей достаточное благосостояние, чтобы он горячо и страстно полюбил свой труд и предпочел его инерции и разбою, куда влечет его сейчас.*

Пока вы не разрешите этой проблемы, природа будет постоянно с вами воевать; вы будете строить царства, а она будет их опрокидывать с помощью революций; вы станете добычей, преданной на растерзание; ваши чудеса науки всегда порождают лишь нищету и катастрофы; ваши герои, ваши законодатели строят на песке; несмотря на всю свою предусмотрительность, Фридрих Великий, сходя в могилу, не может оградить слабых преемников от похищения у них его славного меча. Цивилизация порождает героев в наши дни лишь для того, чтобы унизить героев времен минувших; она принижает одного за другим всех, кому она обязана своим блеском; сколько тревоги это должно внушать великим людям, у которых в свою очередь будут слабые преемники. Разве мучительная мысль о грядущих революциях не затмевает в них радость триумфов? Разве можно не возненавидеть эту вероломную цивилизацию, которая ждет лишь их кончины, чтобы поколебать и опрокинуть дело их рук! Да, строй цивилизации колеблется все сильнее и сильнее. Порожденный философией в 1879 г. вулкан дал лишь первое извержение; впереди другие извержения, и они произойдут, как только слабость правящих поощрит смутьянов. Война бедняка против богача имела во Франции такой успех, что интриганы всех стран только и думают, как бы ее возобновить. Тщетны старания ее предотвратить; природа глумится над нашим просвещением и нашей предусмотрительностью; она сумеет извлечь революции из мероприятий, проводимых нами в обеспечение спокойствия; стоит цивилизации продлиться еще хотя бы полвека — и множество детей будет просить подаяния у врат отелей, где обитали их отцы! Я не осмелился бы рисовать эту ужасную перспективу, если бы у меня не было теории для руководства политикой в лабиринте страстей и освобождения мира от цивилизации, теперь более революционной и более отвратительной, чем когда бы то ни было.

Цивилизованные нации! Глядите: варвары, чуждые вашего просвещения, умеют на протяжении нескольких тысячелетий блюсти свой общественный строй и свои установления; почему же ваши уничтожаются так быстро, зачастую не просуществовав и одного века? Вы вечно жалуетесь на бренность вами содеянного и на жестокость природы, которая так быстро рушит ваши чудеса. Перестаньте же приписывать времени и случаю эти перевороты; это результат немощи ваших социальных систем, не обеспечивающих бедняку средств труда и существования. Природа держит всегда под ударом

ваши царства и радуется их гибели, чтобы вы осознали, наконец, ваше невежество.

На мгновение я стану отзвуком ваших политических элегий. Что сталось с памятниками гордыни цивилизованных? Фивы и Вавилон, Афины и Карфаген — лишь кучи пепла. Не предвещает ли это грядущую судьбу Парижа и Лондона и тех современных царств, яростный меркантилизм которых тяготит уже разум, как и природу? Наши общества ей надоедают, и она их последовательно опрокидывает, глумясь в равной мере и над нашими добродетелями и над нашими преступлениями. Законы, пользующиеся репутацией мудрых оракулов, и эфемерные кодексы мятежников равным образом ведут нас к политическим крушениям.

В довершение нашего позора первоначальное законодательство Китая и Индии на протяжении четырех тысячелетий пощажено косою времени, а чудеса цивилизованной философии миновали, как дым. Наши науки, после таких усилий, направленных к консолидации царств, становятся игрушкой вандализма, который периодически возрождается, чтобы в короткий промежуток времени свести на-нет работу нескольких веков.

Некоторые памятники уцелели, но лишь на посрамление политики. Рим и Царьград, былые столицы крупнейших империй, стали двумя посмещищами. В Капитолии храмы Цезаря наводнены богами невежественной Иудеи, в Босфоре христианские базилики осквернены богами невежественного народа. Здесь Христос возвышается на пьедестале Юпитера, там Магомет занимает престол Христа. Рим и Царьград, природа вас сохранила, чтобы сделать вас объектом презрения наций, вами закабаленных; вы стали ареной политического маскарада, шкатулками Пандоры, сеющими на Востоке вандализм и чуму, на Западе — суеверия и неистовства. Уничтожая вас, природа глумится над великим царством, ею разрушенным; вы — мумии, консервированные для украшения ее триумфальной колесницы; вы вещаете современным столицам участь, уготованную монументам и работам цивилизации.

Природе точно нравится возвышать это гнусное общество, чтобы затем наслаждаться его разрушением и на примере стократного падения показывать ему всю несуразицу управляющих им наук. Подобно Сизифу, который беспрестанно взбирается на скалу, чтобы в момент достижения вершины скатиться обратно, цивилизации, видимо, суждено карабкаться вверх, к идеалу благосостояния, и вновь лететь в пропасть, едва узрев конец бедствий. Реформы, наиболее мудро задуманные, ведут лишь к потокам крови. Минуют века, а народы попрежнему корчатся в муках, пока новые революции не погрузят в небытие наши шаткие царства: они обречены на взаимоуничтожение, доколе будут полагаться на философию — науку, враждебную политике единства, науку, кото-

рая лишь маскирует интригу и раздувает пламя революции там, где оно тлеет.

На посрамление нашему просвещению множатся семена разложения, ставящие под угрозу наши хилые (frêles) общества. Вчера схоластические споры о равенстве опрокидывали троны, престолы и законы собственности: Европа шла навстречу варварству; завтра природа изобретет против нас другое оружие, и, подвергнутая тяжким испытаниям, цивилизация вновь рухнет. Каждый век мы ее видим у края могилы: она агонизировала, когда турки осаждали Вену, она погибла, если бы турки усвоили европейскую тактику. В наши дни она уже была на волосок от гибели: революционная война могла повлечь за собой нашествие и расчленение Франции, после чего Австрия и Россия поделили бы между собой Европу; а в последующих схватках Россия (которая располагает средствами, еще неведомыми ни ей самой, ни другим) могла бы раздавить Австрию и цивилизацию. Такова судьба этого преступного общества — блистать на протяжении нескольких веков, а затем сокрыться, возрождаться для нового крушения. Если бы строй цивилизации мог обеспечить счастье человеку, бог был бы заинтересован в его сохранении и принял меры, чтобы сделать его непоколебимым. Почему же допускает он, чтобы ваши общества, просуществовав несколько мгновений, были погребены революцией? Чтобы пристыдить ваших ученых, которые, создавая социальные теории, руководствуются собственным капризом, тогда как бог, менее надменный, чем философы, никогда не руководствуется только собственной волей, устанавливая законы мировой жизни, творя и созидая, он всегда согласуется с извечным источником (principe) справедливости — математикой, истинность которой от него не зависит и законы которой он, однако, строго соблюдает.

Перестаньте же удивляться тому, что ваши общества уничтожают друг друга, и не ждите ничего устойчивого от законов, которые исходят только от человека, от наук, враждебных божественному разуму, стремящемуся установить единство на земном шаре, как и на небесном своде. Мир, лишенный единого главы, центрального правительства, — это вселенная, лишенная бога, который бы ею управлял, вселенная, где небесные тела тяготели бы вне определенного строя и вечно сталкивались одно с другим, подобно вашим различным нациям, которые представляются мудрецу сплошной ареной диких зверей, яростно терзающих друг друга и взаимно уничтожающих все, что ими содеяно.

Сетуя на поочередное крушение ваших обществ, вы не ведали, что они противны предначертаниям бога; ныне, когда я возвестил и открыл вам его планы, разве вы не разубедились в превосходстве цивилизации? Неужто вы не видите, что она злоупотребила терпением человека; что нужен новый

социальный строй, чтобы вести нас к счастью; что в согласии с предначертаниями бога надо изыскать социальный строй, применимый ко всему земному шару, а не к одному уголку земли, занятому цивилизованными; и наконец, что необходимо *изучать социальные пороки рода человеческого, а не пороки цивилизации, которая представляет собою лишь ничтожную его частицу*. На этой основе я выдвигаю положение о политическом недуге земного шара.

Земля разделена между тремя обществами: цивилизацией, варварством и дикостью. Одно из них непременно должно быть лучше двух других. Два несовершенных, которые не подымаются на высшую ступень и не уподобляются лучшей из трех, поражены недугом чахотки, которую вполне основательно приписывает Монтескье роду человеческому.

Что касается третьего общества, якобы лучшего, но неспособного увлечь два остальных на путь подражания, оно в свою очередь, очевидно, бессильно дать счастье роду человеческому, потому что предоставляет большинству людей прозябать на низшей ступени.

Итак, два общества из трех существующих скованы параличом, а третье политически немощно; решите же после этого, которому из трех следует приписать болезнетворное начало, убийственно действующее на социальный механизм всего земного шара. Размышляя над этим тезисом, вы признаете, что параличом скованы дикари и варвары: и те и другие не прилагают никаких усилий к совершенствованию и упорно коснеют в своих обычаях, независимо от того, хороши они или плохи; что касается цивилизации, то политическая немощь ее удручает: она непрерывно находится в состоянии волнения и изо дня в день пробует новшества, чтобы избавиться от своего недуга.

Итак, перейдя от бездеятельности дикаря к промышленности варвара и цивилизованного, люди тем самым перешли от состояния апатии к стадии острых мук: дикарь не сетует на свою судьбу и не старается ее изменить, а цивилизованный непрерывно в тревоге, снедаем желаниями даже в лоне богатства:

«Его сжигает огнь неугасимый,
Не столь богат он тем, что есть,
Сколь беден тем, чем не владеет». *(Жан-Жак Руссо.)*

Апостолы заблуждения, моралисты и политики! После столь явных доказательств вашей слепоты, неужто вы и сейчас претендуете на просвещение рода человеческого? Нации вам возразят: «Ваши науки, продиктованные мудростью, лишь увековечили нищету и раздоры; так дайте же нам лучше науки, диктуемые безумием, лишь бы они смягчили неистовства и облегчили страдания народа».

Философы! Не дав нам обещанного счастья, вы низвели человека на уровень ниже животного. Если животному иногда

нехватает необходимого, то по крайней мере ему не свойственна забота об удовлетворении потребностей, прежде чем они дадут себя чувствовать. Будучи хорошо одет, хорошо вооружен, лев берет нужное ему для существования там, где он его находит, не утруждая себя заботой о семье и не тревожась о завтрашнем дне. Насколько его доля завиднее доли униженных бедняков, коими кишат ваши города. Безработные, которые, будучи преследуемы кредиторами и теснимы за недоимки, начинают нищенствовать, обнажают напоказ свои язвы и свою наготу, бродят со своими изголодавшимися детьми по городам, оглашая их мрачными сетованиями. Таковы, философы, горькие плоды ваших наук! Бедность, вечно бедность! А ведь вы утверждаете, что усовершенствовали разум. На самом же деле вы толкали нас из одной пропасти в другую.

Вчера вы укоряли фанатизм в варфоломеевской бойне, сегодня фанатизм ставит вам в упрек сентябрьские тюрьмы; вчера крестовые походы уносили население Европы; сегодня равенство косит три миллиона молодых людей, а завтра какая-нибудь другая химера потопит в крови цивилизованное царство. Вероломные ученые, до какой гнусности довели вы социального человека, и насколько предусмотрительны были прославленные вами правительства, усомнившись в вашей помощи! Вы всегда внушали ужас даже тем монархам, которых вы причисляли к своим ученикам. Спарта вас выбросила из своих недр, и Катон добивался вашего изгнания из Рима. Не так еще давно Фридрих говаривал, что наихудшей карой для провинившейся провинции была бы отдача ее во власть философам, а Наполеон закрыл политическим и моральным наукам доступ в святилище полезных наук. Неужели вы не усомнились сами в себе? Признайтесь, что, оперируя над страстями, вы уподобляетесь младенцу, играющему на пороховом складе. Французская революция запечатлела эту истину, покрыв неизгладимым позором ваши науки.

Предчувствуя, что этим комическим наукам придет конец, как только коснется их сомнение, вы дружно старались заглушать голоса тех, кому свойственна искренность: таковы Гоббс и Жан-Жак Руссо, видевшие в цивилизации нечто противное предначертаниям природы — методическое развитие всех пороков. Вы отвергли эти проблески разума, восхваляя свое совершенство.

Но наступают иные времена, и истина, которую вы искали только для виду, является вас посрамить. Подобно умирающему гладиатору, вам не остается ничего другого, как пасть с честью. Готовьтесь же сами к гекатомбе, которую несет с собой истина. Берите факел, разжигайте костры и бросайте в них вороха ваших философских библиотек.

Конец третьей части

ОПУЩЕННЫЕ ГЛАВЫ

О движении органическом и сложном кочтрдвижении *

Недостаток времени вынуждает меня опустить в числе прочих глав две данные, хотя они и возвещены в начале труда. Я ограничусь лишь тем, что дам некоторое представление о содержании первой из них.

Я уже указывал, что феномены всех трех царств служат отображением страстей, действующих в социальном механизме; приведу несколько примеров, начав с ассоциации, так как это специальная тема данного труда.

В животном царстве иероглифом ассоциации является бобр, а другим иероглифом — павлин. Глазки, усеивающие его хвост, — эмблема сосиетарного строя, его великолепия и его *неравенств*. Этот ряд глазков, последовательно расположенных, свидетельствует о том, что ассоциация несовместима с мечтами о равенстве и уравнивании, свойственными нашим философам.

Но к чему этот отвратительный голос, так неприятно контрастирующий с чудесным оперением? Для того, чтобы охарактеризовать действие изолированного человека, которое лживо и дисгармонично. Оперение влечет и чарует, как эмблема сосиетарного строя: но так как животное не обладает никакими социальными свойствами и не принимает участия в нашей работе, то бог этим отвратительным криком охарактеризовал лживость и фальшивое положение всякого индивидуума вне прогрессивной ассоциации.

Другая загадка: безобразие его лап; почему бы не украсить их, как лапы голубя или орла? К чему эти две отвратительные подставки, несущие такую роскошь? Для того, чтобы показать, что сосиетарный строй и богатство, им созидаемое, опираются на две эпохи нищеты (см. развернутую таблицу эпохи дисгармонии).

Но оставим павлина: этот иероглиф мало понятен для тех, кто не знает законов социального движения. Возьмем образец, более легкий для понимания: я имею в виду истину и ее

* Предполагаемая глава должна была содержать по меньшей мере сто страниц. Отсюда ясно, сколь далек был я в 1807 г. от понимания того, в каком объеме надо развернуть каждую тему.

влияние на цивилизацию. Посмотрим же, верно ли отобразил бог плачевную участь истины в нашем социальном строе.

Иероглиф истины в животном царстве — жираф. Так как свойство истины заключается в том, чтобы преодолевать заблуждения, то животное, служащее ей иероглифом, возвышает свое чело над всеми остальными; таков именно жираф, грызущий молодые побеги на высоте 18 футов. Такова и истина: она не мирится с нашими обычаями, и жираф, ее иероглиф, не должен быть применим в наших работах. Вот бог и обрек его на бесполезное существование. Люди предпочитают оставить его втуне, подобно тому как у нас отстраняют от дела человека правдивого, чей характер идет вразрез с усвоенными навыками, с интригами, терпимыми людьми. Истина у нас прекрасна лишь в перспективе, но не на практике, и по аналогии с ней мы восхищаемся жирафом лишь в состоянии покоя; на ходу же он вызывает улюлюкания, как и истина, когда она находится в действии. Попробуйте в порядочном обществе открыто заговорить о проказах его честных женщин, о проделках дельцов и других посетителей салонов, вы увидите, какое негодование возбудит это, и все в один голос заставят замолчать и заклеймят оратора. Еще хуже обстоит в политических делах, где истина еще менее применима. И вот, чтобы изобразить это угнетение истины, это непреодолимое препятствие ее развитию, бог усек рога жирафа в самом корне; у жирафа имеются лишь зачатки рогов, неспособные развернуть разветвления; бог своими ножницами обрезал их у самого основания, подобно тому как власти и общественное мнение убивают истину в момент ее появления и лишают ее свободы действия. Однако самый последний мошенник стремится казаться правдивым; будучи на самом деле врагами истины, мы любим рядиться в ее облачение; по аналогии мы от жирафа берем только его одежду, его шкуру, которая чрезвычайно красива. Поймав это животное, мы обращаемся с ним, как обращаемся с истиной; мы ему говорим: «Бедное животное, тебе суждено жить лишь в пустынях, вдали от человеческого общества. Одно мгновение тобой можно восторгаться, но в конце концов приходится тебя убить и сохранить лишь твое облачение, подобно тому как мы убиваем истину и сохраняем лишь ее видимость».

Из этого мы видим, что бог не создал ничего понапрасну — даже жирафа, как будто совершенно бесполезного; но будучи вынужден изобразить всю игру наших страстей, он должен был отобразить в этом животном совершенную бесполезность истины в эпоху цивилизации. А если вы желаете знать, какую роль может играть истина в других обществах, отличных от цивилизации, изучайте эту проблему в *контржирафе,* которого мы именуем *северным оленем.* От этого животного мы получаем все мыслимые услуги; недаром бог изъял его из климатических поясов, где существует чело-

веческое общество, подобно тому как истине суждено быть изъятой, пока существует цивилизация.

Когда же мы, установив сосиетарный строй, станем способны претворять в жизнь истину и предоставим простор добродетелям, от нас изгнанным, тогда новый акт творения даст нам в лице антижирафа величавого и великолепного слугу; его прекрасные свойства во многом превзойдут северного оленя, на которого мы взираем с такой завистью, протестуя против природы, лишившей нас возможности пользоваться им.

Чтобы пояснение иероглифов было интересно, необходимо выявить между ними контрасты, каковые мы наблюдаем в улье и осином гнезде, у слона и носорога; с другой стороны, надо показать сходные черты у собаки и барана, свиньи и трюфелей, осла и чертополоха; и, наконец *прогрессии,* проанализировав целые семейства, каковы жирафы, лани, барсуки, козули, северные олени и т. д. — всё иероглифы различных проявлений истины; затем надо сопоставить три семейства в трех царствах.

Тщетно станут цивилизованные искать объяснения иероглифам до ознакомления с теорией; ведь среди иероглифов есть и такие, которые отображают действие страстей, еще не существующих; так, например, брильянт и свинья — иероглифы 13-й страсти (гармонизма), неведомой цивилизованным и неиспытанной ими. Другие иероглифы рисуют социальные следствия страстей, чуждых строю цивилизации; так, например, слон является иероглифом первобытного общества (смутные серии). Это была стадия *ассоциации,* единство производственной деятельности которой находит свое отображение в хоботе. Опорой этого единства были застольные утехи, или роскошь вкусовых наслаждений; недаром вся роскошь слона заключается в его пасти, снабженной клыками, или костяными опорами. По своему одеянию это самое бедное из животных, потому что у смутных серий еще не было никакой мануфактурной промышленности и почти никаких украшений, несмотря на то, что они безумно любили наряды: бог отобразил это, покрыв грязью иероглифическое животное и наделив его чудовищной страстью к украшениям. Слон лучше нас, восклицают все цивилизованные; это все равно, что сказать: первобытное общество лучше нашего. Действительно, ему присуща величавая гордость слона, совершенно несовместимая с низостью цивилизованных. Первобытное общество сверкало и сияло дружбой, верностью, порядочностью, благодарностью и всеми доблестями слона, доблестями, которые не могут народиться в наших обществах; и по аналогии слон перестает размножаться, как только он оказывается в сообществе с нами.

К этой аналогии между тремя царствами и нашими страстями я присовокупляю пример, заимствуемый из анатомии

человеческого тела, которое служит отображением комбинированного строя. Первым долгом о скелете.

Его сильнейший выступ образует 12 пар ребер, тяготеющих к трем костям грудной клетки; это — эмблема 12 страстей, которые, будучи схожи у обоих полов, тяготеют к трем очагам притяжения. Имеется 7 ребер комбинированных и 5 разобщенных, подобно тому как имеется 7 страстей духовных, господствующих в комбинированном строе, и 5 страстей материальных, господствующих в обществах дисгармоничных; 13-е ребро — ключица — возвышается над 7 комбинированными и изображает 13-ю страсть — гармонизм, образуемую 7 духовными страстями. Эта страсть должна быть главным рычагом сосиетарной промышленности, и, следовательно, ключица должна соединяться с костями руки, этим рычагом производства в теле человека.

Тот же строй частично воспроизведен в черепной коробке, где помещается мозг: будучи резиденцией души и очагом духовного движения, он должен помещаться в облачении, аналогичном духовным страстям; и вот черепная коробка образована 8 костьми, из коих 7 прикрыты; 8-я, или лобная, единственно видима и изображает собой страсть — гармонизм, страсть высшего порядка по сравнению с 7 первоначальными.

Другие части скелета отображают производственные мероприятия фаланги притяжения; так, например, я указывал (заметка *а*), что во время парада в фаланге фигурируют 16 хоров и 32 кадриля: этот строй находит свое отображение в костях фасада, в зубах, которые обнажены и образуют 16 пар. Два последних зуба запаздывают, они слабы и приносят мало пользы, аналогично двум хорам — первому и 16-му (младенцев и патриархов), которым свойственна слабость и бесполезность. Таким образом остается 14 хоров, или 28 кадрилей, активных и полезных; их иероглиф — 14 пар костей руки, которая является агентом производственного движения.

Эти образы комбинированного строя повторяются во всех твердых и жидких частях человеческого тела: так, например, 800 мышц мужчины и женщины — эмблема 800 характеров, образующих фалангу притяжения; 10 пар нервов — эмблема 10 хоров, достигших половой зрелости; 10-й из них — вне сферы любви и равновесия страстей; вот почему 10-я пара нервов сбивается с пути и не достигает определенной цели. Если бы специалисты анатомии знали законы социального движения, они не стали бы так много спорить на тему о блуждании этой десятой пары, так как это есть необходимое следствие аналогии (точно так же как физики не задумались бы над вопросом, не есть ли свет нечто сложное).

Еще более интересную картину являют сердце, печень, внутренние органы, флюиды и т. д. Люди предчувствовали, что тело человека рисует в сокращенном виде мировое движение;

в этом нетрудно убедиться, доведя аналогию до мельчайших анатомических деталей; при этом люди позабудут об ужасе, который внушает диссекция трупа, и будут любоваться его конструкцией, как наисовершеннейшим отображением игры страстей и социального механизма.

Цивилизованные уже приподняли чуточку завесу над этими картинами. Так, например, они поняли, что змея есть эмблема клеветы и вероломства цивилизованных, а роза и ее шипы — эмблема девственности. Эти феномены слишком ярко бросаются в глаза, чтобы можно было их не заметить; они давали право заподозрить, что вся природа являет картину страстей. Чтение этого тома облегчит некоторые другие догадки, например, даст возможность разгадать, что̀ такое отвратительная куколка, превращающаяся внезапно в сверкающую бабочку: это, очевидно, эмблема гнусной цивилизации, превращаемой путем метаморфозы в универсальную гармонию. Впрочем, можно заблудиться в изучении иероглифов, пока не дана теория. В это изучение люди могут внести философский предрассудок равенства и умеренности, а это значило бы ничего не понять в системе природы. Например, люди воображают, что улей являет картину равенства; ничего подобного: улей и осиное гнездо — его антипод — рисуют два политических строя — гармонии и цивилизации. Пчелы изображают все фаланги земного шара, собранные воедино, под скипетром федерального монарха, чьей эмблемой является королева пчел. Трутни изображают непроизводительное действие, съезды и посреднические агентуры, подвластные федеральной иерархии и мобилизуемые фалангами. По аналогии пчела убивает трутня, когда он ей больше не нужен. Весь этот механизм фигурирует наизнанку в осином гнезде, иероглифе политического строя цивилизации.

Чтобы картина была верна действительности, необходимо, чтобы два насекомых изображали противоположные результаты строя комбинированного и строя разобщенного.

1. *Богатство и бедность.* У пчелы отображением их является мёд, у осы — бесполезная коробка, продукт ее чудовищной работы, образец наших промышленных чудес, которые ведут лишь к нищете.

2. *Социальное просвещение и общественное невежество.* Прообраз их — воск пчелы, источник света и ее домашняя ассоциация с человеком; у осы — эмблема невежества и социального раздора в виде чудовищных революций, в которых осиный рой уничтожает самого себя; его положение под землей вдали от света, его враждебное отношение к человеку, на которого оса нападает без обиды с его стороны, которого она дразнит и грабит, проникая в его апартаменты и пачкая пожираемые ею блюда и душа пчелу, нашего союзника. Эта последняя, наоборот, не наносит нам никакого вреда без

обиды с нашей стороны и ничего у нас не ворует, потому что она живет благоуханием наших цветов; она усиливает их прелесть, являя пример труда и давая представление о социальной гармонии, пробуждаемое в нас видом пчелы, сидящей на цветах.

Когда эти картины страстей будут уяснены, и в целом и в частности, по всем трем царствам, философы капитулируют перед этой теорией социального движения, на которую они готовы напасть раньше, чем с нею ознакомятся; люди поймут, что природа отнюдь не окутана непроницаемой завесой, как это утверждают ученые; это наши предрассудки одели наши умы тройной завесой — из метафизических, политических и моральных бредней; их престиж рассеется; люди разгадают, наконец, тайну природы и ее систему, отображением коей являются наши страсти, и это послужит подкреплением теории социального движения.

ПРИМЕЧАНИЕ А

О ПРОГРЕССИВНЫХ СЕРИЯХ, ИЛИ СЕРИЯХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ГРУПП

Я предвижу возражения против этого нового строя домашней жизни, названного мною прогрессивными сериями. Будут говорить, что все это сплошное ребячество и забава. Что бы ни говорили, лишь бы намеченные мероприятия достигали цели — порождали влечение к производству и соблазном утех влекли нас к земледельческому труду, который в наши дни представляется пыткой человеку благородного происхождения. Такие занятия, как пахота, не без основания внушают нам отвращение, граничащее с ужасом. Человек образованный готов наложить на себя руки, когда у него нет других ресурсов, кроме сохи. Это отвращение удастся совершенно преодолеть благодаря энергичному производственному притяжению, исходящему от прогрессивных серий, о которых речь будет ниже.

Если этот новый строй зиждется на ребяческих расчетах, это явная благость провидения, которому угодно, чтобы наука, самая важная для нашего счастья, легче всего давалась. Поскольку это так, люди, ставя в упрек теории прогрессивных серий ее чрезвычайную простоту, тем самым дважды проявят непоследовательность: с одной стороны, они будут критиковать провидение за легкость задачи по уяснению себе провиденциональных наших судеб; с другой стороны, они будут критиковать цивилизованных за легкомыслие, благодаря которому они прозевали самое простое и главное. Если это задача для младенцев, в таком случае наши ученые не стоят младенцев, потому что они не изобрели того, для чего требо-

валось так мало знаний; таков уже общий порок цивилизованных: у них ум заходит за разум; со своими напыщенными научными претензиями они метят куда-то вдаль и не видят того, что под носом.

Яркое доказательство — стремя: столь простое изобретение доступно любому ребенку; а между тем прошло пять тысячелетий, прежде чем оно было изобретено. В античные времена всадники чудовищно утомлялись; благодаря отсутствию стремени они наживали серьезные болезни, и по дороге расставляли подставки, чтобы легче было садиться верхом на лошадь. Можно удивляться легкомыслию людей древности, и, однако, это длилось пятьдесят веков, тогда как самое маленькое дитя могло бы предотвратить это неудобство. С тем же безрассудством род человеческий не подумал о сериях страстей, для открытия которых достаточно было бы самой незначительной учености. Сейчас же, когда мы, наконец, постигли требуемое, критика, ссылающаяся на простоту их, повторяю, покажет в смешном виде самих критикующих и двадцать пять веков учености, которые это прозевали.

Переходим к самому предмету; я поясню лишь материальный порядок серий, не касаясь их взаимоотношений.

Серия страстей (рассматриваемая в качестве группы) имеет в своем составе людей неравных во всех отношениях — по возрасту, имущественному положению, характеру, знаниям и т. д. Члены секций должны быть подобраны так, чтобы между ними были контраст и целая градация неравенства — от богача до бедняка, от ученого до невежды, [от малого до старого]. Чем больше ступеней неравенства, чем больше контраст, тем сильнее влечет серию к труду, тем значительнее ее продукция, тем совершеннее социальная гармония.

Когда многочисленная масса серий представляет собой правильно действующий механизм, каждая из них подразделяется на несколько групп, управление которыми строится по типу управления армией. Чтобы уяснить читателю сущность построения, допустим, что в серии имеется примерно шестьсот человек, из коих половина — мужчины и половина — женщины, причем все страстно любят одну и ту же отрасль производства, например, цветоводство или плодоводство. Предположим, что они культивируют грушу: эти шестьсот человек будут подразделены на группы, из коих каждая станет культивировать один или два сорта груш: одна — бере, другая — бергамот, третья — красноватую грушу и т. д. Каждый включится в группу, культивирующую его любимые сорта груш (можно входить одновременно и в несколько групп); таким образом образуется добрых три десятка групп со своими отличительными знаками — знаменами и украшениями; эти группы по линии объединения составят три, пять или семь секций, как-то;

СЕРИЯ ГРУШЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОСТАВЕ ТРИДЦАТИ ДВУХ ГРУПП

Подразделения	Численность	Род культуры
1. Аванпост	Две группы	Айва и жесткие гибридные сорта
2. Восходящее крылышко	Четыре группы	Груши жесткие при варке
3. Восходящее крыло	Шесть групп	Груши ломкие
4. Центр серии	Восемь групп	Груши, которые тают во рту
5. Крыло нисходящее	Шесть групп	Груши компактные
6. Крыло нисходящее	Четыре группы	Груши мучнистые
7. Арьергост	Две группы	Мушмула и гибридные мягкие сорта

Независимо от того, будут ли в составе серии мужчины, женщины или дети, или тех и других поровну, построение всегда одинаково.

Серия усвоит такое распределение как в смысле количества групп, так и в плоскости распределения работы. Чем больше будет соблюдаться эта правильность восходящего и нисходящего построения, тем совершеннее будет ее гармония и полнее вовлечение в работу. Больше всего заработает и даст при наличии равных шансов наипрекраснейшую продукцию тот кантон, чьи серии будут наилучше градуированы и будут обладать наибольшим контрастом.

Если серия образована правильно, как та, которую я привел, в таком случае соответствующие подразделения начнут связываться друг с другом: крыло восходящее и крыло нисходящее заключат между собой союз, направленный против центра серии, с тем чтобы усовершенствовать свою продукцию и превзойти продукцию центра. Оба крылышка в свою очередь свяжутся и образуют лигу с центром для борьбы против двух крыльев; благодаря такому механизму каждая из групп наперебой перед другими будет выращивать превосходные плоды.

То же соперничество и те же союзы будут воспроизведены различными группами одного и того же подразделения. Если в крыле шесть групп, из коих три мужских и три женских, в таком случае между мужчинами и женщинами установится производственное соперничество; кроме того каждый из полов установит соперничество между группой № 2, центральной, и группами № 1 и 3 — крайними, образовавшими лигу против № 2; затем образуется альянс между группами № 2, мужской и женской, для отпора совокупным претензиям со стороны групп № 1 и 3, мужских и женских, и, наконец, все крыло объединится для отпора претензиям групп, входящих в состав крылышек и центра. Таким образом серия по линии одной только своей грушевой культуры будет иметь больше интриг, блоков и соперничеств, чем политические кабинеты Европы.

Дальше идут интриги между сериями и кантонами, которые организуются тоже аналогичным образом. Допустим, что серия грушевая сильно соперничает с яблочной, но заключает альянс с серией вишневой, так как плодовые деревья этих двух видов настолько несходны, что эти плодоводы завидовать друг другу не могут.

Чем сильнее удается разжечь пламя страстей, борьбы и лиг между группами и сериями одного кантона, чем лучше они соревнуются в рабочем усердии, тем успешнее поднимают отрасль производства, страстно ими любимого, на высокую ступень совершенства. Отсюда общее совершенство всего производства, потому что серии можно образовать в любой отрасли труда. Там, где дело коснется гибридного растения, вроде айвы, которая не есть ни груша, ни яблоко, ее группы можно поместить меж тех двух серий, для которых она служит связью; эта группа айвы — аванпост грушевой серии и арьергост серии яблочной. Это группа промежуточная между тем и другим видом, переходная ступень от одного к другому, и она включается и в ту и в другую серию. Страсти и вкусы бывают так же гибридны и причудливы, как и промежуточные виды. Сосиетарный строй извлекает пользу из всех этих причуд и умеет использовать все мыслимые страсти, так как бог не создал ни одной бесполезно.

Я сказал, что серии не всегда могут подразделяться столь правильно, как это мной указано; но по мере возможности надо приближаться к этому методу; это естественный порядок, наиболее эффективный для разжигания страстей, установления между ними взаимного равновесия и вовлечения их в работу. Стоит производителям образовать прогрессивные серии — и производство сейчас же станет развлечением. Работать будут не столь для заработка, сколь в силу соревнования и других стимулов, присущих духу серий (и относящихся к категории интриги (cabaliste) или десятой страсти).

Результаты этого будут изумительны, как изумительно все в сосиетарном строе: там, чем меньше думают о наживе, тем больше зарабатывают. Действительно, серия, наиболее сильно стимулируемая интригами, серия, которая готова на наибольшие жертвы материального характера ради удовлетворения своего честолюбия, даст наиболее совершенный и ценный продукт, и, следовательно, она больше всего заработает; и это несмотря на то, что она забывала о материальных выгодах и отдавалась целиком своей страсти; но если у нее мало соперников, интриг и лиг, лишь незначительное честолюбие и экзальтация, она будет работать преимущественно в силу материальной заинтересованности, а не особой страсти к делу, и ее продукция и доходы будут ниже продукции и доходов той серии, где большую роль играет интрига. Чем больше она будет руководствоваться любовью к наживе, тем меньше она заработает. [Таким образом для групповой серии интрига

нужна так же, как и для драматической пьесы, и, чтобы этого достигнуть, надо, как правило, строить ступени неравенства.]

Я указал, что для внесения в серии интриги и для поднятия на более высокую ступень совершенства продукции каждой из групп надо по мере возможности координировать эти группы с восходящей и нисходящей прогрессией. Я дам еще вторую таблицу, чтобы лучше запечатлеть эту диспозицию в уме читателя. Я остановлюсь на серии парада.

СЕРИЯ ПАРАДА

В сосиетарном кантоне все члены промышленной фаланги, которая возделывает кантон, подразделяются на 16 хоров различных возрастов; каждый хор образуется в составе двух кадрилей: одного мужского и одного женского, итого 32 кадриля, из коих 16 мужских и 16 женских, причем каждый имеет свои знамена, свои знаки отличия, своих офицеров и свои костюмы, как зимние, так и летние. Для формирования 7 уже указанных мною подразделений эти 16 хоров располагаются в следующем порядке.

Подразделения		32 кадриля
Аванпост	1 хор	№ 1 мальчуганы и девочки
Восходящее крылышко	2 хора	№ 2 херувимы мп и херувимы жп № 3 серафимы мп и серафимы жп
Восходящее крыло	3 хора	№ 4 лицеисты и лицеистки № 5 гимназисты и гимназистки № 6 юнцы и девушки

Половая зрелость

	9 хоров влюбленных		
Центр серий		4 хора	№ 7 подростки того и другого пола № 8 авантюристы и авантюристки № 9 герои и героини № 10 атлеты и атлетки
Нисходящее крыло		3 хора	№ 11 юноши и девушки утонченного вкуса № 12 юноши и девушки умеренные № 13 юноши и девушки бесстрастные
Нисходящее крыло		2 хора	№ 14 юноши и девушки глубоко почитаемые № 15 мастера мп и мастера жп
Арьерпост		1 хор	№ 16 патриархи и матриархи

Эти наименования сообразованы с нравами и обычаями комбинированного строя.

Хоры № 7—15 суть 9 хоров влюбленных; хор № 6 вступает уже в возраст половой зрелости; он еще не вступил на путь материального претворения в жизнь любви, но ограничивается духовным осуществлением ее.

В момент парада 32 кадриля появляются в форменных одеждах 32 видов; женщины всегда занимают половину мест во всех диспозициях сосиетарного строя,

Строй серий одинаков во всех отраслях производства — земледельческого и мануфактурного, в науках, искусствах и развлечениях. Всегда при этом разыгрывается, как общее правило, борьба между группами и подразделениями, образуемыми несколькими группами.

Согласно двум данным мною таблицам, каждый сумеет подразделить какую-либо серию наук или искусств и распределить каждую разновидность между центром, крыльями и т. д. (можно подразделить ее еще на несколько видов).

Если пять групп поэтов культивируют пять нижеследующих видов поэзии: эпопею, трагедию, комедию, оду, идиллию, то каждый сумеет отнести их к определенному подразделению серий и классифицировать нижеследующим образом:

1) группу *оды* в *восходящее крылышко;*
2) группу *трагедии* в *нисходящее крылышко;*
3) группу *эпопеи в центр серии;*
4) группу *комедии* в *нисходящее крыло;*
5) группу *идиллий* в *нисходящее крылышко;*

а гибридные разновидности — в 6) *аванпост* и 7) *арьерпост.*

Помимо семи указанных подразделений полная серия имеет пять добавочных подразделений, а именно:

8) *резерв;*
9) *новички;*
10) *энциклопедисты;*
11) *сектины;*
12) *вспомогательные.*

Резерв. Он формируется из индивидуумов, которые, побывав в каком-либо из семи родовых подразделений, изменили вкус и отошли от этой страсти. Иной раз к ним прибегают за помощью — в тех случаях, когда непредвиденные невзгоды ставят под угрозу работу серии или отвлекают большинство ее членов от необходимого собрания.

Новички. Это те, в ком зарождается страсть в духе данной серии и кто стремится включиться в одну из ее групп. Затем их подвергают испытанию — сначала в качестве учащихся, потом они переходят на ступень бакалавров и, наконец, свободных художников.

Энциклопедисты. Это группа, члены которой обладают общими сведениями во всех отраслях производств и утех, практикуемых серией; например, в серии цветоводов будут такие члены, которым захочется ознакомиться с культурой всех цветов, чтобы иметь возможность включиться в работу всех групп цветоводов. Они образуют группу тысяч цветов, которая будет культивировать клумбы со всякого рода цветами, председательствовать на выставках и выполнять различные другие функции.

Сектины. Это разветвления сект, подразделяемые на различные группы, слишком мелкие, чтобы иметь собственных офицеров и регулярные организации. Такова будет сектина

маленького цветочка. В ее состав входят десятка два мелких групп в количестве 3—4 лиц, культивирующих специально какой-нибудь один цветочек, не представляющий большого значения, как-то: анютины глазки, маленькую маргаритку, резеду, гелиотроп. Эти мелкие цветы не привлекут в сектину много любителей в отличие от гвоздики, розы, тюльпана, лютика, гиацинта, туберозы и иных, имеющих многочисленных приверженцев, могущих поднять целый класс офицеров, о котором речь будет ниже.

Предположим, что 50 любителей цветка образуют дюжину мелких групп, сливающихся в три главные группы, чтобы фигурировать в крупной серии цветов. Они образуют там нисходящее крылышко и среди 12 групп устанавливают 7 подразделений, согласно тому, что я указал, говоря о грушевой серии.

Вспомогательные. В простых сериях, образуемых лицами одного только пола, *вспомогательный корпус* есть группа другого пола, присоединяемая к серии. Хотя некоторые работы как будто свойственны специально одному только полу, однако можно встретить мужчин, которые страстно любят занятия, присущие только женщине, и женщин со склонностями, свойственными преимущественно мужчинам. Эта кажущаяся странность связана с общим законом исключения, устанавливаемого всюду природой. Таким образом, к каждой простой серии присоединяют одну-две группы вспомогательного характера, дабы каждый мог отдаться страстям, ниспосланным ему богом. Когда *серия* сформирована в составе двух полов, при ней имеются вспомогательные группы обоих полов.

Серия и группы дополнительные имеют очень большое количество офицеров; я укажу семь главных классов:

1) божества;
2) жречество;
3) генеральный штаб;
4) младший штаб;
5) смешанный штаб;
6) администрация;
7) академия.

[Святые, или патроны.]

Этот перечень начальствующих (officiers), которых больше, чем солдат, показывает, сколь необходимо сохранять и градуировать неравенство состояний в гармонической фаланге и сосредоточивать в ней всякого рода контрасты, от миллионера до человека неимущего, от ученого до невежды и т. д.; без этих контрастов нельзя образовать офицерский корпус, составляющий душу каждой серии.

Божество. Каждая группа избирает божество другого пола: группа мужчин избирает богиню, группа женщин — бога. Затем идут божества каждого подразделения серий, например,

бог или богиня крыла нисходящего, центра и т. д.; затем — божества всей серии.

При церемониях и празднествах каждый бог или богиня фигурирует во главе своей группы, своего подразделения, своей серии и идет впереди любого другого начальствующего (я говорю при празднествах, а не при работе); например, серия дровосеков в составе 15 групп (мужского пола) в день своего празднества явится с целым корпусом божеств, расположенных в следующем порядке:

15 гамадриад, по одной во главе каждой группы дровосеков;

5 дриад во главе пяти главных подразделений серий;

1 фея во главе серии;

1 ириада, или вестница;

1 сибилла;

затем несколько херувимов и серафимов из детей для прислуживания богам и богиням. Гамадриады будут из числа молодых женщин. Дриады — из дам среднего возраста. Фея, Сибилла и другие первоклассные богини будут из числа дам преклонного возраста, прошедших низшие ступени. Если серия сформирована в составе двух полов, олимпийский корпус должен быть двойным. Боги занимают место на престоле и принимают божественные почести от серии *.

Функция божества не требует специальных знаний по линии данной серии; может случиться, что молодая женщина, и не посвященная в астрономию, избирается на роль Урании группой астрономов. Достаточно, чтобы бог или богиня имели некоторое представление о работах той группы, от которой они принимают культ. Боги обычно избираются из категории людей, наиболее далеких данной группе. Общество ученых, весьма богатых, как это свойственно комбинированному строю, охотно изберет в богини молодую бедную девушку; и этот выбор проложит ей путь к благосостоянию. Группа производителей, как общее правило бедная, зачастую будет избирать божеством одну из богатых дам фаланги. Эти контрасты подсказываются чувством, и мотивировать их не стоит.

Жречество. Жрецы и жрицы какой-либо серии — главные музыканты; они дирижируют гимнами и божественной службой в храме или на параде. У каждой группы должны быть, по крайней мере, один жрец и одна жрица, старшие жрецы для серийных подразделений, затем главный жрец и главная жрица для серии. Если серия сложная, у нее есть и жрецы и жрицы.

---

* Какой-то умник в Париже понял это так, будто эти костюмы и праздничный церемониал будут применяться на трудовых сеансах, и стал вопить о нелепости посылки на работу женщин в костюмах фей и дриад. Надо быть ограниченным парижанином, чтобы приписать автору столь смешное намерение. Неужели не ясно, что при выходе на работу офицеры облачены в рабочую одежду, взятую у младшего штаба.

Генеральный штаб. Он формируется примерно из тех же начальствующих, как и в армии: каждая группа имеет капитана, лейтенанта, младшего лейтенанта, затем идут офицерские чины, как-то: полковник, майор, знаменосец и т. д.

Младший штаб состоит из унтер-офицеров, как в полку; каждая группа имеет своего знаменосца, своего бригадира и иных унтер-офицеров; ниже идут второстепенные начальники серий, которые инспектируют начальствующих групп На обязанности младшего штаба — снабжение.

[*Смешанный штаб* охватывает соответствующих негоциантов, будь то при бирже фаланги, в соседних фалангах, на провинциальных или региональных съездах.]

Нечего и говорить, что в тех случаях, когда в серии имеются оба пола, в генеральном штабе и младшем штабе тоже имеют двойной комплект. Таким образом, сложная серия имеет своего полковника и свою полковницу, своих знаменосцев — мужчину и женщину. Дамы выполняют определенную функцию, вместо того чтобы носить титул впустую, как это мы видим у нас, где госпожа председательница нигде не председательствует, а командирша ничем не командует. При комбинированном строе, где брак упразднен, женщина не приобретает титула в сожительстве; титул присваивается человеку лишь в порядке выполняемой им функции, и если женщина именуется полковницей или знаменосцем цветов, это значит, что она командует серией на параде или несет знамя и председательствует на собрании, имеющем отношение к ее функциям. Паладинка будет командовать женскими караванами; женщина-маршал командовать женскими колоннами и т. д.

Администрация охватывает должностных лиц, на которых возложены счетная функция и церемониал, таковы блюститель, архивариус, глашатай, сторож и т. д.; в каждой группе должны быть такие лица; подобные им назначаются и для целых серий, ей тоже нужен блюститель или блюстительница, глашатай для каждой группы или подразделения серии.

Академия. Членами ее являются эксперты каждой группы, которые приобрели наибольшее количество знаний в теории или на практике. Так, например, серия из 12 групп имеет в своем составе 24 академиков, из коих половина — теоретики, а половина — практики, из состава каждой группы; сверх того, несколько человек с энциклопедическими познаниями (notions générales). Академия выносит решения относительно предприятий, относящихся к интересам всей серии; ее консультируют и по вопросам, касающимся отдельных групповых предприятий. В сериях могут быть офицеры и других категорий; их много до бесконечности, и дитя, включенное в три десятка серий, может иметь двадцать степеней и прибавлять к своему имени *длинный титул,* длиннее королевского.

[*Святые, или патроны обоих полов.* Эта корпорация состоит из сошедших в могилу людей, прославивших серию и

способствовавших прогрессу наук и искусств. После своей кончины они канонизируются советом сферической иерархии специального подразделения; таким образом, Бюффон будет канонизирован универсальной серией зоологов, Линней — серией ботаников, Гипократ — серией медиков, Дюамель — серией плодовиков, Расин — серией драматургов. Их статуи вечно будут предметом почитания на всем земном шаре. Серии соответствующей специальности будут осуществлять своего рода религиозный культ, одушевляемые благодарностью за услуги, оказанные ими данной серии, услуги, заслуживающие вечной благодарности.]

Мне могут сказать, что это значило бы обставлять чересчур пышно культуру цветов, плодов, хлеба, винограда и т. д.; но эти почетные знаки отличия ничего не стоят и служат приманкой, порождая энтузиазм к работе. Капитан есть капитан только на параде; вне его он работает наравне с другими, так как все прогрессивные серии включаются в работу на основе притяжения, питая страсть к данному труду; так, например, в серии гастрономов полковник и капитан будут питаться наравне с рядовыми членами серии. То же можно сказать о работе: в комбинированном строе она станет столь привлекательной, как стол яств и другие наслаждения. Поскольку же в группе из двадцати членов каждый будет наделен каким-либо официальным отличием, деятельность и соревнование от этого лишь возрастут, и в то же время это не будет стоить ни единого гроша, за исключением издержек на знаки отличия, потому что серии, страстно увлекаясь тем занятием, которое их объединило, не будут платить жалования своим офицерам; стимулом их будет страсть, влекущая их к сериям, и степень отличия, ими получаемая. Этого достаточно, чтобы офицеры, поскольку они богаты, добровольно шли на издержки ради блага серии, не помышляя о доходах, которые будут поступать к ним, однако, по истечении года и тем обильнее, чем менее они на этот доход претендовали, тем внушительнее. чем больше усердия в подчиненных пробуждала их пламенная страсть.

Строй серий представить себе легко, но механизм их без специального ознакомления представить себе трудно. Трудно не сформировать серии, а привести их в действие, побудить к работе с помощью соперничества, союзов между группами и их подразделениями.

Серии страстей могут быть вовлечены в работу лишь на основе коллективного взаимодействия. Надо образовать 144 серии, 12 дюжин, чтобы они функционировали вполне гармонично на основе соперничества и соревнования (количество 144 — приблизительное) *. Разобщенные серии было бы невозможно привести в действие. Нет ничего легче, как обра-

* В аннотированном экземпляре 405. — *Прим. перев.*

зовать в Париже несколько любительских серий для культивирования цветов и плодов, предоставив им сады со шпалерами и цветами для работы целого ряда групп; однако не прошло бы и недели, как эти серии рассорились бы меж собой, и не было бы возможности вернуть их к обычной работе даже в том случае, если бы участники не имели других занятий. Механизм страстей может функционировать лишь нераздельно; каждая часть необходима целому и отсутствие каких-либо винтиков расстроило бы весь механизм; вот почему сформировать только одну половину фаланги нельзя; промежуточным между гармонией и дисгармонией может быть только сосиетарный строй со страстями различных оттенков (прогрессивное хозяйство, или контурные серии, триба из девяти групп см. стр. 133).

Но образовав, согласно геометрическим правилам, кантон, примерно из 144 серий, для земледелия, промышленности, наук и искусств и пустив его в ход, можно провоцировать между сериями интриги столь пикантные, сделать их работу столь интересной, что все серии будут вовлечены в орбиту *всеобщего притяжения*, они будут увлекать друг друга и творить чудеса в области производства и наук, совершенно не думая о наживе. Единственным их двигателем будет пламенная страсть, слепая преданность любимому делу; их экзальтация будет столь сильна, что миллионер, живущий ныне сибаритом, будет вставать до зари, чтобы личным участием оживить и поддержать работу серии, в которой он участвует. Целый день будет он, каторжно усталый, бегать от одной любимой серии к другой, своим личным примером возбуждая группы, а по окончании стольких трудов будет сожалеть о том, что сутки не содержат вдвое больше часов, желая удвоить усталость, которая будет для него счастьем. Все его сотрудники, богатые и бедные, будут разделять его энтузиазм, и таким образом эти серии страстей будут снимать роскошные жатвы с земель, совершенно неподатливых при цивилизации.

Допустим, что в кантоне с площадью, имеющей в диаметре примерно 3 тыс. туаз, с населением в 1 000—1 200 человек предстоит образовать примерно 150 * серий по 300 человек в каждой (число приблизительное). Совершенно очевидно, что для этих 150 * серий потребуется 150 * господствующих страстей, по 300 человек на каждую; итак, необходимо, чтобы каждому индивидууму была присуща одна четверть ** из 150 * страстей, чтобы он имел вкус к 40 занятиям для участия в 40 сериях.

Но у большинства цивилизованных имеется преобладающая наклонность лишь к трем-четырем занятиям; таким образом придется развивать в них огромное количество новых

---

* В аннотированном экземпляре 405. — *Прим. перев.*

** [Одна десятая]

фантазий и возбуждать в каждом индивидууме по крайней мере в десять раз больше страстей, чем у него есть в наши дни. Чтобы достигнуть этой цели, надо действовать совершенно вразрез со всеми нашими мудрыми догмами, лишь бы достигнуть цели — вызвать промышленное притяжение, дабы удовольствия ради люди выполняли те земледельческие и мануфактурные работы, которые в наши дни выполняются ими в силу необходимости и с отвращением.

Эта беглая заметка не прольет еще света на проблему маневрирования 144 * сериями одного кантона таким образом, чтобы одни серии вовлекали других в работу земледельческую, мануфактурную и домашнюю, в изучение теории и практики наук и искусств и чтобы продукция этой промышленности достигла той степени совершенства, которой следует ожидать от людей, руководимых в работе страстью. корпоративным духом, честолюбием, а отнюдь не насущной потребностью и не жаждой наживы.

Из этой краткой заметки можно заключить, что теория серий не поддается сокращениям и не может быть развита в краткой заметке: она зиждется и на методах, столь чуждых нашим обычаям, что ознакомиться с нею необходимо вплотную; сокращенные же конспекты, предварительные сведения, которых от меня ждут, не прольют света на огромную задачу — *как вовлечь род человеческий в орбиту промышленного притяжения*. Разрешение этой проблемы я дам в третьем мемуаре. Два первых будут посвящены предварительным сведениям — необходимости ассоциации, единственного строя, совместимого с предначертаниями бога.

Бог, желая организовать устойчивый и правильно действующий социальный механизм, не мог строить свои расчеты на разобщенно действующих лицах, он оперировал сосиетарными группами. Вот обоснование этого положения.

Бог не может желать неустойчивости, непрерывного распада своим творениям; а это неизбежно, если осуществление предначертаний возлагается на отдельных индивидуумов, смертных и бренных. Он должен был отдать предпочтение группам или страстным корпорациям, которые никогда не умрут и не изменят своих вкусов: что ни день, то новые и новые ряды придут на смену уносимым смертью или непостоянством. Группы совершенствуются непрерывно, потому что они бессмертны: из века в век они передают другим свое мастерство и приобретенный ими опыт; в семье это не так, потому что дети не наследуют отцовских вкусов и не склонны продолжать и совершенствовать работу отцов.

Строй цивилизации требует как будто некоторой согласованности вкусов отца и сына или, по крайней мере, отсутствия резкого разнобоя; на деле наблюдается обратное: при-

* В аннотированном экземпляре 405. — *Прим. перев.*

роде нравится резкий скачок от отца к сыну; поэтическим гением она наделяет Метастаза, сына швейцара; а отпрыску великого человека * она сообщает вульгарные наклонности. Это несоответствие (disparate), крайне вредное для нашего общества с разобщенными семьями, — один из многочисленных показателей того, что наш общественный строй противоречит предначертаниям природы: она сформировала характеры и страсти в соответствии с комбинированным строем, а не с дисгармоничной цивилизацией. На протяжении моего труда я неоднократно буду указывать, что стоит организовать прогрессивные серии, — и вы признаете превосходными те природные задатки, которые ныне кажутся вам пороком и чудачеством; отец будет радоваться тому, что природа наделила его детей вкусами, противоположными его собственным, род человеческий станет восхвалять бога за сообщение людям склонностей, порождающих среди вас величайшее расстройство; и, наконец, вы поймете, что нет ни единой страсти бесполезной и плохой, что все характеры хороши, каковы они есть; что необходимо разжигать страсти, вместо того чтобы их умерять; что надо развивать фантазию и потребности даже у людей неимущих; что наилучшие граждане, наиболее полезные сосиетарному механизму, — те, кто наиболее склонен к утонченным наслаждениям и слепо отдается удовлетворению всех своих страстей. Неразрешимая ныне проблема находит свое разрешение в теории прогрессивных серий, или серий промышленных групп.

УВЕДОМЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ ОТНОСИТЕЛЬНО ГРЯДУЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЕТАМОРФОЗЫ

Несколько цивилизованных желают знать, какого поведения надо придерживаться сообразно собственным интересам, чтобы с пользой употребить остаток цивилизации. Вот что могу я им сказать на этот счет.

1. Не стройте вовсе зданий; распределение строений у цивилизованных совершенно не соответствует навыкам комбинированного строя, и, чтобы извлечь пользу из ваших домов, надо будет произвести в них огромные изменения: многие из них окажутся вовсе бесполезными. Пусть это не тревожит собственника, потому что всякий убыток, нанесенный установлением нового строя, будет компенсирован сферической иерархией; земель пустующих у нее окажется в три раза больше, чем культивируемых. А так как она подвергнет разработке весь земной шар, то у нее будет в десять раз больше богатств, чем потребуется на возмещения, о которых идет речь.

* [Цицерон.]

2. Приобретайте богатство в движимостях — в золоте, в серебре, в металлических ценностях, в драгоценных камнях и предметах роскоши, презираемых философами; их ценность возрастет вдвое и втрое в эпоху комбинированного строя. Возрастание ценности будет менее ощутимым для меди, олова, железа и т. д.; но как общее правило, всякое ископаемое, с трудом извлекаемое из земли, приобретет огромную ценность при комбинированном строе, где эксплоатация рудников будет обходиться очень дорого, потому что она мало привлекательна. То же относится к предметам, извлекаемым с великим трудом из морских недр, жемчугам и др.; работы этого рода мало кто захочет выполнять даже в ту пору, когда гармония будет окончательно установлена.

3. Что касается земельной собственности, то выбирайте преимущественно леса в горной местности и карьеры. Ввиду предстоящей необходимости быстрого возведения бесконечного множества новых зданий, строительный лес и строительный камень колоссально вздорожают в первые годы, когда комбинированный строй еще не достигнет совершенства, а меркантильный дух на некоторое время еще сохранится.

4. Не основывайте никаких предприятий вдали от родины, не бросайте родину в погоне за богатством; каждый будет счастлив в своем отечестве, и жизнь его будет чужда тревог. Что касается отлива людей из густо населенных стран, то это переселение будет в корне отлично от ваших колониальных переселений: уже до отбытия колонны будут строиться фаланги и направляться в кантоны и в здания, приготовленные для них промышленными армиями.

5. Родите детей; в начале комбинированного строя маленькие дети трех лет и меньше будут представлять огромную ценность: не будучи испорчены цивилизованным воспитанием, они легко поддадутся естественному воспитанию и достигнут совершенства тела и ума. Таким образом, ребенок двухлетний будет представлять гораздо бо́льшую ценность, чем ребенок десятилетний, и сферическая иерархия будет щедро награждать всех девушек за маленьких детей моложе трехлетнего возраста. Она наградит и принцев, которые позаботятся об умножении таких детей, разрешив всем девушкам рожать детей вне брака.

6. Не жертвуйте благом сущим благу грядущему; наслаждайтесь моментом, избегайте любого брачного и иного союза, не дающего удовлетворения вашим страстям уже сейчас. К чему вам работать ради грядущего блага? Ведь это благо и так превзойдет ваши сокровенные желания, и в комбинированном строе вам грозит только одна неприятность: невозможность вдвое увеличить продолжительность вашей жизни, чтобы исчерпать огромный круг предстоящих вам наслаждений.

7. Не верьте тем поверхностным людям, которые склонны усматривать в изобретенных мною законах движения корыстную расчетливость. Потребуется всего четыре-пять месяцев, чтобы осуществить этот проект на площади в одну квадратную милю, и опыт, пожалуй, будет уже завершен предстоящим летом; тогда весь род человеческий перейдет в царство универсальной гармонии, и вы уже сейчас должны соразмерять свое поведение с близостью и легкостью этой грандиозной революции.

8. Еще больше остерегайтесь тех критиков, которые обрушиваются *не на изобретение, а на изобретателя*. Какое значение имеет способ изложения! Предположим, что мой *проспект* страдает отсутствием стиля, метода и т. д.; я готов с этим согласиться и не хочу даже прилагать усилий для совершенствования своего письма в последующих мемуарах. На каком бы наречии я ни писал, судить надо *изобретение, а не изобретателя*. Поскольку мое изобретение не опубликовано и я приподнимаю лишь один уголок завесы, всякая критика лишена основания. Несомненно, чтобы возвестить мое открытие, не нужно было писать целый том, но я должен был отозваться на требования тех, кто ждет томов. Каждый прежде всего осведомляется, сколько томов займет изобретение; видимо, люди думают, что изобретение, не занимающее нескольких томов, ничего не стоит. Итак, приходится стряпать книги более или менее плохие, поскольку я, помимо своего открытия, не обладаю никакими знаниями, кроме бухгалтерии. Чтобы опередить критиков, заявляю, что я отдаю свои книги на суд и претендую на роль не писателя, но только изобретателя. Я не собираюсь даже изучать грамматику для исправления ошибок, которыми, вероятно, изобилует мой стиль. Я горжусь моим невежеством: чем оно больше, тем больше стыда ученым, которые со всей их недоступной мне образованностью не сумели открыть законы социального движения, не узрели открытого единственно мною пути к счастью рода человеческого; теперь уже никто другой не смеет претендовать ни на малейшую долю моего изобретения.

Прежде чем опубликовать мое изобретение, я выпущу еще второй проспект; он будет расширенным изданием данного и будет трактовать примерно те же вопросы.

Так как два первых мемуара ставят себе целью зондирование общественного мнения для уяснения себе вопросов, которые требуют более широкого освещения, то я должен был слегка коснуться каждого затрагиваемого мною вопроса, не будучи в состоянии дать систематическое изложение до опубликования теории притяжения страстей.

Она будет дана в шести небольших мемуарах, которые я буду последовательно выпускать и где я изображу комбинированный строй в действии. Я буду исходить из предположения, что некий Эпименид пробуждается в 2200 г., в эпоху,

когда восьмой социальный период, которому предстоит организоваться, достигнет уже полного блеска и наступит момент для второго акта творения, вводящего род человеческий в девятый период.

Подписчики на шесть томов притяжения страстей соблаговолят сообщить мне свои возражения и замечания, которые они признают необходимыми. Я дам им разъяснения, которые будут полезны для всех. В каждом томе я смогу посвятить несколько страниц возражениям на важнейшие из сделанных мне замечаний. Впрочем, я отнюдь не собираюсь вдаваться в полемику по этому вопросу.

Есть одна проблема, относительно которой не следует требовать от меня разъяснений: это — проблема самая важная из всех, проблема *вознаграждения пропорционально трем факторам производства, т. е. распределения земледельческого и промышленного продукта фаланги между сосиетариями сообразно капиталу, знаниям и работе каждого.*

Эта проблема — гордиев узел комбинированного строя; без ее разрешения нет смысла организовать фалангу; в ней быстро возникли бы раздоры, не будь заранее приняты необходимые меры для *вознаграждения пропорционально трем факторам.* Я нарочито избегаю комментариев по этому вопросу, чтобы воздать должную честь основателю универсальной гармонии; предпринять это мог бы любой богатый владелец и даже компания акционеров, если бы я обнародовал разрешение проблемы, о которой идет речь. Итак, бесполезно требовать от меня этих разъяснений в возражениях, которые могут ко мне поступать.

Предлагаю читателю перечитать этот труд, чтобы извлечь из него плоды. Первого чтения недостаточно для такого нового вопроса. Кроме того, неискушенный в литературе, я не сумел дать методическое изложение и пролить должный свет на ряд вопросов; второе чтение рассеет туманности. Некоторые мои положения идут вразрез с общепринятыми взглядами и на первых порах возмущают ум; войти во вкус их можно лишь при втором чтении; первое чтение может лишь породить сомнения, и эти сомнения укрепятся при более зрелом анализе нелепостей цивилизации.

Теперь больше чем когда бы то ни было приходится цивилизованным стыдиться в глубине души и самих себя и своих цивилизованных наук. Какую политическую немощь проявило наше поколение, пославшее на плаху три миллиона молодежи только для того, чтобы вернуться к предрассудкам, от которых оно хотело освободиться. Неистовства минувших веков больше заслуживают оправдания: там жадность, фанатизм, там голая страсть порождала войны. В наши же дни во имя *разума* превзойдены все злодейства, память о которых хранит история. Три миллиона жертв, погибших во имя *милого равенства, нежного братства;* и утомленная злодейством, сты-

дясь собственной немощи, цивилизация не видит иного средства умиротворения, кроме смиренного восстановления ею изгнанных предрассудков, и призыва на помощь обычаев, *нелепость* которых клеймит философия.

Таковы политические трофеи нынешнего поколения; после всего этого где человек, который бы не краснел за свою принадлежность к цивилизованным и за свое принятие на веру политических и моральных шарлатанств? Не имеем ли мы полное основание признать глубоким мраком наше общественное просвещение и заподозрить наличие какой-то другой науки, более точной и доселе ускользавшей от рода человеческого?! Эта наука, это социальное счастье, которое вы проглядели, есть не что иное, как теория притяжения страстей; механизм притяжения — задача, поставленная богом перед всеми планетами; эпоха счастья может наступить для их обитателей лишь по уяснении себе этой проблемы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ПОЯВИВШЕЕСЯ 10 ЛЕТ СПУСТЯ ПО ВЫХОДЕ ИЗ ПЕЧАТИ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ *

[Читая это произведение, не следует впадать в ошибку, свойственную всем французам: им хочется, чтобы проспект содержал все детали, наподобие трактата; они жалуются на невыясненность способа осуществления намеченных мною преобразований. Но для уяснения этого нужен трактат, а не проспект. Невозможно изложить всю теорию сразу; пока я даю лишь набросок ее, чтобы возбудить в читателях любопытство и желание познакомиться с трактатом, который это любопытство удовлетворит.

Издавая эту книгу, я преследовал две цели: *зондировать общественное мнение и предотвратить плагиат*. Это особенно необходимо во Франции, где мгновенно найдутся 20 плагиаторов, готовых присвоить себе открытие и даже обвинить автора в плагиате.

Своему очерку я придал форму экстравагантную; я менял несколько раз тон, чтобы маскировать производимое мною зондирование предрассудков, во Франции их больше, чем где бы то ни было. Для поочередного их прощупывания приходилось стряпать труд из кусков, подобно одежде арлекина, отливающей всеми цветами радуги. Мне ставят в упрек отсутствие метода. Моим методом было переодевание.

Первая часть труда — космогония — не есть нечто незыблемо установленное, хотя и содержит много положений вполне справедливых, подтвержденных точной наукой. Лишь в 1814 г. я нашел ключ к пониманию всего творения, и он служит мне путеводной звездой при моих размышлениях.

В трактате, который я собираюсь издать в 1821 г., эта

* Опубликовано при жизни Фурье в журнале «Фаланж». — *Ред.*

часть теории примет более определенную форму, как и другие ее части. Я выправил на этот раз все сколько-нибудь значительные ошибки.

Впрочем, в моих догадках оказалось очень мало ошибок, чему я даже удивляюсь, так как в ту пору я еще не владел способом проверки, найденным мною лишь в 1814 г.

Чтобы читатель мог судить о незначительности этих ошибок, приведу несколько примеров. На большой таблице указанное мною количество социальных периодов — 32; на самом деле их 34, включая два стержневых, которые не приняты мною во внимание; в 1807 г. я опустил все стержни.

Я определил количество планет солнечной системы в 50 с неизвестными нам включительно; это — самая серьезная ошибка: их лишь 32, не считая нашей луны — Фэба, светила мертвого, которому предстоит уступить место маленькой звезде Весте, включившейся в систему для этой функции.

В солнечной системе остается открыть еще две планеты: я имею в виду Протея, двойника Сатурна, и Сафо, двойника Урана; обе промежуточного склада и по функциям соответствуют Венере и Марсу.

В запасе могут оказаться еще четыре планеты кроме Урана; но и в этом случае количество небесных тел в солнечной системе увеличится лишь до 40 вместо 50. Я не умел правильно исчислять количество неизвестных нам небесных тел, когда устанавливал приблизительную цифру — 50.

Довольно серьезной методологической ошибкой является подразделение движения на четыре ветви вместо пяти, из коих одна стержневая и четыре корневых. В 1808 г. мне неизвестна была теория стержней, и я их зачастую опускал. Эта неправильность по существу ничего не меняет в общей теории, не меняет дела и ошибка, допущенная мною в 1808 г. относительно нейтрального лада, о котором в этом томе не упоминается, потому что это мое открытие сделано было шесть лет спустя.

Чем смеяться над четырьмя движениями, остряки лучше бы исправили мои ошибки; они могли бы мне доказать, что я позабыл о движении аромов и совершенно некстати поставил движение страстей на одну доску с четырьмя другими, тогда как оно — их стержень и прообраз.

Но новая наука дается несразу, особенно когда автору приходится работать одиноко. А в 1807 г. я был лишь на восьмом году моего открытия; мне оставалось разрешить бесконечное количество проблем, чтобы теория была полноценной. Я не торопился дебютировать перед публикой, не будь настойчивых просьб со стороны любопытных, просивших дать хотя бы проспект; они побуждали меня к этому, напоминая о цензуре, угроза которой висела уже во Франции над свободным словом и осуществилась год спустя. Чтобы избегнуть цензуры, я наспех набросал этот очерк.

Мною были уже разрешены некоторые основные проблемы, в том числе проблема образования страстных серий и внутреннего построения фаланги домашней гармонии с ее 810 контрастных характеров. Я обладал уже тайной уравновешенного распределения прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадрату расстояния.

Таким образом, уже в эту эпоху можно было выйти за пределы цивилизации. Французы предпочли в них остаться; благодаря этому они загубили полтора миллиона жизней в сражениях, плюс подвергались унижениям и стали объектом грабежа. Эти поражения — достойная кара за их шуточки.

Беседы о моем открытии с людьми различных национальностей показали мне, что французы с их манией остроумия, с их множеством предрассудков и привычкой рубить с плеча, не взвесив, мало способны исследовать притяжение; изучение его гораздо больше удается немцам и северянам. Эти народности, менее напыщенные и претенциозные, внемлют наставлениям Кондильяка и Бэкона, которые рекомендуют цивилизованным *изменить свои суждения,* позабыв все, чему они учились у *неточных наук.*

Особенно важно помнить эти наставления, изучая притяжение страстей; но глухие к этим наставлениям французы не в состоянии освоиться с новой наукой, которая идет вразрез со всеми предрассудками и диктует их забвение. Впрочем, ни они, ни кто другой не могут себе составить суждения об этой науке на основании проспекта, содержащего лишь предварительные суждения и беглый очерк, а не теорию в целом.

Парижские газеты признали, что мои мысли правильны, последовательны, и все же они отозвались на них глумлением согласно обыкновению французов; однако смеется тот, кто смеется последний. Больше того, платя французам той же монетой, поскольку они знают лишь глумление, я поздравляю их с великолепными дарами цивилизации: за свое нежелание распрощаться с нею и пойти указанным мною путем они поплатились потоками крови и множеством сокровищ; сомневаюсь, чтобы это было им смешно.

Благодаря французской замашке — мании главенства и уничижения соотечественников при жизни — читатель может остаться с носом, лишившись выгод и почета, сулимых Франции данным открытием; я аргументирую пока двумя моментами из доброй сотни таковых:

1. Выгоде приходится отвести первое место, идя в ногу с меркантильным веком.

Огромный долг тяготеет над Францией: в 1820 г. он составит 4 млрд. по признанию Законодательного корпуса. Не выгодно ли для Франции переложить этот долг на весь земной шар?

Но у Англии тоже есть долг; он составляет 18 млрд. или даже 20 млрд. единовременно плюс один миллиард по ануи-

тетам. Мы знаем, сколь гибельна такая язва для народа. Статистика этой страны являет чудовищную картину нищенства, и, однако, страна взимает *добавочный* и коммунальный налог на бедных в сумме 200 млн. Таким образом, Англия еще более, чем Франция, заинтересована в изыскании способа освобождения без затраты на это единого гроша; ведь теперь опыт установления гармонии может быть построен на новых основаниях без какого бы то ни было риска и без каких бы то ни было расходов для монархов. Неужели Англия будет колебаться, прежде чем вступить на путь этого эксперимента, успех которого сулит ей избавление от колоссального долга и множество материальных выгод, что можно доказать математически.

Если Англия проявит инициативу, как это настоятельно диктует ей тяжесть ее долга, какой это будет конфуз для Франции! Ведь она могла сама воспользоваться этими выгодами, сама освободиться от долга, если бы отнеслась с должным вниманием к изобретению: речь идет не о вере на-слово, но о рассмотрении проекта и постановке эксперимента, который ничего не стоил бы монарху, имеющему в своем распоряжении 500 тыс. людей, как это мы видим в Дармштадте.

Скептики мне возразят: «Но вы не указали способа осуществления вашего проекта». Спрашивается, разве мог я указать это в проспекте 1807 г., в то время как самая теория окончательно сложилась между 1814 и 1817 гг. Эти годы внесли в науку систему, полноту и метод (moyens d'enseignement). Для успеха проекта теперь требуется лишь время, нужное мне для сочинения. В дополнение должны быть указаны выгоды, которые извлечет каждый монарх, каждая нация, каждый богач, проявив инициативу в деле установления гармонии.

2. Второй довод в пользу начинания — честь его осуществления. Французов обвиняют в том, что они умеют лишь совершенствовать, но не изобретать, что они — ублюдки по части изобретательности. Разве не приятно опровергнуть это мнение, разве не лестно, что их земляк бросает перчатку ученому миру, утверждая, что Ньютоны и Кеплеры ошибались, думая, что открыли законы движения; на самом деле они открыли лишь пятую ветвь движения, а вот француз снимет завесу с четырех остальных? Услыхав об этом от меня, они должны были бы меня поощрять, взяв с меня в то же время обязательство дать надлежащий трактат, увязанный в полной мере с данными опыта, точными науками и положительными знаниями.

Иначе судят французы. Им приятно унизить земляка, обрушив на него нападки за недостаток красноречия, когда дело вовсе не в красноречии, а в изобретательности, и надо выждать изложения теории.

Эта задача не из легких. Для одного только наброска доктрины мне понадобилось 16 месяцев, и за это время я на-

писал лишь одну треть труда. Правда, эта часть — наиболее тернистая и трудная по количеству проблем; остальное не столь затруднительно, и я могу заранее сказать, что выполню эту работу к определенному сроку — к 1820 или 1821 г., кладя один год на просмотр и внесение поправок.

Если к этому времени я выпущу удовлетворительный трактат и открытие всеобъемлющих законов движения будет признано фактом, какое замешательство внесет это в среду французов ученого толка. Как, они восхваляли до небес изобретателя пятой ветви — Ньютона, достойного, правда, величайшей чести, а своего соотечественника, открывшего всеобъемлющие законы для всей совокупности движения в пяти областях, они встретили глумлением, обескураживали, поносили его до такой степени, что он вынужден искать другой страны для опубликования там своей теории? Я так и поступлю. Я уеду уже в 1819 г.

Тогда Франция захочет по обыкновению присвоить себе честь изобретения, как претендует она ныне на изобретение вакцины, парохода и т. д. вплоть до *супа-румфор*. На что только она не претендует? Хула и плагиат прекрасно уживаются. Франция чернит изобретателей, а задним числом присваивает себе честь их изобретений. Я изобличу эту ложь: я докажу, что здесь меня лишь порочили; что поддайся я инсинуациям и сарказму, я бросил бы это дело, и мир лишился бы всеобъемлющей теории движения.

Тогда противодействующие общему течению и рекомендующие выждать трактата, прежде чем выносить приговор изобретателю, лишний раз убедятся, как глупо судить об открытии до его опубликования, судить на основании беглого проспекта, набросанного в ту пору, когда теория была разработана лишь наполовину по сравнению с сегодняшним днем.

И что за суждения? Будучи не в состоянии высказаться по существу способов осуществления, так как с ними я их еще не ознакомил, они цеплялись за стиль и метод. Но ведь дело не в стиле, а в самом открытии. Когда человек дает миру огромной полезности открытие, каков компас для мореплавания, разве не безразлично, на каком наречии он говорит — лишь бы сущность была дана: действенный способ ориентироваться во мраке и в недрах земли.

Большая ошибка нашего века, и в особенности французов, требовать всюду ораторских талантов, на самом деле нужных только в некоторых отраслях. От меня можно требовать лишь одного: полноценной теории, освещающей искусство развернуть и привести в действие все страсти внутри фаланги из 144 страстных серий с модуляциями из 810 характеров, содержащихся в общей клавиатуре. Только эту проблему я и ставлю; только ее я и должен разрешить. И на каком наречии я бы ни говорил, поскольку решение будет дано, долг мой выполнен. Можно ли поставить нечто подобное в заслугу на-

шей философии? Разрешила ли она хотя бы единую из этих проблем, от совокупной проблемы социального счастья и единства нации до частичных проблем — уничтожения бедности, мошенничества и т. д. Она потерпела крушение во всех этих вопросах, несмотря на приманки стиля, метода и т. д. Итак, требуется иное орудие, чтобы принудить природу и вырвать у нее тайну.

Завеса окончательно будет сорвана сочинением о всеобъемлющем движении в пяти подразделениях: движение страстей или прообраз, стержень четырех главных движений; движение инстинктов, аромов, органическое и материальное, или ньютоново. В ожидании трактата, который охарактеризует все виды этих движений, чтобы извлечь для себя пользу из моего проспекта, читатель должен помнить следующее:

1. Изъяны стиля или метода не имеют значения для изобретателя; от него следует требовать лишь полезного открытия. Мы доотвалу сыты приятными бесполезностями; от красноречия и остроумия у нас нет отбою. Избавьте, пожалуйста, от этих ненужностей того, кто приносит вам научную пользу, дает теорию единства страстей, или социального единства.

2. Изобретатель вправе этого требовать тем более, что его навыки относятся исключительно к сфере торговли, чуждой наукам и литературе. Тем похвальнее игнорирование им критики и использование наличных у него средств для ознакомления с открытием, на которое он набрел.

3. Науки более точные, науки математические, развивались тоже постепенно; чего же можно требовать от начального труда, от первого проспекта новой науки? Пока следует довольствоваться зерном открытия, содержащимся в данном проспекте, где уже имеются приметы, свидетельствующие о разгадке тайны, вырванной мною у природы, что не удавалось до сих пор нашим философским наукам, старавшимся угнетать природу.

4. С момента издания этого проспекта прошло десять лет, и за это время, особенно в 1814 г., теория настолько выросла, что автор может без бахвальства обещать через три года полноценное изложение доктрины.

5. И, наконец, не претендуя на народный плебисцит и не собираясь никого увещевать, я не думаю выпускать мой труд во Франции; французы ошибаются, полагая, что в поисках прозелитов я использую изъятый из обращения несовершенный конспект; я соглашаюсь на его печатание вопреки собственному желанию, чтобы не казаться чересчур нелюбезным.

Вот что хотелось мне сказать скептикам и клеветникам. В беспристрастных же судьях мне остается лишь успокоить тревогу, порождаемую недоверчивостью, свойственной французам там, где дело касается компатриотов. Подпишись я не Фурье, а Фурингтон, и любой француз объявил бы меня вели-

чайшим гением, который затмит Ньютона и сорвет завесу, маленький краешек которой приподнял этот великий человек. Будем игнорировать эту нелепую национальную черту и покажем людям благонамеренным, что легкость осуществления моего намерения — наилучшая гарантия его успеха.

Есть 3 тыс. кандидатов, наделенных богатством и властью, каждый из них мог бы поставить эксперимент с гармонической фалангой и таким образом стать наследственным монархом земного шара. Это — скипетр, атрибуты которого не имеют ничего общего с атрибутами монарха отдельной страны: он будет вручен сферической иерархией тому, кто с очевидностью для всех освободит земной шар и поможет осуществлению его провиденциальных социальных судеб, основав опытный кантон гармонии.

Любой из 3 тыс. кандидатов может претендовать на этот верховный пост. Для основания кантона, весьма выгодного в денежном отношении, требуется всего одна четверть суммы, которую он бесполезно расточает изо дня в день в порядке щедрости или из честолюбия и даже на подаяние — неизбежные потери, которые предотвратила бы гармония.

В Англии, например, только один вид милостыни — *общественная помощь,* оказываемая беднякам, поглощает из года в год 8 млн. стерлингов, или 200 млн. во французских деньгах. Этот налог на бедных — одна из многочисленных тягот, которые можно устранить, осуществив хотя бы среди полумиллиона французов подписку на заем для основания опытного кантона гармонии.

Несколько слов о расточительности и потерях отдельных людей.

Мариальва расходует в Вене в 1817 г. 1 млн. флоринов (2 400 тыс. франков) на празднование свадьбы; между тем одной четверти этой суммы — в порядке гарантированной ссуды — достаточно для основания гармонии и присвоения себе титула наследственного монарха земного шара. Заметьте, что *авансировать* не значит расходовать; основатель и акционеры кантона гармонии ссужают как бы под заклад.

Говорят, Бурдет израсходовал во Франции около полумиллиона, сея направо и налево деньгами, чтобы добиться сомнительного депутатского места; неужели наследственный трон земного шара не стоит той суммы, которую он бросает на ветер ради преходящего звания депутата?

Лабанов в Петербурге строит дворец, который обходится ему 16 млн. франков. Он стал бы наследственным монархом земного шара, если бы дал заимообразно всего $^1/_{32}$ часть этой суммы, столь разорительно и бесполезно для семьи расходуемой на сооружение здания, которое вынудит к расточительному образу жизни если не самого князя, то уж во всяком случае его наследника.

Средний класс, коммерсанты, тоже вкладывает миллионы в бешеные предприятия. Некто Кабарус из Байоны вносит 1 800 тыс. франков банкиру Тассену. Эти деньги для него потеряны. Он пускается в эту авантюру, он затрачивает свыше 1 миллиона, рассчитывая заработать каких-нибудь 2—3%. — Не лучше ли употребить полмиллиона на основание гармонии, которая сулит ему мировой трон и увеличение капитала в 144 раза — как ему, так и всем акционерам?

Обращаюсь к тем, кто жаждет величия и богатства одновременно. Сколько интриг пускается в ход, чтобы добиться непрочного поста министра! А между тем трон мира простирает длани ко всем честолюбцам, побуждая их к операции, чуждой риска.

Подробность, соблазнительная для участников предприятия: в грядущем предстоит распределить среди монархов от 115 до 120 государств с территорией, равной Франции, и государевы короны различного значения, дающие право на те мелкие государства, которые еще не образовали крупных массивов, как это мы видим в глубине Африки; затем идут невозделанные территории, занимающие три четверти поверхности земного шара: сферическая иерархия осуществит их колонизацию; только ей одной это доступно благодаря силе притяжения. Нынешние способы колонизации — эти эмиграции отверженных, гонимых голодом — отойдут в прошлое, когда водворится счастье на всей земле; таким образом, для колонизации надо будет орудовать притяжением, вызывая эмиграции; это по силам только сферической иерархии, а не отдельным монархам. Необходимость прибегать к сферической иерархии для колонизации и укомплектования земного шара обеспечит ей, примерно, 120 государственных тронов: они будут распределены среди тех, кто послужил роду человеческому, поставив опыт с гармонией в кантоне с одной тысячей жителей.

Это начинание весьма доходное в денежном отношении: колонизация — в самом худшем случае — даст постепенно 4 тыс. миллиардов с колонизуемых земель; в порядке выкупа колоны будут выплачивать эту сумму по ануитетам. При таком огромном состоянии стоит основателю взять на себя долг Англии, хотя бы он вдвое превышал нынешний, и погасить из расчета 144 за 1 сумму, предназначенную для такого опыта, если ее дало частное лицо с привлечением к подписке соакционеров.

Когда все это будет доказано с неопровержимостью арифметических выкладок, когда люди убедятся, что метаморфоза социального мира зависит лишь от легкого опыта с гармонической фалангой, тогда монархи, министры и частные лица станут наперебой оспаривать друг у друга инициативу этого дела.

Император Александр жертвует 500 тыс. франков на бедных Гларис*; стоит ему авансировать эту сумму под ипотечную гарантию — и он станет омниархом земного шара. Он ассигновывает 60 млн. на сооружение храма спасителя; пусть ассигнует 800 тыс. франков ядру учредительного кантона, и он будет не только омниархом земного шара и освободителем рода человеческого, но и получит от земного шара вдвое больше того, что расходует на церковь — 120 млн. за ссуженные им под гарантию 800 тыс. франков. А сколько других соображений — еще более веских — говорят в пользу такого начинания. Я ограничиваюсь только материальными соображениями, единственно аккредитованными у цивилизованных.

Малодушных приходится предостеречь от подводного камня, своего рода западни: я имею в виду ложный стыд; боязнь общественного мнения и зоилов. Эти последние, вплоть до самого ничтожного, будут обескураживать основателя и нападать на него, уверяя, что он — жертва галлюцинации, что безумие — верить теории, которая идет вразрез с 400 тыс. томов философского совершенства, порождающего нищету и мошенничество.

Здесь уже нужна целая система доказательств, а на это требуется время: это не делается наспех. Я не хочу печататься у парижских зоилов: ведь газетчики выносят благоприятное суждение лишь о том, кто оставляет у них на камине рулон луидоров.

Что касается других наций, то и у них есть свои человеческие слабости и, в частности, самолюбие; я помогу учредителю оградить себя от стрел критики.

Вот какую позицию следует ему занять.

Он может притвориться, будто считает сомнительным и романическим все, что касается гармонии страстей в сериях, и интересуется в моей таблице лишь чисто материальными выгодами, подкрепленными математическими выкладками. Они охватывают три области: комбинированного земледелия, комбинированного хозяйства, комбинированного жилища. Этого рода ассоциации, неосуществимые для 10 и 20 семейств, вполне осуществимы для 200 семейств, неравных в имущественном отношении и представляющих в совокупности как бы маленький городок.

Кандидат-учредитель может таким образом облечься в модную маску перфектибилизирующей философии и сказать:

«Не верится мне в эту теорию, в эту гармонию страстей в 144 сериях, в это очаровательное сочетание 810 характеров, расположенных, как в органе, по октавам. Это — игра воображения изобретателя, зарвавшегося свыше всякой меры; устраняя из его построения сомнительную иллюзорную часть, я приемлю только материальные мероприятия, которые по дан-

---

* Город и кантон в Швейцарии.

ным арифметического исчисления обеспечивают доход в 30-кратном размере, т. е. возможность при наличии тысячи франков вести в этом комбинированном хозяйстве образ жизни, требующий 30 тыс. франков при цивилизации. Затем я ожидаю от этого нового промышленного строя множества нравственных улучшений, каковы уничтожение бедности, мошенничества и воровства среди его участников, колоссальная экономия времени, рабочих рук, механизмов и съестных припасов; значительное сокращение болезней, имманентных промышленному и домашнему строю цивилизованных».

Таким образом, основатель может переодеться в тогу морализирующего экономиста, чтобы не стать под знамена изобретателя-антифилософа, дерзающего похитить у ученых их лавры, живя в глубокой провинции: сделать превосходное открытие, в то время как виртуозы Парижа тщетно из кожи лезут вон, чтобы изобрести что-нибудь новое.

Действуя таким образом, основатель предстанет перед публикой в роли сурового критика, умеющего отделить пшеницу от плевелов (le bon or du faux); идя на уступки скептикам, он заставит примириться с ним общественное мнение и прослывет усовершенствователем совершенствуемой цивилизации, проводником новой экономико-моральной философии; как известно, каждое новое поколение требует новой философии, подобно тому как читатель из года в год требует нового календаря.

Благодаря такому мнимому несогласию с моей теорией страстей, основатель на первых порах стяжает себе моим открытием больше славы, чем я сам, и мой труд будет казаться той навозной кучей, откуда философский Виргилий умеет извлекать жемчужины.

Все это сулит ему триумф; воскуряя фимиам парижскому минотавру, присвоенной идеологам монополии на совершенствование разума, а экономистам — на совершенствование торговли, он должен будет в своем учредительном манифесте заявить, что почерпнул свой план не в моей теории, затрагивающей лишь поверхность явлений, но в потоках света, излучаемых экономистами, и в глубоких глубинах идеологов. Чтобы парижские читатели преисполнились самых приятных надежд, он заверит их в том, что основание фаланги придаст новый блеск философии торговли и докажет миру, что чувственные восприятия рождаются от идей путем интуитивных перцепций, дающих возможность познать блага торговли и конституции.

Этот модный жаргон восхитит все академические сердца, его превозгласят столпом здоровой метафизики, оракулом великих истин экономико-моральной торговли и подлинным перфектибилизатором перфектибилизантизма перфектибильной цивилизации.

Тем временем добрый апостол примет меры к оборудова-

нию материальной части опыта страстных серий с огромным шансом успеха. Немало кандидатов готовы будут надеть эту маску скептицизма, чтобы только завоевать универсальный скипетр; в числе прочих будут и монархи, страдающие от потери своего трона. Какая широкая возможность реванша! Их ниспровергатели внезапно превратились бы в их подначальных.

Не преувеличивая можно сказать, что эти перспективы и другие, на которых я не останавливаюсь, соблазнят наверняка $^1/_{30}$ кандидатов, 100 из 3 тыс.; но для эксперимента не надо и сотни, достаточно одного; чтобы судить, в какой мере я способен побудить к этому одного из трех тысяч, придется выждать трактата; повторяю, рискованно было бы судить на основании беглого проспекта, предшествовавшего открытиям 1814 г.

Итак, этот эмбрион подобен громоздким статуям египтян: никому из учащихся не лестно быть их творцом. Тем не менее они представляют ценность как зачаток искусства и залог грядущих достижений.

Так и здесь: вместо того чтобы зубоскалить по поводу слабых сторон этой книги, было бы разумнее подивиться тому, что на восьмом году открытия я уже сумел собрать воедино столько отдельных доказательств в пользу гармонии, употребив на это по-настоящему лишь два года да несколько мгновений, затраченных впустую. Не удивительно ли, что современники не усмотрели в этой прелюдии примет великого открытия, науки страстей, абсолютно новой, опубликование которой несомненно поощрил бы любой справедливый судья?]

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АЛКИВИАД (р. 451 до н. э.) государственный деятель в Афинах — 154.
АНАКРЕОН (VI в. до н. э.) — греческий лирический поэт — 157.
АНАХАРЗИС (VI в. до н. э.) — один из семи древнегреческих мудрецов.
АРИСТОТЕЛЬ (384—322 до н. э.) — знаменитый древнегреческий философ и ученый — 198.

БЕРГАВ, Герман (1668—1738) — выдающийся врач — 262, 263.
БЕРНАРДЕН де Сен-Пьер (1737—1814) — французский писатель, последователь Ж.-Ж. Руссо — 190.
БУАЛО, Николай (1636—1711) — французский поэт и теоретик так называемого „псевдоклассицизма" в искусстве — 188, 227.
БУРДЕТ, Франциск (1770—1844) — английский государственный деятель — 302.
БЭКОН, Френсис (1561—1626) — английский философ-материалист, „родоначальник английского материализма и всей опытной науки новейшего времени" (Маркс) — 298.
БЮФФОН, Жорж Луи Леклерк (1708—1788) — знаменитый французский естествоиспытатель — 289.

ВАРРОН, Марк Теренций (116—27 до н. э.) — автор многочисленных трудов по всем почти отраслям существовавшей тогда науки от агрономии до истории римской поэзии времен республики — 243.
ВЕРГИЛИЙ (70 до н. э. — 19) — величайший римский поэт — 305.
ВОЛЬТЕР, Франсуа Мари (1694—1778) — знаменитый французский просветитель — писатель, сатирик и философ-деист, один из идеологов французской буржуазии кануна революции — 46.

ГАЙДН, Иосиф (1732—1809) — австрийский композитор, оказавший влияние на развитие европейской инструментальной музыки — 164.
ГАЛИЛЕЙ, Галилео (1564—1642) — великий итальянский физик и астроном — 50.
ГЕРШЕЛЬ, Фридрих Вильгельм (1738—1822) — известный астроном, в 1781 г. открыл новую планету, названную впоследствии Ураном — 78, 80.
ГИППОКРАТ (ок. 460—377 до н. э.) — родоначальник медицины, знаменитейший врач древности — 289.
ГОББС, Томас (1588—1679) — английский философ-материалист — 274.
ГОМЕР, древнегреческий поэт, легендарный автор „Илиады" и „Одиссеи" — 108, 109.
ГОРАЦИЙ ФЛАКК (65—8 до н. э.) — первоклассный римский поэт-сатирик — 144, 225.

ДАНТОН, Жорж Жак (1759—1794) — один из крупнейших деятелей французской буржуазной революции XVIII в. — 196.
ДЕКАРТ, Рене (1596—1750) — французский философ-дуалист, материалист в физике, идеалист — в метафизике. Основатель аналитической геометрии — 36.
ДЕМОСФЕН (384—322 до н. э.) — афинский политический деятель и замечательный оратор — 108.
ДИДРО, Дени (1713—1784) — крупнейший французский материалист XVIII в. Организатор и редактор французской „Энциклопедии", в которой ради-

кальная буржуазия формулировала свое мировоззрение накануне французской революции — 157.
ДИОГЕН из Синопа (414—323 до н. э.) — греческий философ-циник — 193, 225.
ДЮАМЕЛЬ ДЮМОНСО, Анри Луи (1700—1782) — известный французский исследователь в области физиологии растений — 289.

ИЗАБЕЛЛА (1451—1504) — королева Кастилии и Леона, покровительствовала экспедиции Колумба — 54.

КАТОН, Марк Порций Старший (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель — 192, 274.
КОБУРГ-ЗААЛЬФЕЛЬД, Фридрих Иосия (1737—1817) — австрийский фельдмаршал — 205.
КОЛУМБ, Христофор (ок. 1446—1506) — мореплаватель, открывший Америку — 50, 51, 53, 54, 188.
КОНДИЛЬЯК, Этьен Бонно (1715—1780) — французский философ. В философии защищал взгляды сенсуализма, близко подводившие его к материализму — 195, 298.
КОНТА (1760—1813) — знаменитая актриса из Comedie française — 167.

ЛАВУАЗЬЕ, Антуан Лоран (1743—1794) — французский ученый, основатель современной химии — 236.
ЛАПЛАС, Пьер Симон (1749—1827) — выдающийся французский математик, астроном и физик. Автор гипотезы о возникновении планетных систем из туманностей — 52.
ЛАФОНТЕН, Жак (1621—1695) — французский поэт и баснописец — 126.
ЛЕБРЕН, Понс Дени (1729—1807) — французский поэт — 164.
ЛЕЙБНИЦ, Готфрид Вильгельм (1646—1716) — крупнейший немецкий философ, предшественник немецкого классического идеализма, знаменитый математик — 33, 53.
ЛЕЙКАН (1729—1778) — известный французский трагик — 251.
ЛИКУРГ (IX в. до н. э.) — спартанский законодатель — 157, 204.
ЛИННЕЙ, Карл (1707—1778) — знаменитый шведский естествоиспытатель — 289.
ЛОКК, Джон (1632—1704) — английский философ, психолог и педагог — 135.
ЛЮДОВИК XIV (1643—1715) — французский король — 256.
ЛЮТЕР, Мартин (1483—1546) — крупный церковный реформатор в Германии — 201.

МАБЛИ, Габриель (1709—1785) — французский аббат, философ-моралист и утопический социалист — 225.
МАГОМЕТ (570—632) — основоположник ислама, почитаемый мусульманами как пророк — 158, 201, 205, 206, 271.
МАЛЕЗЕРБ, министр Людовика XVI — 236.
МАРАТ, Жан Поль (1743—1793) — один из вождей революционной буржуазной демократии в эпоху Французской революции — 205.
МАРИЯ СТЮАРТ (1542—1587) — шотландская и английская королева — 159.
МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ (1717—1780) — австрийская императрица — 159, 160.
МАРК АВРЕЛИЙ (121—180) — римский император. Писатель и философ-стоик — 190.
МИЛЬТИАД (ум. 489 до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель эпохи греко-персидских войн — 247.
МИРАБО, Оноре Лабриель (1749—1791) — виднейший вождь оппозиционного дворянства во время Французской революции — 202.
МОЛЕ (1734—1802) — известный французский актер — 167, 251.
МОЛЬЕР, Жан Батист Покелен (1622—1673) — великий французский драматург — 109, 142, 265, 266.
МОНТЕСКЬЕ, Шарль Луи (1689—1753) — знаменитый политический мыслитель Франции — 36, 273.

НАПОЛЕОН I (1769—1821) — французский император, — 111, 218, 243, 271.

НЕРОН, Клавдий Тиберий Германик (37—68) — римский император, прославившийся своей жестокостью — 259.
НИНОН де ЛАНКЛО (1615—1705) — французская аристократка — 160, 169.
НЬЮТОН, Исаак (1643—1727) — величайший английский математик, астроном и физик — 33, 51, 53, 108, 109, 122, 300, 302.

ПИТТ, Вильям, Младший (1759—1806) — английский премьер-министр — 205.
ПИФАГОР (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель реакционного религиозно-философского союза — 192.
ПЛАТОН (427—348 до н. э.) — греческий философ-идеалист — 46, 225.

РАСИН, Жан (1639—1699) — французский драматург — 105, 163, 164, 289.
РИШЕЛЬЕ, Арман Жан дю Плесси (1585—1642) — французский государственный деятель — 154, 169.
РОБЕСПЬЕР, Максимилиан (1758—1794) — виднейший деятель первой французской буржуазной революции — 155, 195, 251.
РУССО, Жан-Жак (1712—1778) — знаменитый французский философ и писатель — 46, 83, 144, 225, 266, 273, 274.

САККИНИ, Антоний Мария Гаспаро (1735—1786) — итальянский композитор, автор ряда опер — 255.
САНЧЕЦ, Фома (1550—1610) — испанский иезуит, автор труда, в котором регламентируются супружеские отношения — 143.
СЕВИНЬЕ, Мария де Рабютен-Шанталь (1626—1696) — французская писательница, прославившаяся изданием своей переписки с дочерью — 160.
СЕНЕКА, Луций Анней (3 до н. э. — 65) — римский философ-стоик, моралист — 46, 190, 191, 225.
СИЗИФ — легендарный древнегреческий царь, осужденный богами вечно вкатывать в гору камень, который, однако, достигнув вершины, каждый раз скатывался обратно вниз — 271.
СМИТ, Адам (1723—1790) — знаменитый английский экономист, основатель классической школы политической экономии — 237.
СОКРАТ (469 -399 до н. э.) — древнегреческий философ, учитель Платона — 46, 157.

ТИБЕРИЙ, Клавдий Нерон (43 до н. э. — 37) — римский император — 259.

ФЕМИСТОКЛ (ок. 514—449 до н. э.) — афинский государственный деятель эпохи греко-персидских войн — 247.
ФЕРДИНАНД католик (1462—1516) — король Арагонии, Сицилии и Неаполя поддерживал экспедицию Колумба — 54.
ФРАНКЛИН, Вениамин (1706—1790) — североамериканский политический деятель и физик — 163, 164.
ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ (1712—1786) — прусский король — 270, 274.

ЦЕЗАРЬ, Гай Юлий (102—44 до н. э.) — римский полководец и писатель, возглавлял анти-аристократическую партию, диктатор (48—44 гг.) — 107, 108.
ЦИНЦИНАТ, Люций Квинций (V в. до н. э.) — римский диктатор — 193, 225.

ШАЛЬЕ, Мари Жозеф (1747—1793) — председатель коммуны в Лионе — 205.
ШОМЕТ, Пьер Гаспар (1763—1794) — деятель французской буржуазной революции XVIII в. — 236.
ЭБЕРТ, Жак Рене (1757—1794) — журналист, один из деятелей французской буржуазной революции XVIII в. — 236.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Великий социалист-утопист 5

Теория четырех движений и всеобщих судеб

Предисловие 33
Вступительное слово 34
I. Приметы и методы, приведшие к объявленному открытию 35
II. О земледельческой ассоциации 38
III. О притяжении страстей под углом зрения точных наук 43
IV. Заблуждения разума благодаря неточным наукам 45
V. Общее предубеждение цивилизованных 50
VI. План 54

Часть первая

ЭКСПОЗИЦИЯ НЕКОТОРЫХ ВЕТВЕЙ ВСЕОБЩИХ СУДЕБ

Аргумент 57
Об исключении 58

Общие понятия о судьбах

I. Определение и разграничение 59
II. Иерархия четырех движений 60
III. Движение социальное 61
IV. Фазы и периоды социального строя на третьей планете, именуемой Землей 62
V. Несколько замечаний о предшествующем пагубном акте творения применительно к первой фазе и восьмому периоду, который открывает вторую фазу 68
VI. Северный венец 71
VII. Первый период восходящего расстройства (смутные серии). Воспоминание о них в преданиях о земном рае 81
VIII. [Дезорганизация серий] 84
IX. Пять периодов строя разобщенных семейств: 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й 86
X. Резкий контраст между обществом с прогрессивными сериями и обществом с разобщенными семьями 90
XI. Об изучении природы на притяжении страстей 98
XII. Древо страстей и его разветвления, или ступени и градации 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я 101
XIII. О двенадцати страстях, коренных в октаве 106
XIV. Отличительные особенности, последовательность и фазы социальных периодов 110
XV. О бедствиях планет в фазах социальной разобщенности 116
Эпилог о близости социальной метаморфозы 121

Часть вторая

ОПИСАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВЕТВЕЙ ЧАСТНЫХ ИЛИ ДОМАШНИХ СУДЕБ

Аргумент 125
Замечание 126

Первое сообщение

О прогрессивной семье седьмого периода и о скуке для обоих полов в разобщенной семье 127

I. О скуке для мужчин в разобщенных хозяйствах 128
II. Прогрессивное хозяйство, или триба в составе девяти групп . . 133
III. Метод сочетания полов в седьмом периоде, [а не в восьмом] . . 140
IV. Уничижение женщин при цивилизации 144

Коррективы, которые привели бы в шестой период

V. Совершеннолетие для любви 146
VI. Любовные корпорации 152
VII. Порочность существующей системы угнетения любви 156

Второе сообщение

О великолепии комбинированного строя 162

VIII. Блеск наук и искусств 163
IX. Зрелища и странствующее рыцарство 165

Комбинированная гастрономия под углом зрения политическим, материальным и страстей

X. Политика комбинированной гастрономии 168
XI. Материальная часть комбинированной гастрономии 172
XII. Механизм страстей комбинированной гастрономии 178
XIII. Политика использования любви для набора в армии 180
Эпилог о немощи моральной философии 189

Часть третья

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НЕТОЧНЫХ НАУК ВО ВСЕХ ВОПРОСАХ МЕХАНИЗМА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Предисловие. Легкомыслие в области метода 198
Аргумент 199
Первая демонстрация. О франкмасонстве и его еще неведомых свойствах 200
Вторая демонстрация. Об островной монополии и ее доселе неведомых свойствах 207
Интермедия. Система развития цивилизации 219
Третья демонстрация. О свободе торговли, ее известных пороках и неизвестных опасностях
Введение 222
I. Происхождение политической экономии и ученого спора о торговле 224
II. Грабеж общества с помощью банкротства 228
III. Грабеж общества при помощи спекуляции 235
IV. Грабеж общества с помощью ажиотажа 243
V. Грабеж общества торговым паразитизмом 245
VI. Умозаключение о торговле 249
VII. Декаданс строя цивилизации благодаря установлению монополий, ведущих к четвертой фазе 258

Эпилог о социальном хаосе на земном шаре....
Опущенные главы. О движении органическом и сложном контрдвижении .....
Примечание А
О прогрессивных сериях, или сериях производственных групп...
Уведомление цивилизованных относительно грядущей социальной метаморфозы .....
Послесловие, появившееся 10 лет спустя по выходе из печати первого издания.....
Указатель имен.....

Редактор-организатор *З. Сумник*
Тех. редактор *О. Гурова*
Корректор *М. Покровская*
Художник *М. Малкин*

Сдано в набор 17/VIII 1937 г. Подписано в печать 20/XII 1937 г
Формат издания 60×92¹/₁₆. Объем книги 19¹/₂ печ. л. 22,726 уч.-авт. л. Тираж 10000. Огиз № 1982. Зак. № 1723. Уполномоченный Главлита № Б-33375
Серия: Классики философии. Цена книги 5 р. 70 к. Цена переплета 1 р. 75 к

2-я типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.